

Министерство образования России

Министерство путей сообщения России

Российский Союз ректоров

Совет ректоров вузов
Дальневосточного федерального округа

ГОУ ВПО «Дальневосточный
государственный университет
путей сообщения МПС России»

**СОЦИАЛЬНЫЕ
И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ
НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ**

научно-теоретический журнал
издается с января 2004 года
выходит один раз в три месяца

№ 3 (3) 2004

Хабаровск, 2004

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор: Сердюков Ю.М.
Заместитель главного редактора: Спасский Е.Н.
Ответственный секретарь: Туркулец С.Е.
Технический секретарь: Миронова А.С.

Отдел философии и культурологии:

Бляхер Л.Е., Вальковская В.В., Лившиц Р.Л., Ревич И.М.,
Сердюков Ю.М. (редактор отдела), Уханов В.А.

Отдел психологии и педагогики:

секция психологии: Воробьева К.И. (редактор отдела),
Невструева Т.Х., Яссман Л.В.
секция педагогики: Лазарева Л.П. (зав. секцией), Шумейко А.А., Куликова Л.Н.

Отдел социологии, политологии и права:

Максименко С.И., Мерецкий Н.Е., Печерица В.Ф.,
Пишун С.В. (редактор отдела), Смирнов Б.В., Яровенко В.В.

Отдел истории:

Дробница А.В., Дубинина Н.И. (редактор отдела),
Иконникова Т.Я., Песков В.М., Светачев М.И., Чудесов В.В.

Отдел филологии:

Великая Н.И., Лебедько М.Г., Модина Г.И., Прияткина А.Ф.,
Прошина З.Г. (редактор отдела), Серкова Н.И.

НАУЧНЫЕ КОНСУЛЬТАНТЫ

Боголепова Т.Г., Гнеушева Р.Д., Иващенко В.И., Ильичев А.В., Ковальчук М.А.,
Лихобаба Л.В., Нехаев В.И., Пишун В.К., Пупей В.В., Синякин С.В.,
Стародумова Т.А., Филянина И.М.

*Печатается по решению Совета ректоров вузов
Дальневосточного Федерального округа № СР/ДФО-54а от 9 октября 2002 г.*

УЧРЕДИТЕЛЬ

ГОУ ВПО «Дальневосточный государственный университет путей сообщения
Министерства путей сообщения Российской Федерации»
(680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, д.47).
Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
ПИ №77-16283 от 29 августа 2003 г.
E-mail: journal@festu.khv.ru.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

<i>Брейтман А.С.</i> Увидим ли мы небо в алмазах? (опыт культурологической интерпретации двух фильмов «нового» русского и «нового» европейского кино)	4
<i>Дзюба С.В.</i> Парадокс Д.Э. Мак-Таггарта и аналитическая философия времени	8
<i>Емельянов А.М.</i> К феноменологическому изучению настроения	13
<i>Готнога А.В.</i> Симулятивная сущность современной мир-системы	20

ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

<i>Вязникова Л.Ф.</i> Профессиональное «авторство» руководителя образовательного учреждения как многомерное психологическое образование	32
<i>Никитенко В.Н.</i> Стандарты образования и образовательные запросы: концепция согласования	42
<i>Фишбеин М.Х.</i> Любовь к детям – ценностная основа подготовки будущих учителей	45
<i>Кокорина О.Р.</i> Педагогическое содействие адаптации студентов к условиям современного педагогического образования	50
<i>Пасюков П.Н.</i> Тенденции в состоянии здоровья и физической активности учителей гг. Южно-Сахалинска и Хабаровска	55
<i>Семенова Н.В.</i> Отечественная педагогика о соотношении индивидуального и социального в идеалах и целях воспитания личности (80-е гг. XIX в. – 30-е гг. XX в.)	59

СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ, ПРАВО

<i>Чэн Вэй.</i> К вопросу о взаимодействии экономической глобализации и экономической трансформации	65
<i>Томилов В.А.</i> Институциональное (системное) доверие как элемент организации профессиональной деятельности	70
<i>Назаров М.С.</i> Образовательное пространство: методологический аспект	81
<i>Максименко С.И.</i> Дальний Восток в системе обороны Британской империи в 20-е гг. XX в.	84
<i>Гарбар А.В.</i> Правовые проблемы становления и развития в России взаимного страхования	90

ИСТОРИЯ

<i>Тимошенко В.Н.</i> Политика Франции в Тихоокеанском регионе в конце XX века	97
<i>Романова М.И.</i> Парламентская реформа 1832 г. в Англии и её воздействие на эволюцию политической системы страны	105
<i>Шулатов Я.А.</i> Вопрос о назначении помощника военного агента в Японии как отражение российской политики в корейском вопросе после Русско-японской войны	116

ФИЛОЛОГИЯ

<i>Пак С.М.</i> Личные имена как маркеры социально-психологических категорий	124
<i>Романова Г.Р.</i> Литературоведческие концепции В. Набокова: Лекции по зарубежной литературе	130
<i>Горелова О.А.</i> К вопросу о ритмических предпочтениях в «Стихотворениях в прозе» И.С. Тургенева	135
<i>Прияткина А.Ф.</i> Русская пунктуационная система и перспективы ее развития	144
<i>Красовская С.И.</i> Анекдот в творчестве А. Платонова	149

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Защищенные диссертации	157
К сведению авторов	166
Информация о конференции	167
К сведению подписчиков	169

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УВИДИМ ЛИ МЫ НЕБО В АЛМАЗАХ? (ОПЫТ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ДВУХ ФИЛЬМОВ «НОВОГО» РУССКОГО И «НОВОГО» ЕВРОПЕЙСКОГО КИНО)

А.С. Брейтман

Брейтман Александр Семенович – кандидат педагогических наук, доцент кафедры социально-культурного сервиса и туризма Дальневосточного государственного университета путей сообщения.

Статья посвящена осмыслению некоторых актуальных проблем современной культуры. На материале двух выдающихся фильмов последних лет: российского – «Небо в алмазах» В. Пичула (1998) и датского – «Догвилл» Ларса фон Триера (2003) предпринимается попытка рассмотрения ценностного сознания нашего современника. Проведенный анализ позволяет прийти к выводу о том, что такие основополагающие духовные ценности, как свобода и право выбора, личная ответственность за содеянное, способность к любви и самопожертвованию, вера в идеал..., при всем драматизме человеческого существования наследуются и переосмысливаются (каждый раз заново) в произведениях современных художников (в данном случае – кинематографистов).

The article is dedicated to the analysis of some actual problems of modern culture. On the material of two outstanding works of the modern cinema (the Russian film «the Sky in Diamonds», 1998 by V. Pichul and the Danish film «Dogvill» 2003, Lars von Trier) an attempt of consideration of the valuable consciousness of the modern person is taken.

The analysis draws to the conclusion that such basic cultural values as freedom and the right to make a choice, the personal responsibility, the ability to love and self-sacrifice, belief in the ideal, with all the dramatic nature of the human existence are inherited and re-interpreted in the works of modern artists (in this case – cinematographers)*.

Сложившаяся сегодня социокультурная ситуация нередко оценивается (и в серьезных журналах и в СМИ) как окончательная победа индустриальной-постиндустриальной цивилизации над культурой (т. е. материального над духовным, практической пользы над идеалом) и упразднение высших ценностей, представляющих основу и ядро культуры.

Сегодня многие общественные институты, в том числе СМИ, коммерческий кинематограф и литература, нередко работают «на понижение» – усугубление этого разрыва. В целом, современное информационное общество продолжает делать ставку на «максимум самоутверждения», в то время как продвижение к духовному обществу предполагает «оптимум взаимопонимания», диалога и сотворчества. Прагматизм постиндустриального общества, ориентирующий индивида на престижное потребление (и необходимое для этого овладение практическими знаниями и умениями), по сути, превращает его в бездуховного и циничного «пользователя».

Действительно, суперсовременного «пользователя» видеоконピューтерной цивилизации мало интересуют моральные категории типа «добро-зло» – «ему всё равно» (Лефевр). Отсюда, по мнению исследователей¹, – тупики постмодерни-

стского сознания, психологический срыв, попытки подменить реальность игрой, вседозволенным весельем, обрушиванием иерархий... нарастающий ужас бытия. Главная, по Файерабенду, заповедь человека постмодернистской эпохи – «все годится». Но при видимой универсальности постмодернистского сознания, стремящегося вместить («присвоить») все предшествующие культурные эпохи, оно порождает не саму культуру, а игру в целое культуры, в конечном итоге – некую виртуальность или культуру мнимостей и симулякров. Вместе с тем в контексте современного мультикультурализма позитивным итогом постмодернистской деконструкции может стать переоценка (как в свое время – в негилистической философии Ницше) «старых ценностей» и «обветшалых истин». Используя «деконструкцию» (демонтаж смыслового центра и бинарных оппозиций) как своего рода конструкцию (что в классической философии Декарта и Канта – абсолютная бессмыслица), постмодернистское мышление «обживает хаос и бездну, учится мыслить немислимое»².

Как может быть охарактеризовано реальное состояние современного общественного сознания? Нельзя не признать, что в обыденном сознании продолжают доминировать и вседозволенность как следствие «смерти Бога», и неуми-

* Аннотации статей на английском языке публикуются в авторской редакции.

¹ Материалы «круглого стола»//Вопросы философии. 1991. № 3. С. 16–22.

² Якимович А. О лучах просвещения и других световых явлениях: Культурная парадигма авангарда и постмодерна // Иностранная лит. 2003. № 1. С. 53.

рающий соблазн «игры по-крупному», и старое стремление к самоутверждению любой ценой, но в новых формах, с новыми возможностями – без святынь, без всякой ответственности перед чем-либо иным, что производится твоей собственной «машиной желаний». Такие, с позволения сказать, ценности не имеют ничего общего с жизненной необходимостью формирования экологического, ноосферного сознания. Если Бог (или нравственный закон) умер и «всё позволено» в поисках новых развлечений (удовлетворения «машины желаний»), то мы окончательно свернули на путь тоталитарного развращения, ведущий к полной победе «цивилизации» над культурой (здесь термин «цивилизация» использован в шпенглеровско-бердяевской интерпретации как завершающая фаза, объективация, иссякание, остывание культуры, её закат).

Современная культура – переходная. На наших глазах происходит перекодировка языка «старой» книжной культуры на язык «новой» экранной культуры, которая началась с появлением кинематографа (затем ТВ и видео). С развитием компьютерных технологий процесс экранной перекодировки «книжного» языка культуры принял всеобщий характер. Современные мультимедийные технологии объединили все виды визуальных и аудиовизуальных технологий и осуществили, наконец, телеобщение в глобальных масштабах. Сегодня «экран», включая кинематограф, ТВ, видео, виртуальное компьютерное пространство, – значительная, подчас чуть ли не единственная, часть информационной и духовной среды современных молодых людей. В сложившейся социокультурной ситуации начинает осознаваться, что начальное кинообразование есть основа («азбука») для восприятия других экранных искусств и экранного языка в целом. Владение языком современной экранной культуры – необходимое условие превращения «пользователя» в активного субъекта, способного различать искусство и продукцию масскультуры, ориентироваться в гигантском потоке современной медиainформации. В контексте сказанного экран (кино, телевидение, видео, компьютерная анимация) как наиболее активная и востребованная часть современной культуры способен оказать огромное позитивное (а не только, как иногда кажется, негативное) влияние на формирующееся мировоззрение человека третьего тысячелетия.

Как пример философско-художественной рефлексии по поводу метаморфоз культуры двух последних десятилетий рассмотрим два фильма: «Догвиль» (2003) датчанина Ларса фон Триера, признанного лидера европейского кинематогра-

фа, и «Небо в алмазах» (1998) В. Пичула, получившего в 1989 г. международную известность после скандальной (по тем временам) «Маленькой Веры».

Главным упреком обозревателей XXV Московского международного кинофестиваля в адрес «Догвиля» был следующий: Триер взялся за фильм про Америку, в которой никогда не был. (Видимо, о новой ленте одного из ведущих кинорежиссеров современного мирового кино сказать было больше нечего). После просмотра фильма на питерском фестивале-фестивалях подобного рода претензии отпали сами собой. Для картины, снятой в жанре философской притчи (наподобие «Легенды о Великом Инквизиторе» и «Сна смешного человека» Достоевского), место действия – не более чем условность. Затерянный в американской глуши Догвиль – всего-навсего геометрически расчерченная площадка, где с предельным схематизмом обозначены дома горожан, место собраний и проповедей, местная достопримечательность – пещера и др. (В принципе, события фильма могли бы с неменьшим успехом произойти в любой европейской глубинке). Другое дело, что для Триера абстрагированный американский микросоциум есть своего рода модель современного Запада, почти начисто утратившего культурные связи с собственными корнями.

Триер открыто, даже демонстративно «проверяет» («тестирует») на жизнестойкость («на выживаемость») основы самого христианского духа и демократии этих заурядно-типичных представителей индустриально-постиндустриальной цивилизации. Казалось бы, что поначалу жители городка поступают как должно: побуждаемые влюбленным Томом (молодым сыном местного пастора), они в лучших традициях христианского братства и демократизма решают, рискуя благополучием своей размеренной жизни, спасти невесту откуда взявшуюся Грэйс. Но окончательный результат такого «тестирования» – отрицательный: каждая из женщин этого «славного» городка как бы невзначай то ли перекладывает на «спасенную» львиную долю своей «трудовой повинности», то ли срывает на ней обиду за несложившуюся женскую судьбу; а каждый мужчина, одновременно «стыдясь» и находя оправдание своему отнюдь не христианскому поведению, пользуется ее телом. И только влюбленный в нее «идеалист» Том, преодолевая плотские искусы, вынашивает планы их совместного побега. Но именно ему и предназначено совершить главное, иудино, предательство. «Что было, то и будет... и нет ничего нового под

Солнцем», – сказано в книге Экклезиаста. По сути, те же самые (или такие же самые) люди, что 2000 лет тому приговорили к позорной смерти кроткого Христа, «приговорили» и безропотную Грэйс. Итак, христианский эксперимент в Догвиле не удался. По всему видно, что Триер и не испытывал никаких иллюзий на этот счет. Поэтому для финала ему понадобилось «вернуться» к моисееву закону (линия ветхозаветная), требующему не всепрощения, но воздаяния. В момент окончательного грехопадения Догвиля на город обрушивается «кара господня». Правда, с поправкой на современные реалии, роль карающего Яхве в фильме берет на себя отец Грэйс, по совместительству – глава местной мафии. Как и в случае с библейскими Содомом и Гоморрой (сравнение Догвиля с этими библейскими городами, уничтоженными гневом господним, кажется очевидным), все жители Догвиля, включая и грудных детей, безжалостно уничтожаются.

Во вполне реалистичном, с массой бытовых подробностей фильме Триера «Рассекая волны» чудо оказалось возможным благодаря живой вере и способности жертвовать собой ради другого, даже если для этого требовалось переступить то, что принято называть общественной моралью. (В русской литературе, например, таковы «вечные Сонечки и Грушеньки», готовые идти за своими сужеными и на муки, и на погибель). В предельно условном, далеком от того, что называется реализмом, «Догвиле» самые благие намерения пожираются пошлой действительностью, в которой моральный императив (по Канту – голос Бога в душе человека) давно превратился в некие удобные для повседневного пользования правила.

«Догвиль» кажется самым пессимистичным из фильмов Ларса фон Триера – в нем нет никого, кто хотя бы условно мог быть назван «положительным». Ведь и безответная героиня Николь Кидман несет свою часть вины за случившееся. Неизвестно, что более стало искушением для жителей городка: их собственная порочность или не знающая границ «христианская» кротость Грэйс. Имей мы дело со столь нелюбезными сердцу Триера фильмейкерами из Голливуда, финальной точкой, без сомнения, стала бы пуля, выпущенная Грэйс в голову Тома. Блестяще владеющий технологиями зрительского (в том числе и коммерческого) успеха, режиссер в данном случае сознательно разрушает зрелищность, чему способствует и предельная условность происходящего, и обилие диалогов при дефиците действия, и отсутствие эротики как таковой (то, что делают мужчины Догвиля с Грэйс, вряд ли мо-

жет быть названо эротикой или даже сексом). И, наконец, в фильме отсутствует развязка — действие обрывается в кровавой кульминационной точке. Развязка выносится непосредственно в зрительный зал, где сразу после «контрольного» выстрела Грэйс начинают звучать аплодисменты. Как может быть истолкована такая, явно спровоцированная режиссером, реакция зала? Есть все основания предполагать, что выстрел делит зрительный зал, по меньшей мере, на три части:

1-ю – приветствующую аплодисментами «справедливую» расправу и искренне не понимающую, что жители «славного» городка списаны с таких же, как и они, обывателей, и что пули «направлены» не столько в этих условно-экранных персонажей, сколько в них самих;

2-ю – чьи аплодисменты – скорее, психологическая защита от травмирующей идентификации (психологически легче отождествить себя с творящими «правосудие» бандитами, чем с заслужившими суровую кару догвильцами);

3-ю – (не аплодирующую) испытывающую стыд за происходящее и на экране, и в зале.

И если даже в количественно меньшей части публики (а фестивальная аудитория петербургского Дома кино в этом смысле вполне репрезентативна) фильм вызвал стыд и негодование, то Триер, как представляется, сумел осуществить свой замысел. В целом кинолента может быть понята как философская притча современного художника по поводу основополагающих библейских догматов: о личной свободе и ответственности каждого за совершенный им выбор, за последствия этого выбора...

Фильм «Небо в алмазах» не заслужил, как в свое время «Маленькая Вера», должного внимания отечественной кинокритики. И, по-моему, зря. Вероятно, пишущих о кино специалистов смутили осточертевшие всем и ставшие почти обязательными мафиозные разборки, стрельба из всех мыслимых видов стрелкового оружия, горы трупов и проч. Этот «джентльменский набор» смутит кого угодно. Кажется, режиссер осуществил самый экзотичный подбор персонажей русского **pulpfiction**: благородный бандит Антон Чехов (не больше и не меньше), некогда жалкий подкидыш и неистовый графоман в настоящем; сестры-антиподы: Вика, случайно оказавшийся среди людей ангел (тоже подкидыш), осветивший неземным светом жизнь рецидивиста Чехова, и Нина, красавица-«вамп», криминальный босс по совместительству (обе трагично и безнадежно влюбленные в того же писателя-рецидивиста); до боли знакомые «братаны» с пустыми глазами и чужунными затылками и т. д. и т. п.

Постмодернистская цитатность, пародия, тяготеющая к открытой карикатурности (чего стоит один только полковник милиции в блистательном, как всегда, исполнении В. Гафта, приказывающий стрелять в неуловимого Антона Чехова целому вооруженному автоматами отряду милиции в масках, заполнившему практически все посадочные места гигантского стадиона, где «сумасшедшая» Вика осуществляет грандиозную оперу по книге Антона Чехова на деньги влюбленной в него Нины). Между тем весь этот *navorot* – не более чем художественный прием, позволивший режиссеру, хотя бы условно, дистанцироваться от настоящего. Авторская же ирония, и даже *стеб*, вполне объяснимы: в мутном и непроясненном потоке сегодняшних событий поза строгого моралиста навряд ли способна вызвать доверие. Но обозначив эту дистанцию, В. Пичул делает кино о том, что волнует на самом деле – о России. О том, не умерла ли надежда в этом потерявшем опоры мире. Страшно, когда не обделенный талантом молодой человек с именем Антон Чехов оказывается значимым исключительно только в своей бандитской ипостаси, но не нужен никому как писатель (кроме разве одной «сумасшедшей», для которой музыка важнее и денег, и «настоящего мужика»). Печально, если обаяние и ум пронзительной красавицы Нины поглощаются ее «криминальным талантом».

Антон и Нина в известном смысле – образ потерявшей опоры России. Схлынут, как пена, уйдут в небытие криминальные боссы, гротескные милицейские начальники, тупые исполнители воли первых и вторых, безликие и «никакие» президенты (неслучайно роль *такого* президента поручена актеру, снискавшему всенародную славу в роли Шарикова из известного телефильма по булгаковскому «Собачьему сердцу»). А что же останется? Останутся музыка и любовь. Они вечны. Останутся дети как надежда на возможность лучшего будущего (дети, которые, увы, такие же подкидыши, как Вика и Антон).

В смысле символическом – «злая» сестра может исцелиться страшной ценой гибели «добрый». Но истинное «воскрешение» Антона и Нины – не только через искупительную смерть невинного дитя – Вики, но и через собственную «смерть». Казалось бы, Нина гибнет вместе с Викой и сидящим за рулем падающей с обрыва машины личным телохранителем – «ангелом возмездия». Гибнет и Антон, сведя счеты с жизнью, в той же реке. Но оба выживают. В этом «воскрешении» почти буквально повторена последовательность обряда крещения: погружение

в воду с головой символизирует смерть и одновременно очищение от грехов, а выход из воды – воскрешение, но уже другим человеком, готовым к новой и праведной жизни. Спасение и надежда – в детях, брошенных и позабытых всеми. Из них могут вырасти бандиты (как Антон), а могут – порядочные люди. Это будет зависеть от тех, кто поведет их в новую жизнь. Надежда – в том, что их будут «вести» раскаявшиеся грешники Антон и Нина, решившие, что у каждого из подкидышей должны быть и мать, и отец. Идея вполне христианская и для нашей культуры отнюдь не случайная.

И все-таки, какое ко всему этому отношение имеет русский писатель А.П. Чехов? Можно сказать, прямое. Ведь если Нину ценой собственной смерти спасает Вика, то Антона только и мог спасти Чехов: ничего другого хорошего, кроме имени великого писателя, в его жизни и не было. Иначе говоря, спасение – в сохраняющейся, несмотря ни на что, культурной преемственности, без чего «грешнику» никогда не стать «праведником», а произведениям искусства – оставаться не более чем развлечением для их же собственных создателей. Все сказанное позволяет интерпретировать не только название «Небо в алмазах», но и фильм целиком как развернутую метафору из чеховского «Дяди Вани»: «Мы еще увидим небо в алмазах». Надежда, как известно, умирает последней.

Две точки зрения на реалии современности: *откровенно пессимистическая* – Триера и *осторожно оптимистическая* – Пичула. Причём первый – из образцово благополучной Европы, а второй – из отнюдь не благополучной России. И тем не менее сближает обоих авторов непостмодернистская «старомодность» взгляда, позволяющая разглядеть сквозь цивилизационный панцирь неповторимую индивидуальность и ценность любого (в том числе – и «маленького») человека. Именно искусство, вольно или невольно поощряющее в человеке ощущение индивидуальности, отдельности, оказывается если не гарантией, то формой защиты от безудержного прагматизма и нравственного одичания. В этом, «скорее прикладном, чем платоническом» смысле и предлагал И. Бродский понимать слова Ф. Достоевского о том, что «красота спасёт мир».

«Нет, – как утверждал Н. Гоголь, – низкого предмета в природе. В ничтожном художник-создатель также велик, как и в великом; в презренном у него уже нет презренного, ибо сквозит неведомо сквозь него прекрасная душа создавшего, и презренное уже получило свое высокое выражение, ибо протекло сквозь чистилище его души».

ПАРАДОКС Д.Э. МАК-ТАГГАРТА И АНАЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ ВРЕМЕНИ

С.В. Дзюба

Дзюба Сергей Викторович – кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии Амурского государственного университета.

В статье исследуется аргументация Д.Э. Мак-Таггарта против реальности времени. Показывается, что именно эта аргументация стала основой для формирования двух теорий реальности времени в аналитической философии.

In article is analyzed McTaggart's argument against a reality of time. It is shown, what exactly is the argument became a basis for formation of two theories of a reality of time in analytical philosophy.

Хотя после публикации статьи английского философа Д.Э. Мак-Таггарта «Нереальность времени» прошло почти столетие¹, противоречия в способах понимания времени, эксплицированные в ней, продолжают активно дискутироваться в рамках аналитической философии времени².

Приступая к доказательству нереальности времени³, Д.Э. Мак-Таггарт признает, что это утверждение является парадоксальным и противоречит естественной позиции каждого человека. Тем не менее рациональное осмысление проблемы времени приводит именно к такому выводу.

Позиции во времени, считает философ, различаются двумя способами. Первый состоит в разграничении одной позиции от другой с помощью транзитивных и асимметричных отношений «раньше, чем» и «позже, чем». При втором способе каждая позиция во времени объявляется прошлой, настоящей или будущей. Обозначая первый способ различения позиций во времени как *B*-ряд, а второй – как *A*-ряд, Д.Э. Мак-Таггарт подчеркивает, что они не равнозначны: различия первого ряда постоянные, в то время как второго – нет. Если событие *M* раньше события *N*, то оно всегда раньше. Однако настоящее ныне событие было будущим и будет прошлым.

На первый взгляд временные различия *B*-ряда, поскольку они носят постоянный характер, кажутся более объективными и более фун-

даментальными, однако Д.Э. Мак-Таггарт считает такое мнение ошибочным. Время необходимо включает изменение, сущность же изменения адекватно выражается только *A*-рядом, *B*-ряд изменения не выражает. В общем случае изменение состоит в том, что одно событие прекращает быть событием, а другое начинает им быть. Но если время имеет форму *B*-ряда, то изменение оказывается невозможным, поскольку в *B*-ряде событие никогда не может прекратить быть событием. Если событие *N* произошло когда-либо раньше, чем событие *O*, и позже, чем событие *M*, то оно всегда было и всегда будет раньше, чем событие *O*, и позже, чем событие *M*, так как отношения «раньше» и «позже» являются постоянными. Таким образом, событие *N*, находящееся в *B*-ряде, всегда было и всегда будет определенным событием, и оно не может начинать или прекращать быть им. Даже если определить изменение как переход события *M* в событие *N*, сохраняющий некоторое тождество *M* и *N*, мы столкнемся с той же самой трудностью. Хотя *M* и *N* могут иметь общий элемент, но они не являются тем же самым событием, так как в *B*-ряде никакое событие само по себе не может начинать или прекращать быть событием.

Указанной трудности не возникает, если время имеет форму *A*-ряда. Различия *A*-ряда – прошлое, настоящее и будущее – могут изменяться и все же оставлять событие тем же самым. В качестве примера такого события Мак-Таггарт рассматривает смерть королевы Анны. Во всех отношениях, кроме одного, это событие остается тем же самым. А именно: оно начало существовать как будущее событие, потом стало настоящим, а затем – прошлым, и каждый момент оно становится все более и более отдаленным прошлым. Изменчивость прошлого, настоящего и будущего есть, таким образом, не недостаток, а преимущество *A*-ряда, именно это позволяет решить проблему изменения. Д.Э. Мак-Таггарт подчеркивает: «Такие характеристики, как эти,

¹ McTaggart J.E. The Unreality of Time // *Mind: A Quarterly Review of Psychology and Philosophy*, 1908, 17. P. 457–474.

² См., напр.: *The Philosophy of Time. A Collection of Essays*. New York, 1967; *The Philosophy of Time*. Oxford, 1993; *The New Theory of Time*. New Haven, 1994; *Perspectives on Time*. Dordrecht, 1997; *Questions of Time and Tense*. Oxford, 1998; *Time in Modern Intellectual Thought*. Amsterdam and New York, Elsevier, 1999.

³ В процессе анализа используется 33-я глава из книги Д.Э. Мак-Таггарта «*The Nature of Existence*» (Cambridge, 1927), опубликованная под названием «*The Unreality of Time*» в сборнике «*Philosophy of Time*» (Oxford, 1993. P. 23–34). Эта глава является повторным заявлением аргументов Д.Э. Мак-Таггарта, выдвинутых в статье «*The Unreality of Time*» (*Mind*, 1908, 17. P. 457–474).

являются единственными характеристиками, которые могут изменяться. И поэтому, если есть какое-нибудь изменение, оно должно быть найдено в *A*-ряде и только в *A*-ряде. Если нет никакого реального *A*-ряда, то нет никакого реального изменения. Поэтому *B*-ряд сам по себе не достаточен для конституирования времени, так как время предполагает изменение... Также из этого следует, что не может быть никакого *B*-ряда, когда нет *A*-ряда, поскольку без *A*-ряда нет никакого времени»⁴.

Д.Э. Мак-Таггарт рассматривает три возражения против признания *A*-ряда сущностью времени. Согласно первому, которое было высказано Б. Расселом, реальному времени присущи только характеристики *B*-ряда – раньше, одновременно, позже. Характеристики *A*-ряда – прошлое, настоящее и будущее – принадлежат не реальному времени, а сознающему субъекту. Высказывание, что событие *N* является настоящим, предполагает, что оно происходит одновременно с этим утверждением, а высказывание, что оно является прошлым или будущим, означает, что оно состоялось раньше или позже этого утверждения. Таким образом, событие *N* является прошлым, настоящим или будущим только относительно определенного высказывания. Если бы не было никакого сознания, то все события упорядочивались бы отношениями «раньше» и «позже», и ни одно событие не было бы прошлым, настоящим или будущим.

Изменение вещей, согласно Б. Расселу, в логическом отношении выражается изменением истинностных значений высказываний. Для обоснованной критики расселовского определения изменения Д.Э. Мак-Таггарт приводит следующую цитату из 442-го параграфа «Принципов математики»: «Изменение есть различие в отношении истинности или ложности между высказыванием относительно некоторой сущности и времени *T*, и высказыванием относительно той же самой сущности и времени *T'* при условии, что эти суждения отличаются только фактом, что *T* происходит в одно время, где *T'* в другое»⁵. По представлению Б. Рассела, отмечает Д.Э. Мак-Таггарт, изменение имеет место, если высказывание «во время *T* моя кочерга является горячей» истинно, а утверждение «во время *T'* моя кочерга является горячей» ложно. Однако если реальность *A*-ряда отклонена, то никакое высказывание типа «Во время *T* моя кочерга не является

горячей» не может быть истинным, поскольку оно предполагает изменение временных характеристик, а в *B*-ряде такого изменения нет. Если кочерга является горячей в определенный понедельник, и никогда прежде или после, то событие кочерги, являющейся горячей, не изменяется. Постоянное качество кочерги – что она является горячей в этот определенный понедельник и не является горячей ни в какое другое время. Поэтому с точки зрения *B*-ряда ошибочно говорить, что есть какие-либо изменения в кочерге. «Тот факт, что она является горячей в одной позиции ряда и холодной в другой, не может дать изменение, если ни один из этих фактов не изменяется, – а ни один из них не изменяется. И не изменяется любой другой факт, если не изменяются его настоящее, прошлое или будущее»⁶.

Позиции *B*-ряда, размышляет Д.Э. Мак-Таггарт, подобны позициям пространственного ряда. Гринвичский меридиан, например, в каких-то точках находится в пределах Великобритании, а в каких-то нет. Но то, что высказывание «в *S* меридиан Гринвича находится в пределах Великобритании» истинное, а утверждение «в *S'* меридиан Гринвича находится в пределах Великобритании» ложное, не дает нам изменения. Основываясь на этом примере, философ вновь подчеркивает: «Если, как я утверждаю, не может быть никакого изменения, если не изменяются факты, то не может быть никакого изменения без *A*-ряда. Как мы видели, со смертью королевы Анны, а также в случае кочерги, никакой факт не может изменяться, если он не является фактом *A*-ряда. Это имеется безотносительно к другим качествам, это имеется всегда. А то, что является будущим, не всегда будет будущим, и то, что было прошлым, не всегда было прошлым»⁷.

Если некоторые высказывания, размышляет Д.Э. Мак-Таггарт, не являются иногда истинными, а иногда ложными, то не может быть никакого изменения. А это возможно только с утверждениями, которые имеют дело с позициями в *A*-ряде – «сражение при Ватерлоо было в прошлом», «теперь идет дождь». Б. Рассел считает, что такие высказывания не однозначны, и чтобы сделать их определенными, предлагает заменить их теми, которые являются всегда истинными и всегда ложными – «сражение при Ватерлоо было раньше, чем это высказывание», «падение дождя происходит одновременно с этим высказывани-

⁴ McTaggart J.E. *The Unreality of Time // The Philosophy of Time*. Oxford, 1993. P. 26–27.

⁵ Ibid. P. 27.

⁶ Ibid. P. 28.

⁷ Ibid.

ем». Но если он прав, то нет изменяющихся фактов, и тогда нет изменения вообще.

Второе возражение против признания *A*-ряда сущностью времени опирается на особенности временного представления событий в художественной литературе. Приключения Дон Кихота, например, составляют *B*-ряд событий, упорядоченных отношениями «раньше» и «позже». Однако они не являются ни прошлыми, ни настоящими, ни будущими. Таким образом, *A*-ряд не является обязательным для времени. Показывая несостоятельность этого возражения, Д.Э. Мак-Таггарт подчеркивает, что во времени находится только то, что реально существует. Однако ни одно событие из приключений Дон Кихота реально не существует, все они созданы лишь силой воображения Сервантеса. Следовательно, ни одно событие из приключений Дон Кихота не находится во времени. Характер временного ряда эти события приобретают только в том случае, если мы полагаем их реально существовавшими в прошлом, но тогда мы размещаем их в *A*-ряде. «Таким образом, ответ на это возражение состоит в том, что поскольку вещь находится во времени, она находится в *A*-ряде. Если она реальна во времени, она реальна в *A*-ряде. Если полагается существующей во времени, она полагается существующей в *A*-ряде. Если она созерцалась существующей во времени, она созерцалась существующей в *A*-ряде»⁸.

Третье возражение опирается на возможность существования нескольких независимых временных рядов. Если такие ряды действительно существуют, то различия прошлого, настоящего и будущего имеют значение только в пределах каждого ряда. Каждый ряд имеет тогда свое настоящее, и эти «настоящие» не являются ни одновременными, ни последовательными, так как они не находятся в том же самом времени. Следовательно, различные «настоящие» не могут быть реальными. И, таким образом, различные временные ряды должны существовать независимо от различия между прошлым, настоящим и будущим. Возражая против этих аргументов, Мак-Таггарт пишет: «Я не могу, однако, расценивать это возражение как имеющее силу. Без сомнения, в таком случае никакое настоящее не было бы настоящим – оно будет только настоящим некоторого аспекта Вселенной. Но тогда никакое время не было бы временем – оно будет только временем некоторого аспекта Вселен-

ной»⁹. Кроме того, считает философ, «...если бы была любая причина предположить, что имелось несколько отличных *B*-рядов, то не было бы никакой дополнительной трудности в предположении, что должен быть отличный *A*-ряд для каждого *B*-ряда»¹⁰.

Завершив критику возражений, Д.Э. Мак-Таггарт переходит к главной цели – доказательству нереальности времени. Он пишет: «При наличии, как мне кажется, достигнутого цели доказательства, что не может быть никакого времени без *A*-ряда, остается доказать, что *A*-ряд не может существовать, и что поэтому время не может существовать. Это включало бы в себя, что время не является реальным вообще, так как было признано, что существует единственный способ, которым время может быть реальным»¹¹.

На пути признания реальности *A*-ряда, согласно Д.Э. Мак-Таггарту, имеется две трудности. Первая состоит в том, что если что-нибудь должно называться само по себе прошлым, настоящим или будущим, то оно должно находиться в отношении к чему-то вне *A*-ряда. Отношения *A*-ряда являются постоянно изменяющимися отношениями, и, следовательно, внутри самого *A*-ряда ни одна позиция не может быть названа только прошлой, настоящей или будущей. Позиция, например, которая обозначается как прошлая, была настоящей и будущей. Прошрое, настоящее и будущее тогда есть отношения, в которых события должны относиться к чему-то вне временного ряда, сами по себе они не носят абсолютного характера. Внутри самого *A*-ряда прошлое, настоящее и будущее являются простыми и неопределимыми, но не изолированными и независимыми. Значение прошлого, например, определяется значением настоящего или будущего.

Вторая трудность состоит в том, что, с одной стороны, прошлое, настоящее и будущее являются несовместимыми характеристиками *A*-ряда: каждое событие должно быть либо прошлым, либо настоящим, либо будущим, но никакое событие не может быть и прошлым, и настоящим, и будущим. Если событие является прошлым, то оно не может быть ни настоящим, ни будущим, и также с остальными характеристиками. Однако, с другой стороны, каждое событие должно иметь все характеристики *A*-ряда. Если событие *M* является прошлым, то оно было настоящим и бу-

⁸ McTaggart J.E. The Unreality of Time // The Philosophy of Time. Oxford, 1993. P. 29.

⁹ Ibid. P. 30.

¹⁰ Ibid.

¹¹ Ibid. P. 31.

душим; если оно является будущим, то оно будет настоящим и прошлым; если оно является настоящим, то оно было будущим и будет прошлым. Таким образом, все три характеристики принадлежат каждому событию¹².

Может показаться, рассуждает философ, что здесь нет никакого противоречия, поскольку никогда не будет истинным ответ, что событие М есть настоящее, прошлое и будущее. Оно есть настоящее, будет прошлым, и было будущим. Или оно есть прошлое, и было будущим и настоящим, или оно есть будущее, и будет настоящим и прошлым. Эти характеристики несовместимы только тогда, когда они одновременны, и нет никакого противоречия в факте, что каждое событие имеет их все последовательно.

Однако какой смысл имеют глаголы «есть», «было» и «будет», которые позволили преодолеть противоречие – задает вопрос Д.Э. Мак-Таггарт. Эти глаголы, считает философ, имеют следующий естественный смысл: «Когда мы говорим, что X было Y, мы утверждаем, что X это Y в прошедший момент времени. Когда мы говорим, что X будет Y, мы утверждаем, что X это Y в будущий момент времени. Когда мы говорим, что X есть Y (во временном смысле «есть»), мы утверждаем, что X это Y в настоящий момент времени. Таким образом, наше первое высказывание о М – что оно есть настоящее, будет прошлым и было будущим – подразумевает, что М является настоящим в момент настоящего времени, прошлым в некоторый момент будущего времени, и будущим в некоторый момент прошедшего времени»¹³.

Если это так, то на самом деле указанное противоречие оказалось непреодоленным, поскольку каждый момент времени, подобно каждому событию, в свою очередь является прошлым, настоящим и будущим. Если мы попытаемся избежать противоречия, говоря относительно моментов времени то же, что было сказано относительно события М – что некоторый момент есть будущий и будет настоящим и прошлым – тогда «есть» и «будет» имеют то же самое значение, как и в первом случае. Наше высказывание тогда означает, что рассматриваемый момент есть будущий в настоящий момент, и будет настоящим и прошлым в различные мо-

менты будущего времени. Это вызывает ту же самую трудность, и так далее бесконечно. «Такая бесконечность порочна. Приписывание характеристик прошлого настоящего и будущего к элементам любого ряда ведет к противоречию, если не определено, что они имеют их последовательно. Это означает, как мы видели, что они имеют их в отношении элементов, определенных как прошлое, настоящее и будущее. Чтобы избежать противоречия, эти элементы в свою очередь должны быть снова определены как прошлое, настоящее и будущее. И так как это продолжается бесконечно, то первый набор элементов никогда не избавляется от противоречия вообще»¹⁴.

Демонстрация противоречия, характерного для представления времени в форме *A*-ряда, позволяет Д.Э. Мак-Таггарту подойти, наконец, к главной задаче своего исследования – заключению о нереальности времени. «Реальность *A*-ряда в таком случае ведет к противоречию и должна быть отклонена. А так как мы видели, что изменение и время требуют *A*-ряда, то реальность изменения и времени должны быть отклонены»¹⁵.

Если кратко выразить сущность аргументации Д.Э. Мак-Таггарта против реальности времени, то она сведется к следующим основным положениям. Временные позиции могут быть выражены с помощью двух независимых рядов – *A*-ряда (прошлое, настоящее, будущее) и *B*-ряда (раньше, одновременно, позже). *B*-ряд не составляет сущности времени и не может быть реальным, так как он не выражает изменения. Сущность времени выражает *A*-ряд, поскольку только характеристики прошлого, настоящего и будущего могут адекватно выразить процесс изменения. Однако характеристики *A*-ряда противоречивы, и поэтому не могут быть реальными. Следовательно, не может быть реальным и время.

Именно эта аргументация и стала основой формирования двух теорий реального времени в аналитической философии: *A*-теории, утверждающей реальность времени в форме *A*-ряда, и *B*-теории, заявляющей, что реальное время может существовать только в форме *B*-ряда¹⁶.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Ibid. P. 34.

¹⁶ Необходимо отметить, что в дискуссиях о реальности времени в аналитической философии используется различная терминология. Распространенным является противопоставление динамической и статической концепций времени, грамматического (*tense*) и неграмматического (*tenseless*) времени. По терминологии грамматического времени, например, в *A*-теории времени утверждается реальность грамматического времени, а в *B*-теории – его нереальность.

¹² McTaggart J.E. *The Unreality of Time // The Philosophy of Time*. Oxford, 1993. P. 32.

¹³ Ibid. P. 33.

Сторонники *A*-теории времени¹⁷ соглашались с Д.Э. Мак-Таггартом, что время и изменение не могут существовать без *A*-ряда, но отклоняют его аргумент о противоречивости этого ряда. Типичная аргументация *A*-теоретиков сводится к отрицанию того, что для любого времени *t* истинно, что *t* есть прошлое, настоящее и будущее. Истинное утверждение должно состоять в том, что *t* было будущим, есть настоящим, и будет прошлым. Парадокс Мак-Таггарта возникает, когда временные формы глагола «быть» (было, есть, будет) пытаются проанализировать дальше. Если же принять, что эти формы глагола «быть» выражают первичные и далее неразложимые реальные свойства – быть прошлым, быть настоящим и быть будущим (*A*-свойства), то парадокса не будет. *B*-отношения (раньше, одновременно, позже), с точки зрения *A*-теоретиков, должны определяться *A*-свойствами, что в плане аналитического дискурса означает полную редуцируемость *B*-высказываний о мире к *A*-высказываниям.

Сторонники *B*-теории времени¹⁸, наоборот, признавая релевантность парадокса Мак-Таггарта, отрицают аргумент о том, что *B*-ряд не выражает времени и изменения. Они считают, что только *B*-отношения могут быть первичными и ни к чему не сводимыми особенностями реального мира. *A*-свойства находятся в зависимости от *B*-отношений и представляют собой лишь особенности восприятия мира человеком, т. е. существуют только в сознании. В плане аналитического дискурса доказательством этого должна послужить полная редуцируемость *A*-высказываний о мире к *B*-высказываниям.

Дальнейшие исследования *A*- и *B*-теоретиков показали, однако, невозможность полной редукции высказываний в силу различных условий истинности: если *A*-высказывания изменяют свое истинностное значение со временем, то *B*-высказывания являются истинными в любое время. Неудача этой редуционистской програм-

мы привела, с одной стороны, к попыткам создания «гибридной» *A-B*-теории времени¹⁹, а с другой – к смещению центра дискуссий с проблем логики и семантики на проблемы онтологии и референции.

Проблемы онтологии стали предметом активного обсуждения прежде всего для *A*-теоретиков, которые должны были определить онтологический статус *A*-свойств – быть прошлым, настоящим и будущим. В рамках *A*-теории сформировались три основных онтологических концепции²⁰: 1) существует только настоящее, а прошлое и будущее не существуют («презентизм»); 2) существуют прошлое и настоящее, а будущего не существует (теория «открытого будущего»); 3) существуют и прошлое, и настоящее, и будущее («итернализм»). Каждая из этих концепций имеет свои недостатки на уровне онтологии и референции *A*-высказываний, которые отмечаются сторонниками *B*-теории времени. В самой *B*-теории таких проблем с онтологией не возникает, поскольку по этой теории *A*-свойств реально не существует, а существуют лишь *B*-отношения, которые онтологически не тождественны *A*-свойствам: «раньше» онтологически не тождественно «было», «одновременно» – «есть», а «позже» – «будет».

Спор между сторонниками различных теорий времени в рамках аналитической философии не закончен, но его предварительные результаты уже оказали влияние на постановку новых проблем в метафизике, философии языка, философии религии, философии сознания²¹.

¹⁷ См., напр.: Prior A.N. *Papers on Time and Tense*. Oxford, 1968; Gale R. *The Language of Time*. London, 1968; Schlesinger G. *Aspects of Time*. Indianapolis, 1980; Lucas J.R. *The Future*. Oxford, 1989.

¹⁸ См., напр.: Russell B. *On Experience of Time* // *Monist*, 1915, 24. P. 212–233; Oaklander L.N. *Temporal Relations and Temporal Becoming*. Lanham, 1984; Le Poidevin R. *Change, Cause and Contradiction*. New York, 1992; Mellor D.H. *Real Time II*. London and New York, 1998.

¹⁹ Smith Q. *Language and Time*. New York, 1993.

²⁰ См., напр.: Bigelow J. *Presentism and Properties* // *Philosophical Perspectives*, 10, *Metaphysics*. Blackwell, 1996. P. 35–52; Hinchliff M. *Puzzle of Change* // *Philosophical Perspectives*, 10, *Metaphysics*. Blackwell, 1996. P. 119–136; Marcossian N. *A Defense of Presentism*. *Oxford Studies in Metaphysics*. Vol. 1. Oxford, 2003; Sider T. *Presentism and Ontological Commitment* // *Journal of Philosophy* 96 (1999). P. 325–347; Sider T. *Four-Dimensionalism: An Ontology of Persistence and Time*. Oxford, 2001; Tooley M. *Time, Tense and Causation*. Oxford, 1997.

²¹ Обсуждение некоторых из этих проблем содержится, например, в сборнике научных статей *The New Theory of Time*. New Haven, 1994.

К ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОМУ ИЗУЧЕНИЮ НАСТРОЕНИЯ

А.М. Емельянов

Емельянов Андрей Михайлович – ассистент кафедры социально-гуманитарных наук Камчатского государственного педагогического университета.

В статье осуществляется феноменологический анализ настроения как психического феномена, основанный, с одной стороны, на идеях фундаментальной онтологии М. Хайдеггера, и с другой – на некоторых идеях аналитической философии сознания. Автор выделяет сущностные характеристики настроения (простота, тотальность, неинтенциональный характер и фундирующая роль по отношению к интенциональным переживаниям) и намечает дальнейшие перспективы исследования проблемы.

The article is dedicated to the analysis of the mood as a psychical phenomenon. The author's approach is based on the ideas of M. Heidegger's fundamental ontology as well as on the resources of the analytical philosophy of mind. The author points out the essential features of the mood (simplicity, totality, unintentional character, the fundamental role in the intentional life of consciousness) and shows the perspectives of the research of this problem.

Проблема настроения принадлежит к числу практически не изученных в философии. В подавляющем большинстве исследований, посвященных анализу проблем сознания, она вообще обходится стороной. Между тем наличие специфической настроенности характеризует жизнь сознания в каждый момент¹. В настоящей статье автор намерен показать, что настроение является своего рода фундаментальным психическим феноменом, смысловым контекстом всей психической жизни, исходным опытом мира и одновременно – исходным опытом субъективности. Отметим также, что данная статья отнюдь не претендует на статус исчерпывающего анализа настроения. Преследуемая цель более скромна: наметить перспективы феноменологического изучения настроения, дать набросок, который может стать основой для дальнейшего исследования.

Начнем рассмотрение с прояснения главных понятий. Выше был высказан тезис о том, что настроение есть исходный опыт мира, названный так потому, что он является предпосылкой всякого другого опыта, некоторым образом инспирирует, порождает его.

Теперь необходимо сделать ряд комментариев относительно значения самого термина «мир». Это – одно из ключевых понятий феноменологической философии. Э. Гуссерль употребляет его достаточно часто в весьма специфическом, «техническом» значении: «универсум всех вещей», или «совокупность сущего». Даже в поздних работах, в которых вводится понятие жизненного мира (*Lebenswelt*), по сути, имеет место расширение

«универсума всех вещей» за счет введения культурно-исторических реалий и других личностей². При этом мир рассматривается как горизонт, преданный всякому тематизируемому феномену.

Последнее положение нуждается в детализации. Вспомним о том, что переход к феноменологической работе мыслится Гуссерлем как смена установок. Понятию установки при кажущейся простоте достаточно сложно дать адекватное определение. Нас будет прежде всего интересовать понятие естественной установки. Обратимся непосредственно к тексту Гуссерля, а именно – к фрагменту первой книги «Идей к чистой феноменологии и феноменологической философии», представляющему собой «медитацию» на данную тему: «... мир (т. е. мир с точки зрения естественной установки. – А.Е.) для меня – не просто мир вещей, но – в той же самой непосредственности – и мир ценностей, мир благ, практический мир. Без всякого дальнейшего размышления я нахожу вещи снабженными как свойствами вещей, так и ценностными характеристиками – они прекрасны и безобразны, милы и отвратительны и т. п. Непосредственно наличествуют вещи как предметы пользования – вот “стол” с “книгами” на нем, вот “стакан”, вот “ваза”, вот “фортепиано” и т. п. Такие ценности и практические характеристики тоже конститутивно принадлежны “наличным объектам” как таковым – все равно, обращаюсь я к ним как объектам вообще или нет»³. На основании приведен-

¹ На это обращают внимание многие современные философы и психологи. См., например: Серл Дж. Открывая сознание заново. М.: Дом интеллектуальной книги, 2001. С. 130.

² Подробный анализ гуссерлевского учения о «жизненном мире» см. в кн.: Weter R. Der Begriff der Lebenswelt. München: Fink, 1976.

³ Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Кн. 1. М.: Дом интеллектуальной книги. С. 67.

ного описания можно сказать следующее: в естественной установке субъект абсолютно не замечает собственной роли в формировании мира. Именно в этом смысле следует понимать такие ее характеристики, как затерянность, растворенность, поглощенность, анонимность. Обратим внимание: для того, чтобы тематизировать какую-либо вещь (и соответственно наш опыт относительно этой вещи), необходимо, согласно Гуссерлю, посредством сложных методологических процедур вычленив ее из первоначального контекста. Феноменологический анализ психических переживаний – это всегда исследование на уровне отдельных актов. Тем не менее вопрос о том, как возможно иметь вещи до всякой тематизации и как возможна пред-данность мира, не рассматривается вообще.

Обратим внимание еще на один важный момент: целостность всегда рассматривается Гуссерлем как совокупность единичностей. Вопрос о существовании простых, нерасчленимых целостностей им не ставится. Опыт мира всегда является опытом схватывания единичностей и складывания их в единое целое.

Совсем по-другому трактует понятие «мир» М. Хайдеггер. Он обращает внимание на то, что в первичном опыте, предшествующем всякой тематизации, отсутствует отношение к миру как к чему-то противостоящему. Иными словами, первичный опыт непредметен. Гуссерлевская метафора затерянности подвергается уточнению: мы затеряны не в собственных переживаниях, но в мире первичного обращения с вещами. Вещи всегда даны нам как осознанные, в системе смысловых взаимосвязей и взаимоотсылок. В повседневности вещи уже знакомы нам; у нас нет нужды отвечать на вопрос о том, что есть вещь. Прежде чем стать вещью в собственном смысле (*Ding*), всякая вещь выступает сначала в качестве предмета обихода (*Zeug*). Подручность (*Zuhandensein*) вещей всегда предшествует их наличности (*Vorhandensein*), объективной данности⁴. Вещь становится вещью в философском смысле слова, только будучи схваченной в некотором созерцании, что, как уже говорилось выше, предполагает ее вычленение из первоначального контекста. Но опыт вещи в ее «вещности» (*Dinglichkeit*) возможен только в том случае, если нам некоторым образом пред-дан вещный мир.

Итак, мир в понимании Хайдеггера – это

пред-данный смысловой контекст. Соответственно новую интерпретацию получает и термин «феномен». Гуссерль понимает феномен как то, что является очевидным как факт сознания, как нечто, обнаруживаемое сознанием в нем самом. Хайдеггер трактует понятие феномена совершенно иначе: это то, что «кажет себя как бытие и как бытийная структура»⁵.

Теперь, принимая в качестве отправной точки наших размышлений хайдеггеровские определения понятий «мир» и «феномен», попытаемся скорректировать описание опыта естественной установки.

Еще раз повторим: опыт естественной установки – это всегда опыт захваченности. При этом следует вести речь о захваченности не собственными переживаниями, но целым миром. Интересная работа, чтение, прослушивание музыкального произведения, просмотр фильма, дружеское общение захватывают нас целиком и не оставляют равнодушными. В обыденной речи мы постоянно употребляем такие выражения, как «Я весь в ...», «Я поглощен...», «Я погружен в...». При этом феноменологически более корректным представляется говорить о том, что мы находимся посреди мира. Здесь уместно вспомнить о том, что слова «интерес», «заинтересованность», часто употребляемые для описания опыта естественной установки, этимологически восходят к латинскому *inter-esse*, что в буквальном переводе означает «быть посреди». И если мы, к примеру, читаем увлекательный роман, то некоторым образом являемся вовлеченными в его мир, а точнее – в систему смысловых взаимосвязей. Конечно, мы всегда можем переключить внимание на акт восприятия текста, но такое переключение отнюдь не самоцель: оно осуществляется для того, чтобы, например, заняться литературоведческой или переводческой работой, которая способна увлечь и захватить не меньше, чем «просто чтение». При этом рефлексия, при помощи которой мы преодолеваем изначальную растворенность в мире повседневности, не является чем-то «внемирным» или «надмирным», она сама в некотором смысле «укоренена» в мире.

Подчеркнем: повседневный опыт определяется не тем, какие предметы в него входят, а тем, как мы к этим предметам относимся. Главной характеристикой повседневности является ее способность втягивать, засасывать (эти метафоры употребляются как в обыденной речи и худо-

⁴ Подробнее об этом см.: Хайдеггер М. Прологомены к истории понятия времени. Томск: Водолей, 1998. С. 43–44.

⁵ Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Ad Marginem, 1997. С. 63.

жественной литературе, так и в философских текстах), вызывая состояния «растворенности» и «затерянности».

Скорректируем поставленный выше вопрос следующим образом: в каком опыте реализуется первичная захваченность миром?

В «Бытии и времени» Хайдеггер отвечает на этот вопрос так: «Мы должны действительно онтологически принципиально предоставить первичное раскрытие мира «простому настроению»⁶. Это означает: настроение есть такая форма опыта, в которой осуществляется раскрытие мира как значимости. И в самом деле: смена настроения влечет за собой тотальную смену значимости мира. Если мы пребываем в радостном настроении, то и все вокруг кажется нам светлым и радостным; если же в подавленном – все вокруг, наоборот, усугубляет депрессию.

На основании высказанных тезисов уже можно выделить две сущностные характеристики настроения как психического феномена: простоту и тотальность. На эти особенности обращается внимание во всех известных дефинициях настроения⁷. Настроение вмещает в себя мир, целый мир и одновременно охватывает все человеческое существо.

Из двух названных характеристик вытекает еще одна – непредметность. Настроения начисто лишены интенционального характера. Если мы радуемся чему-то, печалимся из-за чего-то, тревожимся за что-то, то соответствующие настроения делают весь мир радостным, печальным, тревожным.

Настроению свойственна еще одна важная особенность – синкретизм. Об этом хорошо писал немецкий философ Отто фон Больнов: «В настроении мир еще не стал предметным, как в более поздних формах сознания, в особенности в познании; настроения живут в неразделимом единстве самости и мира»⁸. Здесь уместно вспомнить и о том, что если интенциональные ментальные состояния могут быть приписаны только живым существам, то настроения в обыденной речи и языке художественной литературы могут быть приписаны даже неживой природе. Как заметил по данному поводу британский

философ Гилберт Райл, «... мы говорим о настроениях в терминах, подобных или же прямо заимствованных из тех, в которых мы говорим о погоде, о погоде мы говорим иногда в терминах, заимствованных из языка, описывающего настроения»⁹. «Погодные» метафоры часто используются для описания настроений в поэтических текстах. Ярким и интересным примером здесь может служить знаменитое стихотворение Поля Верлена «Песня без слов», в котором как раз и описывается ситуация полного совпадения грустного настроения конкретного человека и грустного настроения окружающей природы; эстетический эффект данного стихотворения связан еще и с обыгрыванием лексических и грамматических значений, близких как по звучанию, так и по этимологии глаголов *pleurer* (плакать) и *pleuvoir* (идти – о дожде)¹⁰.

На основании осуществленного рассмотрения констатируем следующее. Настроения делают предметы значимыми-для-нас, нас выводят из безразличия, они оценивают мир: одни – положительно (радость, восторг), другие – отрицательно (страх, депрессия), и в этом смысле можно говорить об их аксиологичности. Наличие специфической настроенности переводит вещи из модуса для-себя-передо-мной-бытия в модус для-меня-бытия, тем самым задавая горизонт их восприятия.

Теперь рассмотрим круг вопросов, связанных с фундирующей функцией настроений. Как возможно, что интенциональные переживания являются укорененными в настроении?

Для этого мы обратимся к описанию феномена страха, осуществляемому Хайдеггером в § 30 «Бытия и времени». В структуре этого феномена выделяются следующие составляющие, которые вполне могут быть соотнесены со структурными элементами интенционального акта по Гуссерлю: 1) «перед-чем» страха, т. е. то, чего страшится страх, некое страшное внутримирное сущее, которое может быть определено как коррелят гуссерлевского *cogitatum*; 2) «устрашенность», имение страха, которое можно рассматривать в качестве коррелята *cogito*; 3) «о чем» страха, т. е. само человеческое *Dasein*, которое в данном слу-

⁶ Хайдеггер М. Бытие и время. С. 163.

⁷ См., например, ст. «Настроение» в БСЭ (т. 17, с. 319–320), в которой приводится следующее определение: «целостная форма жизнеощущения человека, общее состояние его переживаний».

⁸ Bollnow O. *Das Wesen der Stimmungen*. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1969. S. 38.

⁹ Райл Г. Понятие сознания. М.: Дом интеллектуальной книги, 2000, С. 106.

¹⁰ См. публикацию, в которой дается обстоятельный филологический анализ существующих русских переводов данного стихотворения: Вглубь стихотворения. Поль Верлен. Песня без слов//Иностранная лит., 1995, № 9, С. 50–55.

чае может быть рассмотрено как коррелят *ego*. На первый взгляд кажется, что страх описывается здесь в терминах «направленности на» и причисляется к интенциональным психическим феноменам. Но в то же время Хайдеггер высказывает один тезис, который нуждается в дополнительном прояснении: он говорит о «равноисходной разомкнутости» угрожающего и угрожаемого в страхе. Что означает эта метафора? Означает она прежде всего слитность человека и мира в переживании страха.

Дело в том, что страх, согласно Хайдеггеру, является фундированным в ужасе. Ужас (наряду с тоской, скукой и т. п.) относится к числу «основонастроений» или основорасположений *Dasein*. А последние как раз задают способ раскрытия феноменов.

Ужас отличается от страха в первую очередь своей непредметностью. То, чему ужасается ужас, есть Ничто. В ужасе, считает Хайдеггер, человек не боится чего-то конкретного, он боится того, что мир может с ним сделать, и не чувствует себя в мире дома (в оригинале Хайдеггер обращается к выразительным возможностям разговорного немецкого языка и использует сложную игру слов: «ужасающий» по-немецки *unheimlich*, что одновременно может быть переведено как «не чувствующий себя дома»). Что ужасает в ужасе? Ничто. Что есть подлинная самость в своей неизменности? Ничто. В ужасе, равно как и во всех остальных «основонастроениях», «перед чем» и «о чем» совпадают. Ужас есть крайняя форма настроения, которая ставит человека перед Ничто и в то же время перед миром в его мировости. Здесь вполне уместно вспомнить и о том, что переживание ужаса – и это хорошо показано в произведениях литературы, живописи, театра, кино – когда страшное еще не подступило вплотную. Ужас может быть охарактеризован как состояние ожидания страшного. Когда мы находимся в состоянии ужаса, то все вещи «показывают себя» страшными.

Следовательно, феномен страха относится к сфере предметно направленных чувств. Ужас – это настроение, которое его фундирует. Фундирующая роль настроений заключается в том, что они, говоря словами Хайдеггера, «приоткрывают сущее в целом»¹¹, а точнее, вызывают ощущение себя посреди сущего в целом.

¹¹ Хайдеггер М. Бытие и время. С. 20.

Уточним высказанные положения. Согласно Хайдеггеру, всякий интенциональный акт предполагает открытость, внутри которой он совершается. Вещи и другие люди могут встречаться *Dasein* как раз потому, что его бытие является открытым. *Dasein* всегда аффицировано или даже инфицировано миром и раскрывает себя только в этом состоянии. Человек, полагает Хайдеггер, существует как «просвет» (*Lichtung*), как «вот» (*Da*); вещи же не существуют как «вот», но получают существование, входя в «вот» человеческого бытия, становясь частью человеческой экзистенции. Текущая настроенность – это «естественный свет» (*lumen naturale*), в котором вещи раскрываются, показывают себя.

В настроении все прочие психические феномены – восприятие, воление, мышление и т. п. – определенным образом направляются, встают на определенную позицию. Так, например, восприятие начисто лишено свойства тотальности, оно всегда как-то направлено, ориентировано. Тезис о том, что настроение способно направлять перцептивную активность человека, вполне согласуется с данными современных психологических исследований. В современной психологии получили широкое распространение трактовки восприятия как ожидания¹². Восприятие не является отражением вещей в буквальном смысле; человек видит вещи именно так, а не иначе, потому, что является настроенным на такое восприятие. Вполне корректным будет говорить и о том, что оценка предметов перцептивной потребности осуществляется исходя из текущего настроения.

Настроение – это не только исходный опыт мира, но и исходный опыт субъективности. Приходя в сознание (например, просыпаясь утром), человек всякий раз как-то чувствует себя¹³, застаёт себя определенным образом настроенным. Здесь следует сделать ряд оговорок относительно того, в каком значении мы употребляем сам термин «сознание». Мы

¹² О современных исследованиях восприятия см. в кн.: Барбанщикова В. А. Восприятие и событие. СПб.: Алетейя, 2001.

¹³ Вопрос «Как вы себя чувствуете?», который люди столь часто задают друг другу в ситуациях обыденного общения, по сути, означает «Как вы настроены?». В этой связи интересно отметить, что французский интерпретатор «Бытия и времени» Александр Койре переводит хайдеггеровское *Befindlichkeit* (настроенность) при помощи искусственного образования *se portance*, восходящего к глаголу *se porter* (*Comment vous portez-vous?* – как вы себя чувствуете? Как поживаете?).

умышленно отказываемся от традиционной рационалистически-трансценденталистской его трактовки и прибегаем к естественному языку, аккумулятивному в себе многовековой опыт самопознания человека. Обращаясь к обыденным контекстам употребления, американский философ Дж. Серл выводит следующее определение сознания: это «... состояние субъективной осведомленности, которое начинается, когда мы просыпаемся утром, и заканчивается, когда мы снова засыпаем, падаем в обморок и т.п. – короче, теряем сознание»¹⁴.

Конечно, вряд ли можно говорить о том, что настроения осознаются в традиционном смысле этого слова. Скорее, они являются самопонятными в смысле Хайдеггера. Конечно, настроения преходящи и изменчивы, но «то, что настроения могут портиться и меняться, уже говорит о том, что *Dasein* уже всегда как-то настроено»¹⁵.

Настроение – это не что субъективности, а ее как. Находиться в определенном настроении означает быть настроенным на мир и на собственное бытие-в-мире. Говоря словами Хайдеггера, «настроение открывает, как оно и каково бывает человеку»¹⁶.

Безусловно, осуществляемое в рамках настоящей статьи рассмотрение отнюдь не исчерпывает ее предмета. Представляется необходимым наметить дальнейшие направления анализа настроения и показать значение такого исследования для решения актуальных проблем философии и психологии.

Нерешенным остается вопрос о методологии изучения настроений. Так как вся психическая жизнь в буквальном смысле пронизана настроениями, необходимо констатировать: любое настроение может быть тематизировано лишь на фоне другого настроения. Поэтому методология исследования настроений не может не быть основана на обращении к памяти и проведении различия между текущим и прошлым настроениями. Конечно, в таком случае невозможно не прибегать к рефлексии, роль которой нуждается в дополнительном прояснении. Один из перспективных путей был намечен в работах Хайдеггера; он связан с переходом к критическому истолкованию рефлексивных описаний¹⁷.

Разработка адекватной методологии исследования настроений затрудняется по причине практически полного отсутствия средств их понятийной фиксации и дескрипции. Как отмечает современный американский философ Дж. Серл, для большинства существующих настроений отсутствуют названия в языке, и именно в связи с этим обстоятельством факт пронизанности психической жизни настроениями во многих случаях остается незамеченным¹⁸. Возможности адекватного описания настроения при помощи естественного языка являются ограниченными; явное преимущество здесь имеет язык искусства, в первую очередь живописи и музыки.

Отметим также, что естественный язык в некотором смысле сам подталкивает к смешению настроений с чувствами и эмоциями. Этот вопрос был детально проанализирован Гилбертом Райлом¹⁹. Британский философ указывает на то, что такие отличные друг от друга психические феномены, как эмоции, чувства и настроения, описываются в естественном языке при помощи глагола «чувствовать». В различных контекстах этот глагол имеет неодинаковые значения: достаточно сопоставить предложения «я чувствую боль в спине» и «я чувствую себя подавленным». В первом случае слово «чувствую» приближается по значению к слову «переживаю» и может быть заменено им без каких-либо смысловых потерь, тогда как во втором случае такая замена невозможна²⁰.

Не вдаваясь в детальное обсуждение проблемы языковых средств дескрипции настроений, укажем на еще один лингвистический факт: в русском языке для обозначения настроений используются безличные односоставные предложения типа «мне грустно», «мне радостно», «мне скучно» и т. п., тогда как для описания чувств и эмоций используются предложения типа «я радуюсь», «я грущу», «я скучаю» и т. п. Предложения «мне радостно» и «я радуюсь» могут быть противопоставлены друг другу. Употребление безличной формы сказуемого в первом предложении только подчеркивает не предметный, а личностный характер настроения. «Мне радостно» означает: радостью охвачено все мое существо, я весь настроен соответствующим об-

¹⁴ Серл Дж. Открывая сознание заново. С. 40. Перевод уточнен.

¹⁵ Хайдеггер М. Бытие и время. С. 136. Перевод уточнен.

¹⁶ Там же. С. 136.

¹⁷ Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии. СПб:

Высшая религиозно-философская школа, 2001. С. 224.

¹⁸ Серл Дж. Указ. соч. С. 138.

¹⁹ Райл Г. Указ. соч. С. 107 и далее.

²⁰ Там же. С. 107.

разом. Радость, печаль, скука, тревога предметны, тогда как соответствующие настроения делают весь мир радостным, печальным, тревожным. Впрочем, семантика языковых выражений, применяемых для описания настроения, является интересной лингвистической проблемой, все еще ждущей своего исследователя.

Нуждается в анализе и проблема классификации настроений. В «Бытии и времени» Хайдеггер намечает разграничение между фундаментальными и поверхностными настроениями. Однако между этими двумя видами настроений нельзя провести каких-либо четких различий, за исключением различия по временной длительности. Далее: смена фундаментального настроения, по сути, означает радикальное изменение самости. Исследование развития личности в данном ключе представляет собой отдельную сложную тему, которая может быть рассмотрена в рамках не только философского, но и психологического, психиатрического, психоаналитического дискурсов.

Обсуждая вопрос о классификации настроений, необходимо отметить, что кратковременные настроения являются более доступными для анализа. При этом возникает необходимость проведения различия между настроениями этого вида: они могут охватывать, а могут и создаваться. Классификация настроений сильно затрудняется в связи с ограниченностью возможностей понятийного выражения, присущих естественному языку. Интересные замечания по этому поводу высказывает Г. Райл, который отмечает, что слово «настроение» имеет крайне размытое значение и употребляется для обозначения целого комплекса разнообразных психических переживаний, предлагая в этой связи проводить различие между собственно настроениями, возбуждениями и склонностями²¹. Вопрос о типологизации настроений все еще остается открытым.

Анализ настроения выявляет новые, малоизученные аспекты психофизической и психофизиологической проблем.

Настроение обладает нередуцируемым смысловым характером, и его невозможно полностью свести к нейрофизиологии. Редукционистские трактовки настроения до сих пор разделяются многими философами и психологами. Распространение таких интерпретаций во многом связано со сделанными в 50-х гг. XX в. открытиями

в области психофармакологии и психиатрии и созданием антидепрессантных медикаментозных препаратов. Прогресс в области нейрофизиологии и медицины оказал огромное влияние на формировавшееся в ту эпоху мощное материалистическое течение в аналитической философии сознания. Многие философы-аналитики склонны причислять настроение к «низшим» психическим феноменам, полностью сводимым к физиологии. Редукционистские тенденции присутствуют даже у Дж. Серла, не скрывающего своего критического отношения к научному материализму и выделяющего настроение в качестве неотъемлемого элемента всякого сознательного опыта²². Против подобных попыток элиминировать смысловые характеристики настроения могут быть высказаны следующие возражения: 1) факт наличия физиологических механизмов смены настроения, равно как и факт существования антидепрессантных препаратов, не является достаточным основанием для причисления настроений к разряду физиологических феноменов; 2) последние исследования в области медицины показывают, что во многих случаях биологические методы коррекции патологических нарушений настроения обнаруживают явную недостаточность и должны быть дополнены (а иногда и полностью заменены) иными, психотерапевтическими методами лечения, которые как раз направлены на работу со смысловыми аспектами субъективной реальности пациента²³.

В то же время настроения оказывают непосредственное влияние на общесоматическое состояние человека. Медициной получено немало опытных фактов, свидетельствующих о влиянии настроения на характер протекания соматических заболеваний. Известно также, что патологические расстройства настроения могут нередко проявляться лишь на телесном уровне (напри-

²¹ Райл Г. Указ. соч. С. 103–113.

²² Серл Дж. Указ. соч. С. 139. Философ заявляет, что настроение вполне можно описать в терминах биохимии; при этом единственным основанием для такой редукции настроения оказывается существование лекарственных препаратов для ослабления клинической депрессии.

²³ См. ст., посвященную проблеме обновления психиатрии и психотерапии на основе феноменологического метода: Кочюнас Р. Экзистенциальная терапия: исследование способов построения жизни/Независимый психиатрический журнал. 1998. № 3, С. 31–40. См. также ст., опубликованные в сб.: Dasein-анализ в философии и психологии. Минск: БГУ, 2001. Из работ зарубежных авторов см.: Existential Psychology. N.Y. Random House. 1960.

мер, при так называемых соматоформных или маскированных депрессиях).

Безусловно, междисциплинарное изучение настроения будет способствовать получению новых данных о взаимосвязи физиологических и психических процессов.

В этой связи укажем еще на одну крайне сложную и абсолютно не изученную проблему. Обыденный опыт свидетельствует о том, что текущее настроение оказывает самое непосредственное влияние на субъективное восприятие времени. Когда мы пребываем в таких настроениях, как тоска или скука, то время для нас течет медленно. И наоборот: в случае вовлеченности в ситуацию, захваченности ею, время для нас течет быстро. Нам неизвестны работы, в которых эта проблема подвергалась бы философско-психологическому анализу²⁴. Отдельные ее аспекты рассматривались в рамках психопатологических и психиатрических исследований. Так, экспериментально подтверждено, что людям, страдающим патологическими расстройствами настроения, свойственно специфическое восприятие времени. В частности установлено, что при депрессии изменяется течение циркадных ритмов секреции гормонов надпочечников и половых желез, выделение электролитов. Обнаружены так же определенные изменения ритма «сон-бодрствование». Физиологические нарушения приводят к десинхронозу, который может быть представлен как один из факторов развития депрессии, а также многих аффективных расстройств²⁵.

Подводя итог, необходимо отметить следующее. Настроение является одной из форм первичного психического опыта, источником всех интенциональных переживаний и одновременно тем контекстом, в котором осуществляется смыслоспридающая активность сознания.

Тематизации настроения в качестве философской проблемы в течение долгого времени препятствовала ограниченность словаря новейшей европейской философии сознания, восходящей к Декарту. Описывая отношение человека и мира исключительно в гносеологических терминах, рационалистически-трансценденталистская философия проходит мимо того опы-

та, в котором коренится сама возможность субъект-объектного разделения.

Настроенность характеризует жизнь сознания в каждый момент. Человек всегда пребывает в определенном настроении, хотя не всегда отдает себе в этом отчет. Когда мы говорим: «Я настроен на что-либо», это одновременно означает: «Я не настроен на все остальное». Из обыденного опыта мы знаем, что для того, чтобы чемто заниматься, необходимо иметь соответствующее настроение. Собственно, переход к любому «специальному» опыту – научному, философскому, религиозному, художественному и т. п. – так или иначе предполагает трансформацию текущей настроенности.

Иными словами, настроенность является «почвой» любого «специального» опыта, его истоком, и одновременно его горизонтом, задавая его границы, которые, впрочем, не имеют абсолютного характера. Всякое исследование сознания и познания не должно терять связи с первичным опытом, в котором коренится возможность дальнейшей рефлексии и тематизации.

²⁴ О необходимости исследования данной проблемы пишет Дж. Серл. См.: Серл Дж. Указ. соч. С. 130, 231.

²⁵ Подробнее об этом см.: Ткаченко А.А. Карл Ясперс и феноменологический поворот в психиатрии//Логос. 1992. № 3. С. 144.

СИМУЛЯТИВНАЯ СУЩНОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ МИР-СИСТЕМЫ

А.В. Готного

Готного Александр Васильевич – аспирант кафедры философии Комсомольского-на-Амуре государственного педагогического университета.

Проблема познания устройства и функционирования капиталистической системы приобрела еще большую актуальность в связи с нарастающими противоречиями глобализации. В настоящей статье предпринята попытка вскрыть эти противоречия с помощью методологического инструментария мир-системного анализа и постмодернистской концепции симулякра. При этом центральным тезисом работы является утверждение, что современный капитализм имеет симулятивную природу. Это означает, что капиталистическая система основывается на обмене ресурсов на симулякры, т. е. имитации ресурсов. Следовательно, прекращение этого процесса грозит существованию самой системы.

The study of the structure and workings of the capitalist system has recently become even more relevant due to the exacerbation of the contradictions of globalization. This article attempts to disclose these contradictions using methodological tools of the world system analysis and the postmodern concept of a simulacrum. The central tenet of this article is an assertion that the nature of modern capitalism is based on simulation. It means that the capitalist system is based on the exchange of resources for simulacra, i.e. resource simulations. Therefore, if this process ceases, the existence of the system itself will be menaced.

Проблемы современности, имеющие глобальный характер, требуют адекватного методологического подхода к их изучению. В этой связи особую эвристическую ценность в исследованиях социальных процессов приобретает категория «современная мир-система» (СМС) И. Валлерстайна, под которой понимается единая капиталистическая система разделения труда.

Анализ современной мир-системы может осуществляться с помощью различных исследовательских парадигм; одна из них – постмодернистская парадигма, ключевым понятием которой является понятие гиперреальности. Под гиперреальностью, как ее толкует Ж. Бодрийяр¹, понимается совокупность социальных отношений, направленных на формирование и удовлетворение «ложных потребностей». Гиперреальность противостоит социальной реальности. Социальная реальность – это совместная жизнедеятельность людей, направленная на обеспечение их «истинных потребностей», т. е. удовлетворение которых необходимо для полноценного развития человека.

Средства удовлетворения «ложных потребностей» называются симулякрами². Напротив, все, что удовлетворяет «истинные потребности», называется ресурсами. Обмен ресурсов на симулякры есть симуляция.

Попытаемся, опираясь на приведенные категории, исследовать такой сложный социальный феномен, как капитализм. Цель настоящей статьи заключается в анализе природы капиталистического общества с точки зрения того, как в нем протекает симуляция.

Симуляция имеет два измерения: географическое и структурное. Первое измерение выражается дихотомией ядро–периферия, тогда как второе измерение – дихотомией гиперреальность–социальная реальность. Это означает, что симуляция происходит как по географической оси, так и по структурной оси современной мир-системы.

Ядро СМС представляет собой сеть «геометрических центров богатства»³. Геометрический центр богатства есть сгусток социальных отношений, где происходит наибольшее присвоение ресурсов периферии.

В отличие от ядра, гиперреальность СМС – это сеть структурных центров богатства. Структурный центр богатства есть сгусток социальных отношений, где происходит наибольшее присвоение ресурсов социальной реальности.

Когда речь идет о географии богатства, то подразумевается ядро СМС. Напротив, когда проблема касается структуры богатства, то социальный анализ фокусируется на капиталистической гиперреальности СМС. Поэтому если Англия как географическое понятие является ядром СМС, то было бы недопустимым упрощением считать, что все жители Англии вовлечены в капиталистическую гиперреальность или одинаково причастны к структуре богатства.

¹ Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2000. С. 45, 149; Бодрийяр Ж. Америка. СПб.: Владимир Даль, 2000. С. 94.

² См.: Делез Ж. Платон и симулякр // Интенциональность и текстуральность. Философская мысль Франции XX в. Томск, 1998. С. 229–230.

³ См.: Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 3: Время мира. М.: Прогресс, 1992. С. 291–292.

Таким образом, понятие «капитализм» имеет два смысла, из-за чего часто возникают проблемы в определении социального строя изучаемого социального объекта. Капитализм в широком смысле – это СМС. В логической социологии А.А. Зиновьева этой категории соответствует понятие «западнизм»⁴. Капитализм в узком смысле – это капиталистическая гиперреальность. Этой категории в марксизме примерно соответствует понятие «капиталистический способ производства», а в логической социологии А.А. Зиновьева – «капитализм»⁵.

СМС образовалась в результате особого построения пространства хрематистики – многоугольника, вершины которого (Америка, Черная Африка, Азия и Западная Европа) были соединены благодаря морским экспедициям европейцев. В каждой из вершин этого многоугольника создавалась «торговая прибавочная стоимость», которую присваивало ядро СМС – Северо-Атлантическая Европа⁶. Речь идет, и это необходимо подчеркнуть, не просто о мировой торговле, существовавшей задолго до Великих географических открытий, но о новой конфигурации исторической системы.

Западная Европа являлась регионом в мировой торговле, который вел торговлю с остальным миром с дефицитом. Этот дефицит покрывался драгоценными металлами, полученными из руд, добываемых в Германии. В силу этого естественного преимущества Германия была и наиболее технологически развитой европейской территорией. Вероятно, именно поэтому она стала первым очагом протестантского движения. С открытием Америки роль немецкого серебра значительно снизилась, так как его цена была намного выше цены американского. Неудивительно, что в Европе в XVI в. цены выросли в 2,5–4 раза, что послужило поводом для исследователей говорить о «революции цен»⁷.

⁴ См.: Зиновьев А.А. Запад. Феномен западнизма // Зиновьев А.А. Запад. М.: Эксмо, 2003. С. 23–24.

⁵ См.: Там же. С. 125–127.

⁶ См.: Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 2: Игры обмена. М.: Прогресс, 1988. С. 156; Бродель Ф. Указ. соч. Т. 3. С. 450; Хобсбаум Э. Век революции. Европа 1789–1848. Ростов н/Д: Феникс, 1999. С. 31–32.

⁷ См.: История Востока. Т. III. Восток на рубеже средневековья и нового времени. XVI–XVIII вв. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. С. 13; Савельева И.М., Полетаев А.В. История и время. В поисках утраченного. М.: Языки русской культуры, 1997. С. 452.

Еще более внушительный рост наблюдался в Османской империи. Здесь цены повысились в конце XVI в. в 6 раз, тогда как в Индии в XVII в. – на 50 %⁸. В целом в Азию в период с конца XV и до начала XVII в. ежегодно поступало 135 т серебра напрямую из Америки и 150 т серебра через Европу⁹.

Америка, таким образом, стала основным поставщиком драгоценных металлов, количество которых позволяло значительно расширить проникновение европейцев на рынки Индии и Китая. Получаемую в обмен на американский драгоценный металл азиатскую продукцию европейцы доставляли помимо самой Европы в Черную Африку и Америку¹⁰. Черная Африка, будучи также дефицитным регионом, стала источником рабов для колонизируемого Нового Света.

Такая трансконтинентальная посредническая роль европейцев дополнялась торговлей «из Индии в Индию» или «из Азии в Азию»¹¹. (Имеется в виду торговля между Японией и Китаем). «Эта внутриазиатская, «деревенская» торговля являлась маргинальной для Азии, но жизненно важной для Европы, ибо последняя зарабатывала на ней больше, чем на собственных торговых связях с Азией»¹². Дело в том, что Япония представляла собой автаркическую историческую систему, официально разорвавшую связи с Китаем, но поддерживавшую их через третьих лиц. Ими как раз и стали европейцы. К тому же Япония была крупным производителем столь остро необходимого европейцам серебра – единственного товара, который обладал меновой стоимостью в торговых отношениях с Китаем. Его высокая потребительная стоимость в Китае определялась тем, что здесь налоги уплачивались в серебре, а его меновая стоимость по отношению к золоту была в два раза выше, чем в Европе¹³.

Тем не менее в долгосрочной перспективе ресурсы никакой отдельно взятой территории Азии не могли сравниться с ресурсами Америки, обеспечившими окончательный перевес СМС над остальными типами исторических систем.

⁸ См.: История Востока. Т. III. С. 13.

⁹ Там же.

¹⁰ См.: Франк А.Г. Азия проходит полный круг – с Китаем как «Срединным государством» // Цивилизации. Вып. 5: Проблемы глобалистики и глобальной истории / Отв. ред. А.О. Чубарьян; Институт всеобщей истории. М.: Наука, 2002. С. 195.

¹¹ См.: Бродель Ф. Указ. соч. Т. 3. С. 216–218.

¹² Франк А.Г. Указ. соч. С. 195.

¹³ См.: История Востока. Т. III. С. 12–13.

Так, в конце XVIII в. Америка с населением в пять раз меньшим населения Индии доставляла Западной Европе ресурсов в пять раз больше, чем Индия¹⁴. При этом само существование СМС было чистой симуляцией. Ведь европейцы, как утверждает А.Г. Франк, получали ценные азиатские продукты труда за фактически «даровое» американское серебро, добываемое неевропейцами – рабами из Африки¹⁵. Кроме того, из Америки Западная Европа импортировала тропические культуры, которые освобождали европейцев от необходимости заниматься сельским хозяйством в условиях острого дефицита земли¹⁶. Другим источником сельскохозяйственных и природных ресурсов стала Восточная Европа, пережившая в результате превращения в периферию СМС «второе издание» крепостничества¹⁷.

Итак, Западная Европа стала иметь широкий доступ к ресурсам Америки, с помощью которых она «прорубила для себя окно» в Азию. Однако на каком основании можно утверждать, что ресурсы она получала в обмен на симулякры? Иначе говоря, действительно ли агенты СМС осуществляли симуляцию?

Как видно из предыдущего анализа, СМС – это замкнутая цепь обменов. Значит, появление симулякров на одном из участков цепи приводит всю систему в режим симуляции. Данный тезис нуждается в обосновании.

Выше было показано, что открытие Америки произвело революцию ресурсных возможностей для Западной Европы. Но для европейца это было «пустое пространство» в том смысле, что «...на этих чересчур обширных землях нехватка людей была постоянной проблемой»¹⁸. Правда, здесь издревле жили индейцы, но в качестве рабочей силы они не представляли ценности. В глазах европейца индеец не обладал потребительной стоимостью и, таким образом, не мог

быть ресурсом. Поэтому индейцы были обречены на истребление. «Центральная Мексика, – отмечал Ф. Бродель, – имевшая население в двадцать пять миллионов жителей, дошла, как полагают, до остаточного населения в один миллион»¹⁹. Частично дефицит рабочей силы компенсировала сама Западная Европа и, прежде всего, Ирландия. Для этого использовались все средства: от лживой рекламы до похищения и прямого насилия²⁰. «Следовательно, существовало широко распространенное и долго длившееся «рабство» белых»²¹. Это лишний раз доказывает, что только на свободном наемном труде капитализм как социальная система существовать не может.

Белые рабы в сравнении с черными стоили больше и трудились менее производительно²². Источником черных рабов, безусловно, была Черная Африка. К моменту прибытия европейцев здесь не сложилось целостной социально-экономической системы. Эта огромная территория представляла собой конгломерат минисистем. «Минисистема – это объект, содержащий внутри себя полное разделение труда и единые культурные рамки. Такого рода системы можно найти только в очень простых аграрных или охотничье-собираТЕЛЬСКИХ обществах»²³. Вступление африканских минисистем в отношения с СМС привело к парадоксальным явлениям. Европейцы расплачивались за предоставляемые им африканцами товары старым железом и гвоздями или, как выразился И. Валлерстайн, «безделушками», которые африканцы ценили дороже золота²⁴. Очевидно, то, что предлагали европейцы, имело гораздо меньшую стоимость, чем то, что им взамен предоставляли африканцы. «В целом, – резюмирует Ф. Бродель, – то были клиенты и поставщики, которых легко было надуть...»²⁵. Между тем за эти вещи СМС получала человеческие жизни. Сколько стоит человеческая жизнь? Оказывается, столько же сколько гвозди. В результате масштабы работорговли приняли грандиозные размеры. И. Шафаревич утверждает, что работорговля стоила Аф-

¹⁴ См.: Бродель Ф. Указ. соч. Т. 3. С. 434.

¹⁵ См.: Франк А.Г. Указ. соч. С. 200.

¹⁶ Там же.

¹⁷ См.: Франк А.Г. Указ. соч. С. 200; Буровский А.М. Мировая цивилизация: генезис, сущность, перспективы // Цивилизации. Вып. 5: Проблемы глобалистики и глобальной истории / Отв. ред. А.О. Чубарьян; Институт всеобщей истории. М.: Наука, 2002. С. 146; История Европы. Т. 3. От средневековья к новому времени (конец XV – первая половина XVII вв.). М.: Наука, 1993. С. 15–16; Хобсбаум Э. Указ. соч. С. 26.

¹⁸ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 3. С. 402.

¹⁹ Там же. С. 404.

²⁰ Там же. С. 406–407.

²¹ Там же. С. 407.

²² Там же. С. 407–408.

²³ Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб., 2001. С. 24.

²⁴ См.: Бродель Ф. Указ. соч. Т. 3. Время мира. М.: Прогресс, 1992. С. 443; Валлерстайн И. Указ. соч. С. 33.

²⁵ См.: Бродель Ф. Указ. соч. Т. 3. С. 443.

рике 100 миллионов жизней²⁶. Хотя другие расчеты дают меньшие цифры, это ничего не меняет в оценке роли работорговли в принципе. Число рабов, вывезенных из Черной Африки, составило: в XVI в. – 900 тысяч, в XVII в. – 3750 тысяч, в XVIII в. – от 7 до 8 миллионов, в XIX веке – 4 миллиона человек²⁷.

Важность обмена «безделушками» между СМС и экстернальной зоной, в которую и входила Черная Африка, И. Валлерстайн объясняет следующим образом: «Причина, почему он так важен, состоит в том, что при обмене безделушками импортер стремится “сорвать куш”, а не стремится к получению нормальной прибыли. Оба партнера по обмену могут одновременно гнаться за удачей, но лишь один при этом получает максимум прибыли, в то время как обмен прибавочной стоимостью внутри системы – игра с нулевой суммой»²⁸.

Все это было возможно осуществить только потому, что СМС предлагала экстернальным минисистемам симулякры в обмен на ресурсы. Действительно, своим трудом человек может создать практически любую стоимость. В этом смысле он представляет собой самый ценный ресурс. Напротив, «гвозди», «старое железо» и т.п. таковыми не являются. Дело не только в том, что их стоимость нельзя соизмерить с человеческой жизнью, всегда оригинальной в отличие от продуктов труда. Главное заключается в том, что эти вещи на самом деле были бесполезны для тех, кто их приобретал. Они не имели значения ресурсов, так как не удовлетворяли естественные потребности африканцев. Поэтому эти вещи употреблялись не по назначению.

В воображении африканцев европейцы были чуть ли не богами. Их называли «мурделе», т. е. «людьми, вышедшими из моря»²⁹. Поэтому вещи европейцев имели символическое значение, становясь проводниками переживаний. С их помощью наивные африканцы соотносили себя с «мурделе», не становясь от этого не только ими, но и европейцами.

«Никто не станет отрицать, – писал Ф. Бродель, – что вождение сыграло свою роль и что европейцы сознательно его разжигали»³⁰.

Например, португальцы развили в африканцах страстное желание одеваться на европейский манер³¹. Вызывает большие сомнения естественность такой потребности в условиях тропической и экваториальной Африки. Следовательно, эту операцию иначе как обменом ресурсов на симулякры не назовешь. Таким образом, на данном участке цепи СМС возникла симуляция.

Открывшийся широкий доступ к почти даровой рабочей силе позволил присваивать за счет нее ресурсы Америки. Добываемое там серебро, безусловно, имело стоимость, так как на это затрачивался человеческий труд. Однако сам труд был «африканским», т. е. внешним по отношению к ядру СМС, поскольку ресурсы ядра СМС в результате симуляции на него почти не были затрачены. Присваиваемое же европейцами «американское» серебро обменивалось на ресурсы Азии, которые поступали на европейский рынок. Их продажа и составляла прибыль ядра СМС.

Итак, выстраивается следующая цепочка: «европейские» симулякры–«африканский» труд–«американское» серебро–«азиатские» товары–«европейские» симулякры. Если опустить промежуточные звенья и абстрагироваться от географии, то получится следующая схема, которую можно считать универсальной экзистенциальной формулой СМС: симулякры (С) – ресурсы (Р) – симулякры (С). Очевидно, эта схема вызвала бы дисбаланс, так как стоимость «европейских» симулякров гораздо ниже стоимости неевропейских ресурсов. В первую очередь этот дисбаланс должен был возникнуть в том месте, где эта цепь начиналась и заканчивалась, т. е. в Западной Европе как регионе, где прибавочная симулятивная стоимость оседала. Если бы эта прибавочная стоимость не была бы симулятивной, то она бы не вызвала в Европе инфляционную «революцию цен», являющуюся показателем дефицита ресурсов. Например, в Китае – «кладбище драгоценных металлов» – инфляционного скачка цен не произошло как раз потому, что на увеличившееся предложение серебра китайская экономика ответила возросшим производством товаров³². Одновременно в ядре СМС происходила аккумуляция прибавочной симулятивной стоимости в форме капитала. Это значит, что «революция цен» пролетаризировала труд внутренней периферии гео-

²⁶ См.: Шафаревич И. Теория «малого народа» // Психология национальной нетерпимости: Хрестоматия / Сост. Ю.В. Чернявская. Минск: Харвест, 1998. С. 389.

²⁷ См.: Бродель Ф. Указ. соч. Т. 3. С. 451.

²⁸ Валлерстайн И. Указ. соч. С. 33–34.

²⁹ Бродель Ф. Указ. соч. Т. 3. С. 445.

³⁰ Там же. С. 447.

³¹ Там же.

³² См.: Франк А.Г. Указ. соч. С. 199.

графического ядра³³. Таким образом, первоначальный капитал имеет симулятивную природу. Однако он не утратил ее и в дальнейшем.

Дело в том, что симулятивное присвоение ядром ресурсов периферии не устраняло, но усиливало их дефицит в Западной Европе. Именно так можно объяснить растущий там вал пролетаризации труда и эмиграции в Новый Свет. Казалось бы, возникает парадокс: с одной стороны, Западная Европа в результате неэквивалентного обмена с другими географическими пространствами приобретает дополнительные ресурсы; с другой стороны, в Западной Европе растет дефицит. Это противоречие легко снимается, если принять в расчет, что присвоение ресурсов носило частный характер. Действительно, «... процесс накопления капитала требует существования иерархической системы, в которой прибавочная стоимость распределена неравномерно как в пространстве, так и между классами»³⁴. Поэтому в Западной Европе увеличение в целом массы потребительных стоимостей сопровождалось опережающей концентрацией их на верхнем уровне социальной структуры, следовательно, ростом дефицита ресурсов на нижнем уровне социальной структуры. От того, что снова и снова географическое ядро СМС выигрывало в неэквивалентном обмене с периферией, ничего в принципе не менялось. Отсюда закономерна та неутолимая жажда к наживе, граничащая с умопомешательством, которая охватила весь Запад, включая колонизируемую Америку. Поэтому симуляция неизбежно должна была распространиться не только на отношения между ядром и периферией, но и на отношения внутри самого ядра СМС.

Среди симулятивных способов наживы, которые получили широкое распространение в ядре СМС, можно выделить производство подделок, прожектерство и биржевую игру.

Масштаб производства подделок в ядре СМС трудно переоценить. К. Маркс отмечал, что только в современной ему Англии существовало 10–30 способов фальсификации 600 различных товаров, вследствие чего был даже организован специальный комитет по проблеме так называемых софистицированных продуктов³⁵. То же са-

мое происходило в США, причем занимались фальсификацией крупнейшие американские компании. В. Зомбарт писал о деятельности «The American Tobacco Company» следующее: «Известные, излюбленные марки подделывались, и малоценные фабрикатy продавались в фальшивой упаковке»³⁶.

Суть другого симулятивного способа наживы – прожектерства – заключалась в том, чтобы продать какие-либо идеи за определенное вознаграждение. Однако чаще всего эти идеи, как заметил Д. Дефо, были уловками или обманом³⁷. «Эти мнимые изобретения так возбудили фантазию легковых людей, что они, основываясь на одних только призрачных надеждах, составляли общества, выбирали комитеты, назначали чиновников, выписывали акции, устраивали счетные книги, набирали большие капиталы и до такой степени раздували пустое понятие, что многие люди давали себя увлечь, отдавая свои деньги на акции новому пустому месту»³⁸. Предлагали эти идеи люди, называемые прожектерами. Англия XVII столетия просто «кишела» ими³⁹. Но та же самая картина открывается перед глазами наблюдателя в начале XX в. в Париже, когда в грюндерской горячке раскупались акции фабрики по производству дыма. Правда, акционерам внушили, что эта фабрика выпускает средства освещения. «В действительности же в фабрике не двигалась ни одна рука, за исключением кочегаров, которые разводили пар!»⁴⁰.

Что касается биржевой игры, то, как заметил В. Зомбарт, «... она имеет к собственно хозяйственной деятельности столь же малое отношение, как карточная или лотерейная игра»⁴¹. Особо показательна в этом смысле «тюльпанная мания» в Нидерландах в 30-х гг. XVII в. В биржевую торговлю тюльпанами было вовлечено все население страны. Ажиотаж достиг такого уровня, что цветок стал стоить дороже золота⁴². Люди вкладывали в оборот последние имеющиеся у них деньги за проданное почти за бесценок собственное имущество только для того, чтобы присоединиться к всеобщему умопомешательству.

³⁶ Зомбарт В. Буржуа: Этюды по истории духовного развития современного экономического человека // Зомбарт В. Буржуа. М.: Наука, 1994. С. 141.

³⁷ Там же. С. 37–38.

³⁸ Там же. С. 73.

³⁹ Там же. С. 37.

⁴⁰ Там же. С. 130.

⁴¹ Там же. С. 41.

⁴² Там же.

³³ См.: История Европы. Т. 3. С. 14.

³⁴ Валлерстайн И. Указ. соч. С. 214.

³⁵ См.: Маркс К. Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные соч.: В 9 т. Т. 7. М.: Политиздат, 1987. С. 234.

«Страна отдалась обманчивой надежде, что страсть к тюльпанам может продолжаться вечно; и когда узнали, что и за граница охвачена той же горячкой, то поверили, что богатство сконцентрируется у берегов Зюдерзее и что бедность станет сказкой в Голландии»⁴³. При этом часто сами тюльпаны существовали только в воображении участников сделки, поскольку их не видели ни маклеры, ни покупатели, ни продавцы⁴⁴. Внезапно все прекратилось. Вчерашние счастливые обладатели тюльпанов «...недоуменно смотрели теперь на жалкие луковицы, которые лежали перед ними и, не имея сами по себе никакой ценности, не могли быть проданы ни за какую цену»⁴⁵.

Позднее изменилась натуральная форма биржевой игры. На смену тюльпанам пришли акции. Однако «... малейшее размышление во времена повышательного движения показало бы, что цены акций не находятся более ни в какой зависимости от самой даже фантастической прибыли»⁴⁶. Например, акции известного банка Лоу во Франции в 1719 г. достигли невероятного курса, превышающего в сотни раз номинальную цену акции при норме прибыли в полпроцента⁴⁷.

В. Зомбарт объяснял эти события следующим образом: «В подобных процессах мы имеем дело с явным массовым психозом: люди внезапно охватываются лихорадкой, опьянением, страстью, исключающей всякое разумное размышление»⁴⁸. Это – с одной стороны. С другой стороны, как отмечал К. Маркс, «...при всякой спекуляции с акциями каждый знает, что гроза когда-нибудь да грянет, но каждый надеется, что она разразится над головой его ближнего уже после того, как ему самому удастся собрать золотой дождь и укрыть его в безопасном месте»⁴⁹. Применительно к современным финансовым аферам марксистская точка зрения представляется убедительной⁵⁰.

«Мыльных пузырей» или «воздушных предприятий», наподобие банка Лоу, в XVIII столетии в одной только Англии насчитывалось еже-

годно более двух сотен⁵¹. «Мыльный пузырь» – это такая форма предприятия, которая «...лишь на несколько процентов, а может быть только на долю процента, обеспечена какой-то реально действующей экономикой»⁵². М. Вебер считал, что подобные способы наживы характерны для «авантюристического», а не «современного» капитализма⁵³. Капитализм современного типа, по М. Веберу, рационален, а первоначальный капитализм иррационален. По сути, проблема капитализма сводится им к различению «хорошего» и «плохого» капитализма. В этом заключается главное методологическое расхождение в понимании капитализма между М. Вебером, с одной стороны, и К. Марксом и В. Зомбартом, с другой. Последние использовали при изучении капитализма историко-системный, а не типологический подход⁵⁴.

Миросистемный анализ позволяет выявить несостоятельность позиции М. Вебера и его последователей⁵⁵. Дело в том, что так называемый современный капитализм с его, как утверждал М. Вебер, особым рационально-продуктивным «этосом»⁵⁶, не может существовать без «авантюристического», носящего «иррационально-спекулятивный характер» и «ориентированного на насилие», т. е. непродуктивного капитализма⁵⁷. Это две стороны одной медали. Нет «хорошего» капитализма в отдельности от «плохого». Капитализм есть единая историческая система разделения труда, основывающаяся на бесконечном накоплении капитала⁵⁸. Раз так, то он должен включать в себя все способы получения прибыли, а сам капиталистический способ производства вовсе не ограничивается наличием двух факторов: свободного труда и свободного обращения земли. «Скорее, – пишет И. Валлерстайн, – это способ производства, который *сочетает* труд пролетариев и вовлеченную в коммерческий оборот землю с другими

⁴³ Зомбарт В. Указ. соч. С. 42.

⁴⁴ Там же. С. 41–42.

⁴⁵ Там же. С. 42.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же. С. 43.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Маркс К. Указ. соч. С. 251–252.

⁵⁰ См.: Грачев Г.В., Мельник И.К. Манипулирование личностью. М.: Эксмо, 2003. С. 266–269.

⁵¹ См.: Зомбарт В. Указ. соч. С. 74–75.

⁵² Шафаревич И.Р. Духовные основы российского кризиса XX века. Издание Сретенского монастыря, 2001. С. 102.

⁵³ См.: Давыдов Ю.Н. Веберовская социология капитализма // Социс. 1994. № 8–9. С. 187, 190.

⁵⁴ См.: Давыдов Ю.Н. Указ. соч. С. 192; Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М.: Наука, 2003. С. 173–180, 190–205.

⁵⁵ См.: Суперфин Л. Религия в индустриальном и постиндустриальном мире (Тенденции западного опыта) // Вопросы экономики. 1993. № 8. С. 34; Фроянов И.Я. Погружение в бездну. М.: Эксмо, 2002. С. 560–561.

⁵⁶ См.: Давыдов Ю.Н. Указ. соч. С. 192.

⁵⁷ Там же. С. 190.

⁵⁸ См.: Валлерстайн И. Указ. соч. С. 96, 112.

формами оплаты труда и собственности на землю»⁵⁹. Такое же понимание данной проблемы можно найти у Ф. Броделя: «На самом деле эти способы производства сцеплены друг с другом. Самые передовые зависят от самых отсталых, и наоборот: развитие – это другая сторона слабо-развитости»⁶⁰. Если же М. Вебер мог наблюдать в Западной Европе расширение «современной» формы капитализма с ее рациональной организацией свободного труда⁶¹, то только потому, что «традиционалистские» формы капитализма создавались в области периферии СМС. Например, «...рабство, которое Европа заново изобрела для колониальной Америки, исчезло в США только в 1865 г., а в Бразилии – в 1888 г., т. е. вчера»⁶². К этому стоит добавить уже упоминавшееся «второе издание» крепостничества в Восточной и попытнное движение в феодализм в Центральной и Южной частях Европы⁶³. «Образно говоря, – пишет С.Г. Кара-Мурза, – капитализм не может существовать без более или менее крупной буферной «архаической» части, соками которой он питается»⁶⁴. В этой связи автор использует удачную метафору, определяя капитализм как «систему-кентавр»⁶⁵.

Однако не стоит преувеличивать значение «современного» капитализма и в самом ядре. Так, М. Вебер был убежден в том, что показатель рациональной организации труда – это появление ценных бумаг и биржи⁶⁶. В то же время он утверждал, что «...еврейский капитализм был спекулятивным капитализмом париев», тем и отличающийся от «современного» или «пуританского» капитализма с его «буржуазной организацией трудовой деятельности»⁶⁷. Между тем известно, какую роль сыграли именно евреи в создании первых бирж в Западной Европе⁶⁸. Насколько «рационально» была там организована «трудовая» деятельность, было показано выше. К

этому необходимо добавить, что «рационализм – это рассудочное отношение к жизни, естественный порядок, при котором разум – основа познания и поведения людей»⁶⁹. А как писал Иоганн-Георг Бюш, биржевые операции – «это дела не для благоразумного человека, но для одержимого игрой»⁷⁰.

Таким образом, спекуляция является атрибутом капитализма. Однако проявление этого свойства исторически и географически неравномерно. Можно констатировать, что существует историческая тенденция роста спекулятивного капитала. Спекуляция – это предельно сжатая во времени симуляция. Следовательно, увеличение масштаба спекуляции при прочих равных условиях прямо пропорционально возрастанию технических возможностей ее участников. Прочие равные условия – это неизменные императивы СМС, т. е. те принципы непрерывного накопления капитала, на которых эта система основывается. Пока существует СМС, требования остаются прежними. Начало XXI в. есть продолжение истории СМС, а значит история выполнения тех требований, которые предъявляет социальным участникам социального действия данная историческая система. Однако их технические возможности, безусловно, возросли, можно сказать, в геометрической прогрессии. В результате исследователи отмечают колоссальное разбухание так называемого фиктивного финансового капитала или «гиперреализованного фантома»⁷¹. А.В. Бузгалин пишет: «Обобщая эти процессы, мы можем сказать: в мире образовался и растет превратный (фиктивный) сектор – сфера, где не создаются ни утилитарные материальные, ни культурные ценности, где преимущественно производятся и воспроизводятся фиктивные блага, предназначение которых – обслуживание трансакций, трансформаций одних превращенных форм в другие»⁷². По мнению Л. Мясниковой, «постмодернистская экономика Запада» развивается именно в сфере спекуляций, которая образует оторванный от материально-производственной сферы «виртуальный капитализм постмодерна», представляющий собой не что иное,

⁵⁹ Валлерстайн И. Указ. соч. С. 73.

⁶⁰ Бродель Ф. Указ. соч. Т. 3. С. 65.

⁶¹ См.: Давыдов Ю.Н. Указ. соч. С. 168.

⁶² Бродель Ф. Указ. соч. Т. 3. С. 56.

⁶³ См.: Валлерстайн И. Указ. соч. С. 36–38; История Европы. Т. 4. Европа нового времени (XVII–XVIII). М.: Наука, 1994. С. 95–96; Хобсбаум Э. Указ. соч. С. 23–27.

⁶⁴ Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. Книга первая. От начала до Великой Победы. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. С. 34–35.

⁶⁵ Там же. С. 53.

⁶⁶ См.: Давыдов Ю.Н. Указ. соч. С. 168.

⁶⁷ Там же. С. 175.

⁶⁸ См.: Бродель Ф. Указ. соч. Т. №. С. 186; Зомбарт В. Указ. соч. С. 44, 272; Форд Г. Международное иудейство. Краснодар: Пересвет, 2001. Кн. 1. С. 19.

⁶⁹ Кульпин Э.С. Восток (Человек и природа на Дальнем Востоке). М.: Московский лицей, 1998. С. 220.

⁷⁰ Цит. по: Бродель Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 458.

⁷¹ См.: Бузгалин А.В. «Постиндустриальное общество» – тупиковая ветвь социального развития? // Вопросы философии. 2002. № 5. С. 30.

⁷² Там же.

как «гигантскую биржу»⁷³. По словам А.А. Зиновьева, «символическая экономика» Запада, оторванная от «реальной экономики», в 40 раз превосходит последнюю по масштабам оборотов⁷⁴. По другим данным, это соотношение составляет шестьдесят к одному⁷⁵. «С помощью спекулятивных операций в мире «фиктивных» денег, – пишет С.Г. Кара-Мурза, – в считанные часы погружаются в тяжелейший финансовый кризис страны масштаба Мексики или Индонезии – вне всякой связи с ее реальным экономическим и политическим положением. Истоки – развод между словом и вещью, меновой и потребительной стоимостью»⁷⁶. Не удивительно поэтому, что Ж. Бодрийяр говорит о торжестве «структурного закона ценности», пришедшего на смену «рыночному закону стоимости», и тем самым якобы поставившего под вопрос трудовую теорию стоимости⁷⁷. «Эта революция состоит в том, что два аспекта стоимости, казавшиеся навек связанными между собой естественным законом, оказываются разобщены, референциальная стоимость уничтожается, уступая место чисто структурной игре ценности. Структурное измерение обретает автономию с исключением референциального измерения, строится на его смерти»⁷⁸. Все это опять же опровергает слова М. Вебера о том, что «...отдельные – лишь отдельные – черты крупной международной торговли в наши дни, как, впрочем, и в прошлом веке, также родственны авантюристическому капиталу»⁷⁹.

Вместе с тем Ж. Бодрийяр заблуждается, утверждая, что сначала капитализм функционировал в соответствии с «рыночным законом стоимости», а затем – в соответствии со «структурным законом ценности». Еще О. Шпенглер обратил внимание на то обстоятельство, что капитализм «фаустовского» стиля основывается на динамических относительных деньгах⁸⁰. Под деньгами он понимал некую «категорию мышле-

ния»⁸¹. Это значит, что деньги искусственно порождаются определенным типом мышления, превращающем мысли в факты⁸². «Кто владеет этим мышлением – тот мастер делать деньги»⁸³. Например, «...если организатор большого стиля пишет на бумаге: “миллион”, – этот миллион уже имеется, ибо сама личность этого человека в качестве экономического центра служит ручательством соответствующего повышения экономической энергии его области»⁸⁴. Биржа как раз является центральным «мыслительным органом» организаторов капитализма, где и решаются судьбы мира⁸⁵. Однако О. Шпенглер уточняет, что это относится к «мировой экономике». «Мировая экономика – это сделавшаяся фактом экономика в абстрактных, полностью абстрагированных от почвы текучих стоимостях»⁸⁶. Другими словами, так называемая мировая экономика есть капиталистическая гиперреальность. Ее центры – биржи – как раз и создают ее контекст, или структуру. Таким искусственным образом начинает функционировать «структурный закон ценности», оторванный от всякой социальной реальности.

Напротив, так называемый рыночный закон стоимости есть закон трудовой стоимости, который является не законом капитализма, а законом социальной реальности. Суть его заключается в том, что субстанция стоимости – общественно-полезный труд. Поскольку труд является атрибутом социальной реальности, то с исчезновением труда исчезает и сама социальная реальность. В таком случае вместо социальной реальности появляется гиперреальность. Капитализм – как раз одна из форм гиперреальности. Однако ни одна из форм гиперреальности не может существовать без социальной реальности, являющейся источником ресурсов для первой. Следовательно, нельзя полностью вытеснить труд, а значит невозможно отменить действие трудового закона стоимости. Этот социальный закон трансторичен. Поэтому не правы как Ч.Р. Миллс, утверждая, что не существует трансторических законов, так и С.Г. Кара-Мурза, вообще отвергающий категорию социальных законов⁸⁷. Во всяком

⁷³ См.: Мясникова Л. «Новая экономика» – вызов постмодерна // Свободная мысль. 2001. № 4. С. 24.

⁷⁴ См.: Зиновьев А.А. Указ. соч. С. 117.

⁷⁵ См.: Социально-экономическая эффективность: опыт США. Ориентир на глобализацию / Э.В. Кириченко, Г.К. Никольская, Е.А. Лебедева и др.; Отв. ред. Э.В. Кириченко. М.: Наука, 2002. С. 90.

⁷⁶ Кара-Мурза С.Г. Идеология и мать ее наука. М., 2002. С. 159.

⁷⁷ См.: Бодрийяр Ж. Указ. соч. С. 51–52.

⁷⁸ Там же. С. 52.

⁷⁹ Цит. по: Давыдов Ю.Н. Указ. соч. С. 190.

⁸⁰ См.: Шпенглер О. Закат Европы: В 2 т. Т. 2. М.: Айрис-пресс, 2003. С. 509.

⁸¹ Там же. С. 515–516.

⁸² Там же. С. 528.

⁸³ Там же. С. 518.

⁸⁴ Там же. С. 528.

⁸⁵ Там же. С. 518.

⁸⁶ Там же. С. 519.

⁸⁷ См.: Миллс Ч.Р. Социологическое воображение. М., 1998. С. 172; Кара-Мурза С.Г. Истмат и проблема восток-запад. М., 2002. С. 147.

случае одним из таких социальных законов является закон трудовой стоимости.

Нигилистическая позиция, которую С.Г. Кара-Мурза занял по отношению к проблеме социальных законов, подтолкнула его к тому, чтобы принять парадоксальную точку зрения по вопросу о законе трудовой стоимости. Ссылаясь на «здравый смысл», он обвиняет К. Маркса в том, что тот видел природу стоимости товаров не в их вещественном характере, т. е. потребительной стоимости, а в общественной форме труда. Тем самым политэкономия К. Маркса «отрицала несоизмеримость продуктов хозяйственной деятельности», якобы способствуя наглядному сейчас колоссальному росту «фиктивного» сектора⁸⁸. «Фетишем оказывается именно реальность, а реальностью – сверхчувственная меновая стоимость»⁸⁹.

Позиция автора не может не вызвать возражения. Уместно вспомнить, что меновая стоимость – это всего лишь форма стоимости. Поскольку природа стоимости заключается в природе общественно-полезного труда, то и меновая стоимость имеет ту же самую природу. Возможно, для человека, не отягощенного трудом, сам труд и кажется чем-то «сверхчувственным», равным образом как и для человека, не чувствующего от перегрузки и переутомления ни рук, ни ног, ни головы. Но для нормального человека это показалось бы странным. Именно с позиции нормальных людей и рассуждал К. Маркс. Следовательно, он старался подойти к проблеме стоимости объективно, а вовсе не превращал стоимость в фетиш. Напротив, по-видимому, С.Г. Кара-Мурза склоняется к субъективизму, противореча не только К. Марксу, но и Ж. Бодрийяру, полагающему, что «структурный закон ценности» есть нарушение закона стоимости, который проповедовал великий классик. Таким образом, взгляды первого, как ни парадоксально, больше соответствуют основным положениям политэкономической школы маржинализма, представителями которой являются такие мыслители, как К. Менгер, Л. Визер, Е. Бем-Баверк, Л. Мизес и Ф. Хайек⁹⁰. Схожей точки зрения придерживался и Б. Рассел⁹¹. Корнями маржинализм уходит в философское наследие Аристотеля. Поскольку

различные вещи обмениваются друг на друга, размышлял древнегреческий философ, то они должны иметь что-то общее, что и позволяет их как-то приравнять и, следовательно, произвести обмен. Таким общим знаменателем является человеческая потребность, «...ибо, не будь у людей ни в чем нужды или нуждайся они по-разному, тогда либо не будет обмена, либо он будет не таким, [т. е. несправедливым]...»⁹². Коротко суть теории маржинализма можно выразить словами Е. Бем-Баверка: «...ценность блага определяется величиной его предельной полезности»⁹³. Величина предельной полезности варьирует в зависимости от соотношения потребности и ее удовлетворения, т. е. в конечном счете – от соотношения полезности и редкости блага⁹⁴. Однако никаких объективных критериев для установления такого соотношения не существует: есть только «мнение» социальных акторов⁹⁵. На несостоятельность этой теории указал крупный отечественный экономист К.К. Вальтух, назвав ее умозрительной гипотезой, опирающейся не на факты, а на «здравый смысл», под которым скрывается идеологическая предвзятость авторов по отношению к закону трудовой стоимости, так как в наиболее развернутом виде его представил К. Маркс⁹⁶. По словам Г. Корацциари, переход политэкономии в вопросе определения стоимости от принципа труда к принципу полезности закономерно связан с необходимостью ухода от проблемы эксплуатации труда при капиталистическом способе производства⁹⁷. К этому следует добавить, что К. Маркс только представил закон стоимости в развернутом виде, но не он его открыватель. Предшественниками К. Маркса были Д. Рикардо, Дж. Локк и, наконец, Ф. Аквинский, из-за чего К. Маркс заслужил репутацию «последнего схоласта»⁹⁸.

Однако действию социального закона трудовой стоимости, как и любому другому, можно воспротивиться⁹⁹. Но для того чтобы вместо него

⁸⁸ См.: Кара-Мурза С.Г. Идеология и мать ее наука. С. 156–166; Кара-Мурза С.Г. Истмат и проблема Восток-Запад. С. 202–211.

⁸⁹ Кара-Мурза С.Г. Идеология и мать ее наука. С. 161.

⁹⁰ См.: Бункина М.К., Семенов В.А. Экономика и психология. На перекрестке наук. М.: Дело и Сервис, 1998. С. 48–57.

⁹¹ См.: Рассел Б. История западной философии и ее связи с политическими и социальными условиями от античности до наших дней: В 3 кн. М.: Академический Проект, 2000. С. 583.

⁹² Аристотель. Этика. М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. С. 142.

⁹³ Бем-Баверк Е. Теория ценности // Бункина М.К., Семенов В.А. Указ. соч. С. 85.

⁹⁴ Там же. С. 93–94.

⁹⁵ См.: Кара-Мурза С.Г. Идеология и мать ее наука. С. 150.

⁹⁶ См.: Вальтух К.К. Динамика относительных цен. Теория. Статистические исследования. Новосибирск: Наука, 2002. С. 117, 248–249.

⁹⁷ См.: Корацциари Г. Этика и экономика: вопрос открыт // Вопросы экономики. 1993. № 8. С. 24.

⁹⁸ См.: Рассел Б. Указ. соч. С. 583.

⁹⁹ См.: Зиновьев А.А. На пути к сверхобществу. М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2000. С. 75–76.

заработал «структурный закон ценности», одной способности мыслить деньгами мало. Необходимо дополнительно создать искусственный механизм поддержки. Этот механизм должен руководствоваться следующим правилом: «В реальности то направление, куда тянут общество объективные социологические законы, *никогда* не может нас полностью устроить, и в наших силах добиться того, чтобы общество пошло в направлении, более близком к желательному для нас»¹⁰⁰. Таким искусственным механизмом поддержки является политико-идеологическая гиперреальность, основные составляющие которой – национальные государства с институтами политической власти и идеологией. Национальные государства воздействуют на социальные отношения политическими (или силовыми) и идеологическими методами. Вместе взятые эти методы осуществляют власть денег. Благодаря идеологическому воздействию деньгам придается самостоятельное онтологическое значение. Возникает денежный фетишизм. По словам А.А. Зиновьева, «его до известной степени культивируют специально, ибо это – средство манипулирования людьми»¹⁰¹.

Любопытно, что С.Г. Кара-Мурза, вопреки собственной критике закона трудовой стоимости, пишет следующее: «Этот закон просто “выключен” действием вполне реальных, осязаемых механизмов – от масс-культуры до американского авианосца “Индепенденс”. Выключен этот закон уже четыре века, и в обозримом будущем уповать на то, что он начнет действовать, не приходится»¹⁰². Хрематистика как раз есть проявление его нарушения. То, что Л. Мясникова называет «постмодернистской экономикой Запада», на самом деле не является экономикой, а является хрематистикой СМС, возникшей не сегодня, а около пяти столетий назад. Достаточно вспомнить, что Западная Европа обязана своему материальному возвышению благодаря присвоению «торговой прибавочной стоимости», получаемой европейцами в каждой из вершин организованного ими многоугольника мировой торговли. Какова же природа этой «торговой прибавочной стоимости»? Помимо откровенных подделок и насилия европейцы пользовались в торговых операциях своим информационным превосход-

ством, поскольку раскинутая ими торговая сеть охватывала почти весь мир¹⁰³. «Информация, – как определял ее Н. Винер, – это обозначение содержания, полученного из внешнего мира в процессе нашего приспособления к нему и приспособления к нему наших чувств»¹⁰⁴. Она является мерой организации, тогда как энтропия – мерой дезорганизации¹⁰⁵. Хотя американский ученый и считал, что информация и энтропия не пригодны для того, чтобы быть товарами, история капитализма как раз убеждает в обратном. Европейцы по отношению к туземцам вели себя как агенты закрытой системы против представителей открытых систем. Получая от последних информацию, они замыкали ее в себе. Взамен они отдавали энтропию, накопленную в их закрытой системе, в форме «торговой прибавочной стоимости». Таким образом, они дезорганизовывали остальной мир, поддерживая относительный порядок в ядре СМС. Но поскольку в любой закрытой системе наблюдается рост энтропии, тем более такой, которая состоит из множества разрозненно и хаотично двигающихся социальных атомов, то европейцы снова и снова были вынуждены вступать в неэквивалентные отношения с туземцами. Следовательно, тогда и стал обретать силу «структурный закон ценности».

Многолетние статистические исследования динамики цен в капиталистических странах, проводимые К.К. Вальтухом, убедили его в необходимости расширить трудовую теорию стоимости за счет положений теории информации. Одним из первых, кто обратил внимание на информационную природу меновой стоимости товаров, был болгарский ученый Иван Николов¹⁰⁶. Однако следует заметить, что, во-первых, речь идет о капиталистических ценах, т. е. ценах, складывающихся в условиях капиталистической гиперреальности. Во-вторых, правильнее было бы говорить не только об информационной, но и об энтропийной стороне меновой стоимости в условиях капитализма. Так, Н. Винер подчеркивал, что из-за игнорирования различия между стоимостью собственно товара и стоимостью его отделки теряются целые состояния¹⁰⁷. В этой свя-

¹⁰⁰ Коротаев А.В. Социальная эволюция: факторы, закономерности, тенденции. М.: Восточная литература, 2003. С. 125.

¹⁰¹ Зиновьев А.А. На пути к сверхобществу. С. 240.

¹⁰² Кара-Мурза С.Г. Истмат и проблема Восток-Запад. С. 205.

¹⁰³ Буровский А.М. Указ. соч. С. 146.

¹⁰⁴ Винер Н. Человеческое использование человеческих существ // Винер Н. Человек управляющий. СПб.: Питер, 2001. С. 14.

¹⁰⁵ Там же. С. 17, 115.

¹⁰⁶ См.: Вальтух К.К. Указ. соч.

¹⁰⁷ Там же. С. 116.

зи он считал искусственными такие рынки, как филателистический, антикварный и букинистический. Очевидно, речь идет о двух составляющих капиталистической стоимости: 1) трудовой и 2) информационно-энтропийной. Капитализм пытается всячески скрыть истинную природу стоимости – трудовую. Именно это позволяет кому-то приобретать огромные состояния, а кому-то их лишаться. Информация отражает трудовую стоимость, тогда как энтропия ее искажает. Удачный контрагент – независимо от того, покупатель он или продавец – тот, кому удастся присвоить максимум информации и минимум энтропии, экстраполируя максимум энтропии и минимум информации за единицу времени. В этом как раз и заключается «структурный закон ценности». Психологический аспект такого взаимодействия раскрыт в исследовании Г.В. Грачева и И.К. Мельника¹⁰⁸.

Итак, несомненно, что капитализм не может функционировать не в соответствии со «структурным законом ценности». Если же принять точку зрения Ж. Бодрийяра, то получается, что сначала капитализм действовал в соответствии с трудовым законом стоимости и только с наступлением эпохи постмодерна – в соответствии со «структурным законом ценности». С этим сложно согласиться. Если бы это было так, то та система, которую французский философ называет «капитализмом», им вовсе не была, поскольку сущность капитализма – симуляция или тот самый «структурный закон ценности». Нет сущности капитализма – нет самого капитализма. Таким образом, ошибка Ж. Бодрийяра аналогична ошибке М. Вебера, несмотря на разные методологические установки. Обе сводятся в конечном счете к односторонней трактовке сущности капитализма.

Аналогичной участи не смог избежать и В. Зомбарт. Так, он выделил раннекапиталистическую эпоху, закончившуюся в конце XVIII в., и современную эпоху капитализма¹⁰⁹. Характеризуя первую, немецкий мыслитель утверждал, что мерой всех вещей в ней оставался человек. Богатство не было самоцелью. Темп деловой жизни подчинялся спокойному ритму. Велась честная конкурентная борьба без использования коммерческой рекламы и сбивания цен. Производились и продавались, как правило, товары высокого качества. «В общем, еще существовало намерение доставлять доброкачественные и неподдель-

ные товары – намерение, свойственное всякому настоящему ремеслу и частью перенятое и раннекапиталистической промышленностью»¹¹⁰. Технический прогресс также находился в зависимости от отношения к человеческому счастью. Однако В. Зомбарт при этом оговаривается, указывая на то, «...как медленно пробился чисто капиталистический принцип, что меновая стоимость одна имеет решающее значение для предпринимателя...»¹¹¹. Значит, то, что относится к добродетелям так называемой раннекапиталистической эпохи, вовсе не относится к капитализму, а является элементами традиции социальной реальности. Следовательно, капитализм вовсе не эволюционировал от «хорошего» к «плохому», а расширил сферу своего влияния, тем отчетливее проявив свою симулятивную сущность.

Ранее всего природа капитализма полностью обнаружила себя в Северной Америке – регионе, свободном от исторического прошлого. Обремененность Западной Европы «осевой» исторической традицией ввела В. Зомбарта в заблуждение в вопросе эволюции «капиталистического духа». Проявление черт последнего в чистом виде в Соединенных Штатах он воспринял как «превращение раннекапиталистического духа в высококапиталистический дух»¹¹². Напротив, увиденное там просто шокировало многих выдающихся европейских мыслителей, посетивших Америку, в том числе тех, на которых ссылается В. Зомбарт, как раз разительными системными отличиями в сравнении с Европой, частью еще сохранившей устои католицизма. Ф.Р. Шатобриан в конце XVIII в. писал: «В городах царит холодный, жестокий эгоизм; пиастры и доллары, банковские билеты и серебро, повышение и понижение курса акций – вот и все темы для беседы; кажется, будто ты попал на биржу или к прилавок большого магазина...»¹¹³.

Прошла треть столетия, а мнение европейцев не изменилось. «Американский народ – это торговый народ, – отмечал Г. Бомон, – т. е. он пожираем жаждой богатств, что влечет за собой большинство малопочтенных страстей, таких как

¹¹⁰ Там же. С. 126.

¹¹¹ Там же. С. 126.

¹¹² См.: Зомбарт В. Указ. соч. С. 117, 232–236.

¹¹³ Цит. по: Коленеко В.А. От Шатобриана до Маритена: традиции и инновации восприятия Америки во Франции // Американская цивилизация как исторический феномен. Восприятие США в американской, западноевропейской и русской общественной мысли. М.: Наука, 2001. С. 387.

¹⁰⁸ См.: Грачев Г.В., Мельник И.К. Указ. соч. С. 46–47.

¹⁰⁹ См.: Зомбарт В. Указ. соч. С. 118–144.

скудость, мошенничество, недобросовестность»¹¹⁴. М. Шевалье назвал Соединенные Штаты «колоссальным торговым домом»¹¹⁵. По словам А. Токвиля, «наипервейшей из всех отличительных черт Америки являются деньги»¹¹⁶. Пожалуй, наиболее ярко описал американскую жизнь К. Мармье: «Есть только одна подлинная религия – религия материального благополучия. Банк – ее храм. Самый предпочтительный культ – это культ золота. Нью-Йорк – это Иерусалим нового Евангелия»¹¹⁷.

В конце XIX в. точка зрения европейцев не претерпела изменений. М. Леклерк на основе своих наблюдений пришел к выводу, что «...к несчастью, это общество основано на эгоизме, доведенном до пароксизма – богатство как увенчание всей карьеры. И этот дух наживы царит повсюду»¹¹⁸. Всемирно известный писатель Жюль Верн констатировал: «В Америке человек представляет меньше ценности и значения, чем равный ему по весу и объему мешок каменного угля или тюк кофе»¹¹⁹.

Но вот характеристика, которую дают Америке во второй половине XX в. «Америка, – пишет Ж. Бодрийяр, – это оригинальная версия современности, мы же – версия дублированная или с субтитрами»¹²⁰. В.А. Коленко усматривает в схожести разновременных суждений об Америке инвариантную черту американского образа жизни¹²¹. На самом деле подмеченная закономерность в рассуждениях об американском образе жизни есть отражение в чистом виде системной сущности капитализма и атрибутивного ему «капиталистического духа», если понимать под последним определенные психологические свойства социального характера, проявляющиеся в человеческой деятельности¹²². Поскольку «современность» и есть капитализм, то даже европейцы, имеющие привязанность к историческим идеалам, не могут полностью отождествить себя с ней, постоянно от них ускользающей¹²³.

Из вышесказанного вовсе не следует, что капитализм есть застывшее социальное образо-

вание. Напротив, капитализм – историческая гиперреальность. Значит, он постоянно изменяется, но при этом, не теряя своей сущности. В тот момент, когда изменения затрагивают саму сущность капитализма, трансформируется и перестает существовать сам капитализм и, следовательно, СМС.

До сих пор анализ сущности СМС затрагивал только сферу обращения, но не сферу производства. Было показано, что симуляция является основой обращения капитала не только по оси ядро–периферия, но и внутри самого ядра СМС. Казалось бы, остается последний бастион капитализма, скрывающий свою сущность, – производство. Но как отмечают Г.В. Грачев и И.К. Мельник, «...работодатель прибегает также к психологическим манипуляциям, чтобы, например, дешевле оплатить труд работника...»¹²⁴. Авторы, правда, освещают лишь психологический аспект политической проблемы промышленного капитала, раскрыть симулятивную сущность которого удалось К. Марксу¹²⁵. Ведь чем иным, как не симуляцией, является присвоение прибавочной стоимости капиталистом? Иначе говоря, эксплуатация труда – это симуляция в сфере производства. Следовательно, формула С–Р–С – универсальная формула капитализма.

Итак, можно сделать следующий вывод. Симуляция есть основа капитализма как гиперреальности СМС. Она является стержнем как сферы обращения, будь то между ядром и периферией или внутри ядра, так и сферы производства. Прекращение симуляции угрожает существованию капиталистической гиперреальности. С исчезновением капиталистической гиперреальности перестает существовать и СМС с ее разделением или сегрегацией труда по оси ядро–периферия.

¹¹⁴ Там же. С. 391.

¹¹⁵ Там же. С. 397.

¹¹⁶ Там же. С. 391.

¹¹⁷ Там же. С. 400.

¹¹⁸ Там же. С. 404.

¹¹⁹ Там же. С. 405.

¹²⁰ Бодрийяр Ж. Америка. С. 150.

¹²¹ См.: Коленко В.А. Указ. соч. С. 394.

¹²² См.: Зомбарт В. Указ. соч. С. 6–7.

¹²³ См.: Бодрийяр Ж. Америка. С. 151, 154–156.

¹²⁴ Грачев Г.В., Мельник И.К. Указ. соч. С. 47.

¹²⁵ См.: Маркс К. Указ. соч. С. 545.

ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ «АВТОРСТВО» РУКОВОДИТЕЛЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ КАК МНОГОМЕРНОЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Л.Ф. Вязникова

Вязникова Любовь Федоровна – доктор психологических наук, профессор кафедры управления системами образования Хабаровского государственного педагогического университета.

В статье показано, что в настоящее время возникла потребность в руководителях, активность которых должна выполнять не просто функцию адаптации, но и функцию преобразования, перехода к новому, т. е. самодвижению, саморазвитию. В современных условиях он должен быть готов к постоянному пересмотру, перепрограммированию, перестройке своей деятельности, к риску. «Авторство» руководителя представляет собой интеграцию его профессиональных и личностных особенностей, определяющих его способность к творческому преобразованию действительности.

В статье рассмотрены базовые характеристики феномена «авторства»:

- интеграция внутренней свободы и ответственности;
- самоактуализация;
- неадаптивная активность;
- рефлексивное взаимодействие и др.

The article attracts attention to the present day need of school principles whose activity must perform not only the function of adaptation but the function of transformation and transmittion to something new in other words to self-development. In modern conditions any school principle ought to be capable of constant reconsider and improve methods of his or her activity as well as of risk. School principle's «authorship» is integration of his or her professional and personal features showing his or her ability to create transformation of reality.

The article deals with the basic characteristics of of «authorship's» phenomenon:
integration of internal freedom and responsibility;
self-activity;
not adaptive activity;
reflex interaction and etc.

В условиях жесткого нормогенеза главным критерием эффективности жизни становится точное исполнение специальных функций. На должности руководителя часто оказывались «люди, во имя социальной роли утратившие яркость, личностность, оригинальность»¹. Возникли деформации личности, блокирующие потенциальные творческие возможности руководителя, педагога. Но в любых условиях были и настоящие *профессионалы*, о которых так образно говорит В.В. Ильин: «В безбрежных потоках надломленных попадались ручьи, ручейки, ручеечки, капельки несгибаемых, кто не жертвовал самостью, находил внутреннюю способность противостоять жесткой и жестокой агрессивной тоталитарности»². Именно такие руководители сумели создать образовательные учреждения, которые опередили время, учреждения, миссия которых – возвращение свободных, активных, ответственных, дос-

тойных людей на основе признания уникальности и самооценности любого ребенка, обретения детьми ценностей демократии. Даже само понятие «учреждения», с его оттенком формализма, отчужденности от человека, как нам представляется, диссонирует с практическим опытом работы таких Учителей (не просто – администраторов). Достаточно назвать имена О.Г. Газмана, В. Караковского, С.С. Курганова, А.Н. Тубельского, И.Д. Фрумина, М.П. Щетинина, Е.А. Ямбурга и многих других. Каждый из них являет собой яркий пример профессионального «авторства», новой компетентности в образовании, базирующейся на идеях гуманизма.

Однако гуманизация образования и управления им в современных условиях – вовсе не удел способных одиночек. Возникла насущная потребность в руководителях, активность которых проявляется на новом уровне, выполняя не просто функцию адаптации, но и функцию преобразования, перехода к новому, т. е. *самодвижению, саморазвитию*.

¹ Ильин В.В. Философия: Учеб. для вузов. М., 1999. С. 42.

² Там же, С. 46

Многообразие существующих в психологии и педагогике подходов к проблемам саморазвития личности есть результат осознания учеными, практиками-педагогами многомерности внутреннего мира и поведения и их взаимодействия. В современной ситуации модернизации сферы образования эта проблема осознается с позиций анализа новой социокультурной ситуации, с учетом специфики переходного периода.

Саморазвитие, свобода, ответственность вновь оказываются в центре образовательной деятельности (на всех уровнях) и принимаются как заново осмысленные цели образования, если руководитель, педагог стоит на позициях антропоориентированного подхода.

М.К. Мамардашвили в «Современной европейской философии» отмечал, что сложность бытия требует саморазвития, которое он принимал как акт собирания своей жизни в целое, как организацию своего сознания в целое³. В мире неукротимых противоречий и исторических разломов как никогда возрастает роль способности личности быть автором собственной жизни, в том числе – в профессиональной сфере. «Общество нуждается в свободной личности, способной самостоятельно решать возникающие проблемы, готовой к самореализации и творчеству, к отстаиванию своей независимости и ответственности, и в то же время свободной от нравственной ущербности, которая выражается в одномерности видения мира, в желании быть всегда правой, в нетерпимости, непримиримости к думающему другому, неприятию всего непохожего на устоявшиеся стереотипы мышления»⁴.

Проблема «авторства» жизни, профессионального «авторства» не может быть рассмотрена без обращения к категории *субъектности*.

В работах отечественных ученых – К.А. Абульхановой-Славской, Б.Г. Ананьева, А.В. Брушлинского, Б.Ф. Ломова, А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна, Д.И. Фельдштейна и др. – делается акцент на *деятельностно-преобразующем* способе существования человека. Фактически появляется новая социальная позиция человека: позиция полноправного субъекта своей жизнедеятельности. «Человек как субъект, – пишет А.В. Брушлинский, – это высшая системная целостность всех его сложнейших и противоречивых качеств, в первую очередь психических процессов, состояний и свойств его сознания и бес-

сознательного»⁵. Человек должен стать субъектом собственной жизни, «...поскольку способен посредством рефлексии самоопределиваться к ее эмпирическому ходу, т. е. не существовать, а осуществить, выразить себя в ней и, соответственно, прожить и построить ее соответственно своей сущности»⁶.

В философско-психологической литературе (Б.Г. Ананьев, А.В. Брушлинский, А.В. Петровский, В.А. Петровский и др.) *субъект* определяется как носитель предметно-практической деятельности и познания, источник активности, направленной на объект (в том числе – на самого себя). В более широком контексте понятие «субъект» в психологии изучается как «...творец собственной жизни, как распорядитель душевных и телесных способностей. Человек как субъект способен превращать собственную жизнедеятельность в предмет практического преобразования, относиться к самому себе, оценивать способы деятельности, контролировать ее ход и результаты, изменять ее приемы»⁷. Указанные авторы с полным основанием, на наш взгляд, называют субъектность «центральной категорией психологии человека»⁸, интерпретируя субъектность как «социальный, деятельностно-преобразующий способ бытия человека»⁹. Фактически в такой трактовке В.И. Слободчикова и Е.И. Исаева понятие «субъект» становится синонимичным феномену «авторства», рассматриваемому нами.

Петровский трактует субъектогенез как «становление возможности самодетерминации личности, способности человека быть «причиной себя»¹⁰. Самодетерминацию он считает одним из видов самоценной активности. Исходя из идеи порождения человеком себя как субъекта, он анализирует субъектность как конституирующую характеристику личности человека, утверждая, что личностное в человеке есть проявление его субъектности. Вряд ли стоит напоминать, что субъектность человека реализуется в его деятельности. Стать субъектом определенной деятельности – «значит освоить эту деятельность, ... быть способным к ее осуществлению и творческому

³ Новые ценности образования. Вып. 1–7. М., 1995–1997. Вып. 2. С. 85.

⁴ Там же.

⁵ Брушлинский А.В. Проблема субъекта в психологической науке // Психологический журнал. 1991. Т.12, № 6. С. 10.

⁶ Ушаков К.М. Подготовка управленческих кадров образования. М., 1997. С. 348.

⁷ Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Психология человека. М., 1995. С. 250.

⁸ Там же. С. 253.

⁹ Там же. С. 372.

¹⁰ Там же. С. 385.

преобразованию»¹¹. Обратим внимание на последние строки: «к творческому преобразованию», что предполагает иной уровень субъектности по сравнению с «адаптирующимся субъектом».

Исследования, проведенные Б.Б. Коссовым, позволили обнаружить принципиально важный для нас факт, вскрывающий механизмы, дифференцирующие руководителей разной эффективности. Оказалось, что более эффективные работники имеют выраженные способности организовывать деятельность по направлениям, стратегически более важным для развития коллектива. Таким образом, стратегическое мышление необходимо считать одной из важных характеристик не просто профессиональной компетентности, но и «авторства» как более многомерного феномена, который может вообще напрямую не соотноситься с длительностью опыта практической деятельности.

Любое образовательное учреждение является сложной динамичной социально-педагогической системой, требует решения комплекса различных задач, и потому деятельность его руководителя полифункциональна, причем выполняемые им функции качественно неоднородны: административные, педагогические, исследовательские, мотивационные, организаторские, координирующие и т. д. С учетом такой широкомасштабности управленческой деятельности ряд ученых акцентирует внимание на эталонной модели современного руководителя в сфере образования. Однако эталонная модель предполагает наличие образца, комплекса нормативных характеристик личности специалиста, что противоречит основным идеям антропоориентированного подхода, составляющего методологическую базу нашего исследования, с учетом которой более корректно, видимо, говорить о целостной модели или целостном образе руководителя. Во-первых, у каждого руководителя могут быть свои (разные) доминанты (из перечисленных в модели (образе) характеристик), которые по-своему будут определять его целостность. Любая из предлагаемых (в модели) характеристик может стать доминантой, смыслообразующей у конкретного руководителя. Во-вторых, ориентация руководителя на некую заданную извне эталонную модель, стремление «соответствовать этой модели», на наш взгляд, уводит его от соприкосновения с самим собой, со своей самостью, от его индивидуальности; индивидуальность – это авторство собственной жизни.

¹¹ Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Указ. соч. С. 250.

Потому мы рассматриваем не модель современного руководителя в сфере образования, а феномен «авторства» в профессиональной деятельности руководителя, когда «...активно выходя в область неопределенного, человек принимает на себя ответственность за исход, проявляя тем самым свою “причинность” в качестве субъекта действия (свое авторство)»¹². Мы считаем, что существенные характеристики «авторства», о которых пойдет речь ниже, как раз обеспечивают целостность личности руководителя.

Предваряя анализ этих характеристик, расширяем наше понимание феномена профессионального «авторства» руководителя системы образования, которое явилось результатом осмысления научно-теоретических подходов к проблеме управления в образовании и психологического анализа практического опыта управленческой деятельности в образовательных учреждениях. Профессиональное «авторство» – сложная смысловая «конструкция», которая может быть выражена системой характеристик, в которой возможно обнаружить противоречие, ибо она постоянно находится в динамике, эволюционирует, принимая разные системообразующие смыслы в зависимости от контекстов использования этой конструкции, а главное – от индивидуальных особенностей каждого конкретного руководителя.

Профессиональное «авторство» руководителя мы рассматриваем как многомерное психологическое образование, которое проявляется:

- в реализации ценностей в его профессиональной деятельности, наличии профессиональной ценностной позиции (результат самоопределения) и самоосуществлении на этой основе;
- рефлексии (механизм личностно-профессионального роста);
- антропоориентированном стратегическом мышлении;
- открытости собственному опыту как источнику личностно-профессионального роста, творении себя как профессионала;
- интеграции свободы и ответственности;
- включении внутренних ресурсов (опора на позитивную Я-концепцию);
- аутентичности в общении;
- надситуативной и неадаптивной активности;
- готовности к кооперации и партнерству, обеспечивающим позицию лидера в педагогическом коллективе;

¹² Петровский А.В., Петровский В.А. Личность и ее активность в свете идей А.Н. Леонтьева // А.Н. Леонтьев и современная психология. М., 1983. С. 280.

– готовности к ценностно-рефлексивному взаимодействию;

– самопроявлению в различных областях социокультурного пространства.

Субъектогенез прежде всего связан с генезисом активности. При всей своей парадигмальной разноликости отечественная психология едина в признании идеи активности субъекта. Активность, по мнению М.С. Кагана, есть исходная характеристика субъекта, главный признак, отличающий его от объекта. Объект деятельности субъекта предстает как предмет приложения активности, который допускает и терпит, чтобы с ним подобным образом обращались – преобразовывали, познавали, оценивали, короче, так или иначе с ним манипулировали. М.С. Каган обращает внимание на то, что между «активностью» и «пассивностью» как полярными качествами есть качество «реактивность», которое он отмечает как выражение адаптивной (приспособительной) потребности саморегулирующихся систем, потребности в гомеостазе как возвращению к нарушенному извне равновесию системы со средой, временное и циклически повторяющееся состояние системы в отличие от активности, которая «есть постоянная, неутомимая, векторно-направленная, а не циклически повторяющаяся напряженность системы»¹³. Тем не менее даже «постоянная, неутомимая» активность может иметь разную природу, разную форму проявления, определяя во многом уровень субъектности и субъектности – «авторства».

Ситуативная (адаптивная) активность, как правило, есть следование внешним требованиям, нормам, выполняя приспособительные функции, и потому социально одобряема вышестоящими руководителями, что хорошо просматривается по вертикали власти. Например, исследование Н.А. Переломовой трехсот тридцати шести педагогов Иркутской области показало, что гуманистическое мировоззрение, самостоятельность и независимость, достижение значимых целей в будущем не являются востребованными и нормативно подкрепляемыми.

Исходя из практических наблюдений, активность руководителей, самостоятельность в решении поставленных целей также до сих пор часто измеряются исполнителем. Э. Фромм пришел к выводу, что «... человек, нормальный в смысле хорошей приспособленности, часто менее здоров в смысле человеческих ценностей, чем невротик. Хорошая приспособленность час-

то достигается лишь за счет отказа от своей личности; человек при этом старается более или менее уподобиться требуемому – так он считает – образу и может потерять всю свою индивидуальность и непосредственность»¹⁴.

Хочется привести блистательный тезис А. Маслоу: «То, что мы в психологии называем “нормой”, на самом деле является психопатологией серости, настолько лишенной драматизма и настолько широко распространенной, что мы даже, как правило, не замечаем ее»¹⁵.

Когда человек снимает с себя бремя свободы, он «уходит в удобную зависимость от необходимости»¹⁶. Именно тогда он и пытается рационализировать свою деятельность, ибо «...предписательные значения требуют от человека не внутреннего озарения, горения, сотворчества, а лишь одного: он должен поступать как все, играть по правилам»¹⁷. Такой человек, «...превратившись в отражение чужих ожиданий, ... в значительной степени теряет самого себя, а вместе с тем и уверенность в себе ... Он вынужден приспособливаться дальше, добывать себе “Я”, из непрерывного признания и одобрения других людей»¹⁸, в результате чего развивается гиперсоциализированность. «Гиперсоциальное в человеке есть самый мощный фактор ... разрушения в нем интеллигентности», – пишет Ю. Федоров¹⁹. И далее: «Гиперсоциализацией социальный субъект осуществляет нормативное насилие над высшими онтологиями и формами ментальности Человека»²⁰. И совершенно очевидно, что гиперсоциализация полностью блокирует возможность развития «авторства» во всех сферах жизни.

К сожалению, нередко этому способствуют и некоторые «чиновники от образования», подавляя попытки проявления самостоятельности руководителя образовательного учреждения или его сопротивление выполнению необоснованных «рекомендаций». П. Бергер и Т. Лукман с полным основанием социальные институты (к чему относятся и органы управления образованием) определяют как «объективные фактичности», которые предстают перед индивидом в качестве неоспоримых фактов, с которыми нельзя не счи-

¹³ Каган М.С. Мир общения. М., 1988. С. 92.

¹⁴ Фромм Э. Бегство от свободы. М., 1990. С. 122.

¹⁵ Маслоу А. Психология бытия. М., 1997. С. 41.

¹⁶ Федоров Ю.М. Сумма антропологий. Новосибирск, 1996. С. 73.

¹⁷ Там же. С. 171.

¹⁸ Фромм Э. Указ. соч. С. 173.

¹⁹ Федоров Ю.М. Указ. соч. С. 652.

²⁰ Там же. С. 680.

таться. Он не может избавиться от них. И далее: «Институты сопротивляются его попыткам изменить их или обойтись без. Они имеют над ним принудительную власть и сами по себе благодаря силе своей фактичности, и благодаря механизмам контроля, которыми обычно располагают наиболее важные институты. Объективная реальность институтов не становится меньше от того, что индивид не понимает их цели и способы действия»²¹.

Если руководитель в своей деятельности ориентируется прежде всего на циркуляры, поступающие из вышестоящих организаций, рассматривает рекомендации как приказ, то вряд ли можно предположить наличие авторской позиции. Институализации внутренне присуща тенденция к инерции, ограничению пластичности человеческих действий. Решения, спускаемые «сверху», освобождают руководителя от бремени выбора, принося психологическое облегчение, основанием которого является направленная инстинктуальная структура человека. И потому руководителю образовательного учреждения необходима смелость, даже готовность к риску для самоактуализации, развития субъектности в условиях жестко структурированной системы управления. «Парадокс состоит в том, что в ряде случаев для того, чтобы избежать неуспеха в будущем, необходимо подвергнуть себя риску неуспеха в настоящем – “пройтись по кромке”, а это чревато травмой. Требуется дополнительное побуждение к действию, в функции которого и выступает мотив самоиспытания индивида как субъекта активности»²².

Человека как субъекта деятельности характеризует, по мнению М.С. Кагана, осознанная активность, опосредуемая целеполаганием и самосознанием и осуществляемая свободно. Ценностное отношение человека обуславливает его избирательную активность именно как субъектную. А поскольку ценности надситуативны, они обеспечивают устойчивость деятельности в целом, реализацию функции преобразования²³.

Характеризуя социальную активность как особую форму активности, В.Л. Хайкин пишет о том, что «функция адаптации как бы дополняется над ней функцией преобразования и перехода к новому, т. е. самодвижению»²⁴. Другими сло-

вами, речь идет об ином, более высоком уровне субъектности, движении к «авторству». Обеспечивается возможность выхода за пределы ситуации, ее преобразования за счет повышения активности субъекта. Здесь речь идет уже о надситуативной активности, которая определяется А.В. Петровским и В.А. Петровским в качестве движущего момента деятельности.²⁵

Представляется, что надситуативную активность можно считать тем базовым психологическим основанием, на котором развивается готовность к риску. А.Г. Асмолов связывает проявление такой активности личности прежде всего с ситуациями, в которых ей приходится осуществлять выбор между различными мотивами, ценностными позициями, ролями, а также теми преобразованиями, теми «личностными вкладками», которые человек своими действиями вносит в ценностно-смысловую культуру других людей и культуру с продуктивным уровнем личностных проявлений в отличие от проявлений инструментальных. Основа такого выбора – высокий уровень развития самосознания целостного человека. Со свойственной его работам удивительной ясностью о важности и сложности этого феномена пишет М. Бубер: «Но для того, чтобы стало возможным познание человеческой целостности, он должен действительным образом и полностью войти в акт самосознания. Иначе говоря, он должен совершить акт вхождения в это единственное в своем роде измерение как дело своей жизни, без всякой философской страховки. Сверх того он должен подвергнуть себя всем ударам и случайностям, какие возможны в действительной жизни. Здесь ничего нельзя узнать, оставаясь на сухом берегу и вглядываясь в морскую пучину издали. Нужна решимость броситься в волны, плыть бодро и из последних сил, даже если в какой-то миг покажется, что сознание покидает нас: ведь именно так, а не иначе рождается сознание антропологическое»²⁶. Именно это антропологическое сознание выводит активность человека на существенно иной, более высокий уровень.

Надситуативная активность не является конечным уровнем развития активности. «Авторство» руководителя представляет собой интеграцию его процессуальных и личностных особенностей, определяющих его способность к творческому преобразованию действительности. Такой руководитель не ограничивается ориентаци-

²¹ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995.

²² Петровский А.В., Ярошевский. Основы теоретической психологии. М., 1998. С. 229.

²³ Каган М.С. Указ. соч.

²⁴ Хайкин В.Л. Активность и потенциал личности в характеристике ее статуса // Мир психологии. 2000. № 1 (21). С. 246.

²⁵ Петровский А.В., Петровский В.А. Указ. соч.

²⁶ Бубер М. Два образа веры. М., 1995. С. 164.

ей на имеющиеся программы действий, кем бы они ни были заданы. Он готов к постоянному пересмотру и совершенствованию своей деятельности, перепрограммированию, перестройке своих собственных оснований, выступая созида-телем, творцом принципиально новых программ действия. Размышляя об активном, творческом начале деятельности, В.С. Швырев связывает его с культурными смыслами и ценностями, помогающими выйти на новые рубежи взаимодействия с реальностью, что предполагает изменение и внутреннего мира человека. Он ясно формулирует существо проблемы: «... в рамках приспособительного поведения ... активность связана с поиском возможных средств достижения целей, она целенаправленна, целесообразна. Деятельность же, связанная с перестройкой своих оснований, предполагает целеполагание, является целеполагающей деятельностью. Именно при переходе от целесообразной деятельности к деятельности целеполагающей в полной мере открываются перспективы творчества и свободы»²⁷. Полагание в данном случае, как нам представляется, связано не с постановкой цели, а с ценностями, определяющими цель, развивающими ее. При таком подходе деятельность может стать категорией творческой, реализующей авторскую позицию.

В этом случае речь идет уже и о неадаптивной активности. И если 15–20 лет назад, как отмечает В.А. Петровский, неадаптивность воспринималась под углом зрения отклонений от некой формы, то теперь она ассоциируется с активной позицией человека в жизни²⁸. Принцип неадаптивности – расхождение между целью стремлений и достигаемыми результатами. «Индивид здесь выступает как “трансцендирующее существо”... Если отказаться от принципа неадаптивности, то сейчас же выясняется, что идея субъектности девальвируется: свобода человека подменяется его зависимостью от внешних обстоятельств и поворотов судьбы; целеустремленность обесмысливается, выглядит самообманом; целостность утрачивается; развитие лишается вектора»²⁹.

А. Маслоу, рассматривая самоактуализацию как полноценное развитие человека, обращает внимание на неадекватность восприятия данного термина на уровне обыденного сознания. Самоактуализация якобы: а) подразумевает скорее

эгоизм, чем альтруизм; б) нивелирует аспект долга и самоотверженности; в) не принимает во внимание связь с другими людьми и обществом и т. д. Однако исследования Маслоу показали, что люди, достигшие самоактуализации, отличаются альтруизмом, самоотверженностью, преданностью, продуктивностью взаимодействия с людьми. При этом Маслоу подчеркивает, что эти характеристики он не изобрел, а открыл³⁰, и считает, что самоактуализация означает выбор возможности из возможностей роста. Самоактуализация, в его понимании, как непрерывная реализация потенциальных возможностей, свершение своей миссии или призвания, фактически позволяет идентифицировать данное понятие с *самоосуществлением*. Именно самоосуществление является *смыслообразующим центром* феномена «авторства». Самоактуализация (самоосуществление) «начинается» с позитивной Я-концепции как основы личного достоинства руководителя, связанного с его самоценностью. Понятие «*самоценность*» ввела В. Сатир³¹. Она акцентировала внимание на том, что человек, чья самоценность высока, создает вокруг себя атмосферу честности, ответственности, сострадания и любви. Такой человек чувствует себя важным и нужным, он ощущает, что мир стал лучше оттого, что он в нем существует. Он доверяет самому себе, он способен в трудную минуту просить помощи у других, однако он уверен, что всегда способен принимать самостоятельные решения и совершать обдуманые поступки. Только ощущая свою собственную высокую ценность, человек способен видеть, принимать и уважать высокую ценность других людей. Человек с высокой самоценностью внушает доверие и надежду. Он не пользуется правилами, которые противоречат его чувствам. В то же время он не идет на поводу у своих переживаний. Он способен делать выбор и в этом ему помогает интеллект³². Данную характеристику с полным основанием можно отнести к характеристике «авторства» как высшего уровня субъектности.

Не используя термина «субъектогенез», фактически в содержательном плане именно о нем говорит С. Кови, анализируя продвижение человека по «оси зрелости». Он считает, что это движение идет от зависимости к независимости и к взаимозависимости. «В большой степени сегодняшний акцент на независимость, – пишет он,

²⁷ Швырев В.С. О деятельностном подходе к истолкованию «феномена человека» // *Вопр. философии*. 2001. № 2. С. 111.

²⁸ Петровский В.А. *Личность в психологии: парадигма субъектности*. Ростов-на-Дону, 1996. С. 25.

²⁹ Петровский А.В., Ярошевский. *Указ. соч.* С. 228–229.

³⁰ Маслоу А. *Указ. соч.* С. 16.

³¹ Сатир В. *Как строить себя и свою семью*. М., 1992.

³² Там же.

– является нашей реакцией на зависимость – на то, что другие управляют нами, определяют нашу жизнь, используют нас и нами манипулируют ... Однако независимость не является конечной целью эффективной жизни»³³.

Взяв за основу идею С. Кови, можно рассмотреть продвижение человека по «оси профессиональной зрелости». Тогда становится понятным, что в основе управленческой деятельности руководителя-функционера, руководителя-исполнителя лежит парадигма зависимости. Если же характеризовать достаточно высокий уровень развития субъектности, готовности к работе в автономном режиме, то речь пойдет о парадигме независимости. На первый взгляд, это и есть «авторство» в профессиональной деятельности руководителя.

Однако как показывает анализ социокультурной ситуации в образовании, пришло время сообществ, «командных» способов работы, управленческой деятельности. Это, разумеется, не исключает яркости, талантливости отдельно взятого человека, но «...независимые люди, недостаточно зрелые для того, чтобы думать и действовать взаимозависимо, могут хорошо работать индивидуально, но не могут быть хорошими лидерами или членами команды... Взаимозависимость – гораздо более зрелая, более прогрессивная концепция... Будучи личностью взаимозависимой, я получаю возможность щедро и осмысленно делиться с другими всем, чем обладаю сам, и доступ к неисчерпаемым ресурсам и возможностям других людей... Взаимозависимость – это тот выбор, который способен сделать лишь независимый человек»³⁴. Принимая такой подход, мы убеждены в его природосообразности специфике работы именно образовательных учреждений, где весь коллектив (включая руководителей) работает на один конечный «продукт» – Человека, хотя труд каждого на первый взгляд – сугубо индивидуален. Готовность к кооперированию нам представляется одной из важнейших характеристик феномена «авторства» в образовании. «Переход» руководителя от независимости к осознанию и принятию взаимозависимости как наиболее прогрессивной личностно-профессиональной стратегии – значимый шаг в развитии субъектности, достижении более высокого уровня развития «авторства». Понимание руководителем того, как его сущность влияет на каждое взаимозависимое взаимодействие поможет развитию готовности к

кооперированию, а следовательно – быть подлинным, быть самим собой, отбрасывая свои защитные механизмы, которые были необходимы ему в позиции независимости.

Таким образом, готовность к кооперированию оказывается связанной с аутентичностью руководителя, которая выступает важнейшей составляющей эффективного общения. Аутентичность (от греч. *authentikos* подлинный) – понятие, разработанное в гуманистической психологии. К. Роджерс понимал под аутентичностью способность человека в общении отказываться от различных социальных ролей, проявляя при этом свои подлинные мысли, чувства, поведение. Аутентичность предполагает прежде всего спонтанный выход за собственные пределы, полноту ответственности за свои действия. Как правило, даже в сложных конфликтных ситуациях поведение человека с развитой аутентичностью естественно, не искажено дезадаптивными психологическими защитными механизмами.

По Ф. Перлзу, чем меньше личность сопрягается сама с собой, тем более она хочет контролировать окружение, чтобы спрятать какие-то части себя от осознания, тем более эта личность становится фрагментированной и непредсказуемой, теряет аутентичность. Истинная же личность непредсказуема во всем, кроме того, что она интегрирована, т. е. целостна, искренна, склонна к саморазвитию, самоконтролю (управлению своим поведением в условиях противоречивого влияния социального окружения или собственных психофизиологических, биологических механизмов). Такой руководитель способен сам обнаружить свои резервы, внутреннюю энергию, возможности, ищет опору внутри себя, что в свою очередь порождает ответственность за себя, свои поступки, а главное – это помогает ему видеть человека целостного, а не как конгломерат отдельно функционирующих частей личности.

Теоретический анализ философской, психологической литературы позволил нам выделить в качестве важнейшей характеристики феномена «авторства» свободу и ответственность в их неразрывном единстве. Эти характеристики проявляются тем ярче, чем более руководитель осознает свою профессиональную позицию. Условиями осознания позиции выступают искренность перед собой, стремление к самопознанию, готовность брать на себя ответственность за изменение ситуации.

«Свободен тот, что приобрел внутреннюю способность созидать свой дух из материала своих страстей и своих талантов и, значит, прежде

³³ Кови Стивен. 7 навыков высокоэффективных людей. Возврат к этике характера. М., 1998. С. 62–63.

³⁴ Там же. С. 63–64.

всего – способность владеть собою и вести себя, а затем – внутреннюю способность жить и творить в сфере духовного опыта ... Воистину свободен духовно самостоятельный человек; человек же, освобожденный только во внешнем, может злоупотреблять своей свободой и превращать ее в совершенную внутреннюю несвободу, в ужасающее внутреннее рабство»³⁵. У таких руководителей, как показывают наши наблюдения, выражена тенденция превращать даже использование новых методов управления в самостоятельную задачу, подчиненную не целям повышения эффективности деятельности учреждения, а цели личного успеха, перенося образования своего суперэго на «нравственные инстанции» подчиненных. Л.И. Захарова, исследуя проблемы психологической подготовки учителей, показывает «неадекватность доминирования мотива личного самоутверждения в учительском труде» Нам представляется вполне оправданной экстраполяция этого вывода и на труд управленца в образовательном учреждении. Во всяком случае – на сферу взаимодействия руководителя со всеми субъектами образовательного процесса. Исследования С. Саяпиной показали выраженную взаимосвязь мотива личностного самоутверждения руководителей системы образования с мотивами власти. Очевидно, что этот факт свидетельствует скорее об отсутствии внутренней свободы человека. Понимание природы данного феномена, на наш взгляд, авторитетно продемонстрировал Э. Фромм в своей книге «Бегство от свободы»: «В психологическом плане жажда власти коренится не в силе, а в слабости. В ней проявляется неспособность личности выстоять в одиночку и жить своей силой. Это отчаянная попытка приобрести заместитель силы, когда подлинной силы не хватает. Власть – это господство над кем-либо; сила – это способность к свершению, потенция»³⁶.

Несмотря на кажущуюся определенность понятия «свобода», в действительности оно внутренне противоречиво. С одной стороны, свобода предполагает спонтанную активность, независимость, с другой – регуляцию этой активности самим субъектом. Внутренняя регуляция, опосредованная ценностными ориентациями, по мнению Д.А. Леонтьева, есть ответственность зрелой личности³⁷. В современных условиях, когда управление образованием сместилось больше на региональный уровень, это внутрен-

нее противоречие усилилось: руководители получили больше свободы (внешней) для проявления собственной инициативы (определение стратегии развития школы, коррекция содержания образования, выбор способов деятельности, принятие решений и т. д.), но это повлекло за собой большую личную ответственность за эффективность образовательного процесса в целом и собственной деятельности в частности. Однако реально не все руководители психологически готовы к принятию такой ответственности, ибо они остаются внутренне несвободными. «При внутренней несвободе не может быть полноценной личностной ответственности, и наоборот», – с этим тезисом Д.А. Леонтьева нельзя не согласиться, так как «противоречие между свободой и ответственностью в их развитых зрелых формах невозможно»³⁸. Свобода от навязанных извне обязательств реальна только на пути принятия индивидуальной ответственности, которая, в свою очередь, начинается с доверия себе и другим.

Ответственность, связанная лишь с исполнительностью при отсутствии внутренней свободы, – это всего лишь функциональная ответственность, а интегрированная с внутренней свободой – это «авторская» ответственность, лежащая в основе осознания человеком своей способности влиять на события, связанная с внутренним локусом контроля. Внешний локус контроля актуализирует проблему в виде вопроса: что со мной случится? А внутренний локус связан с другим вопросом: что я могу сделать?

Здесь хочется привести метафорический тезис Ю. Федорова: «Человек – «не только исполнитель, но создатель социально-ролевого репертуара»³⁹. Именно к таким людям можно отнести характеристику, которую дает А. Маслоу: «Будущее человека находится в нем самом, будучи активно в каждый момент настоящего»⁴⁰.

Рассматривая процесс субъектогенеза и подчеркивая наличие разного уровня содержания субъектности у руководителей системы образования, на наш взгляд, с полным основанием можно говорить о разных уровнях развития образовательных учреждений, в которых проявляется специфика управленческой деятельности руководителей в связи с их личностно-профессиональным развитием, уровнем их субъектности. С этих позиций можно выделить три типа образовательных учреждений: функционирую-

³⁵ Ильин В.В. Указ. соч. С. 175.

³⁶ Фромм Э. Указ. соч. С. 140.

³⁷ Леонтьев Д.А. Очерк психологии личности. М., 1993. С. 35.

³⁸ Там же.

³⁹ Федоров Ю.М. Указ. соч. С. 496.

⁴⁰ Маслоу А. Указ. соч. С. 40.

щее, развивающееся и инновационное (авторское). Базовые психологические характеристики специфики управленческой деятельности в этих образовательных учреждениях приведены в таблице. Разумеется, «границы» между ними проницаемы, так как возможен переход из одного режима функционирования в другой, более высокий. Данная таблица имеет скорее познавательный интерес в плане осмысления возможностей развития образовательного учреждения, рефлексии руководителем своей управленческой деятельности. «Авторские школы» в общепринятом значении этого термина мы трактуем как разновидность инновационных учреждений и исходим из представления о том, что «по существу, авторские школы выступают как поисковые механизмы, апробирующие разные пути образования в культуре»⁴¹.

А.Г. Асмолов, анализируя стратегические ориентиры развития вариативного образования, пишет: «При всем многообразии инновационные авторские школы подразделяются как бы на два типа: инструментальные и культурологические. В фокусе внимания инструментальных школ находится, как правило, тот или иной конкретный педагогический метод, найденный в практической деятельности благодаря таланту педагога-новатора... Иное порождение имеют культурологические в широком смысле авторские школы. Они рождаются, как правило, на стыке мировоззренческих концепций с инновационными технологиями»⁴².

Опыт инструментальных авторских школ может быть широко включен, по мнению А.Г. Асмолова, и в традиционную систему образования, и в педагогику развития. Что же касается инновационных культурологических школ, то их деятельность связана прежде всего с индивидуализированной системой профессиональных ценностей руководителя-«автора» и технологиями, которые адекватны этим ценностям. Именно в школах этого типа феномен профессионального «авторства», на наш взгляд, находит свое высшее воплощение. Разумеется, появление таких школ – процесс не спонтанный, а проектируемый. Любой современный руководитель системы образования, стремящийся к «авторству» в профессии, должен стать «руководителем-проектировщиком».

Таблица

Базисные психологические характеристики специфики управленческой деятельности в образовательных учреждениях с разным уровнем развития

Функционирующее образовательное учреждение	Развивающееся образовательное учреждение	Инновационное (авторское) образовательное учреждение
Руководитель – исполнитель (тотальное игнорирование собственного внутреннего мира)	Руководитель – автор-лидер (выход на проектирование), (субъектная позиция)	Руководитель – автор-проектировщик (авторская позиция)
Режим функционирования (настоящее из прошлого) (зависимость)	Режим развития (закладка интенций в точках бифуркации). «Акме» – опыт (независимость)	Режим созидания (настоящее из будущего) (взаимозависимость)
Основы управленческой деятельности		
Цели (заданные извне). Надсубъектные знания, действия. Нормативное регулирование	Ценности образования как результат профессионального самоопределения. Цели интегрированные (внешние и внутренние). Субъектные действия, живые знания	Универсальные (общечеловеческие) ценности. Идентификация корневых профессиональных ценностей и целей учреждения
Ситуативная, приспособительная активность (реактивность)	Надситуативная активность	Неадаптивная активность
Дореплексивный уровень. Ситуативная рефлексия. Ретроспективная рефлексия на основе антиподного мышления	Ретроспективная самовозвышающая рефлексия на основе вариативного мышления; перспективная рефлексия	Преобразующая рефлексия (прогностическая) на основе стратегического антропоориентированного мышления
Воздействие субъекта на объект	Взаимодействие (субъект-субъектное с обратной связью)	Ценностно-рефлексивное взаимодействие всех субъектов образования
Показатели эффективности деятельности руководителя		
Результативные (в образовательном процессе – ЗУНы)	Интеграция результативных и процессуальных показателей	Выход субъектов образования в режим саморазвития, самоосуществления на основе самодетерминации

Руководитель – исполнитель «Авторская» позиция руководителя

⁴¹ Асмолов А.Г. Культурно-историческая психология и конструирование миров. М. Воронеж, 1996. С. 605.

⁴² Там же.

Отмечая, что важна не только сознательная деятельность, но и деятельность сознания, О.С. Газман пишет: «Человек способен создавать “идеальный образ” своей деятельности, ее процесса и продукта. Из этого следует, что ведущее положение в развитии субъекта занимает его проектировочная целеполагающая деятельность и способность к рефлексии»⁴³.

Готовность к проектировочной целеполагающей деятельности на основе ценностных профессиональных ориентаций мы также рассматриваем как один из важнейших признаков «авторской» позиции.

Таким образом, анализ феномена «авторства» как сложной смысловой «конструкции» предполагает выделение из всех его характеристик нескольких, которые являются базовыми для всех других, создавая опорный «скелет» для развития авторской позиции руководителя системы образования.

1. Самоактуализация как реализация ценностно-смыслового потенциала в профессиональной (управленческой) деятельности на основе:

- рефлексивности;
- профессиональной самоидентификации;
- позитивной Я-концепции;
- управленческого проектирования.

2. Интеграция внутренней свободы и ответственности на основе:

- ценностных ориентиров личностного выбора;
- внутреннего локуса контроля (интернальность);
- принятия парадигмы взаимозависимости.

3. Неадаптивная активность на основе:

- целеполагания на базе личностно-профессиональных ценностей;
- готовности к риску;
- надситуативной активности.

4. Готовность к ценностно-рефлексивному взаимодействию на основе:

- открытости (в том числе – новому опыту);
- аутентичности;
- готовности к кооперации и партнерству;
- отраженной субъектности (представленности в других).

Эти четыре характеристики являются взаимопологающими, и каждая из них безотносительно к трем другим определяющего самостоятельного значения в личностно-профессиональном развитии руководителя, его «авторских» позиций не имеет. Только их интеграция способствует высвобождению внутренних ресурсов руководителей, переосмыслению профессионального опыта, движению к профессиональному «авторству».

⁴³ Новые ценности образования. С. 31.

СТАНДАРТЫ ОБРАЗОВАНИЯ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ЗАПРОСЫ: КОНЦЕПЦИЯ СОГЛАСОВАНИЯ*

В.Н. Никитенко

Никитенко Виктор Николаевич – доктор педагогических наук, профессор, проректор по учебной работе, заведующий кафедрой педагогики и психологии Биробиджанского государственного педагогического института.

В статье представлены основные положения концепции согласования стандартов образования и запросов потребителей образовательных услуг. Такое согласование, по мнению автора, необходимо для повышения качества всех видов образования.

The article by Victor N. Nickitenko, Ph. D., presents major grounds of the conception of sequence of educational standards and educational demands of population. This sequence is necessary for raising quality of education as the author considers.

The article is published as a part of a project of Russian Scientific Fund for Humanities.

* Печатается в рамках проекта РФНФ 04–06 00543
«Проектирование региональной системы образования
на основе изучения образовательных запросов населения».

К концу XX и началу XXI в. в общественном сознании определилось понимание миссии образования в общечеловеческих процессах. Образование признано решающим фактором устойчивого развития человечества¹. Эта идея находит своё отражение и в документах ЮНЕСКО, и в Болонской декларации (Хартии европейских университетов), и в Законе Российской Федерации «Об образовании», провозгласившим образование приоритетной сферой.

Конституция Российской Федерации (Ст. 43) и Закон Российской Федерации «Об образовании» (Ст. 7) узаконили обязательное установление для всех учреждений образования (от дошкольных до университетов и послевузовского) государственных образовательных стандартов.

Этим созданы:

- предпосылка для единого образовательного пространства на всей территории России, обеспечивающая успешное получение качественного образования каждым гражданином даже в случае миграции населения;
- возможность государственного регулирования образовательных услуг;
- ориентировочная основа для обучающихся и учителей (преподавателей) в определении содержания и организации образования. В то же время стандартизация породила ряд проблем, связанных с учётом запросов самих потребителей образовательных услуг. Образовательные учреждения стали предлагать обра-

зовательные услуги, исходя преимущественно из своих возможностей, а запросы и способности их потребителей в большинстве случаев ещё не стали основаниями для проектирования и реализации этих услуг. Это обстоятельство породило критику российских образовательных стандартов со стороны международных экспертов. К примеру, в докладе Всемирного банка № 18666–RU «Обновление образования в России (Региональный уровень)» (июль 1999 г.) говорится, что «...стандарты по-прежнему определяются не как достигнутые учащимися результаты, а как исходные характеристики процесса обучения». При этом отмечается, что «стандарты должны использоваться не только как инструменты контроля и ограничители свободы», но и как ориентиры, позволяющие субъектам образовательного процесса «самостоятельно и ответственно планировать свою работу и управлять качеством образования»².

Становится ясным, что спектр предлагаемых образовательных услуг и стандарты образования должны исходить не только из возможностей учреждений, их предлагающих, но и из потребностей, запросов и способностей тех, кто в этих услугах нуждается.

Проблема согласования образовательных запросов и образовательных услуг является предметом обсуждения и российской научно-педагогической общественности. Этой теме, к примеру, было посвящено заседание «круглого стола» в Тюмени, организованное редакцией журнала «Педагогика», Тюменским научным центром Уральского от-

¹ Щетинин В.П. Образование в контексте человеческого капитала // Педагогика. 2003. № 6. С. 40–46.

² Обновление образования в России (Региональный уровень). Документ Всемирного банка. Доклад № 18666-RU. 1999. Июль.

деления РАО и Тюменским государственным университетом в ноябре 2002 г. «Личность, общество и государство – это трио заказчиков, определяющих цели, содержание и результаты образовательного процесса. В идеале следует стремиться к совмещению, а ещё лучше – к совпадению и гармонии их интересов в социальном заказе системе образования», – отметил участник «круглого стола», академик РАО В.И. Загвязинский³.

В паритетном ряду заказчиков на образовательные услуги стоят запросы личности. Следовательно, при планировании данных услуг необходимо знать эти запросы, которые могут быть как осознаваемыми, так ещё и неосознанными личностью. Определённой информацией о спектре образовательных запросов, прежде всего в области профессионального образования, владеют региональные службы занятости населения. В меньшей степени они располагают сведениями о запросах в области общего образования. Используя информацию региональных служб занятости населения, региональные органы управления образованием и образовательные учреждения в такой ситуации берут на себя ответственность за изучение образовательных запросов населения методами социологических опросов. Более квалифицированно это могли бы делать специальные социологические службы при центрах занятости населения и по заказу органов управления образованием и образовательных учреждений. Несомненно то, что предлагаемый спектр образовательных услуг должен соответствовать многообразным образовательным запросам населения. На этой основе необходимо постоянно расширять спектр предоставляемых образовательными учреждениями услуг в направлении его приближения к образовательным запросам людей. Любое образовательное учреждение должно всегда иметь ясную картину для сравнения, какие образовательные услуги оно предоставляет и в каких фактически нуждается население микрорайона, муниципального образования, субъекта Российской Федерации, федерального округа.

Очевидно, что не в любом возрасте и не все граждане способны самостоятельно сформулировать свои образовательные запросы. В этом случае необходима помощь различных социальных институтов – семьи, системы об-

разования, культуры, СМИ и др. – в формировании и развитии образовательных запросов населения.

Выразителями образовательных запросов школьников, по крайней мере, младших, чаще всего выступают их родители. Изучение мнения родителей и учащихся в этом плане должно быть положено в основу разработки национально-регионального и, особенно, школьного компонентов государственного образовательного стандарта общего образования. Если же эти запросы выходят за пределы бюджетного финансирования, то их можно удовлетворять в форме дополнительных платных образовательных услуг.

Запросы общества и государства в образовании в значительной мере выражаются в федеральном компоненте государственных образовательных стандартов. Однако этот компонент только обобщённо отражает, какими качествами личности и компетенциями должен овладеть в процессе образования среднестатистический россиянин или российский специалист. Конкретными выразителями образовательных запросов являются конкретные люди, общественные объединения и организации, коллективы и руководители предприятий и учреждений. Именно эти запросы и необходимо изучать, систематизировать и учитывать при определении стандартов общего и профессионального образования. Решение вопроса о наполнении и реализации национально-регионального компонента государственного образовательного стандарта в учреждениях как общего, так и начального, среднего и высшего профессионального образования, не установлено его соотношение с федеральным компонентом. Для решения этой проблемы необходимо исходить из изучения образовательных запросов самих учащихся и студентов, расположенных в регионе предприятий, организаций и учреждений.

Специального изучения требуют образовательные запросы общественных, государственных и негосударственных организаций, предприятий и учреждений как корпоративные запросы. Руководители и представители этих организаций в принципе способны ответить на вопросы, устраивают или не устраивают их предлагаемые учреждениями образования образовательные услуги и в каких услугах они дополнительно нуждаются, какие способны заказать сами.

Не только содержание, но и методы, организационные формы и логика обучения в современных образовательных учреждениях должны строиться на основе согласования стандартов образования и образовательных запросов потребителей образовательных услуг. Дело в том, что в сложившейся сис-

³ Образовательные запросы общества и актуальные проблемы российской школы // Педагогика. 2003. № 4. С. 49–64.

теме образования преобладает не качественный, а количественный подход к образованию. Существующие стандарты пока определяют объёмы обязательного учебного материала и время обязательных часов учебных занятий. Стандарты мало ориентированы на конечный результат образования с точки зрения компетенции выпускников образовательных учреждений. Компетентность, по определению известного отечественного психолога Д.Б. Эльконина, есть мера включённости личности в деятельность⁴. Компетентностный подход к проектированию и реализации образовательных стандартов предполагает ориентацию на активное знание выпускника образовательного учреждения. Для этого важно, как обучать. Необходимо предусмотреть не только репродуктивное изложение учебного материала, но и активное участие самих обучающихся в добывании знаний, их применении для решения задач, связанных с будущей общественной и профессиональной деятельностью. По крайней мере, в системе профессионального образования изучение учебных дисциплин должно строиться не только в логике той или иной науки, но и в логике решения практических задач. Для этого обучающиеся должны научиться формулировать задачи, приводить в движение весь арсенал полученных знаний для поиска вариантов их решений, выбирать из нескольких вариантов оптимальный, осуществлять их на практике и оценивать полученные результаты.

Особого внимания заслуживает рассмотрение стандартов профессионального педагогического образования как «образования над образованием». От профессиональной компетенции педагогического состава во многом зависит построение и реализации стандартов любого другого образования. Педагог, осознающий аксиологические аспекты и миссию образования, умеющий изучать и учитывать образовательные запросы своих учеников и населения, способен не только следовать требованиям навязанных ему и его ученикам стандартов, а непрерывно их совершенствовать и через образование вносить свой вклад в экономические, общественные, культурные, природоохранные и здоровьесберегающие процессы⁵.

Следовательно, при проектировании и реализации государственных образовательных стандартов в конкретных образовательных учреждениях необходимо исходить из следующих положений, имеющих концептуальное значение:

– предлагаемые государственными органами управления образованием образовательные стандарты необходимо рассматривать как ориентировочную основу, требующую творческого к ним отношения и переработки в конкретных образовательных учреждениях, исходя из запросов самих обучающихся, населения, общественных, государственных, негосударственных организаций, предприятий, учреждений;

– изучение образовательных запросов потребителей образовательных услуг является неотъемлемым компонентом деятельности образовательных учреждений всех типов, видов и организационно-правовых форм;

– исходным и системообразующим фактором государственных образовательных стандартов для любого образовательного учреждения служит модель его выпускника на выходе;

– содержание образования, получаемого в образовательных учреждениях – это не только учебный материал, подлежащий усвоению, а совокупность ключевых компетенций, которыми овладевают обучающиеся в процессе обучения;

– в стандартах образования необходимо учитывать не только личностные запросы обучающихся, но и социальный и государственный заказ на образование, запросы общественных, государственных и негосударственных организаций, учреждений и предприятий, а также мировые тенденции в общечеловеческих процессах.

Только так можно изменить ситуацию, когда система образования обучает всех «чему-нибудь и как-нибудь», надеясь на то, что полученное образование рано или поздно пригодится, а система образования будет на деле играть опережающую, ведущую роль в обустройстве жизни людей и общественном прогрессе. Ибо «Все прогрессы реакционны, если рушится человек!», – утверждает в своих стихах российский поэт А. Вознесенский.

⁴ Компетентностный подход: проблемы и перспективы. Серия «Материалы для педагогических размышлений». Вып. 1/Сост. Л.П. Губенко, Б.Е. Фишман. Биробиджан, 2002.

⁵ Концепция модели государственных стандартов высшего педагогического образования. Проект. М.: МГПУ, 2004.

ЛЮБОВЬ К ДЕТЯМ – ЦЕННОСТНАЯ ОСНОВА ПОДГОТОВКИ БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ

М.Х. Фишбейн

Фишбейн Мирон Хоневич – кандидат педагогических наук, доцент, заслуженный учитель РФ, старший научный сотрудник кафедры педагогики и психологии Биробиджанского государственного педагогического института.

Преодоление кризиса в духовной сфере общественных отношений в современной России автор связывает с обращением к фундаментальным ценностям воспитания. Одной из таких ценностей является любовь к детям. Известно, что без любви к детям и к делу воспитания нет успеха в педагогической деятельности.

В статье рассматривается эволюция взглядов педагогов на воспитательные возможности этой ценности, а также в связи с этим перспектива нетрадиционного подхода к профессиональной подготовке будущих учителей.

The author refers overcoming the crisis in spiritual sphere of public relations in up-to-date Russia to appeal for fundamental values of bringing-up. One of these values as he defines is love of children. Everybody realizes it is impossible to succeed in pedagogical activity without love of children and of bringing-up activity.

The evolution of educators' attitude towards bringing-up possibilities of this value as well as perspective of nontraditional mode to professional training of future teachers are presented in the article.

Обращение к данной теме вызвано тем, что, на наш взгляд, неоправданно много надежд в области воспитания и образования связывается с различного рода инновациями, которые отражают частные технологические подходы к решению сложнейшего комплекса проблем. При этом на современном этапе ставку делают на новые информационные технологии, их считают чуть ли не панацеей, способной снять все противоречия между стандартизацией и индивидуализацией процесса обучения. На федеральном и региональном уровнях принимаются целевые программы по насыщению школ компьютерами, программным продуктом. При этом отсутствует единая стратегия, не просчитываются варианты внедрения и вероятные последствия, т. е. реализуется экстенсивный подход по принципу: «чем больше, тем лучше». Нередко это делается в ущерб развитию специализированной отрасли, которая долгие годы обеспечивала школы учебным оборудованием и в 90-е гг. пришла в упадок. Как правило, не рассматриваются и проблемы, связанные с соотношением традиционных форм организации учебного процесса и инноваций, а также то, как последние влияют на характер взаимоотношений между его участниками, основанных на неизменных ценностях, среди которых любовь к детям играет первостепенное значение.

Считается, что о любви к детям все уже сказано и что педагогическая деятельность сама по себе подразумевает ее присутствие. В педагогических дискуссиях будут говорить о чем угодно, но только не о чувстве, которое делает процесс взаимодействия между воспитателями и воспитанниками плодотворным. Когда педагог загово-

рит о любви к детям, то в лучшем случае на это никто не обратит внимания, так как каждый считает себя в этом вопросе человеком просвещенным. Не в этом ли заключена ограниченность людей, избравших воспитание своим поприщем?

Эта ограниченность, на наш взгляд, обусловлена исторически, так как несколько поколений учителей воспитывалось в отрыве от фундаментальных представлений, связанных с христианской заповедью любви, которая содержит в себе двойной императив: любви к Богу и любви к ближнему. Эта заповедь напрямую связана с «золотым правилом», на котором построено содержание гуманистической по своей сущности православной педагогики: «Человече, ежели ты не знаешь, как спастись, и книг не умеешь читать, то не делай другому того, что самому не любо, и спасешься»¹. С заповедью любви соотносится и категорический императив Канта: «...поступай не просто универсализуемо, но еще и человечно – так, чтобы любой человек был для тебя еще и целью самой по себе»².

Во время Первой мировой войны рождается полное сомнений и неожиданных прозрений уникальное сочинение врача, гуманиста, а впоследствии педагога, который не задумываясь пошел за своими воспитанниками в газовую камеру. Имя этого человека известно всему миру – Януш Корчак. В своей книге «Как любить ребенка» он пишет: «Я не знаю и не могу знать, как

¹ Цит по: Корнетов Г.Б. Всемирная история педагогики. М., 1994. С. 104

² Апресян Р.Г. Талион и золотое правило: критический анализ сопряженных контекстов // Вопросы философии. 2001. № 3. С. 79.

неизвестные мне родители могут в неизвестных мне условиях воспитывать неизвестного мне ребенка, подчеркиваю – “могут”, а не “хотят”, а “не обязаны”. Я хочу научить понимать и любить это дивное, полное жизни и ярчайших неожиданностей творческое “не знаю” современной науки о ребенке»³.

А.С. Макаренко, чтобы не вступать в конфликт с действительностью, предпочитал говорить как бы о другом, заявляя, что каждый в деле воспитания может достигнуть мастерства. И дело здесь не в личной скромности этого любящего свое дело и своих воспитанников педагога, а в том, что о любви в стране строящегося социализма стало говорить не принято. В первую очередь по идеологическим соображениям. Любовь проповедовал Учитель. Отрекаясь от него, Макаренко клеймил «иисусиков». Гуманизм у него связывается с уважением к личности, меру которого определяет предъявляемая со стороны социума требовательность. На многие годы такой взгляд становится традиционным. Под его влиянием развилось представление о требовательной любви, а также о добре, которое непременно «должно быть с кулаками». Так, Е.Н. Медынский, анализируя с классовых позиций педагогическое наследие известного русского педагога П.Ф. Каптерева, писал: «Чувство любви, по Каптереву, – это тот общий центр, то средоточие, которое упорядочивает и оживляет все остальные чувства; любовь – это положительная и неизменная основа, от которой проистекает развитие всех способностей, содействующих нашему усовершенствованию. Социальный смысл этих гимнов любви – отвлечь внимание от классовой борьбы»⁴.

В годы «политической оттепели» был осуществлен В.А. Сухомлинским своеобразный прорыв. Он много пишет о том, что наполняет высоким смыслом педагогическую деятельность, утверждая в учительском сознании понимание того, что «...любовь к ребенку в нашей специальности – это плоть и кровь воспитателя как силы, способной влиять на духовный мир другого человека. Педагог без любви к ребенку – все равно, что певец без голоса, музыкант без слуха, живописец без чувства цвета»⁵. Василий Александрович на практике внедряет идеи ненасильственного воспитания, выступает противником бездетной педагогики. Его страстное увлечение

делом, основанным на любви к детям, вызывает неоднозначное отношение в педагогической среде. Поэтому весьма одиозно для широкой педагогической общественности прозвучала оценка его творчества – «абстрактный гуманизм». Для Сухомлинского это был болезненный удар. Предчувствуя, что ему не предоставят возможность ответить своим высокопоставленным оппонентам, он изложил свои взгляды в форме письма к сыну, которое было опубликовано уже после его смерти. «Меня обвинили, – пишет ему Сухомлинский, – в “абстрактном гуманизме”. Что это такое? Я объясню тебе это вот как: это когда речь идет о любви к человеку вообще... Я не могу согласиться с тем, что ребенка надо любить с какой-то оглядкой, что в человечности, чуткости, ласковости, сердечности заключается какая-то опасность. Для меня это кажется просто какой-то нелепостью»⁶.

То, что являлось нелепостью для замечательного человека и педагога, таковой не было для тех, кто идеологически обслуживал существовавший режим. Дело же заключалось в том, что социализм, построенный в СССР, в полной мере соответствовал упрощенной схеме, продиктованной вождем мировой революции. В новом социуме были пересмотрены и отвергнуты выработанные человечеством взгляды на человека, на его нравственность и мораль. Идеологи нового государства объявили нравственным то, что служит, по их мнению, делу пролетариата. В связи с этими установками был провозглашен «пролетарский гуманизм», который постепенно трансформировался в «гуманизм социалистический». Отношение между гуманизмом «старым» и «новым» образно выразил писатель А. Фадеев, который, выступая на съезде писателей, четко развел эти понятия. По его мнению, традиционный или «мелкобуржуазный гуманизм» может быть выражен следующим образом: мне все равно, чем ты занимаешься, мне важно, что ты человек. В противовес принятой цивилизованным миром традиции «социалистический гуманизм» заявляет: если ты ничем не занимаешься и ничего не делаешь, я не признаю в тебе человека, как бы ты ни был умен и добр. Таким образом, личность оценивается новым социумом лишь по тому, какое место она в этом социуме занимает, какие достижения на данный момент имеет, причем прошлые заслуги, как правило, в расчет не принимаются. Немаловажным фактором высту-

³ Я. Корчак // Антология гуманной педагогики. М., 1999. С. 39.

⁴ Цит. по: Фрадкин Ф.А. и др. Лекции по истории отечественной педагогики. М.: Сфера. 1995. С. 58.

⁵ В.А. Сухомлинский // Антология гуманной педагогики. М., 1997. С. 19.

⁶ Сухомлинский В.А. Что такое добро и зло // Свободное воспитание. Вып. 3. М., 1993. С. 4.

пает и социальное происхождение оцениваемого, «заслужой» становятся рабоче-крестьянские «корни», а социальным «изъяном» – национальная принадлежность, непролетарское происхождение.

Естественно, что на официальном педагогическом Олимпе взгляды В.А. Сухомлинского, своеобразно продолжившего дело великого писателя и педагога Л.Н. Толстого, развития получить не могли. Там Толстой по инерции воспринимался лишь «юродствующим во Христе», а его утверждение, что совершенный учитель это тот, кто «соединяет в себе любовь к делу и к ученикам»⁷ – как истина, не требующая творческого развития.

Сам Л.Н. Толстой рассматривал деятельность учителя как подвижническую, связанную с высокой миссией, а именно: в гуще народной «спасти тонущих там Пушкиных, Остроградских, Ломоносовых». Без особого душевного строения с такой задачей не справиться. Где же найти силы для такой деятельности? По мнению Л.Н. Толстого, из самой жизни, которая придает мыслям и чувствам особые импульсы, заставляющие сердце любить и верить. Развивая идеи своего предшественника Ж-Ж. Руссо, который призывал педагогическое сообщество черпать вдохновение в природе ребенка, Л.Н. Толстой дополнял их мыслью о том, что природа детства и окружающая детей жизнь связаны непосредственно, поэтому лучшим средством для их образования является сама жизнь. «Если жизнь не представляется тебе великой, незаслуженной радостью, то это только потому, что разум твой ложно направлен», – писал Лев Николаевич, который считал, что для человека, и особенно педагога, в способности увлекаться делом бескорыстно, без стремления к личной выгоде, заложен источник жизненной энергии. Этот взгляд соответствует религиозным представлениям Толстого. Он постоянно подчеркивал, что церковь более всего отвечает людской потребности соблюдать обряды, а не нравственные предписания. В конечном итоге произошел конфликт янополянского мыслителя с официальной церковью, которая усматривала в нравственных поисках педагога гордыню и ересь.

В истории человечества мы обнаруживаем достаточно примеров высокого служения избранному делу, среди них великий Песталоцци, который, будучи человеком слабого здоровья, являл собой образец могучего духа, концентри-

рованно направленного на осуществление цели своей жизни. Эта цель заключалась в том, чтобы доказать, «что в деле общественного воспитания следует подражать тем преимуществам, которые заключаются в домашнем»⁸. Он писал: «Каждое хорошее воспитание требует..., чтобы сила воспитателя была силой отца... На этом я строил все. Мои дети с раннего утра до поздней ночи ежеминутно должны были видеть на моем челе и догадываться по моим губам, что мое сердце льнет к ним, что их счастье есть мое счастье, их радость – моя радость»⁹.

Итак, любовь к педагогическому делу, к детям является тем необходимым условием, без которого процесс воспитания превращается, несмотря на самые новейшие методики, в дело рутинное и бесперспективное. Как тепло человеческого тела служит спасением для оказавшихся длительное время в холодной воде, как прямое переливание крови решает положительно исход хирургической операции, так любовь и душевная щедрость учителя – залог успеха воспитательных воздействий.

«Любовь – это весьма редкое явление, это чувство, на которое способны очень не многие; в сущности, это некий дар, которым наделены некоторые души, талант, который обычно проявляется наряду с другими талантами, но иногда ему ничто не сопутствует», – утверждает Хосе Ортега-и-Гассет в своем оригинальном эссе «Психология интересного мужчины»¹⁰.

Чувство, которое на профессиональном языке называется любовью к детям, при размышлении над феноменом Песталоцци заключается в растворении в детях, когда во взаимодействии с ними как бы «нет ни одной персональной судьбы, все судьбы в единую слиты» (В. Высоцкий), когда самое страшное наказание, как вспоминал А.С. Макаренко, быть исключенным из коллектива. В связи с этим встает очень важный вопрос: как отбирать и вести подготовку тех, кто имеет призвание к одной из самых массовых профессий, от успешной деятельности которых, без преувеличения, зависит судьба последующих поколений? Этот вопрос вызван критической обстановкой в общеобразовательной школе, где средний возраст учителей стремительно приближается к пенсионному, а также с подготовкой кадров в педагогических вузах, коэффициент по-

⁷ Толстой Л.Н. Общие замечания для учителя // Педагогические сочинения. М., 1989. С. 272.

⁸ Песталоцци Г. Письмо о пребывании в Станце // Хрестоматия по истории педагогики. М., 1957. С. 78.

⁹ Там же. С. 79.

¹⁰ Ортега-и-Гассет Хосе Психология интересного мужчины // Звезда. 2003, № 12. С. 110.

лезного действия которых ниже чем у тепловых двигателей позапрошлого столетия. Особенно сложное положение в значительно удаленных от экономически развитых и административных центров регионах, где велико число сельских школ. Такой территорией является Еврейская автономная область. Здесь проблема учительских кадров еще сильнее обострилась в связи с эмиграционными процессами, а их пополнение, как в центральных регионах России, за счет специалистов, возвратившихся после распада СССР из стран СНГ и переквалифицировавшихся в сельской местности в учителей, не предвидится.

Несмотря на массовый характер ведущегося профессионального образования (в каждом субъекте Российской Федерации имеется «свой» педагогический вуз), решить проблему педагогических кадров не удастся вот уже третье столетие. Почему? Среди множества предполагаемых ответов вполне уместен и следующий: у большинства, кто сегодня получает профессиональное образование, нет любви ни к делу, ни к детям. Иначе говоря, заведомо всем ясно, что педагогов, которым можно доверить самое дорогое, из них не получится. Причем это хорошо, а плохо то, что на такое, не соответствующее профессиональному, образование затрачивается много сил и средств. Выход из этой ситуации видится в перераспределении этих средств в пользу тех, у кого есть призвание к учительской деятельности, т. е. любовь к делу и детям. Как их отличить? Трудность заключается в том, что многие, особенно в юные годы, этого дара в себе не осознают. Тут надо положиться не на тесты и анкеты, а на опыт учителей, которые по едва заметным признакам: жесту, взгляду, поступку – безошибочно выявляют у своих учеников то, что принято считать любовью к детям. Это чувство у них должно быть определенным образом укреплено и развито, так как редкость дара любви заключается не в отсутствии самого чувства, а в непонимании его ценности как самой личностью, так и воспитателями, которые больше заняты внешним, а не «внутренним человеком». Малость и слабость души, на наш взгляд, есть качество не врожденное, а приобретенное в результате внешних воздействий и самовоспитания. В этих вопросах лучше всех разбираются поэты, утверждая, что «душа обязана трудиться» Н. Заболоцкий образно указал вектор воспитательных воздействий. Отмечая, что на духовный подвиг способен лишь тот, кто «нужные книжки в детстве читал», В. Высоцкий как бы определил содержание и методику этих воздействий.

Итак, учительница, назовем ее Мария Ивановна, видит и знает, что среди ее подопечных есть тот или та, кто способен стать ей заменой не только в дни болезни, но и когда придет время уйти на заслуженный отдых. Она и так кое-что из учебной работы этой девочке (мальчику) доверяет. Между ними складываются особые отношения, которые признаются учащимися. Писатель Б. Екимов в своем рассказе «Фетисыч» сумел передать и особенность установившихся взаимоотношений, и тот духовный настрой, способствующий их развитию. Кажется, что найдена природосообразная основа для профессионального становления педагогически одаренного воспитанника, но чаще всего на этом все и заканчивается. Способный мальчик (девочка) получает направление и продолжает свое образование в городе. События развиваются по сценарию, который реализуется с большей вероятностью, чем тот, который спроектирован сельским целевым набором. Духовная связь с наставником прерывается, а годы учебы и урбанизация резко изменяют менталитет обучаемого. Внешние обстоятельства формируют другие приоритеты. В условиях отсутствия законодательства, которое бы внятно регулировало правовые отношения между участниками «договора», а именно: между выпускниками педвузов и муниципальными органами народного образования, сельская школа, как правило, остается без специалиста.

В то же время вполне возможен и другой сценарий, который не навязывает насильственного государственного распределения советской эпохи. Те, кто считает, что к распределению необходимо вернуться, пытаются лишь на время снять остроту нарастающей проблемы.

Предлагается следующее, а именно: качественно изменить направление и стратегию профессиональной подготовки, используя для этих целей все формы, которыми располагает на данный момент технология обучения. Имеется в виду комплекс из очно-заочного, дистанционного и вахтового методов обучения, цель которого заключается в том, чтобы, доверяя учителю-наставнику, осуществить при минимальном отрыве от школы в рамках государственного стандарта передачу современных психолого-педагогических и других профессиональных знаний своему подопечному. Предполагается, что будущий специалист на первых порах находится в роли помощника своего наставника, выполняя поручения обучающего и воспитывающего характера, которые по мере приобретения им учи-

тельского опыта усложняются. Постоянная погруженность в практическую деятельность формирует сознательное отношение не только к методике преподаваемого предмета, но и к усвоению теоретических знаний, которые воспринимаются не отвлеченно, а в логике самой науки, т. е. органично и осознанно. При этом формируются особые коммуникативные связи, которые снимают остроту проблемы дополнительного послевузовского образования. Педагогическая сущность этих связей заключается в том, что наставник и воспитанник на определенном этапе взаимодействия меняются местами, что является характерной чертой быстроменяющегося мира, когда «потомки учат своих родителей». Вероятно, что для сегодняшней сельской школы, где «среднее» поколение стремительно стареет, а «пополнение» по известным причинам задерживается, данный вариант есть единственно приемлемый. Правда, что такое обучение в расчете на одного студента, конечно же, обойдется на порядок дороже. А в целом, учитывая эффект от долгосрочности вложения, оно несет значительную экономию, так как качественно по другому подготовленный специалист проработает в сельской школе **30–40** лет.

В триаде «учитель–школа–село» заключен глубинный смысл, связанный с устойчивостью жизнеобразующих структур. Широко пропагандируемый и повсеместно внедряемый национально-региональный компонент образования призван эту связь укреплять. И начинать его внедрение необходимо, на наш взгляд, с пересмотра основ подготовки учителя, с возвращения базовых ценностей, на которых базируется природосообразное воспитание и обучение. В рамках национально-регионального компонента образования необходимо организовать эксперимент, который поможет педагогическим вузам отработать механизм перехода к другой стратегии и технологии подготовки. Необходимые для этого средства должны выделяться заинтересованными субъектами, которые их направляют на так называемую целевую подготовку специалистов.

Подводя итог сказанному, хочется отметить, что, основываясь на аксиологическом подходе и стремлении возратить педагогическому процессу его природное начало, заключенное в созидательной любви к детям, определились ценностные ориентиры для проектирования качественно новой стратегии и технологии подготовки будущих учителей.

ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ СОДЕЙСТВИЕ АДАПТАЦИИ СТУДЕНТОВ К УСЛОВИЯМ СОВРЕМЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

О.Р. Кокорина

Кокорина Ольга Рафаиловна – кандидат педагогических наук, доцент, заведующая естественно-географическим отделением Сахалинского государственного университета.

Актуальным направлением гуманизации современного педагогического образования является научное осмысление содержательной и процессуальной сторон педагогического содействия адаптации личности к условиям профессионального образования, способствующего профессиональному саморазвитию будущего учителя, достижению им личных образовательных целей. Основанием для изучения этой проблемы служат философские, психологические и педагогические теории, характеризующие сущность саморазвития человека и обеспечивающие понимание природы личности. Поэтому педагогическое содействие следует рассматривать прежде всего как участие педагога (педагогического коллектива) в учебной деятельности личности (учащегося, студента), помощь, поддержку в достижении учебных целей. Оно реализуется через сотрудничество. Осуществление идеи педагогического содействия адаптации личности в системе профессионального образования определяет необходимость выявить ведущие, педагогически управляемые факторы адаптации, особенно на начальном ее этапе, трактуя их с точки зрения профессионально-педагогических условий, в которых этот процесс протекает.

An actual direction of humanization of a modern pedagogical education is the scientific consideration of the content and practical part of the pedagogical assistance with the adaptation of a person to the conditions of the professional training promoting professional self-development of the future teacher and achievement of his personal educational purposes. The basis for studying a problem of a pedagogical assistance with the adaptation of a person in a system of the professional training are the philosophical, psychological and pedagogical theories describing essence of self-development of a person and providing understanding of a nature of a person. Therefore a pedagogical assistance should be considered, first of all, as participation of a teacher (pedagogical group) in the educational activity of a person (pupil, student), help, support in achievement of the educational purposes. It is realized through the joint activity, cooperation. Realization of an idea of a pedagogical assistance with the adaptation of a person in the system of the professional training determines necessity to reveal main, pedagogically controlled factors of adaptation, especially at its initial stage, interpreting them from the point of view of professional – pedagogical conditions in which this process proceeds.

Федеральная программа модернизации российского образования, определяемая современным уровнем социально-экономического развития общества, нацелена на совершенствование системы профессионального образования, которое принимает как первоначальную основу своей деятельности идею саморазвития личности. Вместе с тем, как показывает практика педагогического образования, воспитание целостной личности, обладающей способностью гармонично сосуществовать с окружающим миром, при этом быть свободной и творчески активной, возможно только посредством гуманизации общества и образования как важнейшей его сферы.

Эти изменения могут произойти, если в содержании подготовки будущих учителей акценты сместятся от формирования парадигмы знаниевой к парадигме деятельностной, что становится осуществимым при создании и реализации педагогических условий, обеспечивающих целенаправленное и эффективное саморазвитие личности.

Такой подход диктует необходимость совершенствования современной системы профессионального образования будущих учителей, основная цель которой – качественная подготовка молодого специалиста нового типа – яркой, нестандартной личности с гуманистической ориентацией. Это, в свою очередь, требует разработки

и реализации прогрессивных средств и методов организации педагогического процесса, в ходе которого возможно саморазвитие будущего учителя, его личностного и творческого потенциала, раскрывающегося в совместной образовательной деятельности.

Актуальным направлением гуманизации современного педагогического образования является научное осмысление содержательной и процессуальной сторон педагогического содействия адаптации личности к условиям профессионального образования, способствующего профессиональному саморазвитию будущего учителя, достижению им личных образовательных целей.

По мнению специалистов (Л.Н. Куликова, Л.И. Новикова, В.Н. Никитенко, Е.Л. Федотова и др.), воспитание будущих учителей как людей творческих, личностно-зрелых и профессионально подготовленных становится реальным, если система педагогического образования направлена на саморазвитие личности, а сам процесс адаптации студентов к условиям профессионального образования рассматривается как комплекс условий саморазвития личности.

Основанием для изучения проблемы педагогического содействия адаптации личности в системе профессионального образования являются философские, психологические и педагогические

теории, характеризующие сущность саморазвития человека и обеспечивающие понимание природы личности. Среди них учение о человеке как «уникальном, единственном, неповторимом» Н.А. Бердяева, о человеке как «высшей форме (уровне) бытия» С.Л. Рубинштейна, о личности как «субъекте социальных отношений, обладающем системными качествами индивида, образующимися в совместной деятельности и общении» Б.Г. Ананьева и др.

С позиций гуманистической психологии личность в терминах самости, саморазвивающейся системы раскрывается в трудах К. Роджерса. Определение личности как индивидуума, представляющего собой на самом деле внутреннее «нечто», детерминирующее характер взаимодействия человека с миром, предлагает Г. Олпорт. Д. Келли рассматривает личность как присущий каждому индивидууму уникальный способ осознания жизненного опыта. Личность индивидуума предстает как функция результатов жизненных кризисов в трактовке Э. Эриксона. Главная потребность личности – самоактуализация, стремление к самосовершенствованию и самовыражению – рассматривается в трудах А. Маслоу. Понимание основного вида поведения личности – деятельности, а также основной внутренней характеристики – мотивационной сферы – раскрывается в трудах Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, А.В. Петровского.

Это обуславливает рассмотрение педагогического содействия как пути к совместной деятельности, как компонента взаимодействия. В свою очередь, педагогическое взаимодействие в образовательной реальности предстает как изначально устанавливаемое педагогом, но «всемерно повернутое к ребенку» и с ним вместе осуществляемое действие – со-действие (К.Д. Ушинский, Г.С. Батищев, Н.А. Бердяев, С.И. Ессен).

Педагогическое содействие определяет деятельностную связь педагога и учащегося в педагогическом процессе в профессиональных образовательных учреждениях. Ему отводится ведущая роль в адаптации студентов к условиям профессионального образования, установлении оптимального соответствия и качества программ профессионального обучения в ходе осуществления учебной деятельности, которое позволяет удовлетворить актуальные потребности и реализовать связанные с ними значимые цели личности студентов при сохранении должного уровня их физического и психического здоровья (О.А. Абдуллина, Б.Г. Асмолов, Е.П. Белозерцев,

Б.А. Бенедиктов, Н.В. Кузьмина, А.И. Пискунов, В.А. Слостенин, В.Г. Хорошко и др.).

Имеется ряд работ по изучению типичных особенностей процесса адаптации студентов педагогических учебных заведений к профессиональной деятельности, анализу отношений преподавателей и студентов, содержания и организации этого процесса с учетом необходимости создания специальных условий для достижения поставленных целей (Л.Ф. Бенедиктова, Ю.Н. Вьюнкова, В.М. Дугинев, З.Ф. Есарева, Г.И. Насырова, Л.С. Шубина и др.).

Значимыми для нашей работы стали исследования по реализации принципов здоровьесбережения личности в гуманитарном образовании (Г.Н. Сериков, С.Г. Сериков, П.Н. Пасюков, П.П. Миненко), по изучению особенностей физического статуса и профессионального образования личности как субъекта жизнедеятельности конкретного региона (Г.И. Мызан, А.В. Нестеров, В.И. Прокопенко, П.Н. Пасюков и др.).

Педагогические работы показали, что первостепенное значение в процессе обучения и воспитания в системе общего образования отводится личностному подходу, который понимается как опора на личностные качества учащихся. В то же время при всей фундаментальности и первостепенности самоопределения личности чрезвычайно важным является реализация личностного подхода на этапе профессионального, особенно высшего педагогического, образования (Л.Н. Куликова, Л.И. Новикова, Е.В. Бондаревская, А.В. Мудрик, Е.Л. Федотова и др.).

Ведущий вид деятельности студентов, как известно, – учение. Поэтому педагогическое содействие следует рассматривать прежде всего как участие педагога (педагогического коллектива) в учебной деятельности личности (учащегося, студента), помощь, поддержку в достижении учебных целей. Оно реализуется через совместную работу, сотрудничество.

Кроме того, педагогическое взаимодействие по, своей сути, – это не только действие педагога, а задуманная как влияние, но реализуемая совместно с учащимся и совместно создающая, саморазвертывающаяся на пересечении их устремлений деятельность (Л.Н. Куликова, Л.И. Новикова и др.).

Осуществление идеи педагогического содействия адаптации личности в системе профессионального образования с необходимостью выявляет ведущие, педагогически управляемые факторы адаптации, особенно на на-

чальном ее этапе, трактуя их с точки зрения профессионально-педагогических условий, в которых этот процесс протекает.

В то же время имеющиеся точки зрения дают основания понимать под фактором педагогического содействия адаптации к условиям профессионального образования профессионально-педагогическую направленность образовательного процесса, который не только обеспечивает определенный этап учебно-познавательной деятельности студента, а побуждает к ней и создает базу для ее реализации, является системообразующим фактором.

Осуществление профессионально-педагогической направленности личности становится возможным при условии соответствующей направленности содержания и организации образовательного процесса. Неотъемлемая часть педагогического содействия в осуществлении данного условия – развитие позитивных учебных мотивов. Структура мотивов студента педагогического учебного заведения, формирующаяся в период обучения, становится стержнем личности будущего педагога и во многом зависит от мотивации выбора этой профессии, что впоследствии повлияет на уровень профессионального мастерства.

«Педагогическое взаимодействие» акцентирует отказ от назидательности, ориентации на прямое психологическое давление и утверждает взаимопонимание и согласованное действие педагога и учащегося в образовательном процессе. Так, ориентация образовательного процесса на организацию взаимодействия преподавателей и студентов есть фактор педагогического содействия адаптации личности к условиям профессионального образования. Условия личностно-ориентированной совместной деятельности студента с преподавателем выделяют индивидуальность студента, определяют формирование механизмов саморегулирования, самоопределения. Знание индивидуальных особенностей студентов, на основе которых строится система включения их в новые виды деятельности и новый круг общения, дает возможность сделать процесс адаптации ровным и психологически комфортным (Б.Г. Ананьев, А.В. Дмитриев, И.С. Кон, В.Т. Лисовский, З.Ф. Есарева). Поэтому одним из условий педагогического содействия адаптации к условиям профессионального образования явилось гуманистическое взаимодействие студента с преподавателем в процессе совместной деятельности, которое осуществляется не только через введение ситуации совместной учебной деятельности, но и специального обучения взаимодействию и сотрудничеству.

Профессиональная подготовка неразрывно связана с эмоциональными переживаниями, с достижением поставленной цели и преодолением трудных ситуаций, особенно в начальный период адаптации. Выделяя в качестве фактора состояние здоровья студентов, необходимо отметить, что под влиянием хронического воздействия учебных факторов значительно повышается напряженность различных функций организма, прежде всего у первокурсников. Происходит нарушение школьного стереотипа, что играет существенную роль в развитии адаптационно-компенсаторных механизмов высшей нервной деятельности организма, от которого во многом зависит состояние физического, психического и духовного здоровья (Р.И. Айзман, В.А. Ананьев, А.И. Киколов, А.В. Петровский, А.Г. Хрипкова).

Условием успешного педагогического содействия адаптации личности к профессиональному образованию явилось формирование педагогического здоровьесберегающего пространства. Педагогическое содействие здесь будет направлено на обучение студентов здоровому образу жизни, создание необходимого оптимума деятельности центральной нервной системы организма (П.Н. Пасюков, Г.Н. Сериков, С.Г. Сериков и др.).

Выделенные нами педагогические условия педагогического содействия адаптации личности к профессиональному образованию становятся действенными, если для этого имеются определенные предпосылки. Главными из них мы считаем: наличие профессиональной ориентации личности, гуманистический стиль педагогического общения, личный интерес студента к сохранению и укреплению своего здоровья.

Как показала практика, студенты первого курса педагогических учебных заведений находятся на низком уровне адаптированности к условиям профессионального образования, о чем свидетельствуют слабая мотивация выбора профессии, несформированность необходимых учебных умений, высокая личностная тревожность и плохое состояние здоровья.

Реализацией условий педагогического содействия адаптации явилось введение в учебный процесс профессионально-ориентированных курсов, чтобы помочь студентам преодолеть апатию, равнодушие, в отдельных случаях – безразличие к профессии учителя, повысить качество знаний в области организации учебной деятельности, соотнести уровень учебных трудностей с их педагогическими склонностями и способностями.

В ходе проведенной работы была отмечена положительная динамика в формировании необ-

ходимых учебных умений (умение работать на лекции, организовать самостоятельную деятельность, анализировать результаты учебной работы). На успешность учебной деятельности студентов экспериментальной группы также указывает рост успеваемости по профильным предметам.

Позитивное влияние гуманистического взаимодействия преподавателей и студентов на эффективность педагогического содействия адаптации студентов осуществлялось на основе личностно-ориентированной (т. е. учитывающей в полной мере личностные качества и особенности студента) программы.

Программа педагогического содействия реализовывалась через учебно-исследовательскую и творческую деятельность студентов, работу по развитию их профессионально значимых личностных качеств, теоретические семинары (консультации) для студентов и преподавателей.

Для достижения цели педагогического содействия важно было знать жизненные планы и интересы студента, систему доминирующих мотивов, уровень притязаний, самооценку, способность к сознательной регуляции поведения. Решение этой проблемы осуществлялось через деятельность кураторов, преподавателей-предметников, психологической и медицинской служб по выявлению и коррекции возникших трудностей у студентов, создание благоприятных условий для саморазвития личности. Этому способствовало развитие межличностного общения в процессе совместной деятельности студентов и преподавателей, формирование коммуникативных навыков и умений в ходе изучения психолого-педагогических дисциплин.

Влияние здоровьесберегающего пространства на эффективность педагогического содействия адаптации студентов велико. В число приоритетов было выдвинуто развитие у студентов здорового образа жизни, что с точки зрения здоровьесберегающей педагогики явилось одним из важнейших условий достижения учебных целей (конечных и промежуточных), определяемых образовательной программой и целями образовательного учреждения в целом.

Исследование состояния здоровья студентов первого курса показало их высокую заболеваемость, что также указало на низкий уровень адаптированности.

В экспериментальную программу были включены теоретические семинары (консультации) для преподавателей по формированию здорового образа жизни студентов, курс здоровьесберегающей педагогики и ведение дневника

здоровья студентами для самоконтроля своего психоэмоционального состояния и физической активности, учебно-исследовательская работа студентов по основам здорового образа жизни и организации учебного труда и др.

Результаты подтвердили эффективность реализации выделенных педагогических условий в педагогическом содействии адаптации студентов к условиям профессионального образования (таблица).

Таблица

Динамика адаптированности студентов
Ужно-Сахалинского педагогического колледжа

№ п/п	Критерии адаптированности	Констатирующий эксперимент	Преобразующий эксперимент
1	Мотивация выбора профессии педагога	8,3	71,9
2	Отсутствие необходимых учебных умений	8,1	5,6
3	Уровень личностной тревожности		
3.1	Низкий	6,0	7,6
3.2	Средний	3,0	9,4
3.3	Высокий	1,0	23,0
4	Индекс здоровья	8,1	2,6
5	Студенты, обратившиеся к врачу	88,0	9,3

Анализ полученных в ходе эксперимента данных показал, что обоснованные нами теоретически и доказанные практически условия, важнейшие пути их реализации, обеспечивающие эффективность педагогического содействия адаптации студентов педагогического колледжа к условиям профессионального образования привели к позитивным изменениям в исследуемом процессе: развитию высокой мотивации выбора профессии педагога, успешности учебной деятельности студентов, улучшению их психоэмоционального состояния и состояния здоровья.

Теоретическое и практическое решение проблемы педагогического содействия адаптации личности к условиям профессионального образования в педагогических учебных заведениях является одним из актуальных направлений гуманизации профессионального самоопределения. Педагогическое содействие следует рассматривать как компонент совместной деятельности преподавателя и студента, как процесс поддержки (помощи) личности в активном освоении незнакомой социальной среды, в которой студент, будучи субъектом деятельности, выступает не только объектом адаптации, но и её субъектом, а студенческая среда – не только адаптирующей,

но и адаптируемой стороной. Этот процесс представляет собой систему совместной работы педагога и учащихся, направленную на овладение личностью новыми общественными формами деятельности и связан с изменением социального статуса молодого человека на этапе профессионального становления.

При осуществлении профессиональной направленности содержания и организации образовательного процесса педагогическое содействие заключалось в ознакомлении студентов с основными трудностями начального периода обучения в педагогическом колледже, формировании знаний и навыков обучения, самообразовании, раскрытии профессиональной направленности учебно-воспитательного процесса.

Установление гуманистического взаимодействия преподавателей и студентов в процессе совместной деятельности позволило нам изменить сложившуюся практику статусно-ролевого типа взаимодействия между студентами и преподавателями. Совместная деятельность препо-

дателя и студента как участников образовательного процесса, преследующих общие цели и задачи, была построена на субъект-субъектной основе, носящей характер взаимопонимания в атмосфере поддерживающего общения.

Создание здоровьесберегающего пространства профессионального образовательного учреждения мы считали исключительно важным. В настоящее время необходима направленность педагогического содействия на развитие духовного и физического в человеке в их взаимосвязи и взаимозависимости, обучение студентов педагогическому колледжу знаниям о возможностях двигательной деятельности, идеалам, нормам и образцам поведения, связанным с заботой об укреплении и сохранении индивидуального здоровья, о средствах оздоровления и методах их применения для обеспечения адаптации человека к наиболее оптимальной деятельности и адекватных условиям существования в образовательном пространстве.

ТЕНДЕНЦИИ В СОСТОЯНИИ ЗДОРОВЬЯ И ФИЗИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ УЧИТЕЛЕЙ ГГ. ЮЖНО-САХАЛИНСКА И ХАБАРОВСКА

П.Н. Пасюков

Пасюков Петр Николаевич – доктор педагогических наук, профессор, проректор по лицензированию и инновационной деятельности Сахалинского государственного университета.

В настоящее время проблема профессионального здоровья учителя привлекает заметное внимание ученых различных регионов России. Целью исследования являлось изучение состояния здоровья и физической активности учителей учебных заведений гг. Хабаровска и Южно-Сахалинска и его сезонная динамика.

Currently a problem of the professional health of a teacher attracts appreciable attention of the researchers of various regions of Russia. The purpose of the research was studying a state of health and physical activity of the teachers of various types of the educational institutions of Khabarovsk and Yuzhno-Sakhalinsk and its seasonal dynamics.

Профессиональное здоровье учителя – это способность организма сохранять и активизировать компенсаторные, защитные, регуляторные механизмы, обеспечивающие работоспособность, эффективность и развитие личности учителя во всех условиях протекания профессиональной деятельности. В настоящее время эта проблема привлекает заметное внимание исследователей различных регионов России.

Интерес к данной проблеме определяется внутренними потребностями педагогического процесса, тем фактом, что региональные особенности проживания, включая климато-географические, социальные, национальные, должны широко учитываться в практике построения педагогической деятельности. Приоритетной задачей является поиск средств и методов укрепления здоровья в исследуемой совокупности как ведущего показателя качества жизни в холодных регионах, повышения их физической активности¹.

Цель исследования – изучение состояния здоровья и физической активности учителей различных типов учебных заведений гг. Хабаровска и Южно-Сахалинска.

Задачи исследования:

1) определить уровень заболеваемости учителей в различных типах общеобразовательных учреждений (школа, школа повышенного типа, колледж);

2) выявить сезонный характер заболеваемости учителей в различных климато-географических условиях;

3) исследовать степень использования учителями традиционных и нетрадиционных оздоровительных систем.

Исследования проводились на базе лаборатории региональных образовательных систем Сахалинского государственного университета в 1999–2002 гг. В них приняли участие 449 учителей (228 – Южно-Сахалинск, 221 – Хабаровск), представляющие в равной мере три типа учебных заведений: общеобразовательную школу, школу повышенного типа (гимназия, лицей), колледж.

Состояние здоровья в данной совокупности и его сезонная динамика определялось на основании анализа обращаемости учителей за медицинской помощью, записей в медицинских картах по следующим параметрам: 1) общей заболеваемости (общее число дней, пропущенных учителями по болезни); 2) индексу здоровья (количество человек, не обращавшихся к врачу в течение года); 3) общему количеству обращений к врачу; 4) числу дней, пропущенных по болезни на одного учителя. Степень использования учителями различных систем оздоровления исследовалась посредством анкетирования.

В результате выявлена высокая заболеваемость учителей во всех типах учебных заведений г. Южно-Сахалинска. Более половины сахалинских учителей обращались к врачу в течение учебного года. Наиболее высокий уровень заболеваемости выявлен по общеобразовательной школе, за ней следует колледж, затем школа повышенного типа. Аналогичная тенденция наблюдается по образовательным учреждениям г. Хабаровска. При этом общий уровень заболеваемости и количество дней, пропущенных по болезни на одного учителя, в г. Южно-Сахалинске в 1,5–2 раза выше, чем в г. Хабаровске (табл. 1).

¹ Анкудинов Ф.С., Ведмицкий В.А. Сахалин–Курилы: природа, здоровье, жизнь. Южно-Сахалинск: Дальневосточное книжное изд-во. Сахалинское отделение, 1992. С.174.

Таблица 1

Сравнительная характеристика заболеваемости учителей различных типов образовательных учреждений гг. Южно-Сахалинска (n = 221) и Хабаровска (n = 228)

Параметры	Школа				Школа повышенного типа				Колледж			
	Южно-Сахалинск		Хабаровск		Южно-Сахалинск		Хабаровск		Южно-Сахалинск		Хабаровск	
	n = 72		n = 56		n = 76		n = 62		n = 73		n = 110	
	n	%	n	%	n	%	n	%	n	%	n	%
Количество дней, пропущенных по болезни в течение года	1051	-	484	-	716	-	354	-	1122	-	950	-
Количество учителей, не обращавшихся к врачу в течение года	16	22	31	55,3	31	41,0	45	72,5	23	34,5	63	57,2
Количество учителей, обратившихся к врачу в течение года	56	79	25	44,6	45	59,6	17	27,4	50	68,4	47	42,7
Количество дней, пропущенных по болезни на одного учителя в течение года	14,5	-	8,6	-	9,4	-	5,7	-	15,3	-	8,6	-

Среди факторов, влияющих на состояние и уровень здоровья населения региона, особое место занимает так называемый географический фактор – условное название комплекса факторов, имеющих отношение к особенностям климата, ландшафта места проживания, популяции, социально-экономических условий жизни (урбанизация, развитие инфраструктуры и социальной сферы), национальным особенностям популяции. По мнению В.А. Нестерова, данный фактор подчеркивает привязку условий, в которых происходит развитие человека, к месту проживания, популяции в географическом, социальном, экономическом плане².

Важное место в наших исследованиях имеет определение того, в какой мере здоровье зависит от погодно-климатических факторов. В условиях Сахалинского климата, который в целом гораздо холоднее, чем на тех же широтах континентальной части России, зимние атмосферные процес-

сы проявляются с ноября по март, что обусловлено влиянием окружающих морей. Продолжительность снежного покрова составляет 153 дня. В связи с этим основная часть (60–70 %) радиационного баланса расходуется на испарение (в условиях юга острова выпадает значительное количество осадков: 800–900 мм) и меньше тепла расходуется на прогревание воздуха. Поэтому в условиях Сахалина температура атмосферного воздуха в апреле – начале мая повышается медленнее, чем в Хабаровске.

В сочетании с температурой и скоростью движения воздуха его относительная влажность определяет состояние теплового баланса человека. Данные климатические показатели создают для организма трудные условия терморегуляции и способствуют охлаждению тела, в связи с чем и возникают (обостряются) заболевания.

В связи с этим представляют интерес результаты исследования сезонного характера заболеваемости учителей гг. Южно-Сахалинска и Хабаровска (рис. 1).

² Нестеров В.А. Этапность формирования физического состояния человека в различных климато-географических условиях. Хабаровск: Изд-во ДВГАФК. 1998. С. 97.

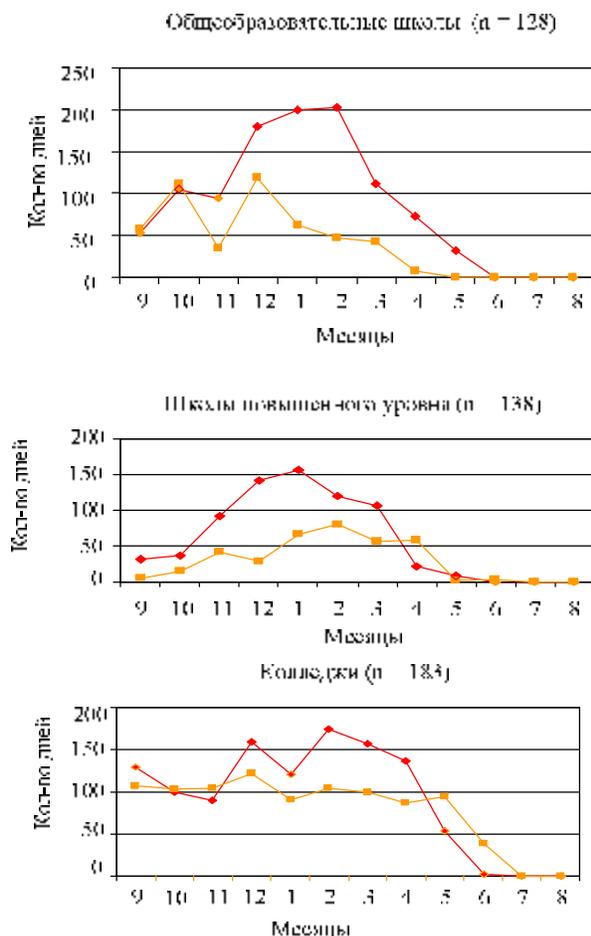

Рис. 1. Сезонная динамика заболеваемости учителей различных типов учебных заведений г. Южно-Сахалинска и Хабаровска (Результат: ♦ - Южно-Сахалинск; ■ - Хабаровск)

По количеству рабочих дней, пропущенных учителями по болезни в Сахалинской области, самый неблагоприятный период декабрь – март. Аналогичные результаты получены по образовательным учреждениям в г. Хабаровске. Пик заболеваемости в гг. Южно-Сахалинске и Хабаровске приходится на январь – февраль, совпадая с эпидемией гриппа, имевшей место в Дальневосточном регионе в исследуемый период. Наиболее высокая заболеваемость наблюдалась в колледжах, за ними следовали общеобразовательные школы, в лицеях и гимназиях она ниже.

Более высокий уровень заболеваемости в колледжах гг. Хабаровска и Южно-Сахалинска, на наш взгляд, определяется спецификой профессиональной деятельности учителя, которая заключается в отличии задач и программ обучения, контингента учащихся, длительным и малоподвижным пребыванием в закрытых помещениях, низким образовательным и культурным

уровнем в вопросах здорового образа жизни и иными факторами³.

Данные исследования соотносятся с классификацией факторов риска в оценке здоровья населения (табл. 2).

Таблица 2

Классификация групп факторов риска в оценке здоровья населения (Ф.С. Анкудинов, В.А. Ведмицкий, 1992)

Сферы	Значение для здоровья (удельный вес, %)	Группа факторов
Образ жизни	49–52	Курение, несбалансированное питание, употребление алкоголя, вредные условия труда, стрессы. Гиподинамия, плохие материальные и бытовые условия, злоупотребление лекарствами, непрочность семей, одиночество, низкий образовательный и культурный уровень в вопросах здорового образа жизни, урбанизация
Генетика, биология человека	18–22	Предрасположенность к наследственным болезням
Внешняя среда, природно-климатические условия	17–20	Загрязнение воздуха, воды, почвы канцерогенами. Другие загрязнения воздуха, воды и почвы. Резкие смены атмосферных явлений. Продолжительный холодный период года и другие климатические факторы
Здравоохранение	8–10	Неэффективность профилактических мероприятий. Низкое качество медицинской помощи. Высокая стоимость медицинских услуг и др.

Большое значение в выработке компенсаторных механизмов в организме человека имеет физическая (двигательная) активность, направленная на оптимальное взаимодействие организма с социальными факторами и условиями среды обитания. В контексте исследования важную роль в деятельности учителя занимает знание и использование им на различных этапах онтогенеза традиционных и нетрадиционных оздоровительных систем, являющихся средством самосовершенствования человека и его духовных начал, связанных с физическим, «телесным» компонентом.

³ Пасюков П.Н., Кокорина О.Р. Профессиональное здоровье учителя: проблемы формирования // Высшее образование на Дальнем Востоке и в странах АТР на пороге XXI века: Материалы международной конф.: В 2 ч. Ч. 2. Южно-Сахалинск: Изд-во СахГУ, 1999. С. 78–81.

Результаты опроса указывают на относительную схожесть мнений учителей гг. Южно-Сахалинска и Хабаровска в вопросах использования оздоровительных систем. Как тех, так и других интересует и привлекает проблема оздоровления. Однако учителям не хватает знаний, умений, и навыков использования оздоровительных систем. В то же время заметные различия наблюдаются в степени владения восточными оздоровительными системами учителями Хабаровска и Южно-Сахалинска (цигун, акупрессура, точечный массаж, психокоррекция). Более высокую степень владения ими учителями Хабаровска мы можем в какой-то мере объяснить высоким уровнем урбанизации и активным взаимодействием населения региона с культурой Китая (табл. 3).

Таблица 3

Сравнительная характеристика использования традиционных и нетрадиционных оздоровительных систем учителями гг. Хабаровска (n = 228) и Южно-Сахалинска (n = 221)

Оздоровительные системы	Обучаю других, %		Владею сам, %		Знаком, %		Не знаком, %	
	Южно-Сахалинск	Хабаровск	Южно-Сахалинск	Хабаровск	Южно-Сахалинск	Хабаровск	Южно-Сахалинск	Хабаровск
Оздоровительный бег	9,1	14,2	14,7	24,5	49,9	52,2	30,3	40,2
Восточная оздоровительная система «Цигун»	–	7,1	2,5	8,3	25,7	37,9	68,6	71,8
Дыхательная гимнастика	–	7,1	8,3	13,5	37,8	59,7	54,7	36,6
Закаливание водой, воздухом, босохождение	15,3	14,9	28,4	25,2	65,8	51,1	30,5	7,1
Акупрессура, точечный массаж	7,3	14,2	9,1	14,2	37,8	54,9	65,5	30,9
Гимнастика для глаз	19,7	30,8	30,4	42,9	38,1	46,8	53,6	15,4
Психокоррекция	7,3	11,3	8,1	37,3	28,7	34,4	70,1	49,1
Фитотерапия, танц-терапия, музыкальная релаксация	9,1	7,7	18,1	18,3	30,3	41,5	8,3	16,1

В настоящее время исключительно важным является рассмотрение процесса физического воспитания в педагогических колледжах и вузах комплексно: как развитие физического и духовного в человеке, обучение его знаниям о возможностях двигательной деятельности, идеалам, нормам и образцам поведения, связанным с заботой о теле и физическом состоянии, средствах воздействия на организм и методах их применения для обеспечения адаптации человека, к наиболее совершенной оптимальной деятельности и адекватным условиям существования в окружающей среде.

Проблема здоровья как показателя качества жизни человека на Дальнем Востоке России особенно актуальна в сфере педагогической деятельности и напрямую связана с проблемой сохранения кадрового потенциала региональной образовательной системы.

Учителя учебных заведений гг. Хабаровска и Южно-Сахалинска как профессиональная группа отличаются низкими показателями физического здоровья. Это обусловлено спецификой трудовой деятельности, длительным и малоподвижным пребыванием в закрытых помещениях, нервными перегрузками и иными факторами.

Высокие показатели заболеваемости учителей г. Южно-Сахалинска во всех типах учебных заведений относительно г. Хабаровска при прочих равных условиях определяются особенностями климата Сахалинской области: высокой влажностью, продолжительным холодным периодом, преобладанием северных ветров и др.

Эффективным направлением в достижении профессионального здоровья является овладение учителями региона традиционными и нетрадиционными оздоровительными системами, в том числе восточными. В то же время их использованию уделяется недостаточное внимание как самих учителей, так и системы подготовки педагогических кадров в целом.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ПЕДАГОГИКА О СООТНОШЕНИИ ИНДИВИДУАЛЬНОГО И СОЦИАЛЬНОГО В ИДЕАЛАХ И ЦЕЛЯХ ВОСПИТАНИЯ ЛИЧНОСТИ (80-е гг. XIX в. – 30-е гг. XX в.)

Н.В. Семенова

Семенова Наталья Викторовна – кандидат педагогических наук, профессор кафедры педагогики Хабаровского государственного педагогического университета.

В статье рассматриваются и сопоставляются взгляды русских педагогов конца XIX (80-е гг.) – начала XX (30-е гг.) вв. на детерминанты, содержание идеалов и целей воспитания подрастающего поколения, условия педагогической результативности их влияния на развитие личности ребенка.

This article is about the ideals and purposes of the Russian pedagogical of the period of the end XIX (the 80-s) and the beginning of the XX (the 30-s) century. The author analyses the ideas of the sources, determinations, contents of the education's ideals and the purposes, of pedagogical conditions, which causes the child's personality's development.

В данной статье рассматриваются подходы к выбору идеалов и определению целей воспитания, складывающиеся в отечественной педагогике в рамках обозначенного периода. Это обусловлено тем, что самые высокие цели оказываются недостижимыми вследствие пренебрежения такими важными педагогическими условиями, как позиция воспитуемого в педагогическом процессе, баланс соотношения индивидуальных и социальных сил личности.

Анализируя практику воспитания, педагоги конца XIX в. пришли к убеждению, что воспитание как таковое возможно только во имя какого-либо идеала. Благодаря действию и осуществлению идеалов, как подчеркивали В.П. Вахтеров, К.Н. Вентцель, П.Ф. Каптерев, Н.И. Кареев и др., «...человек становится сознательным фактором истории и будущее в его руках. Он привлекает нас своей красотой, волнует наши чувства, соединяет в себе все, что мы считаем добром и правдой, и побуждает нас оказывать предпочтение высшим из наших стремлений над низшими»¹.

Педагогический смысл идеала трактовался как перспектива развития и цель «совершенствования» человека, осознанная и принятая им, не как образ конкретной личности, а как идеальная «модель жизни»². Содержательная наполненность идеала в такой его интерпретации обуславливалась ценностями общества, его культурным развитием, а также отношением к ним самого человека. Таким образом, идеал в его педагогическом смысле нес в себе двуединое начало: социальное и личностное.

Говоря о содержательной стороне идеала, педагоги негативно оценивали идеалы, содержащие в себе образы конкретных людей или определенный набор человеческих качеств, что было связано с возможностью крушения идеала из-за потери этим конкретным лицом авторитета в глазах отдельного ребенка или общества. Недопустимым считалось механическое восприятие идеалов от других людей без их «прочувствования» и осмысления, оторванность идеалов от реальной жизни. Таким образом, то или иное содержание идеала и его педагогическая эффективность детерминировались не только соответствием его социокультурным обстоятельствам окружающей жизни, но и эмоциональным и рациональным отношением к нему ребенка, самостоятельностью в его выборе и процессе восхождения к нему.

Предпочтение педагогами отдавалось идеалам в виде «модели жизни», основывающейся на высоких нравственных принципах как «универсальных ценностях жизни». К.Н. Вентцель, например, относил к ним принципы гармонии, единства, цельности культуросообразности (должен быть связан с реальной жизнью, опираться на действительное и реальное, чтобы не быть беспочвенным), самостоятельности (должен быть прочувствован, осмыслен и внутренне принят самим человеком, становящимся его носителем)³. Только в этом случае идеал будет служить развитию и человека, и общества.

Изучая вопрос о факторах, влияющих на выбор того или другого идеала, педагоги установили большое значение уровня образования и социального статуса человека. Так, по выводам

¹ Вахтеров В.П. Идеалы воспитания (незаконченная рукопись II тома его труда «Основы новой педагогики», 1916. 258 с. НА РАО РФ Ф.7, оп.1, ед.хр.1. С. 62.

² Антология педагогической мысли России второй половины XIX – начала XX вв./ Сост. П.А. Лебедев. М.: Педагогика, 1990. С. 322–354.

³ Вентцель К.Н. Этика и педагогика творческой личности (проблемы нравственности и воспитания в свете теории свободного гармонического развития жизни и сознания): В 2 т. Т.1: Этика творческой личности. М. 1911.

П.Ф. Каптерева, «простонародный» идеал ориентирован, в частности, на образы святых подвижников и простых серьезных мирян, ведущих благочестивую жизнь, проявляющих силу и поддержку в разных бедствиях, а так же невинные страдальцы, несчастенькие и блаженные. Культурная деятельность на благо общества и государства, соединенная с личным самопожертвованием (врач среди эпидемии, ученый на Северном полюсе и т. п.) высоко ценилась более образованными слоями⁴, в связи с чем, безусловно, возрастала роль образования детей.

Особое внимание педагогов привлек анализ отношения к идеалам, которые предъявляло своим подданным государство. Государственные идеалы концентрировались на политической благонадежности как «преданности существующему порядку, соединенной с отсутствием его критики», на дисциплинированности и послушании, на патриотизме. Указывая на их безусловную значимость, П.Ф. Каптерев тем не менее отмечал, что исходящие от государства целевые требования и способы их осуществления чужды педагогическому процессу. Смысл этой «чуждости», «навязанности» заключался в предъявлении требований, превышающих возможности достигнутого уровня развития индивидуальных и социальных сил, в расхождении с естественными законами развития детей, предполагающими их активность в воспитании, – ее проявление оказывается невозможно в тех рамках реального педагогического процесса, которые одобрялись официальной педагогикой⁵.

Повышенное внимание обращалось на характер и силу эмоционального отношения к идеалу как ценности. Наблюдая за воздействием на людей фанатичной веры в идеалы, веры, которая на ведомых влияет с большей силой, чем на носителей, педагоги указали не только на особую опасность для таких людей крушения идеалов, но и на возможность совершения такими людьми поступков, великих не только своей положительностью, но и своей низостью. Все это привело к выводам о недопустимости превращения идеалов в фетиш, идол, преклонения перед ним в процессе воспитания детей, о недопустимости безусловного принятия их и неукоснительного, вплоть до жертвенности, следования им.

С проблемой педагогического идеала теснейшим образом связан вопрос о педагогических целях. Как уже было сказано, идеал рассматри-

вался как перспектива развития и саморазвития личности. В этом контексте он может быть отождествлен с задачей развития и саморазвития. Педагогической целью он может восприниматься, будучи осмыслен в качестве такой возможной перспективы педагогами.

В формулировках педагогических целей должна произойти «встреча» социального и индивидуального, объективности и субъективности. В качестве цели воспитания идеал мог быть принят при условии соответствия его идеальным представлениям общества и государства, педагогическим ценностям, реалиям и перспективам жизни. В этом объективная сторона цели. Но чтобы быть реализованной, она должна быть принята и самим ребенком, соответствовать его личным представлениям и устремлениям. В этом ее субъективная сторона.

Признавая тот факт, что общество несет в себе определенный идеал и стремится передать его младшему поколению, превращая этот идеал в цель воспитания, педагоги утверждали недопустимость декларативного навязывания обществом целей ни школе, ни самому ребенку. Педагогические задачи будут иметь смысл и положительный результат только в том случае, если их пропустить через чувства и сознание воспитуемого, принимающего их, и педагога-воспитателя, помогающего ребенку идти по пути к ней. (К.Н. Вентцель, В.П. Вахтеров, П.Ф. Каптерев, Н.И. Кареев, П.Ф. Лесгафт).

Оппозиционность и неразделимость личности и общества проявлялись в процессе достижения личных жизненных целей, где достигались одновременно как цели воспитания, так и общественные, на что указывал К.Н. Вентцель⁶. Педагоги при этом стремились не к противопоставлению целей индивидуального (личного) и общественного характера, а к паритету между ними на основе самоосознания неразрывности собственной связи с обществом, диалектики саморазвития как развития от частного к общему, от «сделать для себя» к «сделать для других».

Через осознанные личные (индивидуальные) цели подрастающий человек выходит на взаимодействие с множеством других людей, от которых так или иначе зависит их осуществление. И чем сложнее цель, тем с большим кругом людей, оказывается, необходимо вступать в отношения, во взаимодействие. Такое взаимодействие с другими людьми и обществом в целом в процессе осуществления собственной цели также придает ей социальную окраску.

⁴ Каптерев П.Ф. Избранные педагогические сочинения / Под ред. А.М. Арсеньева. М.: Педагогика, 1982. С. 200–201.

⁵ Там же. С. 209.

⁶ Вентцель К.Н. Указ. соч.

В феномене цели педагоги усматривали дuality: одна и та же, она могла быть значима одновременно и для личности, и для общества. Это связывалось не только с ее сложностью и длительностью, но и с «широтой самой системы целей»: чем она шире у данной личности, тем больше возможностей для гармонизации с нею новой цели⁷.

Антропологический подход обусловил выведение целей как таковых, и в особенности педагогических, из самого человека, из естественности и самостоятельности его развития, что определило в качестве ключевой цель развития самостоятельности чувств, мыслей, деятельности самого человека⁸.

Актуальным, как показывает анализ первоисточников, был вопрос о том, какая сила в обществе выбирает эти цели и идеалы, при условии, что само общество как феномен не обладает необходимым для этого разумом. Ответ, данный В.П. Вахтеровым, несет в себе утверждение о проявлении и в этом случае активной, определяющей позиции личности по отношению к обществу: это осуществляется людьми, способными не только входить в общественные связи, во взаимодействие, но способными анализировать их. Сам выбор целей и идеалов, предъявление их членам общества есть результат развития сознания и разума, деятельности активных начал психики индивидов. С этим связано, в частности, значение в качестве цели пробуждения дремлющих в самом ребенке творческих сил, которые впоследствии дадут ему возможность определять все новые и новые цели и идеалы и осуществлять их⁹.

Анализ целей, конкретизированных до уровня задач, свидетельствует о том, что развитие индивидуальных и социальных сил в ребенке рассматривалось в их взаимосвязи, взаимообусловленности, которыми детерминировалась готовность личности к жизни в обществе, служению людям и одновременному сохранению собственной индивидуальности, паритетности отношений человеческих «я» в обществе. Так, успешной жизнедеятельности в обществе способствуют: воля, твердый характер, выдержка¹⁰; умение управлять своими чувствами и мыслями, потребностями, стремлениями, ощущениями и настроениями и окружающими людьми, бороться с самим собою и с разнообразными силами

природы¹¹; расширение «духовного горизонта личности»¹²; привычка думать о других¹³, чувства уважения к личности своей и чужой, чувства законности и закономерности в своих действиях, сознание своего права и долга по отношению к другим, в то время как необузданность характера, буйство, неумение оценить положение, бесшабашность, неспособность взвешивать свои слова и поступки опасны для осуществления гражданских обязанностей, особенно для властной деятельности (П.Ф. Каптерев). Воспитание общественных инстинктов как стремления жить и действовать в сотрудничестве с другими одновременно выступают задачами индивидуального и социального характера. Следует отметить, что в основе этих задач лежит идея развития личности, источниками которого становятся столкновения внутреннего и внешнего, внутренних стремлений, побуждений с идущими извне, от других людей, собственных внутренних стремлений, побуждений индивида, направленных на него самого, с общественными требованиями.

Наряду с развитием природных человеческих сил, являющихся в немалой степени индивидуальными, в качестве задач воспитания выдвигались вопросы, связанные с развитием природной же социальности и на основе развития индивидуальных и социальных сил: формирование умений достойно выполнять общественно-гражданский долг, целеустремленно и плодотворно работать над усовершенствованием общественной жизни согласно определенным идеалам¹⁴. Это оказалось бы невозможным без воспитания с раннего возраста «сознания обязанностей» перед государством и обществом, отношения к нравственным взаимодействиям с другими людьми как к необходимости, которую «невозможно не удовлетворять»¹⁵.

В аспекте избранной нами темы наиболее полно отражающей идею паритетности индивидуальных и социальных сил личности представляется формулировка цели, данная П.Ф. Лесгафтом: «Цель воспитания – содействовать развитию разумного человека, который был бы в состоянии соединять опыт прошедшей жизни с настоящей

⁷ Вентцель К.Н. Указ. соч. С. 250.

⁸ Лесгафт П.Ф. Семейное воспитание ребенка и его значение. М.: Педагогика, 1991. С. 5.

⁹ Вентцель К.Н. Теория свободного воспитания и идеальный детский сад. Изд. 4-е, испр. и доп. СПб.–М. 1923. С. 5.

¹⁰ Каптерев П.Ф. Указ. соч. С. 87.

¹¹ Манасеева М. Основы воспитания с первых лет жизни и до полного окончания университетского образования. Вып. 5. СПб, 1902. С. 23.

¹² Кареев Н.И. Идеалы общего образования. Изд. 2-е. СПб., 1909. С. 14.

¹³ Шацкий С.Т. Педагогические сочинения: В 4 т. Т. 1. – М.: Изд-во АПН, 1962. С. 278.

¹⁴ Лович Е. Бессильные идеалисты (К вопросу о русском юношестве)// Вестник воспитания. 1897. № 8. С. 2.

¹⁵ Сознание обязанностей у детей//Воспитание и обучение. 1905. № 10. С. 336.

жизнью и быть в состоянии предвидеть последствия своих действий и отношений к другому лицу, выяснять себе причинную связь наблюдаемых им явлений и творчески предсказывать и проявляться, в чем именно и выражается человеческая мудрость. Понятно, что такие проявления могут быть только в том случае, когда человек в состоянии сам выработать свою мысль и сам ее применять. Необходимо также, чтобы эти проявления, как и вообще все действия человека, были настолько целесообразны и быстры, а вместе с тем просты и точны, что давали бы возможность увеличивать производительность лица и доводить ее до художественного изящества»¹⁶.

Итак, перспективой развития личности, с точки зрения педагогики, как она смогла это уловить в тенденциях общественного мнения и социокультурного развития общества, был образ человека с развитыми природными силами, обеспечивающими ему возможности гармонизировать собственные устремления с устремлениями других людей, общества в целом, осознающего собственную неразрывность с ним как необходимую данность.

Вышеизложенное демонстрирует подход к определению идеалов и педагогических целей, а также к условиям их педагогического влияния на развитие личности с учетом необходимости ее взаимодействия с обществом и его культурой, что могло быть реализовано только при ценностном равенстве индивидуальности и социальности личности. Это соотношение их как равных ценностей имело возможность осуществления при условии реализации принципов природо-, культуро-, социообразности, самостоятельности в их взаимосвязи.

Идеал, по утверждению педагогов, мог стать регулятором поведения подрастающего человека, критерием оценки жизненных явлений, особенно при необходимости сделать нравственный выбор, только объединив в гармоничное целое социальные и личностные начала.

Разработанные педагогами дореволюционного периода идеи о теоретических подходах к вопросу об идеалах и целях воспитания получили определенное воплощение в первые послереволюционные годы, пролонгировав тем самым заложенные ранее антропологические традиции. Однако последующие годы в хронологических рамках нашего исследования частью разрушили их, частью деформировали, подтвердив тем самым исторический характер самих педагогических идеалов и целей и теоретических походов к

их определению. Главным источником этих деформаций стала смена идеологических и ценностных ориентиров – переход от идей паритетности личности и общества, индивидуального и социального в личности к приоритету общества над личностью, социального над индивидуальным.

Следуя гуманистическим антропологическим традициям дореволюционной педагогики, партия, государство и общество объявили личность главной ценностью социализма, ясно и определенно отметив, что дитя есть человек-личность, есть самоцель как сущность, что нашло свое отражение в Декларации о единой трудовой школе. Но уже ко второй половине 20-х гг. интерес к личности и ее индивидуальности приобрел ярко выраженную классово-политическую окраску и преимущественно социальный фокус изучения, анализа, оценки, в результате чего принцип социосообразности заменил собой принципы природо- и культуросообразности, а воспитание стало рассматриваться не просто как социальное, а в большей степени как социально-политическое, направленное на достижение общей социально-политической идеи. Эта идея стала детерминантой идеалов и целей воспитания.

Педагоги советского периода не отказывались от принципа идеалосообразности, но он при этом оказался определенным образом трансформирован. Так, если в дореволюционный период, как мы уже отмечали, в качестве идеала и цели представлялся сам человек-субъект с его природными потенциалами, то в советской педагогике появилась «идеальная модель человека», к которой обязан был стремиться каждый, и для этого использовалось специально организуемое воздействие на человека.

Высшим идеалом, к которому должен был стремиться каждый, стали конкретные личности вождей революции и собирательный образ Коммуниста. Ленин в 1919 г. наделил его следующими качествами: обучен, объединен, воспитан, закален, имеет решимость и способность отстаивать свою культуру, вынести при этом все тяжести, испытания, невзгоды, великие жертвы; рвет с прошлым; испытывает ненависть и презрение ко всему мещанскому и т. п.¹⁷; не допускает никаких сомнений (сомнения В.И. Ленин приравнивает к предательству)¹⁸; верит в собственные силы, способен к творчеству и самостоятельному мышлению; сознателен, идейно убежден, самоотвержен, настойчив¹⁹. В педагогической интер-

¹⁷ Ленин, В.И. Полн.собр.соч. Т.38. С. 387–388.

¹⁸ Там же. Т.40. С. 131–132.

¹⁹ Там же. Т.36. С. 171.

¹⁶ Лесгафт П.Ф. Указ. соч. С. 158.

прегации Н.К. Крупской в этом идеальном образе были выделены социальные характеристики, и он был представлен как человек общественный, с сильно развитым социальным инстинктом, который желает, чтобы всем людям было хорошо и счастливо; он должен знать, к чему стремиться, как поступать, знать законы общественного развития, свои личные интересы он всегда отодвигает на задний план, подчиняя их общим; активно борется с тем, что вредит делу, и отстаивает то, что способствует его успеху; знает, что плохо в капиталистическом строе, куда идет общественное развитие и как надо содействовать коммунизму; умеет прикладывать свои знания к делу; душой и телом предан интересам трудящихся и коммунизму²⁰.

Примечательно, что в середине 20-х гг. достижение этого идеала было признано сложным для всей массы населения, в связи с чем произошло его упрощение. Это упрощение коснулось прежде всего степени интеллектуального развития, способности к рефлексии, внутренней самостоятельности мысли и деятельности. Идеалом нового массового человека стал умелый рабочий для передовой промышленности, умеющий приспосабливаться к конкретным условиям производства, сильный внутренней дисциплиной, одновременно и хозяин производства и его работник; его сознательность выражалась в понимании направления общественного развития и умении действовать так, чтобы обеспечить победу всей массы трудящихся.

В первые же месяцы после революции (1918) Н.К. Крупская объявила в качестве первой и всеобъемлющей социально-педагогической потребности социалистического общества – потребность в воспитании людей, «годных для этого строя, способных к физическому и умственному труду»²¹. В педагогических публикациях мы не раз встречались с этими характеристиками: годный, пригодный, приспособленный, необходимый и т. п., которые выражают детерминированность развития человеческой личности насущными и актуальными политическими, экономическими, социальными нуждами общества и государства и их приоритет. Но в начале 20-х гг. этот взгляд только заявлялся, определился он как окончательное официальное требование несколько позже, к третьей четверти 20-х гг.

Пока же рядом с ним сосуществовал как педагогическая традиция предшествующих лет

идеал человека, в котором получили развитие все его природные силы, характеризующие его сущность как со стороны индивидуальности, так и со стороны социальности, т. е. творца обстоятельств собственной жизни, стремящегося к гармонии с собой и внешним миром и не могущего быть средством ни в чьих руках и ни в чьих интересах, оригинального своей индивидуальностью (А.В. Луначарский). Так, Н.Н. Иорданский, определяя в 1925 г. понятие «гармоническое развитие личности», цитировал А.В. Луначарского: «Просвещение есть передача новым поколениям накопленных знаний и умений... и стремление сформировать новое поколение как в индивидуальном, так и в социальном отношении согласно с идеалом наиболее широкой и богатой и в то же время наиболее гармоничной, т. е. согласной жизни»²². Эта трактовка еще сохраняла взгляд на индивидуальное и социальное как на равноценность. Однако уже в 1928 г. А.В. Луначарский восклицал: «Социализм – царство не индивидуальности, а коллективного человека», что подтверждает наш вывод о смене паритетности индивидуального и социального на приоритетность социального в человеке²³. На эту тенденцию указывал в 1925 г. Н.Н. Иорданский, замечая, что «Коммунистический идеал воспитания пытается все воспитание влить целиком в общественные формы...»²⁴.

В качестве идеальных качеств личности советского человека на первом месте назывались его личная инициатива и активность, способность к труду, умение творить, осознание себя хозяином жизни, внутренняя дисциплина, но в отличие от дореволюционного периода они ценились теперь только в случае направленности их на общественные дела.

Неприемлемыми для советского человека качествами наряду с эгоизмом, пассивностью, резонерством, неустойчивостью, вздорностью, ленью, грубостью, неуживчивостью, озлобленностью, завистливостью объявлялись: недоверчивость, сухость, вялость характера, капризность, застенчивость, женственность (А.В. Луначарский).

В обстановке уверенности в возможности любых, причем быстрых, социально-экономических, технических преобразований утвердилось мнение и в возможности изменений во всех сферах человеческой личности: в условиях, которые требуют людей инициативных, находчи-

²⁰ Крупская Н.К. Педагогические сочинения: В 6 т. Т. 2. / Под ред. А.М. Арсеньева, Н.К. Гончарова, П.В. Руднева. М.: Педагогика, 1978–1980. С. 96.

²¹ Там же. Т. 2, 15.

²² Иорданский Н.Н. Основы и практика социального воспитания. М., 1925. С. 25.

²³ Луначарский А.В. О воспитании и образовании/Под ред. А.М. Арсеньева, Н.К. Гончарова, И.А. Каирова, М.А. Прокофьева, В.А. Разумного. М.: Педагогика, 1976. С. 281.

²⁴ Иорданский Н.Н. Указ. соч. С. 41.

вых, распорядительных, а их нет, их, по глубокому убеждению А. Гастева, «надо родить»²⁵.

Обоснование общественных интересов в качестве главного источника и содержания педагогических идеалов и целей сопровождалось понижением их классовыми и партийными интересами, что диктовало необходимость воспитания из подрастающих поколений убежденных и стойких борцов за коммунистические идеи.

Воспитание на основе идеалов в советской педагогике проявлялось, в частности, в выдвигании в качестве образцов для подражания героев революции и Гражданской войны, а впоследствии – героев труда, в присвоении пионерским отрядам имен героев, чьи образы, пример жизни должны были направлять поведение и жизненные устремления детей. Непревзойденной по масштабам, требующей безусловного принятия стала система воспитания на примере жизни и деятельности В.И. Ленина, сложившаяся сразу после его смерти, чему способствовало издание целого ряда партийных и государственных документов (циркуляров, рекомендаций и т. п.), предписывающих изучение его биографии, его работ, создание для этого специальных форм (политкружки, ленинские уголки в пионеротряде или комсомольской ячейке, в классе, дома). Свою роль сыграло и присвоение его имени пионерской и комсомольской организациям. Анкетирование детей разных возрастов показывало их увлечение героическими личностями, что в немалой степени может быть объяснено их возрастными особенностями, с одной стороны, а с другой – силой влияния разворачивающихся пропагандистских кампаний, силой взаимного эмоционального заражения. Притом что источником идеалов и целей оказывался внешний по отношению к ребенку мир, педагогика выработала в этот период эффективные средства воздействия на личность, результатом чего была интериоризация внешних факторов.

Но вместе с тем дети, как, впрочем, и взрослые, оказывались в ситуациях развенчивания идеалов в ходе начавшихся в эти годы политических процессов, когда идеал «перелицовывался» в образ врага. Педагогическая сторона их не исследовалась. Не были проанализированы с педагогической точки зрения вероятные и реальные последствия свержения идеалов в годы перестройки, а также возможные способы педагогической поддержки, педагогической реабилитации подрастающих поколений, переживших крушение идеалов, что в значительной степени стало причиной многих про-

блем в воспитании современных детей.

Изученный материал показал, что в советской педагогике уже к середине 20-х гг. закрепилась пассивная позиция воспитуемых по отношению к выбору идеалов и педагогических целей, человек стал объектом внешнего воздействия, оказались не востребуемыми глубинные индивидуальные силы и механизмы развития личности – в первую очередь мир чувств, переживаний. Педагогические принципы идеоло- и социосообразности детерминировались принципами классовости, партийности – тем, что можно обозначить как принцип «идеологосообразности», и вопрос о соотношении в процессе воспитания личности индивидуального и социального решался в соответствии с ними.

Анализ фундаментальных трудов педагогов рассматриваемого периода, педагогической журналистики доказывает невозможность воспитания вне некоего идеала, стимулирующего деятельность внутренних интеллектуальных, эмоциональных, волевых сил человека, в направлении продвижения к этому идеалу. Однако педагогическая эффективность этого процесса находилась в зависимости (релевантна, когерентна) от степени субъектности самого ребенка в актах определения тех контуров перспективного образа, которые, являясь привлекательными, побуждают к преодолению целого ряда трудностей субъективного и объективного характера на пути восхождения к нему. Другое, безусловно, важное условие – релевантность этого идеального образа социальной ситуации и социальной перспективе. Таким образом, оформившийся принцип идеоло-сообразности воспитания приобретает научно-теоретическое и методологическое значение как интегральное выражение ценностей, культивируемых в обществе и предназначенных для передачи подрастающим поколениям, как детерминанта педагогических целей общества по отношению к детям. Исследование показало, что в этом значении принцип идеоло-сообразности реализовывался во взаимосвязи, взаимообусловленности, взаимодополняемости принципами природо-, культуро-, социосообразности. Именно комплекс принципов, в трактовке педагогов-антропологов, обеспечивает паритетность отношений личности с обществом, что находит отражение в равной ценности личности и общества как источников педагогических идеалов, детерминанты их содержательной наполненности и механизмов предъявления их личности.

²⁵ Гастев А. Восстание культуры. Харьков, 1923. С. 5–7.

СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ, ПРАВО

К ВОПРОСУ О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Чэн Вэй

Чэн Вэй – доктор экономических наук, профессор, заместитель председателя Ассоциации мировой экономики Китая, заместитель председателя Ассоциации Восточно-Европейской экономики Китая, ректор Ляонинского университета, КНР.

В данной статье проводится теоретический анализ категорий экономической глобализации и экономической трансформации в их взаимосвязи. Автор сравнивает процессы социально-экономического развития разных стран и показывает преимущества тех из них, которые на выгодных для себя условиях включились в процесс глобализации. В статье показаны положительные последствия экономической глобализации при условии ограниченного государственного вмешательства.

The given article is an attempt at theoretical analysis of some categories of economic globalization and economic transformation in their interrelation. The author compares processes of social and economic development in various countries and shows advantages obtained by those countries that have joined the globalization process on such conditions that are beneficial to them. Positive consequences of economic globalization are also shown in this work that come about if governmental involvement in economy is restricted.

В последние годы, приблизительно с начала 90-х гг. XX в., вопросы экономической глобализации и экономической трансформации стали двумя важными проблемами, которые заботят научные круги во всем мире. В процессе исследования появилось немало ценных статей и трудов, в которых теоретическое обсуждение данных вопросов постепенно углублялось. Например, ученые высказали свои мнения о происхождении, содержании, механизме действия и влиянии экономической глобализации. По вопросу экономической трансформации они развернули жаркий спор о ее начальных условиях, выборе путей, целей, модели развития. Признав большой вклад, сделанный учеными в исследовании этих двух сложных вопросов, нам приходится с великим сожалением подчеркнуть, что в их научных трудах имеется существенный недостаток: они ограничились изучением либо экономической глобализации, либо экономической трансформации, игнорируя внутреннюю связь между ними. По нашему мнению, в процессе исследования экономической глобализации нельзя не принимать во внимание наличие экономической трансформации и, наоборот, в процессе изучения экономической трансформации необходимо учитывать влияние экономической глобализации. Именно с такой позиции в настоящей работе будет рассматриваться взаимодействие между глобализацией и трансформацией. Начнем с обсуждения трех, на наш взгляд, важных проблем.

I. О синхронности процессов экономической глобализации и экономической трансформации.

Категория «экономическая глобализация» была впервые выдвинута в 1990 г. в трудах экономистов Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Затем вокруг вопроса о ее происхождении в международных научных кругах было развернуто острое обсуждение, способствовавшее появлению разнообразных точек зрения. Одни считают, что экономическая глобализация берет свое начало уже в XV в., когда Колумб открыл Америку; другие полагают, что это произошло в середине XVIII в. в период возникновения первой промышленной революции в Англии и установления в мире капиталистических отношений; третьи – что она возникла в 70-е гг. XIX в. во время второй промышленной революции; четвертые относят ее начало к окончанию Второй мировой войны; а пятые – что процесс экономической глобализации появился совсем недавно, в 90-х гг. XX в.

Имеются также и отдельные ученые, которые категорически отрицают наличие экономической глобализации, считают, что ее генезис представляет собой дело отдаленного будущего. Это мнение, как очевидно, не соответствует фактам, поскольку оно заведомо ошибочное.

Несмотря на наличие разнообразных мнений о происхождении экономической глобализации, следует заметить, что указанные точки зрения были восприняты мировым научным сообществом. Исследователи аргументируют свои взгляды на происхождение глобализации главным образом с позиции демонтажа таможенных барьеров, оживления международных инвестиций,

распространения прикладных технологий, развития транснациональных компаний (ТНК) и т. д. Опираясь на данные аргументы, немало ученых считают, что экономическая глобализация находилась до 90-х гг. XX в. лишь на начальном этапе, а затем, в нынешнее время, она вступила в стадию углубления, так как с 90-х гг. XX в. научно-техническая революция, основным признаком которой, как известно, является развитие информационных технологий, добилась большого прорыва, при этом наш мир превратился в одну «большую деревню».

Можно согласиться с мнением, что процесс экономической глобализации зародился в начале 90-х гг. XX в. Однако наша аргументация основывается не на временном совпадении экономической глобализации и информационной технической революции, о чем говорит ряд ученых. На наш взгляд, техническим прогрессом можно объяснить лишь процесс количественного движения экономической глобализации, но нельзя ответить на вопрос о его качественном росте.

Коренную причину возникновения процесса экономической глобализации мы видим в экономической трансформации, которая стала происходить в бывших странах с плановой экономикой с 90-х гг. XX в. Давайте вспомним, что с XVIII в. научно-техническая революция и технический прогресс никогда не прекращались, после Второй мировой войны третья научно-техническая революция развивалась особенно быстрыми темпами, следовательно, уровень производительных сил во всем мире значительно повысился. Однако до конца 80-х и начала 90-х гг. XX в. вследствие сохранения атмосферы «холодной войны» мировая экономика развивалась в условиях существования «двух параллельных мировых рынков» (согласно сталинской терминологии), когда мировой рынок был разделен на капиталистический и социалистический. В данных условиях не было никаких возможностей возникновения настоящей экономической глобализации. Отсюда ясно, что объяснять появление экономической глобализации только фактором технического прогресса было бы неубедительно.

В конце 80-х и начале 90-х гг. XX в. в связи с революционными событиями в Восточной Европе и распадом Советского Союза более чем в 30 бывших социалистических странах, где проживает примерно 1,5 млрд человек, что составляет более четверти населения всего мира, начался процесс перехода от плановой экономики к рыночной. В результате «два параллельных мировых рынка» постепенно исчезают, в мировом

масштабе наблюдается конвергенция правил игры в экономической деятельности, таким образом, процесс экономической глобализации начинается по-настоящему.

Исходя из вышеизложенного можно сделать следующие выводы. История до 90-х гг. XX в. представляла собой, по сути, период экономической интернационализации. С этого момента процесс экономической трансформации, который стал происходить в странах с плановой экономикой в стадии их перехода к рыночной, имел своим следствием инкорпорацию правил игры рыночной системы во все большее количество стран земного шара. Это заложило прочный фундамент для перехода мира от экономической интернационализации к экономической глобализации. Одним словом, экономическая трансформация, по нашему мнению, является ведущим фактором для возникновения экономической глобализации. Что касается быстрого развития в настоящее время таких информационных технологий, как компьютеры, электронная сеть и т. п., то они дают сильный импульс к умножению тенденций экономической глобализации. Далее, оживление международной торговли, соединение мировых финансовых рынков, глобальное функционирование деятельности ТНК создали дополнительные благоприятные условия для свободного и рационального размещения всех элементов современного производства в рамках всего мира, составив основное содержание экономической глобализации. Итак, весь ход развития экономической трансформации и экономической глобализации показал, что они всегда находятся в положении параллельного движения, в процессе которого постоянно взаимодействуют между собой, образуя единый процесс трансформации при экономической глобализации.

С 90-х гг. XX в., категорически отрицая планово-экономический строй, бывший Советский Союз и страны Восточной Европы начали трансформировать прежнюю систему управления в рыночную. Коренные причины возникновения данного исторического изменения связаны, по нашему мнению, в первую очередь с внутренними факторами. Как всем известно, с 50-х гг. по 80-е гг. XX в. Советский Союз и страны Восточной Европы без перерыва вели так называемую экономическую реформу. Однако она была ограничена рамками планово-экономической системы, в результате чего экономическое положение в этих странах ухудшалось, уровень жизни народа повышался незаметно, обще-

ственные противоречия обострялись. Исторический опыт свидетельствует о том, что проведение реформ в рамках плановой системы поставило бывший Советский Союз и страны Восточной Европы в тупик, выход из которого виделся в ее полном сломе, т. е. в качественной трансформации экономической системы управления.

Практика экономической трансформации в рассматриваемых странах также в огромной степени связана с внешними факторами и, главным образом, с возникновением тенденции экономической глобализации. Статистические данные показывают, что в 1963 г. 66 % экспорта товаров от общего объема было реализовано между странами СЭВ, и лишь 19 % пришлось на долю западных индустриальных стран, 12 % – на долю развивающихся стран. В течение 80-х гг. XX в. внутренняя торговля в СЭВ опустилась ниже уровня 50 %, доля торговли с западными индустриальными странами повысилась до 30 %. Но несмотря на то, что экономическая связь между восточными и западными странами получила определенное развитие, тем не менее существование «двух мировых параллельных рынков» до 90-х гг. XX в. по-прежнему сохранялось. Например, в 80-е гг. промышленная продукция, выпускаемая бывшим Советским Союзом, составляла 20 % мирового объема, но доля экспорта на мировой рынок была равна лишь 4 %. В новой ситуации, основное содержание которой заключалось, как было отмечено выше, в развитии тенденций экономической глобализации. Окостеневшая плановая система управления ни в коей мере не соответствовала требованиям мирового рынка о переходе к гибкому экономическому механизму. Таким образом, в странах с плановой экономикой возникла необходимость создания новой экономической системы в целях соединения своих национальных экономик с глобальным рынком. С этой точки зрения можно считать, что экономическая трансформация выступает главным признаком появления тенденций к экономической глобализации, с одной стороны, а с другой – экономическая глобализация представляет собой сильный стимул для ускорения процесса экономической трансформации и определяет для последней основную цель, которая состоит в создании системы рыночной экономики.

Что касается Китайской Народной Республики, в ней процесс реформирования, как известно, начался в 1979 г. с третьего Пленума ЦК КПК одиннадцатого созыва. Следует отметить, что в течение 80-х гг. XX в. реформа в стране фактически находилась в стадии эксперимента,

ее настоящая экономическая трансформация, как и в России и ряде других стран Восточной Европы, началась в 90-х гг. XX в., с того времени, как в 1992 г. четырнадцатый Пленум ЦК КПК принял официальное решение о создании в стране режима рыночной экономики с китайской спецификой. Экономическая трансформация в Китае была обусловлена не только внутренними факторами, но и внешними. Экономическая глобализация оказала на страну сильное влияние, о чем свидетельствует длительный процесс вхождения Китая в ВТО.

Экономическая глобализация определила основное направление и содержание экономической трансформации, однако она не смогла разрешить конкретные вопросы по выбору моделей осуществления экономической трансформации. Перед каждой страной, где возникает необходимость трансформировать систему управления экономикой, стоит задача творчески разработать системные стратегию и политику с учетом своих собственных условий, с одной стороны, соответствующих мировым рыночным правилам игры, с другой. Эта задача обусловила сложность и длительность экономической трансформации в упомянутых странах.

III. Трудности, возникающие перед трансформируемыми странами в процессе глобализации, и подходы к их преодолению.

Как было сказано выше, наше мнение заключается в том, что экономическая трансформация является решающим фактором для экономической глобализации. Данный вывод в определенной степени доказывает, что страны, в которых идет экономическая трансформация, представляют собой главные движущие силы, осуществляющие переход мира от экономической интернационализации к экономической глобализации. Безусловно, экономическая глобализация приносит им немало выгод. Например, в условиях экономической глобализации они легче получают на мировом рынке иностранные инвестиции, передовые технологии, что стимулирует развитие их национальной экономики. Экономическая глобализация также полезна для этих стран с точки зрения ускорения процесса создания новой системы управления. Однако нельзя игнорировать пассивное влияние экономической глобализации на трансформирующиеся государства, так как они находятся в настоящее время в неблагоприятном состоянии по сравнению с развитыми западными странами.

Во-первых, развитие мировой экономики в 90-х гг. XX в. свидетельствует, что по мере по-

вышения уровня экономической глобализации исторически сложившаяся разница в экономике между трансформирующимися и развитыми западными странами не сократилась, а наоборот, увеличилась. Данные, которыми мы владеем, показывают, что нынешний валовой внутренний продукт (ВВП) в странах Восточной Европы и СНГ достиг лишь уровня конца 80-х гг. XX в. А развитые западные страны в 90-е гг. XX в. в огромной степени пользовались выгодами, приобретенными в результате экономической глобализации. Эти годы стали для них «золотым временем».

Во-вторых, в 90-е гг. XX в. прямые иностранные инвестиции (ПИИ) между западными странами развивались быстрыми темпами, однако объем ПИИ, вкладываемых в страны экономической трансформации, являлся весьма незначительным. По статистике Конференции ООН по торговле и развитию в 1996 г. общая сумма ПИИ в мировом масштабе составила 349 млрд дол. США, из них лишь 15 млрд приходилось на долю экономической трансформации, что равно 4 % общего объема. Одновременно в этих странах возникла серьезная проблема с утечкой капиталов за границу.

В-третьих, кроме «количественного» неравенства экономического развития, выраженного в коэффициентах роста производства, перераспределении мировых богатств и увеличении производственных элементов, трудности перед странами экономической трансформации в процессе экономической глобализации видятся и в «качественной» стороне экономического развития. По сравнению с развитыми западными странами в ходе непрерывного открытия национальных рынков трансформирующиеся страны еще не стали способными к сопротивлению коммерческим рискам, типичный пример – финансовый кризис 1998 г. в России. По мере исчезновения традиционного разделения мирового рынка, внутренний рынок в странах экономической трансформации, в том числе и национальный финансовый рынок, быстро соединился с мировым. Однако в связи со слабой экономической базой, несовершенной системой контроля и неэффективной политикой страны экономической трансформации до сих пор не имеют возможностей активного сопротивления внешним рискам.

Почему в процессе экономической глобализации перед трансформирующимися странами возникли серьезные проблемы? Ответить на этот вопрос нам кажется несложным. В условиях мировой экономической глобализации «правила игры» в экономической деятельности идут по

пути ассимиляции, при этом участие всех стран в мировой конкуренции по одинаковым правилам на первый взгляд вроде бы является логичным, доходы и риск для них якобы равные. Однако как показывает практика, в ходе функционирования мировых правил игры развитые западные страны обычно находятся в более благоприятном состоянии, а трансформирующиеся страны – в известной степени в зависимом положении.

Причины заключаются в следующем:

- во-первых, в трансформирующихся странах наблюдаются недостаточность экономических сил и слабая конкурентоспособность;

- во-вторых, в этих странах функционирование хозяйственной деятельности по мировым правилам началось недавно, развитие рыночной экономики находится пока на низком уровне, отсутствует опыт и в регулировании макроэкономики, и в управлении микроэкономикой;

- в-третьих, мировые правила игры определяются главным образом развитыми западными странами, что имело место раньше, и имеет место теперь, в связи с чем интересы трансформирующихся стран в определенной степени игнорируются;

- в-четвертых, в настоящее время вне национальных стран ТНК уже стали новыми сильными экономическими субъектами, которые оказывают огромное влияние на направление развития экономической глобализации. ТНК, а в особенности наиболее мощные из них, в основном принадлежат развитым западным странам. Что же касается стран экономической трансформации, им трудно за короткое время создать свои собственные ТНК.

В целях преодоления трудностей, появившихся перед трансформирующимися странами в ходе экономической глобализации, развитые западные страны должны взять на себя определенные обязательства. Как всем известно, между этими двумя типами стран существует реальная возможность взаимного влияния на развитие экономик, следовательно, сотрудничество между ними во многих областях имеет хорошие перспективы. Сокращение различия в уровнях экономики, науки и техники между странами и регионами за счет активного сотрудничества, осуществление совместного экономического расцвета совпадают с общими интересами человечества в условиях экономической глобализации. В настоящее время с учетом наличия трудностей и заметной отсталости стран экономической трансформации западным странам следует соз-

дать для них льготные условия в сроках открытия национального рынка, либерализации внешнеторговых и внепошлинных барьеров и ряде других сфер. В противном случае неразумный принцип так называемой паритетности неизбежно приведет трансформирующиеся страны к более тяжелому состоянию. Очень важно также усилить функции Всемирной торговой организации (ВТО), Международного валютного фонда (МВФ) и Мирового банка реконструкции и развития (МБРР) по координации динамики глобальной экономики. На современном этапе эти международные экономические организации должны в большей степени отвечать за здоровое развитие экономики в масштабе всего мира.

Безусловно, преодоление рассматриваемых трудностей лежит главным образом на самих странах экономической трансформации. Хотелось бы подчеркнуть, что экономическая глобализация для этих стран является реальным фактом, а отнюдь не выбором. Поэтому задача, стоящая перед ними, заключается в эффективном использовании факторов экономической глобализации с целью реализации своего развития, а вовсе не в уклонении от экономической глобализации или борьбе с ней.

Экономическая глобализация приносит трансформирующимся странам иностранные инвестиции, передовые технологии, но не может подарить им эффективную систему управления. Поскольку последняя представляет собой основу для здорового и стабильного развития рыночной экономики, так как проблема отсталости стран

экономической трансформации выражается главным образом в ее отсутствии.

Ускорение процесса создания эффективной системы управления, соответствующей требованиям экономической глобализации, связывается в первую очередь с деятельностью правительства. Один из основных принципов экономической трансформации в этом случае, как правило, заключается в формировании «маленького правительства», с одной стороны, и «большого рынка», с другой. Следует отметить, что роль правительства и функции рынка должны дополнять друг друга, а не противоречить друг другу; взаимоотношения между ними не должны быть заостренными, они требуют периодического реформирования с учетом изменения конкретных условий в стране.

В настоящее время в трансформирующихся странах правительство должно играть важную позитивную роль, особенно в двух аспектах. Во-первых, усилить фундамент рыночной системы, в том числе реформировать и совершенствовать финансовую систему, развивать основные общественно значимые направления своей деятельности, обеспечить повышение уровня людских ресурсов капиталовложениями, регулировать структуру народного хозяйства и т. д. Во-вторых, наладить взаимоотношения между трансформацией экономики внутри страны и ее внешним открытием перед всем миром. Только в этом случае экономическая глобализация станет в значительной степени стимулом для экономической трансформации, а не ее тормозом.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ (СИСТЕМНОЕ) ДОВЕРИЕ КАК ЭЛЕМЕНТ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В.А. Томилов

Томилов Владимир Анатольевич – кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой социологии, экономики и философии Уссурийского государственного педагогического института.

В статье рассматриваются аспекты организации профессиональной деятельности человека в современном обществе, обращается внимание на особенности ее институциональной организации. Доказывается, что фактором повышения эффективности профессиональной деятельности является рост институционального (системного) доверия.

In clause aspects of the organization of professional work of the person in a modern society are considered. The attention addresses on its institutional feature of the organizations. It is proved, that the factor of increase of efficiency of professional work is growth institutional (system) trust.

История развития хозяйственной жизни и практика организации профессиональной деятельности человека показывают, что «...если труд (*labour*) скучный, монотонный или неприятный, – замечают Ф. Херцберг и М.У. Майнер, – человек станет работать только ради того, чтобы избежать материальных лишений и неодобрения. Побудительные стимулы в этом случае должны часто меняться, что справедливо, как говорится, для всех времен и народов. И напротив, для людей любой культуры и в любом регионе всегда лучшим мотиватором труда является собственное умение делать конкретную, соответствующую их способностям, мобилизующую все силы и навыки работу (*work*), конечно, при условии, что такая работа им предоставлена»¹.

Если мотиватор высокопроизводительного труда работников – их «умение делать конкретную, соответствующую их способностям, мобилизующую все силы и навыки работу (*work*)» (Ф. Херцберг, М.У. Майнер), то такая возможность им должна быть предоставлена. В условиях разделения общественного труда она может быть осуществлена только на институциональном уровне, включающем в себя факторы организации труда, понимаемой в широком и узком смысле слова; иными словами, когда речь идет об общественной организации труда, его организации в рамках трудового (производственного) коллектива и на рабочем месте с известным набором функций, кругом обязанностей, оборудованием и инструментами, необходимостью взаимодействовать с другими работниками в ходе совместной (коллективной) трудовой деятельно-

сти². При этом также учитывается и ситуация, складывающаяся на рынке труда.

В центре внимания могут оказываться проблемы, решением которых заняты исследователи, работающие в области изучения истории экономики и экономического развития общества; для них в качестве главной задачи выступает способность «учесть эволюцию экономических и политических институтов, создающих такую экономическую среду, которая стимулирует рост производительности»³, и не приводит к противоречиям, с которыми в наши дни столкнулись европейские правительства, решающие проблему потребности в новом типе рабочей силы. Реформированная в этих странах структура режимов образования и профессиональной подготовки – институциональный уровень организации профессиональной деятельности работников нового типа, обладающих комплексными трудовыми навыками, т. е. такими, которые характеризуют высококвалифицированных рабочих. Как показывает практика, при росте количества высококвалифицированной рабочей силы подрывается сам ее рынок, нарушается баланс между спросом и предложением, а именно: предложение превышает спрос. Попытка координации взаимодействия элементов, которые входят в состав институционального уровня организации профессиональной деятельности, имеет далеко идущие последствия⁴, вызывая рост социального напряжения в обществе. Иначе говоря, социально-эконо-

¹ Херцберг Ф., Майнер М.У. Побуждения к труду и производственная мотивация // Социологические исследования. 1990. № 1. С. 122.

² См.: Социология труда: Учеб. / Под ред. Н.И. Дряхлова, А.И. Кравченко, В.В. Щербины. М.: Изд-во Московского ун-та, 1993. С. 131–132, 140–141 и др.

³ Иншаков О.В. Экономические институты и институции: к вопросу о типологии и классификации // Социологические исследования. 2003. № 9. С. 49.

⁴ Buechtemann Ch.E., Verdier E. Education and training regimes macroinstitutional evidence // Revue d'economie politique. Paris, 1998. № 3. P. 291–320.

мическая реформа нередко перерастает в социальную катастрофу, если отсутствуют знания об условиях ее успешного осуществления⁵. Такие знания важны и для россиян: социально-экономическое состояние современной России отечественными учеными оценивается в терминах «кризисного социума»⁶.

Таким образом, создание экономической среды, стимулирующей рост производительности труда, может пониматься в контексте конструирования институциональной среды (системы), взаимодействие элементов которой вызывает рост производительности труда, обеспечивая устойчивое развитие хозяйственной жизни общества в целом. Необходимо знание структуры институциональной среды, стимулирующей устойчивое развитие общества. Ее выработка связана с обращением к понятию «институт» и его анализу в контексте институционального характера организации профессиональной деятельности человека как непосредственного участника хозяйственной жизни современного общества.

В целом, «...институт (*institute*) – установленный порядок правил и стандартизированных моделей поведения. Термин используется разными способами и, следовательно, часто бывает двусмысленным. Социальный институт относится к образованиям, охватывающим большие массы людей, чье поведение управляется нормами и ролями»⁷. Поэтому нередко юристы, социологи и экономисты вкладывают в его интерпретацию особый смысл.

Необходимо также обратить внимание и на то, что в английском языке слово «*institute*» – «общественно установленный закон, обычай»; «общество, организация для научной, общественной и другой работы; научное учреждение, институт...», а также «учреждать, основывать, вводить»; «начинать, назначать». Близким по смыслу является слово «*institution*», которое означает «установление; учреждение чего-либо;

нечто установленное (закон, обычай, система); общество, учреждение».

Иными словами, имеется в виду порядок, обеспечивающий некоторую целостность, т. е. допускающий наличие механизма преднамеренного (рационального) и непреднамеренного (самопроизвольного) установления общественного порядка в целом, и в этом смысле отличающийся от такого порядка в обществе, который предполагает только преднамеренное действие людей, отражаемое в термине «институция (норм) – формальное принятие парламентом или иным законодательным органом новых норм независимо от того, как к ним относится население»⁸. В последнем случае могут иметь место различные (альтернативные) следствия.

• «Посредством Конституции общество отбирает и закрепляет полезные институты, координируя их на основе общественного консенсуса и компромисса, в результате чего происходит консолидация их многообразия в единстве институциональной системы. ...Она может быть принята лишь на основе решения особого органа всеобщей организации – Конгрессии (в терминах А.А. Богданова), которая осуществляется референдумом, съездом, советом, конгрессом, ассамблеей и другими формами общественного представительства»⁹.

• «Всякая сложная система прочна и устойчива постольку, поскольку она связана «цепной связью», в которой каждая часть функционально поддерживает другие. Таков живой организм, благоустроенное общество, правильно устроенный механизм и т. д.: любая хорошо сложенная комбинация. Цепная связь означает те или иные *пропорциональные отношения*. Поскольку они нарушаются, на сцену выступает «закон наименьших» (*Gesetz der Minima*): целое определяется наиболее слабым из своих необходимых звеньев, той своей частью, которая функционально наиболее отстает от других. Прочность цепи зависит от наименее крепкого звена, устойчивость линии фронта – от наиболее уязвимого участка; движение производства задерживается по масштабу наиболее отстающей из необходимых отраслей – они могут работать лишь в меру тех средств, которые она им доставляет; здоровье организма зависит от наиболее ослабленной из его необходимых функций; скорость эскадры в целом есть скорость наиболее тихиходных ее

⁵ См. например: Пригожин А.И. Современная социология организаций: Учеб. М., 1995; Он же. Методы развития организаций. М., 2003 и др.

⁶ См.: Кризисный социум. Наше общество в трех измерениях. М., 1994; Федотова В.Г. Модернизация «другой» Европы. М., 1997; Лапин Н.И. Пути России: социокультурные трансформации. М., 2000; Столяренко Л.Д. Трансформация массового сознания российского общества: социально-философский анализ: Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Ростов н/Д, 2000; Валентей С., Нестеров Л. Россия в меняющемся мире: внешние и внутренние вызовы // Вопросы экономики. 2002. № 3 и др.

⁷ Большой толковый социологический словарь (*Collins*): В 2 т. Т. 1 (А–О). М.: Вече, АСТ, 1999. С. 248.

⁸ Добренков В.И., Кравченко А.И. Социология: Учеб. М.: ИНФРА-М, 2003. С. 566.

⁹ Иншаков О.В. Указ. соч. С. 45.

судов; реальная программа политического блока может идти не далее того, что допускает наиболее отсталая из ее союзных групп – иначе блок распадается и т. д.»¹⁰.

Таким образом, при неравенстве частей («союзных групп») в составе целого (форме «общественного представительства») достижение консенсуса как условия его устойчивого развития не представляется возможным. Кроме того, «...важным открытием двадцатого века в плане социальной и экономической организации является то, что очень сложные комплексные системы, такие как современные экономические порядки, не могут эффективно управляться с помощью кибернетического контроля»; последнее было продемонстрировано и на опыте развития социалистических обществ, которые, управляя из центра, создавали «экономически неэффективный и политически авторитарный способ управления промышленностью»¹¹.

Иначе говоря, необходимо – вслед за экономистами – обратить внимание на отношения, связывающие «институцию» и «институт», прежде всего – экономические институты.

Отечественные экономисты определяют институт в терминах «норма», «правило поведения», «фактически действующая рефлексивная норма и ничего кроме нее», а также «комплекс ролевых предписаний», «интегрированный комплекс традиций и рутин», «норма плюс механизмы, контролируемые и поддерживающие ее выполнение», «функциональная организация, обеспечивающая реализацию конкретной системы однородных институций»¹².

Экономические институты, в случае, если они рассматриваются в контексте указанных выше представлений о том, что представляет собой «институт», определяются как «общественно признаваемые функционально-организационные формы коллективной экономической деятельности, через которые реализуются системные функции экономики»¹³. Иными словами, имеют в виду коллективного субъекта экономической деятельности, точнее, социальную организацию трудового объединения.

Социальная организация трудового объединения как разновидности общественного института имеет свои «правила игры», которые сложились в коллективе¹⁴, и с ними должен быть знаком всякий, кто входит в ее состав. Незнание «правил игры» в отношениях с коллегами и партнерами вызывает ошибки, которые, отличая институционально неадекватное поведение от институционально адекватного, приводит к «повышению транзакционных издержек, снижению институциональных доходов»¹⁵. Чтобы этого не было, надо проводить различие между «институтом» и «институцией».

Отечественные экономисты предлагают определять институции как социальные формы типизации функций хозяйственных субъектов, которые конституируют их статусы и роли в системе производства общественного бытия и образуют систему отношений функциональной структуры общества. Они, следовательно, придавая человеку статус исполнителя характерного социально значимого типа, обуславливают его «принадлежность к особой общности субъектов, равных по функции и функциональному свойству»¹⁶.

Институции, выступая содержательной основой института, определяют не только знание, должность, социальную группу, сословие, общность интересов и взглядов, но также иные свойства однотипных субъектов по социальной специфике их действия. Статус, который существует в форме «производимого» институцией «для себя» продукта, в условиях рынка изменяет свое значение. Другими словами, «статус начинают производить «для других», «на продажу», он превращается в товар, а производящая его институция – в капитал, приносящий доход»¹⁷. В итоге к ошибкам «для себя», т. е. вызывающим рост транзакционных издержек и снижение институциональных доходов, добавляется еще и недоверие к работнику и представляемой им фирме (производству). Следствие аналогично: повышение транзакционных издержек и снижение институциональных доходов.

¹⁰ Богданов А.А. К тектологическому преобразованию наук: (Предисловие к публикации В.С. Клебанера и А.П. Огурцова, примечание В.С. Клебанера) // Вопросы философии. 2003. № 1. С. 117.

¹¹ Гидденс Э. Постмодерн // Философия истории: Антология: Пособие для студентов гуманитарных вузов / Сост., ред. и вступ. ст. Ю.А. Кимелева. М.: АО «Аспект Пресс», 1994. С. 340, 341.

¹² Иншаков О.В. Указ. соч. С. 43, 44.

¹³ Цит. по: Иншаков О.В. Указ. соч. С. 43.

¹⁴ См. например: Социология труда: Учеб. / Под ред. Н.И. Дряхлова, А.И. Кравченко, В.В. Щербины; Смелзер Н. Социология. М.: Феникс, 1994; Лавриненко В.Н., Нартов Н.А. Основы социологических знаний: Учеб. М., 1995; Рих А. Хозяйственная этика. М., 1996; Слизенгер Г.Э. Труд в условиях рыночной экономики: Учеб. пособие. М., 1996; Томпсон Д.Л., Пристли Д. Социология: Вводный курс / Пер. с англ. М., 1998 и др.

¹⁵ Иншаков О.В. Указ. соч. С. 45.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. С. 45, 46.

Итак, экономическая среда стимулирует производительность труда, если увеличиваются транзакционные издержки, а их рост вызывает «неравномерность развития и политические последствия дальнейшего развития»¹⁸. Иными словами, устойчивое развитие (в данном случае) ведет «к большим издержкам – своего рода налогу на все формы экономической активности, налогу, который общества с высоким уровнем доверия не платят» (Ф. Фукуяма)¹⁹.

К согласию с Ф. Фукуямой побуждает анализ экономических институтов, осуществляемый в терминах и концептуальных схемах новой институциональной экономической теории – концепции прав собственности и транзакционных издержек, а также в контексте предпосылки ограниченной рациональности хозяйственных агентов, заимствованной у Г. Саймона, и признания в их поведении особой роли оппортунизма, связанного с обманом и воровством, сокрытием или искажением информации²⁰.

В отличие от экономистов отечественные социологи признают:

• **институт** – это учреждение, установление; совокупность норм права, регулирующих определенную группу общественных отношений одного порядка и обычно составляющих часть соответствующей отрасли права;

• **социальный институт** – относительно устойчивые типы и формы общественной практики, посредством которых организуется общественная жизнь, обеспечивается устойчивость связей и отношений в рамках социальной организации общества²¹.

«Институции» (лат. *institutio* наставление) же возникают как название элементарных учебников римских юристов, которые прежде давали обзор действующего, в основном частного, права. Социологи, изучая различные сферы жизнедеятельности общества, обратили свое внимание и на то, что в понимании юристов «институция» – это «установление, обычай, порядок, принятый в обществе»²².

Иначе говоря, институция соотносится с моральной, религиозной и политической практикой в целом или той ее стороной, которая не регулируется законом, а поэтому допускает использование в поведении людей как формальных (институт), так и неформальных норм.

В свою очередь, анализ взаимосвязи институциональных (формальных) и неинституциональных норм позволяет обратить внимание на особенности развития, с одной стороны, личности человека, с другой – на изменение (развитие) общества как результат их взаимовлияния друг на друга.

Характер участия человека в религиозной, моральной, политической и трудовой практиках, имеющих место в традиционном и современном обществе, предполагает связи между поведением человека и уровнем его личностного развития. Традиционное общество воспроизводит себя на основе традиций (практик), воспринимая коллективный опыт как источник законности (легитимности). Конкретное поведение человека в различных сферах его жизни, в том числе трудовой, определено нормами, заданными традицией, религией, общиной, и имеет в качестве преобладающего типа ценностей авторитарные, поддерживаемые традицией и воспроизводимые коллективистскими представлениями. В традиционном обществе мировоззренческими ценностями или связанным с представлениями о мире не противопоставлены ценности инструментальные: они не выделены как ценности, регулирующие повседневное поведение и деятельность человека. Но дело не только в этом: в обществе, опирающемся в своем развитии на традиции (практики), активным является не настоящее, а прошлое²³: не время, а пространство (территория). Такое общество, следовательно, инерционно. При этом сам инерционный характер развития общества выступает тем условием, благодаря которому в деятельности его членов воспроизводится уровень производительности труда достаточный для их существования (функционирования) как коллектива (группы).

Развитие человека проявляется в динамике отношения ценностей мировоззренческих (представление о мире) и инструментальных (регуляция повседневного поведения/деятельности), точнее, обособления последних в форме их отношения только к сфере специализированной, профессиональной деятельности. Возвышение значимости вторых одновременно является и раз-

¹⁸ Белоусов В.М., Ершова Т.В. История экономических учений: Учеб. пособие. Ростов н/Д: Феникс, 1999. С. 229.

¹⁹ Цит. по: Бусова Н.А. Культурные корни социального капитала // Социологические исследования. 1999. № 8. С. 145.

²⁰ Радаев В.В. Рынок как идеальная модель и форма хозяйства. К новой социологии рынков // Социологические исследования. 2003. № 9. С. 24, 25.

²¹ Энциклопедический социологический словарь / Под общ. ред. акад. РАН Г.В. Осипова. М., 1995. С. 226, 227.

²² Словарь иностранных слов и выражений / Авт.-сост. Е.С. Зенович. М.: Олимп: ООО «Издательство АСТ», 2000. С. 238; Волков Ю.Г., Нечипуренко В.Н., Попов А.В., Самыгин С.И. Социология: Курс лекций. Ростов-н/Д: Феникс, 2000. С. 477.

²³ См. подробнее: Федотова В.Г. Указ. соч.

вертыванием индивидуально-творческого потенциала человека, способности максимально реализовать свои качества как автономной личности. Но это и влияет на то, как развивается и изменяется общество. Состоящее из обособившихся индивидов, которые связаны совместной (коллективной) профессионально-трудовой деятельностью, общество обретает инерционный характер своего развития, его цель – адаптация, т. е. воспроизводство необходимых для существования условий, – оказывается достижимой лишь в том случае, если составляющие его индивиды могут действовать согласованно (синхронно). В обществе постоянно действует механизм, самопроизвольно поддерживающий его состояние на функционально достаточном уровне.

В традиционном обществе люди действуют согласованно (синхронно) в том смысле, что все виды профессиональной деятельности начинаются и завершаются в одно и то же время, не выходя за границу временных рамок. Это линейное (циклическое) время, связанное с ритмической сущностью социальных процессов: они имеют «ежедневные циклы работы и отдыха, солнечного и религиозного года, недели и даже академического и спортивного календаря»²⁴.

В контексте линейного времени, связанного с достаточным уровнем активности человека, Владимир Дмитриевич Шадриков рассматривает процесс обучения индивида профессиональной деятельности.

Как отмечает В.Д. Шадриков, «...освоение отдельных компонентов деятельности происходит гетерохронно... Субъект будет осваивать отдельные действия в той мере, в какой это способствует достижению цели деятельности (в качественном и количественном аспектах). Иными словами, при освоении отдельных действий в структуре деятельности субъект придерживается принципа “достаточности”, а не принципа “максимума” (первый принцип близок по смыслу к принципу “минимального обеспечения функциональной системы”, сформулированному П.К. Анохиным)»²⁵.

Гетерохронность (гр. *heteros* другой + гр. *chronos* время) отличает как процесс обучения профессиональной деятельности, так и ход ее исполнения, что со всей очевидностью обнаруживается в «исполнительных (моторных) дейст-

виях»²⁶. Хотя работник имеет представление о цели своей деятельности, он не в силах выполнять все составляющие ее действия с одинаковой скоростью, затрачивать на них одно и то же время. Обычно, одни действия выполняются медленнее, чем другие, поэтому, затрачивая много времени на одни операции, работник «ускоряется» при выполнении других. Иначе говоря, хотя «отдельные действия объединены целью деятельности»²⁷, но играет роль – особенно в совместной (коллективной) деятельности – «различие в динамике построения движений, обусловленное свойствами нервной системы» каждого работника, что находит «отражение в индивидуально-своеобразных особенностях скоростной структуры трудовых движений»²⁸.

В ходе профессиональной деятельности работник, как правило, выполняет свои действия последовательно, они связаны отношениями линейной зависимости. В процессе совместной (коллективной) деятельности одни и те же действия одновременно совершает большое число работников, действия которых связаны отношениями нелинейной зависимости: эффект «слабого звена» (А.А. Богданов). Для того чтобы убедиться в этом, необходим анализ механизма проявления «духа» (М. Вебер) хозяйственной жизни общества. В последнем случае анализу подвергается такое действие, которое в понимании философов предстает «орудийно-инструментальным»²⁹.

С «орудийно-инструментальными» действиями соотносится орудийная логика и присутий им обратимый (орудийный) характер³⁰.

Таким образом, элементом «орудийной логики» является признание того факта, что «орудийно-инструментальное» разворачивается во времени, т. е. имеет скорость: время, в «течение» которого выполняется. Скорость профессионального действия, следовательно, – величина переменная. Она соотносится с действием и отражает тот факт, что выполнение работником профессионального действия в течение некоторого времени или с известной скоростью означает, что само это «течение» времени, за которое действие исполняется работником, может быть либо «медленным», либо «быстрым». Из сопоставления «медленно» и «быстро» исполняемого профессионального действия конструируется феномен так называемого среднего времени, затрачиваемого на исполнение профессио-

²⁴ Штомпка П. Социология социальных изменений / Пер. с англ. Под ред. В.А. Ядова. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 75, 76.

²⁵ Шадриков В.Д. Психология деятельности и способности человека: Учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательская корпорация «Логос», 1996. С. 100.

²⁶ Там же. С. 88.

²⁷ Там же. С. 47.

²⁸ Там же. С. 88–89.

²⁹ Ячин С.Е. Феноменология сознательной жизни. Владивосток: Дальнаука, 1992. С. 14.

³⁰ Там же. С. 15.

нального действия. В силу того что не учитывается «авторство» работника, из активности которого только и может рождаться «быстрое» или «медленное» профессиональное действие, поэтому скорость профессионального действия как величина переменная в состав процесса организации профессиональной деятельности человека не включается. Отсюда «обратимый (орудийный) характер» профессиональной деятельности не оценивается в темпоральных терминах, т. е. как темп хозяйственной деятельности общества, который изменяется или ускоряется и замедляется – заключенное в нем время течет «быстрее» или, напротив, «медленнее» – в зависимости от состава участников в обстановке общественного разделения труда совместной (коллективной) деятельности. Поэтому у организаторов производства возникает представление, например, об управлении производственным процессом («массовая продукция») с помощью таких средств, как регулирование «конвейера», его скорости.

В условиях механизации производства, тем более его автоматизации, возникла уверенность: из процесса производства вытесняются способности работника, выражением которых является профессиональное мастерство. В итоге организаторы производства приходят к выводу: производственный процесс представляет собой серию повторяющихся движений работника, которые могут быть привязаны к сборочным конвейерам, а также «измерены временем и движением»³¹. Но при этом не учитывается функция практик (институции) – форма контроля за производством «изнутри», которую устанавливают сами работники.

Иными словами, организаторы производства, видя в работниках только «простые объекты управления и манипулирования, которых следует понуждать стимулировать»³², имеют дело в условиях так называемого массового производства («фордизм») не с институциональным действием, измеряемым «временем и движением» – скоростью работы конвейера, а с рестрикционным действием (институции). В современном производстве еще не представлены формы такой его институциональной организации, которые бы эффективно противодействовали формированию коллективно ограниченной нормы выработки (институции), которая возникает в ходе непосредственного взаимодействия работников как участников производственного процесса. Можно с извест-

ным сожалением констатировать, что всегда и независимо от позиции организаторов производства «исполнители вырабатывают свои собственные... стратегии установления контроля над трудовым процессом и свои практики поведения, которые зачастую не соответствуют интересам управляющих»³³. С сожалением, поскольку не отвечают и целям общества, так как стимулируют развитие нелинейных (катастрофических) процессов.

Развитие социально-экономического процесса как катастрофического, или нелинейного, обусловлено тем, что происходит быстрое разрушение старых институтов и прежде стабильных, устойчивых институциональных связей в результате так называемого скачка, самопроизвольного перехода общества как системы на новый уровень развития системной организации.

В контексте анализа форм социальных процессов социологи различают направленные процессы, которые могут быть постепенными, восходящими или линейными. Они могут быть представлены в различных сферах жизни общества, а также отражать тенденцию его развития в целом. При этом «...если они следуют одной-единственной траектории или проходят через схожую последовательность необходимых стадий, то именуется однолинейными (однонаправленными). Например, большинство социальных эволюционистов считают, что все человеческие культуры – одни раньше, другие позже – должны пройти через определенный набор стадий»³⁴. Современный вариант – так называемая концепция модернизации (осовременивания) общества.

Как противоположные линейным процессам рассматриваются процессы нелинейные. Они предполагают «...качественные скачки или прорывы после продолжительных периодов количественного роста, проходя специфические пороги или подвергаясь влиянию определенных “ступенчатых функций”. ...Например, с точки зрения марксистов, общественно-экономические формации последовательно проходят через революционные эпохи, когда все общество после длительных периодов накопления противоречий, конфликтов, обострений и напряженностей претерпевает неожиданные, фундаментальные, радикальные трансформации»³⁵.

Поскольку субъект указанных выше трансформаций представляет собой, говоря языком

³¹ Томпсон Д.Л., Пристли Д. Указ. соч. С. 297.

³² Радаев В.В. Экономическая социология: Курс лекций. М.: Аспект Пресс, 1997. С. 169.

³³ Там же.

³⁴ Штомпка П. Указ. соч. С. 33.

³⁵ Там же. С. 34.

Пьера Бурдые, «класс на бумаге»³⁶, возникает необходимость в иной гипотезе, чем проявившаяся у К. Маркса под влиянием Аристотеля склонность к построению правдоподобных³⁷ социальных конструкций. В данном случае речь идет о признании того, что в жизни общества есть также и «ненаправленные (или текучие) процессы».

Различают два типа «ненаправленных (текучих) процессов»: первые из них «имеют чисто случайный, хаотический характер, не опираются на какой-либо образец»; в их число включают, например, процессы возбуждения, охватывающие революционную толпу, мобилизации и демобилизации в социальных движениях или детских играх³⁸. Вторые в отличие от первых «...представляют собой некое подобие кривой на экране осциллографа – их течение подчиняется определенным повторяющимся или по меньшей мере схожим моделям, причем каждая следующая стадия либо идентична, либо качественно напоминает предыдущие. Если существует возможность повторения, то мы рассматриваем такой процесс как круговой, или замкнутый, цикл. К подобным процессам можно отнести, например, типичный день секретаря или – в более длительной временной перспективе – рутинную деятельность ученого, начавшего писать очередной труд. На макрошкале экономические циклы экспансии и рецессии, бума и стагнации, “быков и медведей” на рынке часто следуют этому образцу; их графическое изображение напоминает синусоиду... В случае, если наблюдается сходство процессов, но при этом они различаются уровнем сложности, то можно говорить, что процесс идет по спирали или по модели открытого цикла. Таково, например, последовательное продвижение школьника из класса в класс... Аналогично, хотя и по другой шкале, проходят определенные циклы экономики в условиях всеобщего роста (как в пословице: два шага вперед, шаг назад)³⁹.

Вместе с тем проблема «ненаправленных (текучих) процессов» дана в контексте «линейного» мышления, которое не учитывает того, что формой проявления нелинейных, одновременно действующих зависимостей выступает самоорганизация, точнее, переход с уровня управления общественным производством как системой на уровень ее самоорганизации не осуществляется.

³⁶ См.: Бурдые П. Социология политики / Сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко. Пер. с фр. М.: Socio Logos, 1993.

³⁷ См.: Аристотель. Риторика // Античные риторики / Под ред. А.А. Тахо-Годи. М.: Изд-во Московского ун-та, 1978.

³⁸ Штомпка П. Указ. соч.. С. 34.

³⁹ Там же. С. 34–35.

Таким образом, учитываются функциональные (линейные) зависимости и остаются без внимания зависимости перехода (нелинейные), «блуждания» системы в поисках оптимального для нее функционального состояния, которое определяется «текущим» составом элементов, т. е. ситуационно.

Законы функционирования системы, отражающие связи нелинейного характера, сложнее. Они имеют дело с неоднозначными и многообразными связями, когда причина и следствие могут меняться местами. Поэтому и результат детерминирован не линейными, а иными зависимостями⁴⁰. Отсюда управление системой может быть эффективным, если внешнее управляющее воздействие согласовано с внутренними свойствами объекта и выводит его на собственные тенденции развития. Иными словами, основной является ориентация не на силу управляющего воздействия, а на согласованность с собственными тенденциями эволюции системы: «управлять – это не строить и даже не перестраивать, а инициировать, выводить социальные подсистемы на собственные линии развития»⁴¹.

Обратимся к такому примеру, как движение автомобиля по кругу. Если автомобиль исправен, то процесс его движения – «круговой, или замкнутый, цикл». В случае, когда возникает неисправность, проявляющаяся в том, что «левое» или «правое» колесо, начинает вращаться либо «медленнее», либо, наоборот, «быстрее», автомобиль «заносит»: процесс начинает протекать по модели не «цикла» или «спирали», а по модели «торсионной» (фр. *torsion* скручивание), сценарий развития которой предсказать невозможно. Дело не в том, что водитель может не знать характер торсионности (скручивания) – предстоящего ему «лево-» или «право-инерционного» вращения как способа перехода автомобиля с одного уровня движения (спирали) на другой, так и ее траектории. Поскольку число элементов перехода движения автомобиля с одного уровня

⁴⁰ См.: Эшби У. Росс. Общая теория систем как новая научная дисциплина. М., 1969; Акофф Р.Л. Планирование в больших экономических системах. М., 1972; Урсул А.Д. Отражение и информация. М., 1973; Моделирование и познание. Минск, 1974; Садовский В.Н. Основания общей теории систем. М., 1974; Афанасьев В.Г. Общество: системность, познание, управление. М., 1981; Степин В.С., Кузнецова Л.Ф. Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации. М., 1994; Момджян К.Х. Социум. Общество. История. М., 1994; Пригожин А.И. Методы развития организаций. М., 2003 и др.

⁴¹ Социология: Курс лекций / Под ред. А.В. Миронова, В.В. Панферовой. М.: Социально-политический журн., 1996. С. 168.

(цикла) на другой скорость (инерция) движения, опыт водителя, состояние трассы и иные факторы, влияющие на ситуацию и находящиеся «внутри» этой ситуации, в ходе их взаимодействия «подрабатывается» сама траектория ее развития (будущее состояние). Такое может случиться с любым неисправным автомобилем, что включает в практику его использования водителем обязательную «профилактику» как узлов системы (автомобиля), так и оценку ее целостного состояния.

Влияние на траекторию развития системы взаимодействия факторов, находящихся в самой системе и за ее пределами, или процесс их самоорганизации приводит к тому, что развитие таких сложных систем, как общественное производство в условиях разделения труда, может принимать характер непредсказуемого и в этом смысле катастрофического, т. е. разрушительного для человека и общества процесса. В связи с этим представляет интерес, в какой мере человек, участвующий в социально-экономической жизни общества, становится фактором торсионно развивающегося процесса материального и духовного производства? На существование такого вопроса, правда, в статическом, а не темпорально-динамическом смысле обращали внимание отечественные авторы.

Так, отмечалось, что желание дать человеку свод правил поведения в жизни, как правило, приводит к недооценке влияния на людей материальных условий их жизни и в то же время преувеличению роли возможностей средств чисто идеологического воздействия на сознание индивида. В этих условиях «вырабатываемые рекомендации воспитательного характера, порой, бьют мимо цели, а то и оказывают обратное воздействие»⁴². И при этом не только на того, кого «воспитывают», но и на того, кто воспитывает. Как прежде, так и сейчас школьные учителя, затрачивавшие большие усилия на подготовку молодого человека к жизни, в том числе к его участию в сфере общественного производства, признают: призыв А.С. Макаренко – «Ни одного процента брака в воспитании» – остается мечтой, в которую верят далеко не все воспитатели; «они работают с полным напряжением сил и уверены в том, что исчерпали все свои душевные возможности»⁴³.

В контексте подготовки человека к жизни в обществе, т. е. решения институтом образования одной из стоящих перед ним задач – способствовать становлению гражданина, обеспечивать профессиональную ориентацию и профессиональный отбор, давать знания для последующего непрерывного образования⁴⁴, пессимизм учителей может вызываться вполне определенной причиной. Дело в том, что учеников как будущих молодых работников и их родителей характеризует определенная установка на трудовую деятельность.

Например, в СССР у молодых рабочих разной категории существовал «...конкретный оптимальный уровень заработной платы, дальнейший рост которого уже не оказывает положительного воздействия на развитие их социальной активности. Одни работники при достижении определенного уровня заработной платы теряют интерес к увеличению производительности труда, другие утрачивают стремление повышать общие и профессиональные знания»; для их родителей характерно иное, а именно: «имеется группа лиц с пониженной заинтересованностью в величине заработка, в которую входят те, кто не только удовлетворил свои потребности в предметах первой необходимости, но и приобрел предметы длительного пользования, имеет сбережения»⁴⁵.

В современной России, хотя и меняются установки на труд, но у части населения они остаются прежними. Кроме того, в условиях рынка действует зависимость, на которую обратили внимание западные социологи. Она имеет отношение к процессу социализации как фактору побуждения работника к производительному труду: социализация «несколько напоминает выстрел по движущейся мишени, который не всегда попадает в цель»⁴⁶. Иными словами, не всегда внешнее воздействие на работника, стимулирование его труда ведет к достижению высоких результатов. Едва ли не первым, кто обратил на это внимание, был М. Вебер. В частности, он указывает на стиль жизни, который может быть назван традиционализмом. Такой стиль жизни связан с противоречием для предпринимателя: вводя систему сдельной оплаты за труд и повышая расценки, он предоставляет рабочим возможность получить необычно высокий заработок

⁴² Духовное производство. Социально-философские аспекты проблемы духовной деятельности / Отв. ред. В.И. Толстых. М.: Наука, 1981. С. 195.

⁴³ Рувинский Л.И. Нравственное воспитание личности. М.: Изд-во Московского ун-та, 1981. С. 7.

⁴⁴ Шереги Ф.Э., Харчева В.Г., Сериков В.В. Социология образования: прикладной аспект. М.: Юристъ, 1997. С. 13.

⁴⁵ Нравственное воспитание в трудовом коллективе. Опыт социологического исследования / Сост. и общ. ред. Ж.Т. Тощенко и В.Ф. Правоторова. М.: Профиздат, 1981. С. 113, 155.

⁴⁶ Смелзер Н. Указ. соч. С. 124.

за короткий срок, тем самым пытаюсь заинтересовать их в увеличении производительности труда. Неожиданно возникает затруднение: в ряде случаев повышение расценок влечет за собой не рост, а снижение производительности труда. Работник не стремится к тому, чтобы получать деньги сверх той меры, которые удовлетворяют его «традиционные потребности»⁴⁷, относящиеся к образу его жизни.

Для того чтобы активизировать роль (функцию) денег в жизни людей, М. Вебер «конструирует» систему социально-экономических отношений, в которой они становятся внутренней потребностью человека. Следовательно, действует по аналогии с тезисом Фердинанда де Соссюра о том, что значение слова возникает внутри языка, а не из предметного мира, который он описывает⁴⁸. Оказывается, что людям свойственны не только естественные, потребности, связанные с их традиционализмом или образом жизни, но также и потребности, которые являются «квази-потребностями» (К. Левин)⁴⁹, или социально обусловленными, что означает следующее: «потребность возникла в данный конкретный момент»⁵⁰.

Для возникновения у человека отношения к деньгам как к потребности необходимо, чтобы было «...налицо следующее причинное соотношение: своеобразный склад психики, привитый воспитанием, в частности тем направлением воспитания, которое было обусловлено атмосферой родины и семьи, определяет выбор профессии и дальнейшее направление профессиональной деятельности»⁵¹.

Вместе с тем важно обратить внимание на то, что вывод Ф. де Соссюра, понимаемый как «значение слова появляется внутри языка» (Э. Гидденс), следует рассматривать в контексте различия между языком и речью, проводимого швейцарским лингвистом.

Характеристика особенностей языка и речи, если она представлена в терминах психолингвистики, – это компетентность и эффективность. Здесь различие состоит между способностью использовать язык (компетентностью) и фактически произносимыми речами (эффективностью); в

этом случае «...“компетентность” более определенно описывает лингвистическое знание и грамматику, а “эффективность” – особую манеру произношения, когда говорящие и слушающие имеют и понимают»⁵². Очевидно, что условием речевого взаимодействия является знание языка, но эффективной будет та коммуникация, участники которой говорят на одном языке, т. е. когда они совместимы друг с другом. Понятие совместимости участников взаимодействия (причем не только речевого) становится в наши дни настолько популярным, что анализ развития общества без использования его познавательных возможностей нередко признается малопродуктивным⁵³.

Статический или ценностный аспект совместимости работников как участников общественного производства выражен М. Вебером в идее так называемого этоса (гр. *ethos* душевный склад) хозяйственной жизни.

М. Вебер вводит в научный оборот идею «этоса» хозяйственной жизни общества, привлекает внимание к условиям «рациональной организации труда...»⁵⁴, которая прежде всего известна Западу.

«Западу, – подчеркивает М. Вебер, – известна рациональная и систематическая, т. е. профессиональная... деятельность»⁵⁵. Она ведет либо к обузданию иррациональных стремлений человека, либо, во всяком случае, к рациональному регламентированию их проявления. Из этого процесса рождается бухгалтерская отчетность и юридически оформленное разделение капитала предприятия и личного имущества предпринимателя, словом, возникают предпосылки для использования свободного труда посредством его рациональной организации. Рациональная организация свободного труда обеспечивает возникновение буржуазного промышленного капитализма, а в культурно-историческом аспекте – возникновение западной буржуазии: только западной⁵⁶.

В реальности, однако, рациональным оказывается не свободный труд, когда работник, подобно бухгалтеру калькулируя свои действия, стремится к получению большей выгоды, а процесс выбора профессии. Труд – это канал связи верующего человека с Богом, а поэтому необхо-

⁴⁷ Вебер М. Избранные произведения: Пер. с нем. / Сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; Предисл. П.П. Гайденко. М.: Прогресс, 1990. С. 80, 81.

⁴⁸ Гидденс Э. Социология: Учеб. (Реферированное издание). Челябинск, 1991. С. 254.

⁴⁹ См.: Левин К. Динамическая психология: Избранные тр. М., 2001.

⁵⁰ Зейгарник Б.В. Теория личности К. Левина. М.: Изд-во Московского ун-та, 1981. С. 19.

⁵¹ Вебер М. Указ. соч. С. 64.

⁵² Большой толковый социологический словарь (Collins). Том 1. С. 317.

⁵³ См. например: Штомпка П. Указ. соч.; Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. М., 2000 и др.

⁵⁴ Вебер М. Указ. соч. С. 60.

⁵⁵ Там же. С. 46.

⁵⁶ Там же. С. 48, 53.

дим для него в значительно большей степени, чем традиционный труд ради удовлетворения естественной потребности, «ради куска хлеба»: первый имеет отношение к тому, что станет с человеком после его смерти.

В форме «призвания» (*Beruf*) профессионально-трудовая деятельность является в отличие от других видов организации более отвечающей тенденциям развития работника и трудового коллектива, так и общества в целом. Правда, если профессиональное действие – это действие «орудийно-инструментальное», не отождествляемое с «экономическим поведением» или активностью работника, вызванной материальным интересом и рационально ориентированной на получение оптимального результата. Как правило, в контексте «экономического поведения» и анализируется феномен, получивший у М. Вебера название «этоса» хозяйственной жизни.

Интерес отечественных исследователей к изучению «экономического поведения» объясняется особенностью современных условий, определяемых в терминах «переходного», «транзита» или «трансформации в российском обществе»⁵⁷. При этом соотношении проблема экономического поведения и профессии анализируется в контексте «динамики и перспективы развития ценностных оснований российского хозяйственного этоса в условиях переходности», когда осуществляется «новая (очередная) попытка вхождения России в “современность”...»⁵⁸.

В частности М. Вебер относится к числу тех авторов, которые, анализируя различные концепции экономического поведения, дают его трактовку как феномена, который, проявляясь в многообразных формах и разновидностях, выступает как обусловленный социокультурно и исторически. Поэтому «...в целом проблема соотношения призвания и профессии выходит за рамки собственно сферы экономического поведения, затрагивая состояние общественной морали, место профессиональных ценностей в общей системе ценностей, и ряд других масштабных проблем, которые нуждаются в дополнительном исследовании»⁵⁹.

К анализу экономического поведения человека обращаются также московская и новосибирская социологические школы, предмет особого

внимания которых – процесс институционализации хозяйственного развития современной России⁶⁰.

Для социологов-институционалистов «московского крыла» характерен интерес к новой институциональной экономической теории. Интенсивно используя ее концептуальный материал, они сосредотачиваются на анализе хозяйственных процессов на микроуровне, т. е. на локальных порядках, и оставляют в стороне описывающие институциональное устройство в масштабах всего общества макромодели. Модели этого вида – предмет специального интереса исследователей, работы которых составляют институциональный подход Новосибирской школы⁶¹.

Особенность процессов развития хозяйственной жизни общества приводит к тому, что в современной экономической литературе предприятия (фирмы) все чаще рассматриваются не только как организационные структуры с четко определенными границами, но и как сетевые структуры, которые представлены в возникающем через обмен взаимодействии с другими участниками рынка. Сетевые сообщества, или совокупности межфирменных взаимосвязей предприятия по поводу обмена и кооперации с другими предприятиями, решающим образом влияют на его создание, развитие и рост. Механизмы управления сетевыми взаимодействиями приобретают все большее значение. Дискуссия затрагивает вопрос, как при более низких транзакционных издержках, предпосылке ограниченной рациональности, неопределенности и риске оппортунистического поведения со стороны партнеров наладить эффективную координацию межфирменных отношений. Центральная тема дискуссии – взаимосвязь между формальным контролем и доверием как неформальным контрольным механизмом. Доверие предстает эффективной альтернативой формального контроля – часто дорогого и неэффективного⁶².

В современных рыночных отношениях доверие между партнерами может иметь следующие формы: персональное, коллективное, институциональное (или системное) доверие – в высшей степени являющееся «обезличенным» дове-

⁵⁷ См. например: Александрова Т.Л. Экономическое поведение и профессия: методология исследования: Автореф. ... д-ра. социол. наук. Екатеринбург, 2000.

⁵⁸ Там же. С. 4, 6.

⁵⁹ Там же. С. 18, 31.

⁶⁰ См.: Кирдина С.Г. Социокультурный и институциональный подходы как основа позитивной социологии в России // Социологические исследования. 2002. № 12.

⁶¹ Там же. С. 28.

⁶² Вельтер Ф., Каутонен Т., Чепуренко А.Ю., Мальева Е. Структуры управления сетевыми сообществами малых предприятий и роль доверия: германо-российское сопоставление // Экономическая социология [Электронный журнал]. Т. 5. 2004. 2 марта. С. 13 (www.ecsoc.msses.ru).

рием в отношении официально установленных правил, норм и предписаний. Это доверие, оказываемое не лицам, а дееспособности некоторой системы. Оно характеризует отношения человека, например, к деньгам (Н. Луман): складывается как бы само собой в ходе подтверждающейся неизменной правильности доверия к деньгам. Отсюда институциональное доверие означает, что законодательные механизмы защиты осуществления формальных правил или договоров не только существуют, но ими можно эффективно воспользоваться (при нарушении партнером условий сделки возбудить судебный процесс). В этом случае осуществляются сделки, а партнеры входят в новые контакты, даже если они лично не знакомы или об одном из них информация ограничена⁶³.

В итоге системное (Н.Луман), или институциональное, доверие – условие эффективной рыночной экономики. Но из этого вывода совершенно не следует, что оно имеет своим условием неотвратимый характер наказания, т. е. реальную возможность при нарушении партнером условий сделки возбудить против него судебный процесс. Оно также возникает и в том случае, если системой устойчиво воспроизводится качество определенного стиля жизни, так как в этой системе представлены элементы образа жизни, которые его порождают. К его становлению имеет отношение и то, что в условиях разделения общественного труда связь работника с трудом или его организация в условиях разделения труда осуществляется, когда даны условия $p = (m + c)$ и $p = (m - c)$, где p – работник, m – трудовая активность, а c – способности к трудовой деятельности, которой занимается каждый работник в ходе совместной профессионально-трудовой деятельности⁶⁴.

В контексте динамической теории профессиональной деятельности можно предположить, что механизм становления среднего уровня производительности совместного труда прояв-

ляется в действии эффекта «слабого звена»: в общественном производстве представлены работники, как имеющие, или $p = (m + c)$, так и не имеющие, или $p = (m - c)$, профессиональные способности к делу, которым они занимаются. Отсюда производительность их совместного труда $p = (m - c) \leftarrow p = (m + c)$.

Итак, необходимо институциональное (системное) доверие, чтобы человек выбирал себе профессию, которая содействует «транзиту», т. е. переходу с уровня производительности труда, обеспечиваемого действием эффекта «слабого звена» ($p = m - c$) на уровень оптимальной, предельно высокой ($p = m + c$) производительности труда в общественном производстве.

⁶³ Вельтер Ф., Каутонен Т., Чепуренко А.Ю., Мальева Е. Структуры управления сетевыми сообществами малых предприятий и роль доверия: германо-российское сопоставление // Экономическая социология [Электронный журнал]. Т. 5. 2004. 2 марта. С. 15–16 (www.ecsoc.msses.ru).

⁶⁴ Томилов В.А. Теоретические проблемы профориентационной работы учителя // Совершенствование подготовки будущего учителя: Межвузовский сб: В 2 ч. Ч. II). Уссурийск, 1993. С. 96.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

М.С. Назаров

Назаров Михаил Серафимович – кандидат философских наук, доцент кафедры социологии, экономики и философии Уссурийского государственного педагогического института.

В статье с позиций методологии системного подхода предпринимается попытка понять специфику социальных процессов. На примере формирования образовательного пространства делается вывод о целостности социальных систем. Обосновывается необходимость пересмотра методологических принципов анализа социальных процессов в социологии. Ставится задача поиска эффективных механизмов управления рассматриваемыми процессами.

In clause from positions of methodology of the system approach attempt to understand specificity of social processes is done. By the example of formation of educational space it is judged integrity of social systems. Necessity of revision of methodological principles of the analysis of social processes for sociology is proved. The problem of search of effective mechanisms of management of considered processes is put.

Необходимо различать два возможных методологических подхода, которые К. Левин обозначает как аристотелевский и галилеевский. Согласно первому «...окружение имеет значение лишь постольку, поскольку оно может вызвать “нарушения”, вынужденные изменения процессов, которые происходят в соответствии с природой рассматриваемого объекта. Векторы же, которые определяют поведение объекта, полностью детерминированы самими этим объектом»¹. Другими словами, развитие некоторого социального объекта не рассматривается как функция от отношения последнего с окружением, но всегда принадлежит этому объекту.

Галилеевский способ мышления, напротив, «выражает переход к понятиям, которые можно определить только в соответствии с определенной ситуацией»². Н. Луман развивает данный подход до понятия «различение» (дифференциация), тем самым делая его одним из центральных своей системной теории³.

Отходя от аристотелевского различения целого и части, Луман вводит различение системы и окружающего мира, подчеркивая тем самым важность такого атрибута, как соотношенность, в противовес изолированности и самодостаточности. Таким образом, соотношенность объектов будет означать процесс постоянного установления границ между ними. В свою очередь, каждый объект, соотносящий себя с другими, необходимо является воспроизводящимся процессом разграничения со своим внешним окружением. Следовательно, каждый социальный объект (группа, класс, клан, каста, этнос и т. д.) сам в

состоянии устанавливать и изменять свои элементы (т. е. вводить порядок) для воспроизведения разграничения.

Процесс разграничения подчиняется определенной логике, которую можно свести к следующим тезисам.

1. Социальный объект осуществляет выборочное восприятие окружающей среды, т. е. обладает свойством операциональной замкнутости.

2. Социальный объект обладает рефлексивностью, что означает процесс постоянных уточнений модели взаимодействия со средой.

3. Среда воспринимается социальным объектом и при помощи его внутренних референтов приобретает статус внутренней среды.

4. Модель восприятия среды по своему содержанию беднее, чем сама реальность, аналогом которой она выступает. Следовательно, социальные объекты являются непрозрачными друг для друга. Единственно корректным прогнозом может быть только неопределенность.

5. Коммуникация является социальной операцией и тем самым служит средством различения психических и социальных систем. Социальная система не может мыслить, а психическая система – осуществлять коммуникацию. Сознание вносит в коммуникацию только искажение. Данный вывод ставит под сомнение субъективные описания реальности, например в ходе проведения стандартных опросных процедур в социологическом исследовании.

Все сказанное позволяет сформулировать следующий вопрос: как и в какой степени возможно прогнозирование в социологии? Попробуем высказать ряд предположений, дающих возможность обсудить поставленную проблему в конструктивном ключе.

Введение разграничивающихся объектов приводит к формированию социального про-

¹ Левин К. Динамическая психология: Избранные тр. М.: Смысл, 2001. С. 75.

² Там же.

³ Луман Н. Что такое коммуникация? http://www.soc.pu.ru/publications/pts/luman_3.shtml.

странства, представленного, на наш взгляд, как структура позиций разграниченных социальных объектов. Однако эта структура в силу рефлексивности социальных объектов носит подвижный, изменчивый характер. Воспроизводство разграничения происходит в результате совершения коммуникативных событий, которые, не обладая временной протяженностью, носят мгновенный характер. Поэтому имеет смысл говорить о процессе различения как о дифференциальном процессе, предполагая тем самым, что каждое различие может отличаться друг от друга «на сколь угодно малую величину». Употребление «сколь угодно малая величина» носит в основном метафорический характер, так как в силу указанных причин (см. тезис 5) зафиксировать «эту малую величину» практически невозможно, что и создает иллюзию статичности социальных объектов. В то же самое время накопление в результате многократных различений «сколь угодно малых величин» есть по своей сути процесс постепенных изменений управляющих параметров, приводящих к качественному изменению социального пространства, воспринимаемого на уровне личности как социальная катастрофа.

Социальный объект – это всегда сочетание двух тенденций: сохранения и изменения, что позволяет сделать вывод о существовании дихотомии «статичный–динамичный» как о ложной оппозиции (терминология П. Бурдые)⁴. Примером такой оппозиции может служить выделение социальной статики и социальной динамики в социологии. В экономике – разграничение статической и динамической теорий. «Под статической мы понимаем теорию, которая рассматривает экономические явления по существу, вне категории изменения их во времени. Наоборот, под динамической мы понимаем ту теорию, которая изучает экономические явления в процессе их изменения во времени. В соответствии с этим для статической точки зрения на экономическую действительность особенно характерной является концепция равновесия взаимно связанных между собой элементов этой действительности. Наоборот, для динамической точки зрения наиболее характерной будет концепция процесса изменений экономических элементов и их связей»⁵.

Таким образом, игнорирование принципа различения и несовершенство человеческого восприятия с неизбежностью приводит к аристо-

телевскому способу формирования понятий как к обобщению, сделанному на множестве событий путем игнорирования конкретных различий (способность осуществлять различения).

Разницу двух подходов хотелось бы проиллюстрировать следующим примером. При рассмотрении особенностей формирования социальной идентичности в условиях высшего учебного заведения выделялись три типа социальных идентичностей⁶.

1. Студент как член коллектива (ключевые слова – внутригрупповое взаимодействие, типы лидерства, стиль управления, формальная и неформальная структура группы и т. д.).

2. Студент как учащийся (ключевое слово – успеваемость).

3. Студент как работник (ключевые слова – трудоустройство, карьера).

В основе выделения этих типов идентичностей лежало то априорное предположение, что любая образовательная (социальная) система воспроизводит себя через создание условий для осуществления следующей группы событий:

- 1) требований студенческой группы;
- 2) требований учебного процесса;
- 3) требований рынка труда.

Все эти события характеризуются отсутствием субъекта деятельности и, таким образом, носят деперсонализированный характер. События помещены во время и пространство, и по отношению к этим событиям и, следовательно, по отношению друг к другу социальные субъекты занимают социальные позиции, определенные как социальные идентичности. Предполагалось, что наличие/отсутствие связей в терминах статистических выводов между перечисленными группами событий позволило бы говорить об эффективности функционирования вуза.

Рассуждая таким образом, мы неизбежно теряем возможность провести анализ социального объекта (вуза) как особой самовоспроизводящейся системы. В дальнейших наших исследованиях мы учли этот недостаток. При этом отдавали себе отчет в том, что результаты опроса будут скорее информировать нас об опрашиваемых, об их когнитивных особенностях, но делать вывод на основе этих данных об особенностях воспроизводства вуза (эта характеристика является эмерджентной) можно с большой осторожностью.

Поставленная цель была сформулирована следующим образом: можно ли обнаружить модели восприятия образовательного пространства

⁴ Бурдые П. Оппозиции современной социологии // Социологические исследования. 1991. № 5. С. 37.

⁵ Кондратьев Н.Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. М.: Экономика, 2002. С. 10.

⁶ Назаров М.С. Формирование социальной идентичности // Гуманитарные исследования. Уссурийск, 2002. № 6. С. 174–178.

вуза средствами разведывательного исследования и стандартных опросных процедур? Положительное решение вопроса было бы необходимым условием для выдвижения более содержательных гипотез в выбранном направлении.

В качестве основного инструментария использовалась разработанная лабораторией прикладной социологии УГПИ анкета «Ценностные ориентации студентов УГПИ». Исследование проводилось в апреле – мае 2003 г. (N – 103). Анализ и обработка данных осуществлялась при помощи статистического пакета SPSS.

В ходе исследования удалось выделить три модели восприятия образовательного пространства вуза, которые по-разному определяют степень вовлеченности студента в учебный процесс или, иначе говоря, модели восприятия могут располагаться в следующем континууме: «активность–пассивность».

Носители первой модели (она ближе всего расположена к позиции «активность») обладают следующими характеристиками.

1. Степень удовлетворенности от поступления в УГПИ выше, чем в других моделях.

2. Здесь явное преобладание внутренней заинтересованности в получении нового знания над внешним принуждением, поэтому и атмосфера на занятиях чаще оценивается как «живая, творческая» и низко оценивается необходимость строгого контроля над посещаемостью.

3. Носители первой модели лучше устанавливают непосредственный, личный контакт с преподавателями, способствующий взаимопони-

манию, и чаще выбирают такие модели поведения на занятиях, как:

- диалог с преподавателями;
- отстаивание своей позиции;
- предложение проблем для обсуждения.

4. При подготовке к занятиям чаще используется самостоятельно подобранная литература и Internet.

Данную модель характеризует повышенное стремление интенсифицировать учебный процесс за счет персональной активности, тогда как в преподавателе особо оценивается умение ориентировать в пространстве информационной среды. Две другие модели отличаются по обозначенным характеристикам и тяготеют к позиции «пассивность».

Можно предположить, что первая модель «ответственна» за наличие отрицательных обратных связей, тогда как две другие – за положительные. Каждая из этих моделей – это свой специфический контекст, в котором только и имеют значение мнения одних индивидов и не воспринимаются другие. Образовательное пространство возникает как эффект различения моделей и приобретает статус эмерджентной реальности. В силу последнего обстоятельства образовательное пространство богаче любой модели его восприятия, так как включает их в себя и реагирует на них. Отсюда понятие прогноза социальных процессов должно быть заменено на малопрогнозируемое будущее.

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК В СИСТЕМЕ ОБОРОНЫ БРИТАНСКОЙ ИМПЕРИИ В 20-е гг. XX в.

С.И. Максименко

Максименко Светлана Ивановна – кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии Уссурийского государственного педагогического института.

Автор статьи рассматривает 20-е гг. XX в., когда в Великобритании выдвигалось положение, что Дальний Восток занимает подчиненное место в системе обороны Британской империи и принципиальное значение имеет оборона английских островов и Индии. Английским дипломатам было известно острое американо-японское соперничество на Тихом океане. Англия не могла перевести свой флот на Тихий океан, потому что к востоку от Мальты у нее не было ни военно-морских, ни топливных баз. Вопрос о строительстве крупной военно-морской базы в Сингапуре был одобрен на Имперской конференции в 1921 г. И вновь был поднят в Британском парламенте в 1925 г. Британия намеревалась использовать военно-морскую базу в Сингапуре, чтобы сохранить уже приобретенное в предстоящей борьбе за передел владений в этом регионе.

The author of the article examines the 20s of the 20th century when in the Great Britain there was an opinion that the Far East in the system of the British Empire defense was of the subordinate character, and the defense of British Islands and India was of principal importance. British diplomats were aware of the American-Japanese rivalry on the Pacific. Nevertheless, the Great Britain could not send her Fleet to the region for there were no both naval and fuel bases to the east of Malta. And then at the Empire conference in 1921 there was adopted the decision about the building of a big naval base in Singapore. This question was discussed in the British Parliament in 1925. Britain also intended to use a naval base in Singapore to keep already acquiring in impending struggle for re-division of possessions in this region.

В Великобритании после Первой мировой войны все чаще выдвигалось положение, что Дальний Восток занимает подчиненное место в системе обороны Британской империи, самое важное — это оборона английских островов, затем Индии и потом только Дальнего Востока. «Никакая угроза дальневосточным интересам Англии, как бы она ни была велика, не может отвлечь внимания английских государственных деятелей от того, что должно быть первоочередной их заботой, а именно – от охраны безопасности английских островов и их коммуникаций, по которым Англия снабжается продовольствием»¹.

Однако легче было сформулировать эту доктрину, чем осуществить ее на практике. «Проблемы имперской обороны проистекали из уникальных особенностей Британской империи. Разбросанные по территории всего земного шара, населенные различными народами, находящимися на различных стадиях развития и прогресса, составные части империи имеют много общего с точки зрения защиты своих интересов, за некоторыми незначительными исключениями они способны защищаться самостоятельно, используя в случае необходимости ресурсы имперских гарнизонов. Для чего требуется взаимная поддержка, которая зависит от морских коммуникаций, объединяющих составные части Британской империи. Если эти коммуникации не функционируют, империя не способна защищаться. Кроме того, метрополия как централь-

ный арсенал и защита для всей империи сама зависит от состояния морских коммуникаций, охватывающих не только территорию империи, но и любую часть мира. Обслуживание морских коммуникаций стало основной задачей системы имперской обороны»².

По существу, после окончания войны Англия могла свободно выделить из состава своего флота значительные силы для Дальнего Востока. Хотя после войны англо-французские противоречия обострились, и чрезвычайно усилилось военно-морское соперничество между Англией и США. Все же не эти обстоятельства помешали Англии усилить свой флот на Тихом океане. Французский флот вышел из войны весьма ослабленным и, как указывает Г. Байуотер, был слабее английской эскадры на Мальте³. Франция в первое время после войны не принимала какой-либо большой программы морского судостроения за исключением строительства подводных лодок. США, наоборот, создали колоссальную программу морских вооружений, добиваясь равенства своих военно-морских сил с Англией, и это обстоятельство серьезно беспокоило правящие круги последней. Однако перевод в 1919 г. американского флота из Атлантического на Тихий океан показал, кто является на ближайшие годы главным соперником США.

Английским дипломатам лучше, чем кому-либо другому, было известно острое американо-японское

¹ Griswold A.W. The Far Eastern Policy of the United States. N.Y., 1938. P. 318.

² The Beatty Papers 1902–1927 / Ed. by V. McL. Ranft. 2 vols. L., 1989–1993 (далее – В.Р.). 2 vols. P. 341.

³ Wywater H. Sea Power in the Pacific. L., 1934. P. 6.

соперничество на Тихом океане. «Англия не могла перевести свой флот на Тихий океан, потому что к востоку от Мальты у нее не было ни военно-морских баз, ни доков, ни топливных баз, сколько-нибудь годных для того, чтобы на них опирался мощный флот»⁴.

Без базирования на Дальнем Востоке английский линейный флот не мог быть использован в этом районе. Раньше, когда английский и японский флоты предполагали действовать совместно, в союзном договоре 1902 г. было предусмотрено использование баз союзника. После Первой мировой войны англо-японские противоречия значительно усилились, и об этом не могло быть речи. «Гонконг занимает более благоприятное стратегическое местоположение, чем Сингапур, но из-за его продвинутого положения военное министерство выразило мнение о невозможности гарантировать его безопасность со стороны земли без участия там больших военных сил»⁵.

Современным линейным кораблям требовалось заходить в сухой док приблизительно два раза в год, но доки в восточных водах не могли разместить новый тип кораблей, снабженных противоминными устройствами, принятыми на вооружение после Ютландского сражения как результат подводной войны. «Линейные корабли, базирующиеся на Востоке, должны были идти на Запад не только для обычных чисток, но и для ремонта во время войны. Самый близкий сухой док, способный к приему современных линейных кораблей, был на Мальте, на расстоянии 6000 миль. Это не только значительно уменьшало боевую мощь флота, но и создавало угрозу, что поврежденный корабль мог блокировать Суэцкий канал и отрезать Восточный флот от тыловых поставок. По этим причинам строительство военно-морской базы на Востоке стало более актуальной задачей, чем фактическая посылка и размещение там военного флота»⁶.

Вопрос о строительстве крупной военно-морской базы в Сингапуре был одобрен на Имперской конференции в 1921 г. Но это требовало нескольких лет, в то время как Австралия, Новая Зеландия и другие британские колонии на Дальнем Востоке, по существу, также не были защищены от японского нападения, как и

во время войны. Обеспечить их защиту мог только союз Великобритании с державой, которая могла бы угрожать британским доминионам. Другой такой державы на Тихом океане, кроме Японии, не было. Основной принцип австралийской внешней политики – «Белая Австралия», который государственные деятели оговаривались отстаивать «до последней капли крови», должна была защищать Японию, хотя он больше всего угрожал японцам.

Мысль о возможной угрозе Австралии и Новой Зеландии со стороны Японии в случае отхода Англии от союза высказывалась еще до войны Греем и Черчиллем. С тех пор владения Японии стали ближе к Австралии и Новой Зеландии (мандатные острова), японская экспансия на юге Азии значительно усилилась, а японский флот господствовал в западной части Тихого океана. С превращением США и Японии в великие морские державы военная мощь «регионализировалась», и каждая из океанских держав обрела доминирующие позиции в прилегающих морях.

Разрыв союза с Японией в этих условиях по инициативе Англии казался опасным английскому правительству. Тем более что в Японии правящие классы, не говоря уже о самом правительстве, всемерно поддерживали идею продления или возобновления союза.

Англии пришлось маневрировать, чтобы остаться сильной морской державой, вполне способной отстаивать свои позиции. Так, уже в 1920 г. она была вынуждена отказаться от основного принципа морской политики – иметь флот, равный соединенному флоту двух других самых сильных морских держав (**two powers standard**), заменив его более скромным принципом – **one power standard**, т. е. флот, равный флоту другого самого сильного государства. Но и этот принцип был трудно осуществим, так как США начали постройку новых модернизированных кораблей (так называемого послеютландского типа), а в Англии большая часть флота была довоенного, сравнительно устаревшего типа, имелся лишь один линейный корабль нового типа («Худ») ⁷. Поэтому, когда в конце 1920 г. в американский сенат был внесен проект резолюции, предлагающий президенту пригласить Англию и Японию на конференцию по вопросу о сокращении морских вооружений, он был встречен в Англии весьма положительно. Перспективы конференции по сокращению вооружений оказались в

⁴ Jebb R. *The Empire in Eclipse*. L., 1926. P. 247.

⁵ В.Р. Vol.2. P. 363.

⁶ Hauser E.O. *Anglo-Japanese Rivalry in Southeast Asia*. N.-Y., 1937. P. 61.

⁷ Гальперин А.Л. *Англо-японский союз. 1902–1921 гг.* М., 1947. С. 355.

тесной связи с дальнейшей судьбой англо-японского союза. Вашингтонская конференция на некоторое время несколько разрядила напряженную обстановку на Тихом океане, которая создалась по окончании Первой мировой войны. Конференция также предоставила Англии «целый омнибус» гарантий по различным вопросам, которые затрагивали важнейшие интересы Англии: «открытые двери» в Китае, безопасность на Тихом океане, гарантированную договором об ограничении вооружений и договором четырех держав, и т. д.⁸

Мир на Дальнем Востоке должен был под держиваться помимо Вашингтонского соглашения еще и статут Лиги Наций. Тем не менее британское правительство не могло считать эти интернациональные гарантии достаточными для обеспечения безопасности своих владений на Тихом океане и вынуждено было думать о других мерах их обороны. Первым мероприятием в этой области явилось решение о постройке сингапурской военно-морской базы, принятое британским правительством в 1923 г. По оценке многих английских авторов, оно было неизбежным следствием разрыва англо-японского союза⁹.

Решения Вашингтонской конференции, положившие конец англо-японскому союзу и той системе обороны тихоокеанских владений Британской империи, которая в течение двадцати лет покоилась главным образом на этом союзе, поставили перед английским правительством новые проблемы. Необходимо было найти другие методы обороны своих владений на Тихом океане.

Имевшиеся к моменту подписания договора американские базы на Филиппинских островах (в Маниле, Кавите, Олангапо) мало изменились по своему оборудованию и мощи со времен испано-американской войны. Особенно осуществимым для Японии было лишение США права сооружать базы на Алеутских островах, наиболее близких к основным японским территориям¹⁰.

На Вашингтонской конференции в договор пяти держав об ограничении морских вооружений был включен раздел о запрещении строительства новых или расширения старых военно-морских баз в определенных районах Тихого океана. Япония обязалась не укреплять Курильские, Бонинские, Амамо Ашимо, Формозу, Пескадорские, а также

мандатные острова¹¹; США – свои территории: Гуам, Филиппины и Алеутские острова. Англия – те, что к востоку от 110° восточной долготы, за исключением территории Австралии и Новой Зеландии. Таким образом, Англия не имела возможности укреплять Гонконг, но могла строить Сингапур, который лежал к западу от 110°.

Вот почему Британское правительство рассматривало Сингапур, который «...объединил максимум стратегических возможностей со средствами прекрасной естественной гавани, как наиболее подходящий пункт для строительства базы. Тропический остров Сингапур, приблизительно длиной 20 миль и шириной 15 миль, и 9-мильный по ширине морской канал соединяет Индийский и Тихий океаны. Простое закрытие канала на Восток стало бы эффективной мерой для защиты крупной Индийской колонии Англии от любого восточного врага»¹².

Флот, базирующийся в Сингапуре, мог закрывать голландские, французские и португальские колонии, Малаю и Сиам, а также препятствовать любой силе, пытающейся вторгнуться на Филиппинские острова, в то время как движущуюся на юг эскадру, которая стремилась к Австралии и Новой Зеландии, можно было остановить действиями с флангов.

Однако когда консервативное правительство при обсуждении бюджета на 1923/24 г. потребовало от парламента утвердить ассигнования на постройку сингапурской базы, рассчитанные на десять лет при стоимости базы в 11 млн ф.ст., это предложение встретило чрезвычайно сильную оппозицию среди лейбористов и либералов¹³. Оппозиция была вызвана не только соображениями партийной борьбы, стремлением лейбористов продемонстрировать свою готовность сократить военные расходы, но и нежеланием обострять отношения с Японией, которая проект постройки базы встретила весьма враждебно.

Вся эта борьба вокруг вопроса о Сингапуре отражала трудности обеспечения обороны огромной и разбросанной по всем частям света Британской империи, которые встали перед Англией после Вашингтонской конференции.

По принятому в Вашингтоне договору пяти держав (Англия, США, Франция, Япония и Италия) для Японии был установлен меньший тоннаж линейных кораблей и авианосцев, чем для

⁸ Hubbard G. *British Far Eastern Policy*. N.Y., 1943. P. 33–34.

⁹ Kennedy M.D. *Some Aspects of Japan and Her Defence Forces*. L., 1928. P. 196.

¹⁰ Мотылев В. Зарождение и развитие тихоокеанского узла противоречий. М., 1939. С.107.

¹¹ Лемин И.М. *Внешняя политика Великобритании от Версаля до Локарно. 1919–1925. М., 1947. С. 310.*

¹² Hauser E.O. *Op. cit.* P. 61.

¹³ Jebb R. *Op. cit.* P. 246.

Англии (соотношение 3:5). Однако, обладая мощной системой баз в западной части Тихого океана, которых у Англии не было (кроме Гонконга), японский флот мог легко наносить удары по английским владениям. Чтобы противодействовать ему, Англии, по оценкам английских военно-морских специалистов, нужно было держать на Тихом океане или вблизи него флот такой же мощности, как японский (т. е. 10 линкоров или около двух третей английского флота). Между тем послевоенная обстановка в Европе и обострение противоречий на Ближнем Востоке (греко-турецкая война, стремление Англии получить максимальную долю турецкого наследства) заставляли Англию держать свои главные морские силы в Средиземном море без надежды, что значительная часть этих сил когда-либо сможет быть выделена для Тихого океана.

В марте 1925 г., когда вопрос о Сингапуре вновь был поднят в парламенте, газета «Манчестер гардиан» дала довольно правильную оценку сложности сингапурской проблемы и существа тех прений, которые происходили вокруг этого вопроса в 1923–1925 гг. В 1919 г., писала газета, когда на Дальний Восток был послан адмирал Джеллико, Англия могла рассчитывать, что ее основной противник – германский флот – уничтожен, а все остальные (французский, итальянский, американский) принадлежат союзным державам, поэтому в случае необходимости окажется возможным сосредоточить весь английский флот или значительную его часть на Тихом океане. Но в данный момент, продолжала газета, главные силы британского флота находятся в Средиземном море.

Даже не будучи экспертом по морским делам, нельзя себе представить такого положения, чтобы Англия могла перебросить этот флот на Тихий океан, а для защиты английских владений на Тихом океане надо держать там флот, равный (или примерно равный) японскому или американскому. Но если нельзя сосредоточить флот на Тихом океане, то зачем строить мощную базу? – упорно задавала вопрос оппозиция, – и на этот основной вопрос консервативное правительство не могло дать четкого ответа. Оно указывало, что к востоку от Мальты у Англии нет ни одной базы, что английская торговля нуждается в защите морским флотом, а эта защита может быть обеспечена лишь при наличии морских баз, что сингапурская база является лишь оборонительной и не имеет никаких агрессивных целей.

Однако все эти доводы не убеждали оппозицию: она исходила из трудно опровержимого в

тот период предположения, что из флота в 15 линкоров, которым Англия имела право обладать в течение срока действия Вашингтонского соглашения, нельзя будет выделить много единиц для действий на тихоокеанском театре, так как это грозило лишить английские острова и средиземноморский театр достаточных военно-морских сил; Д. Макдональд называл проект постройки базы «грозной глупостью», «дикой и бесцельной эскападой»¹⁴. Против постройки сингапурской базы выступали также виднейшие лидеры либералов и лейбористов – Г. Асквит, А. Монд, Ф. Сноуден и др.

Хотя австралийское и новозеландское правительства резко протестовали против прекращения строительства базы, осуществленного, кстати сказать, Макдональдом без согласования с ними, лейбористские партии Австралии и Новой Зеландии заняли отрицательную позицию по отношению к этому решению. Правительства Канады и Южной Африки официально указали, что их совершенно не интересует этот вопрос.

Все же консервативное правительство С. Болдина, придя к власти в начале 1925 г., вновь настояло на сооружении базы, однако не форсировало ее строительства, опасаясь протеста оппозиции и не имея, вероятно, само твердой программы, какой флот там можно будет сосредоточить¹⁵.

Ассигнования на базу не превышали 200–300 тыс. ф. ст. в год: в парламенте дважды в год делались запросы о ходе строительства, правительство давало стереотипные, лаконичные ответы, что возведение базы развивается успешно, но только в 1928 г. был заключен договор с фирмой «Джэксон» на ее постройку. В том же году в Сингапур было отправлено первое крупное сооружение – плавучий док в 50 тыс. т, полученный в счет германских репараций, и три крупнейших орудия, предназначавшиеся во время мировой войны для обстрела германских укреплений на бельгийском побережье. Договор с фирмой «Джэксон» предусматривал срок окончания строительства базы через семь лет; однако она была открыта только в 1938 г. и то лишь в силу тех событий, которые произошли на Дальнем Востоке в 1932–1933 гг. и заставили британское адмиралтейство значительно ускорить темпы сооружения. По существу, в первые десять лет (1923–1932) строительство базы подвигалось вперед крайне медленно.

Оценивая результаты Вашингтонской конференции, канадский профессор Лауэр писал,

¹⁴ Ibid. P. 246–249.

¹⁵ В.Р. Vol. 2. P. 222.

что Англия и другие меньшие государства сделали первые шаги в сторону ухода с Востока¹⁶. Весьма интересно, что на постройке базы настаивала та самая партия, которая была известна как сторонница англо-японского союза. Ее представители А.Д. Бальфур, Д.Н. Керзон и другие выступали инициаторами заключения англо-японского союза в 1902 и 1905 гг. и до Вашингтонской конференции настаивали на его продлении и возобновлении.

Выступая в парламенте за необходимость постройки базы, консерваторы, конечно, ссылались на опасность, которая могла угрожать английским владениям со стороны Японии. Однако они неоднократно подчеркивали, что «дружественные» отношения с Японией продолжают оставаться в силе. Бальфур, выступая в парламенте в марте 1925 г., указывал, что мысль о вооруженном столкновении с Японией внушает такое же отвращение в Англии, как и в Японии, что для Англии было бы гибелью «принять такой идиотский курс». Примерно в том же духе выступал и Керзон.

Японская экспансия во время войны нанесла слишком чувствительный ущерб английским интересам, надо было восстановить британский престиж, позиции, утраченные за это время британским капиталом в Китае и на Дальнем Востоке. Американская доктрина «открытых дверей» тогда еще имела популярность среди китайского народа; англичанам было выгодно перекинуться на сторону американцев. Сама эта доктрина была, правда, весьма не по вкусу британской колонии в Китае: «Большинство британских резидентов в открытых портах с цинизмом относились к новой политике в Китае. Заботясь только о материальном обеспечении своего существования, они, естественно, считали, что дела шли бы лучше, если бы только действие старых договоров подкреплялось пушками, как в дни маньчжурской династии»¹⁷.

Отказавшись от англо-японского союза, английская буржуазия рассчитывала найти в США, под давлением которых союз был разорван, такого же или подобного Японии союзника. На этих расчетах, очевидно, была построена та «кооперация», которая установилась между британской и американской делегациями на Вашингтонской конференции. Бальфур совместно с Ч.Э. Хьюзом оказывал известное давление на японскую делегацию в вопросе о возврате Китаю Шаньдуна,

который Англия два года назад в Версале передала Японии. «Кооперация» английской и американской делегаций сказалась и в отношении к проблеме морских вооружений и морских баз, в частности в вопросе о Сингапуре, право укрепления которого отстаивали обе делегации. Г. Стимсон вспоминал впоследствии о немногочисленных случаях англо-американского сотрудничества на Дальнем Востоке, особенно подчеркивал период Вашингтонской конференции. «Серьезное сотрудничество лорда Бальфура на Вашингтонской конференции дало возможность обосновать политикой договор девяти держав и оказало чрезвычайную помощь в деле общего решения всех спорных вопросов, касавшихся Дальнего Востока, которое было одновременно достигнуто»¹⁸.

Однако расчеты на длительное англо-американское сотрудничество оказались несостоятельными. После Первой мировой войны между Англией и США началась борьба за мировую гегемонию, которая в отдельные периоды приводила к значительному обострению отношений между этими двумя государствами. Бурный рост в послевоенные годы американской промышленности, так называемое просперити, способствовал росту экспорта и заграничных инвестиций, активизации внешней политики США.

Добиваясь больших ассигнований на сингапурскую базу, стремясь превратить ее в сильнейшую базу Британской империи (наподобие Гибралтара и Мальты), где мог бы стоять, ремонтироваться и снабжаться весь английский военно-морской флот, консервативное правительство, несомненно, имело цели, далеко выходящие за пределы обороны.

Японский автор Тота Исимару приводит любопытные слова лорда Солсбери, произнесенные им в Манчестере в 1879 г.: «Занимая Кипр, мы только придерживаемся нашей традиционной политики. Когда, к примеру, Испания была яблоком раздора в Европе, мы заняли Гибралтар. Когда Италия была главной проблемой Европы, мы заняли Мальту. Теперь, когда все взоры устремлены к Египту и Малой Азии, мы заняли Кипр»¹⁹.

Фактически стратегический центр Сингапур – крупнейшая британская база по обороне восточной части Британской империи к востоку от Суэца – создавалась также на идее монополии. «Эта монополия – результат географического положения Сингапура как единственной и доми-

¹⁶ Lower A. *Canada and the Far East*. N.Y., 1940. P. 13.

¹⁷ Curtis L *Capital Question of China*. L., 1932. P. 248.

¹⁸ Стимсон Г. *Дальневосточный кризис*. М.-Л., 1938. С.68.

¹⁹ Ishimaru T. *Japan Must Fight Britain*. N.Y., 1936. P.188.

нирующей морской связи между Индийским и Тихим океанами, а также капиталов, вложенных в строительство базы. Кроме того, Сингапур расположен в центре территории с 2000-мильным радиусом, которая включает в себя богатые тропические области голландских, британских и французских владений с источниками сырья и рынками сбыта. В ходе строительства установили огромные сухой и плавучий доки, способные размещать и поднимать корабли до 55000 т, отбуксированные из Англии в Сингапур. Новый судоремонтный завод был готов к швартовке и восстановлению одновременно двух самых больших кораблей на флоте. Большинство землечерпалок, силовых установок, офисов и фортификаций (доков, верфей, эллингов и складов) было построено в Селетаре, в 15 милях от Сингапура, в месте, очищенном от тропических джунглей»²⁰.

Таким образом, решение английского правительства превратить Сингапур в мощную морскую базу свидетельствовало о том, что Дальний Восток всегда был сферой притяжения интересов государств на международной арене и, несмотря на слабость своих военных позиций на Дальнем Востоке, Великобритания вовсе не намеревалась играть здесь второстепенную, подчиненную роль. Подготавливая базу, на которую смог бы опираться английский флот, она стремилась к тому, чтобы сохранить уже приобретенное в предстоящей борьбе за передел владений в этом регионе и ее новая военно-морская база в Сингапуре была призвана служить в качестве фактора сдерживания в отношении экономических амбиций ее бывшей союзницы.

²⁰ Hauser E.O. Op. cit. P. 61–62.

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ В РОССИИ ВЗАИМНОГО СТРАХОВАНИЯ

А.В. Гарбар

Гарбар Андрей Валерьевич – преподаватель кафедры правоведения гуманитарного факультета Дальневосточного государственного университета путей сообщения.

Статья посвящена рассмотрению и анализу отдельных правовых проблем, препятствующих развитию в России взаимного страхования и организаций, его осуществляющих, – обществ взаимного страхования. Автором предложены определенные меры по совершенствованию законодательства, регламентирующего проведение взаимного страхования, а также показаны некоторые возможные сферы применения страхования на основе принципов взаимности.

This article is devoted to consideration and analysis of individual law problems hindered to develop mutual insurance in Russia and to organizations realized these things – societies of mutual insurance. Definite measures to perfect legislation which regulate quiding of mutual insurance are offered by author, and also some possible spheres of employment insurance based on mutuality principles are shown.

Являясь одной из форм социальной защиты, страхование защищает различные интересы физических и юридических лиц от разного рода непредвиденных событий (случайностей), выступая тем самым в качестве социально необходимой деятельности. Страхование позволяет устранить или сократить, минимизировать действие различных рисков как в повседневной жизни граждан, так и в производственной, хозяйственной деятельности организаций. С помощью страхования, посредством заранее образованного страхового фонда, возможно заблаговременно обеспечить страховой защитой наиболее важные и значимые интересы, связанные как с жизнью и здоровьем страхователей, так и с сохранением имущества. Иначе говоря, страхование выступает в качестве своеобразного инструмента, снижающего или полностью ликвидирующего неопределенность в защите страхуемых интересов от определенных страховых рисков.

Сущность страхования, как отмечает профессор В.И. Серебровский, заключается в том, что ущерб от известной опасности распределяется между несколькими хозяйствами или группами людей, в результате чего вред, понесенный отдельным лицом, падает на него не целиком, а только в сумме сделанных взносов, а в большей части вред возмещается другими лицами. При этом значение страхования не исчерпывается восстановлением причиненного вреда, поскольку страхование ослабляет момент риска для хозяйства и дает ему тем самым прочную почву для дальнейшего развития. В целом, в силу своей значимости страхование обладает «социальным» характером¹.

Страховая деятельность в России на сегодняшний день осуществляется преимущественно коммерческими страховыми организациями, соз-

даваемыми, как правило, в форме страховых акционерных обществ. При этом такая форма страховых организаций, как общества взаимного страхования (ОВС), выступающая альтернативой и дополнением акционерному страхованию, в силу определенных причин практически не получила развития на современном страховом рынке. Между тем, как отмечают отдельные авторы², занимающиеся исследованием страховых отношений, именно такая организационно-правовая форма, как ОВС, стала сейчас наиболее востребованной на страховом рынке в виде недостающего звена в цепочке субъектов рынка, осуществляющих страхование, звена, позволяющего дополнительно привлечь большее количество потенциальных страхователей.

Взаимное страхование имело богатую историю развития в дореволюционной России главным образом в огневом страховании и страховании от несчастных случаев. Кроме того, проводилось страхование подвижного состава частных железных дорог, морских торговых судов и перевозимых грузов. Операции по взаимному страхованию осуществлялись также земствами. Взаимное страхование, как отмечается в литературе³, издревле имело своей целью защиту от социального риска, т. е. осознаваемого большинством членов общества или некоторой социальной группой, для которых необходима общественная взаимопомощь.

Страхование от огня на основе взаимности начало проводиться с 1861 г., с изданием указа Александра II об учреждении городских взаимных страховых обществ. В 1864 г. было принято

¹См.: Серебровский В.И. Избранные труды по наследственному и страховому праву. М.: Статут, 2003. С. 273–275.

² См.: Бичикашвили П.Г. Общества взаимного страхования // Страховое право. 2001. № 1. С. 31.

³ Ковалевская, Н.С., Ковалевский, М.А. Развитие коммерческого страхового законодательства в России: начальный этап // Страховое право. 2001. № 4. С. 12.

Положение «О взаимном обязательном земском страховании от огня». Операции по огневому страхованию осуществлялись также акционерными страховыми компаниями, но значительная часть страхователей прибегала к услугам обществ взаимного страхования, поскольку страхование в них нередко обходилось дешевле, и к тому же акционерные общества во многих случаях, например по причине ветхости жилья и высокой пожароопасности в отдельных населенных пунктах, отказывали в принятии домовладений на страхование. Успех взаимного страхования от огня был обусловлен прежде всего теми обстоятельствами, что данное страхование учитывало потребности огромного числа не самых богатых, но заинтересованных в сохранении своего имущества жителей, пожары происходили часто, так как основным строительным материалом в то время было дерево, и были крайне опустошительны⁴.

Аналогично создаваемым в 1871 г. в Германии обществам взаимного страхования (страховые товарищества) работодателей, страхующим свою гражданскую ответственность за вред, причиненный работникам, в России в XX в. также учреждаются страховые товарищества. Именно за счет средств фондов страховых товариществ осуществлялось возмещение причиненного на производстве вреда жизни и здоровью рабочих, т. е. в рамках обществ взаимного страхования проводилось социальное страхование от заболеваний и несчастных случаев на производстве⁵.

Общества взаимного страхования функционировали на основании уставов, в которых определялись помимо организационных аспектов управления также цели и задачи деятельности обществ. Государственный страховой надзор в отношении обществ взаимного страхования осуществляло Министерство внутренних дел.

Взаимные страховые общества играют достаточно заметную роль в современной зарубежной страховой практике и в настоящее время успешно функционируют во многих странах. Взаимное страхование, выступая дополнением акционерному страхованию, стало международным явлением, ОВС конкурируют на современном страховом рынке большинства индустри-

ально развитых стран с акционерными страховыми компаниями. В мировой практике наиболее распространены такие виды взаимного страхования, как личное, огневое, сельскохозяйственное и автомобильное. Относительно страхования в рамках ОВС интересов юридических лиц стоит отметить, что наибольшего развития в зарубежных странах оно достигло на транспорте. В частности, до 95 % судовладельцев мира страхуют свою гражданскую ответственность перед третьими лицами в ОВС, клубах взаимного страхования⁶.

В современной России опыт создания и деятельности отечественных ОВС, в рамках которых осуществляется взаимное страхование, крайне незначителен, поскольку сама возможность их эффективной работы, как отмечается в литературе⁷, основана на взаимном доверии, которое испытывают друг к другу члены такого общества и которое в отечественном гражданском обороте по большей части отсутствует.

Взаимное страхование является специфической некоммерческой формой организации страховых операций, при которой страховой фонд создается страхователями на бесприбыльной основе. Взаимное страхование выступает как страхование в его наиболее «идеологически чистой» форме, взаимный обмен рисками при котором не преследует цели извлечения прибыли⁸. Вместе с тем следует иметь в виду, что практическая деятельность ОВС в ряде случаев совмещает в себе определенные черты коммерческого страхования (например, осуществление страхования интересов лиц, не являющихся участниками ОВС). Иными словами, в реальности принцип взаимности может несколько трансформироваться.

Различие между взаимным и коммерческим страхованием и соответственно между взаимными страховыми и акционерными страховыми обществами состоит в том, что взаимное страхование, осуществляемое посредством ОВС – это объединение физических, (реже – юридических) лиц, а коммерческое страхование, осуществляемое акционерными страховыми компаниями – это, прежде всего, объединение капиталов. Данной точки зрения придерживается большинство авторов⁹. Вместе с тем имеет место позиция, со-

⁴ Ковалевская Н.С., Ковалевский М.А. Развитие коммерческого страхового законодательства в России: период империи, советский период и период начала постсоветских рыночных реформ // *Страховое право*. 2002. № 4. С. 5–6.

⁵ О развитии социального страхования см.: Ковалевский С.М. История правового регулирования обязательного социального страхования от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний // *Страховое право*. 2002. № 2. С. 74–91.

⁶ Об этом подробнее см.: Царькова И. Опыт деятельности клубов взаимного страхования ответственности судовладельцев // *Страховое право*. 2000. № 4. С.17–30.

⁷ Фогельсон Ю.Б. Комментарий к страховому законодательству. М.: Юрист, 1999. С.203.

⁸ Гришин Г. Общества взаимного страхования // *Страховое право*. 2000. № 4. С. 47.

⁹ См.: например: Леви Г. Юридическое обеспечение свободного рынка // *Страховое право*. 2000. № 4. С. 42; Воблый К.Г. Основы экономики страхования // *Страховое право*. 2000. № 4. С. 44.

гласно которой «...общество взаимного страхования – это страховой фонд в его денежной форме, т. е. денежные средства и ничего больше»¹⁰. С подобной позицией трудно согласиться, поскольку страховой фонд при взаимном страховании образуется страхователями, которые им сами и управляют. Участники ОВС одновременно выступают на стороне ОВС, т. е. страховой организации, являясь при этом и страхователями данного общества. Причем взаимное страхование основывается преимущественно на доверии среди участников ОВС, без которого эффективно осуществлять взаимное страхование весьма затруднительно. Таким образом, при взаимном страховании, по нашему мнению, определяющую роль играют все же участники общества, а капитал, выраженный в образованном страховом фонде, служит лишь достижению целей взаимопомощи страхователям ОВС.

Взаимное страхование носит бесприбыльный, или некоммерческий характер, т. е. ОВС не преследует в качестве основной задачи получение прибыли от проведения страховых операций. Цель ОВС состоит в покрытии расходов по управлению обществом и несению страховых рисков, организации страхования возможно лучше и дешевле для своих участников. Излишки, накопленные за отчетный период деятельности ОВС, принадлежат его участникам и нередко используются для создания резервов с целью укрепления финансовой устойчивости страхового фонда ОВС, т. е. для обеспечения возможных будущих страховых выплат, либо возвращаются членам общества.

Функционирование ОВС, обеспечиваемое тем, что члены общества самостоятельно управляют его делами, выгодно отличает данную организационно-правовую форму страховых организаций, тогда как условия создания и деятельности акционерной страховой компании намного сложнее. Определенный позитивный момент взаимного страхования проявляется и в том, что ОВС практически избегают опасности попасть под контроль посторонних субъектов, так как страхование, основанное на началах взаимности, создает определенные препятствия к участию в обществе и управлению им тех лиц, чье присутствие нежелательно.

Существенный недостаток взаимного страхования состоит прежде всего в изменчивости страховых премий, которая возникает из-за того, что «убытки взаимного страхования вместе с расходами по организации и управлению рас-

пределяются между членами данного страхового общества»¹¹. Поскольку доля, падающая на каждого участника взаимного общества, и составляет его взнос в страховой фонд, постольку эта доля будет колебаться в зависимости от страховых убытков, возникающих у ОВС¹². Исходя из вышесказанного следует, что солидарная ответственность страхователей является наряду с преимуществом взаимного страхования также и его недостатком, тогда как в акционерном страховании, напротив, страхователи уплачивают твердые страховые премии, т. е. определенную сумму взноса. Поэтому хотя коммерческое страхование обходится дороже, тем не менее «страхователь не рискует получить в конце года сюрприз в виде дополнительного платежа»¹³.

Среди причин, побуждающих физических и юридических лиц прибегать к услугам ОВС и обуславливающих необходимость взаимного страхования, важно отметить следующие: страхование, которое предлагают акционерные страховые компании, не всегда отвечает потребностям населения; некоторые риски в силу различных причин коммерческие страховые общества не принимают либо весьма ограниченно принимают на страхование. Обеспечить страховую защиту соответствующих однородных интересов при данных обстоятельствах возможно, прибегнув к страхованию на основе взаимности, путем создания ОВС.

Отличительной особенностью ОВС выступает однородность состава участников общества, выражающаяся в том, что взаимное страхование осуществляется среди представителей схожих профессий или видов деятельности. ОВС нередко гораздо легче «выходят» на некоторые слои населения, чем это могут сделать акционерные страховые общества, поскольку лица при объединении в ОВС, как правило, руководствуются потребностью защиты каких-либо общих солидарных (групповых), однородных интересов, тогда как при акционерном коммерческом страховании подобного не происходит.

Взаимное страхование, представляя собой одну из форм организации страхования (страховой деятельности), осуществляемую страхователями, имеющими схожие имущественные интересы и риски в хозяйственной или повседневной деятельности и объединяющимися на коллективной основе в ОВС, выражает договоренность между участниками общества о солидарном

¹¹ Воблый К.Г. Указ. соч. С. 45.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁰ Гришин Г. Указ. соч. С. 50.

возмещении друг другу будущих возможных убытков в определенных в соответствии с принятыми условиями.

ОВС особенно хорошо приспособлены для страхования групповых интересов, например лиц определенной профессии (медицинские работники, риэлтеры, юристы и др.) и их гражданской (профессиональной имущественной) ответственности перед третьими лицами. В этой связи следует рассмотреть вопрос о том, какие виды страхования согласно нормам российского законодательства вправе осуществлять ОВС.

ГК РФ (п. 1 ст. 968) определено, что гражданине и юридические лица могут страховать свое имущество и иные имущественные интересы, указанные в п. 2 ст. 929 ГК, на взаимной основе путем объединения в ОВС необходимых для этого средств. Поскольку обязательное страхование на взаимной основе допускается лишь в случаях, предусмотренных законом о взаимном страховании (п. 4 ст. 968 ГК РФ), а такие случаи вследствие отсутствия закона пока не предусмотрены, постольку, считает А.А. Иванов, на взаимной основе может осуществлять только добровольное имущественное страхование¹⁴.

Данная позиция находит поддержку и у других авторов,¹⁵ заключающих, что ГК РФ ограничивает перечень интересов и связанных с ними рисков, страхование которых могут осуществлять ОВС. Таким образом, страхованию на взаимной основе подлежат лишь имущественные интересы, указанные в п. 2 ст. 929 ГК РФ, а именно:

1) риск утраты (гибели), недостачи или повреждения определенного имущества;

2) риск ответственности по обязательствам, возникающим вследствие причинения вреда жизни, здоровью или имуществу других лиц, а в случаях, предусмотренных законом, также ответственности по договорам – риск гражданской ответственности;

3) риск убытков от предпринимательской деятельности из-за нарушения своих обязательств контрагентами предпринимателя или изменения условий этой деятельности по независящим от предпринимателя обстоятельствам, в том числе риск неполучения ожидаемых доходов – предпринимательский риск.

Страхование жизни, медицинское страхование, а также страхование иных рисков, нежели

чем те, которые указаны в п. 2 ст. 929 ГК РФ, страховыми взаимными обществами, вышеупомянутые авторы признают по существу незаконным, противоречащим ГК РФ.

П.Г. Бичикашвили¹⁶ исходит из того, что взаимные страховые общества могут осуществлять страховые операции не только по имущественному страхованию, но и по личному страхованию и перестрахованию, указывая на то, что в гражданском праве существует принцип деятельности субъектов гражданского оборота: «что не запрещено, то разрешено». Так, ст. 49 ГК РФ установлено, что коммерческие организации, за исключением унитарных предприятий и иных видов организаций, предусмотренных законом, могут иметь гражданские права и нести гражданские обязанности, необходимые для осуществления любых видов деятельности, не запрещенных законом. В указанной норме не упоминается о некоммерческих организациях, однако ст. 968 ГК РФ предусматривает образование ОВС и в форме некоммерческой организации. Обратившись к п. 1 ст. 24 Федерального закона от 12.01.1996 г. «О некоммерческих организациях»¹⁷, где также выдерживается упомянутый выше принцип, П.Г. Бичикашвили делает вывод о том, что запрета на осуществление, как в коммерческих, так и в некоммерческих ОВС иных видов страхования, кроме имущественного, ст. 968 ГК РФ и другие правовые нормы, регулирующие осуществление взаимного страхования и деятельность ОВС, не содержат¹⁸.

Соглашаясь с мнением П.Г. Бичикашвили, принимая во внимание принцип дозвоительной направленности гражданско-правового регулирования общественных отношений, а также то обстоятельство, что законодательно не запрещено личное страхование в рамках ОВС, можно сделать вывод, что действующим законодательством допускается вероятность проведения ОВС операций по страхованию имущественных интересов, указанных в п. 2 ст. 929 ГК РФ (имущественное страхование), а так же по страхованию иных, не противоречащих законодательству РФ имущественных интересов, которые могут быть связаны с жизнью, здоровьем, трудоспособностью и пенсионным обеспечением страхователей или застрахованных лиц (личное страхование). Отметим также, что в мировой практике весьма распространено проведение операций по личному страхованию посредством взаимных страховых обществ.

¹⁴ См.: Иванов, А.А. Гражданское право: В 2 т. Т. 2. / Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. М.: ПБОЮЛ Л.В. Рожников, 2000. С. 503.

¹⁵ См.: Сухов В.А., Хуторов А.Г. Особенности деятельности и налогообложения обществ взаимного страхования // Финансы. 2000. № 7. С. 37.

¹⁶ См.: Бичикашвили П.Г. Указ. соч. С. 26–27.

¹⁷ СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 145.

¹⁸ Бичикашвили П.Г. Указ. соч. С. 27.

Для устранения впредь разночтений, неопределенностей и различных толкований по вопросу о том, какими видами страхования вправе заниматься ОВС, представляется целесообразным и необходимым закрепить в законе о взаимном страховании нормы, прямо указывающей на возможность осуществления личного страхования на взаимной основе. Требуется также внести соответствующие изменения и в п. 1 ст. 968 ГК РФ, указав, по аналогии со ст. 7 Закона РФ от 27.11.1992 г. «Об организации страхового дела в РФ»¹⁹ (далее – Закон о страховании), что физические и юридические лица могут страховать свои имущественные интересы. Иначе говоря, в нормах ГК РФ не стоит ограничивать страхуемые в ОВС интересы только имущественным страхованием.

К таким формам объединений, как ОВС, которые не ставят цели получения прибыли и образуются исключительно для страхования своих членов, защиты их имущественных и личных интересов, обычно прибегают среднего класса собственники и физические лица-предприниматели²⁰. Именно данные категории субъектов, возможно, в будущем дадут толчок к развитию в России взаимного страхования.

Весьма перспективной и новой областью применения принципов взаимности в осуществлении страховых операций, на наш взгляд, могло бы стать страхование ответственности адвокатов. Федеральным законом от 31.05.2002 г. «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ»²¹ с 01.07.2007 г. для адвокатов установлена обязанность по осуществлению страхования риска своей профессиональной имущественной ответственности. Представляется, что эффективное осуществление данного вида страхования было бы целесообразно проводить именно на взаимной основе путем объединения адвокатами необходимых средств в ОВС. Следует отметить, что для проведения указанного вида страхования в обязательной форме необходимо внести соответствующие поправки в законодательные акты и, прежде всего, установить в законе о взаимном страховании возможность осуществления обязательного страхования риска профессиональной имущественной ответственности адвокатов путем взаимного страхования. Функции по управлению страховым фондом ОВС следовало бы возложить, например, на адвокатские палаты субъектов РФ, которые являются негосударственными некоммерческими организациями, ос-

нованными на обязательном членстве адвокатов одного субъекта РФ. Необходимо отметить, что организация страхования ответственности при оказании профессиональных услуг в рамках и посредством профессионального сообщества, которое будет выступать в качестве ОВС, приведет к ужесточению контроля над оказанием услуг и повысит заинтересованность участников общества в уменшении наступления страховых случаев.

Развитие в современных российских условиях практики группового страхования интересов лиц, принадлежащих к одной и той же социально-профессиональной категории, для распределения тех рисков, с которыми они сталкиваются в своей профессиональной деятельности, будет способствовать распространению подобного страхования. В конечном же счете это, что немаловажно, приведет к обеспечению страховой защитой как интересов самих страхователей – участников ОВС, так и потерпевших, поскольку этим лицам, которым оказываются различного рода услуги при осуществлении профессиональной деятельности, будет гарантировано возмещение ущерба при некавалифицированном исполнении своих обязанностей представителем определенной профессии.

В России взаимное страхование и общества, его осуществляющие, находятся в стадии становления, действуя в условиях нормативной неопределенности, которая выражается в отсутствии федерального закона о взаимном страховании. Следствием данного обстоятельства являются имеющиеся пробелы в законодательстве относительно правового статуса ОВС, что в свою очередь порождает неоднозначные толкования по данному вопросу²². Получается, что современная «идея возрождения обществ взаимного страхования и ее практическое воплощение несколько опережают специальное законодательное регулирование страховой деятельности на основе взаимности»²³.

Вопросы о том, являются ли взаимные страховые общества страховщиками и всегда ли необходима для осуществления взаимного страхования лицензия государственного страхового надзора, до сих пор не находят однозначных ответов как в законодательстве, так и в литературе по страховому праву. Поскольку данные вопро-

¹⁹ Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 2. Ст. 56.

²⁰ Щербак, Н.В. Общества взаимного страхования // Законодательство. 2001. № 9. С. 8.

²¹ Российская газета. 2002. 5 июня. С. 11–12.

²² Более подробно различные точки зрения о статусе ОВС в современном российском законодательстве см.: Страховое право. 2000. № 4.

²³ Ключенко Л.Н. Правовое положение обществ взаимного страхования по законодательству РФ // Страховое право. 2001. № 1. С. 22.

сы имеют не только важное теоретическое, но и не менее важное практическое значение, постольку остановимся на их решении более подробно и постараемся найти выход из сложившихся в законодательстве противоречий и сформулировать необходимые для их устранения меры, которые необходимо осуществить.

Согласно п. 1 ст. 927 ГК РФ страхование осуществляется на основании договоров имущественного и личного страхования, а сторонами в договоре страхования выступает страхователь и страховщик. Отметим, что данная норма ГК РФ, на наш взгляд, не совсем верно сформулирована. Так, исходя из сопоставления смысла заголовка ст. 927 ГК РФ («Добровольное и обязательное страхование») и указанных положений п. 1 этой же статьи можно заключить, что страхование, проводимое как в добровольной, так и в обязательной форме, осуществляется на основании договоров. Между тем это не совсем так, поскольку страхование интересов взаимными страховыми обществами может осуществляться непосредственно на основании членства в ОВС (п. 3 ст. 968 ГК РФ), т. е. не на основании договоров страхования, а в силу участия в обществе, на основании учредительных документов общества, что, впрочем, не исключает возможности заключения договоров страхования. При этом взаимное страхование может осуществляться как в добровольной, так и в обязательной формах.

В связи с вышеизложенным представляется целесообразным внесение соответствующего дополнения в п.1 ст. 927 ГК РФ, установив, что страхование осуществляется на основании договоров имущественного и личного страхования, а также по иным основаниям, предусмотренным законом. Под иными основаниями применительно к взаимному страхованию и будет выступать членство в ОВС.

Субъектом страхового правоотношения и одной из сторон в договоре страхования является страховщик. Но во всех ли случаях закон рассматривает ОВС в качестве страховщика? Значимость данного вопроса состоит в том, что субъект имеет право заниматься страховой деятельностью, только обладая статусом страховщика. В противном случае не отвечающее определенным требованиям юридическое лицо соответственно не будет признано страховщиком и деятельность, им осуществляемая, не будет являться страховой.

Согласно п. 1 ст. 6 Закона о страховании страховщиками признаются юридические лица, в том числе и созданные для взаимного страхования, получившие в установленном законом порядке ли-

цензию. Из анализа положений ст. 938 ГК РФ следует, что страховщиками являются юридические лица, имеющие разрешения (лицензии) на осуществление страхования соответствующего вида и заключающие договоры страхования. Таким образом, налицо противоречие между нормами двух нормативно-правовых актов, состоящее в том, что ГК РФ устанавливает помимо наличия лицензии дополнительное требование в части заключения договоров страховщиком. Данное обстоятельство порождает некоторую неопределенность в вопросе о том, какие именно юридические лица российским законодательством признаются страховщиками.

Так, Е.И. Ивашкин, анализируя положения Закона о страховании и главы «Страхование» ГК РФ, приходит к выводу о том, что ГК РФ исключает ОВС из числа субъектов страховых правоотношений, которые могут быть квалифицированы в соответствии со ст. 938 ГК РФ как страховщики²⁴. Позиция данного автора состоит в том, что ОВС не вправе участвовать в страховании путем заключения договоров страхования, так как они не могут быть квалифицированы в качестве страховщиков. С такого рода выводами нельзя согласиться хотя бы в силу того обстоятельства, что для ОВС законодательно предусмотрена возможность заключения договоров страхования как с его участниками, так и с лицами, таковыми не являющимися, вследствие чего ОВС может быть признано страховщиком. Однако необходимо иметь в виду, что факт заключения договоров страхования еще не служит достаточным основанием для признания ОВС страховщиком.

В целом, на наш взгляд, следует присоединиться к мнению Л.Н. Клоченко, полагающего, что «согласно действующему законодательству общества взаимного страхования являются страховщиками именно в силу характера деятельности, которую они осуществляют»²⁵.

Раскрывая понятие страховщика, ч. 1 ст. 938 ГК РФ упоминает о юридических лицах, обладающих лицензией на осуществление страхования соответствующего вида. Вместе с тем ГК РФ оставляет открытым вопрос о признании в качестве страховщика ОВС, образованное в форме некоммерческой организации и страхующее имущественные интересы своих участников, не заключая договоров страхования, т. е. на основании участия в обществе. Дело в том, что ГК РФ не предусматривает обязательного получения лицензии в отношении некоммерческих ОВС, хотя по-

²⁴ Ивашкин Е.И. Взаимное страхование. М., 2000. С. 83.

²⁵ Клоченко Л.Н. Указ. соч. С.24.

следние все же осуществляют страхование. Закон о страховании признает ОВС страховщиком независимо от организационно-правовой формы, устанавливая лишь в ст. 32 императивное требование о наличии у данного общества, выступающего субъектом страхового дела, лицензии на осуществление взаимного страхования. Однако поскольку этот закон применяется в части, не противоречащей ГК РФ, постольку ОВС, созданное в форме некоммерческой организации и проводящее операции по страхованию интересов своих участников без получения лицензии и в силу членства в ОВС в соответствии с ныне действующим законодательством страховщиком не признается.

Таким образом, на сегодняшний день статус некоммерческих взаимных страховых обществ, страхующих на основании членства в этих обществах, до конца не ясен. С одной стороны, гражданское законодательство не требует получения лицензии на страховую деятельность для ОВС, если они представляют собой некоммерческие организации и осуществляют страхование интересов только своих членов. Но тогда, осуществляя страховую деятельность без лицензии, ОВС не может являться страховщиком. С другой стороны, возможность получения такой лицензии для подобных обществ законодательством и не исключается. Но и получив лицензию, указанные общества не будут являться страховщиками, поскольку согласно ч.1 ст. 938 ГК РФ страховщики проводят страхование путем заключения договоров, а в данном случае страхование осуществляется на основании членства в обществе.

Из вышесказанного следует, что ни при каких условиях некоммерческие взаимные страховые общества, осуществляющие страхование имущества и имущественных интересов своих участников на основании членства, не могут быть признаны страховщиками даже при получении ими лицензии. Каков тогда их статус и какую деятельность, если не страховую, они осуществляют? Некоммерческие взаимные страховые общества могут получить статус страховщика только в том случае, если проводят страхование интересов своих участников на основании заключаемых с последними договоров, и, получив при этом лицензию органа государственного страхового надзора, что также не исключается законом, но в данном случае обязательно, так как договоры страхования может заключать только страховщик, обязанный иметь лицензию.

Коммерческие ОВС, осуществляя страхование интересов лиц, не являющихся членами об-

щества, на основании заключаемых с последними договоров страхования, должны быть образованы в форме коммерческой организации, а также иметь лицензию на осуществление страхования соответствующего вида и отвечать другим требованиям, установленным для страховщиков. В итоге подобные коммерческие взаимные страховые общества признаются страховщиками. Значит, законодательством однозначно предусмотрена необходимость получения лицензии для ОВС, которые страхуют на основании договоров лиц, не являющихся их членами. Для получения статуса страховщика, согласно действующему российскому законодательству, требуется обязательное получение лицензии на осуществление страхования соответствующего вида (видов) и проведение страхования путем заключения договоров страхования со страхователями.

Для осуществления взаимного страхования лицензия соответствующего государственного органа в обязательном порядке требуется только в двух случаях: при некоммерческом взаимном страховании, проводимом на основании заключаемых с ОВС договоров страхования; в случае осуществления страхования интересов лиц, не являющихся членами ОВС, образованного в форме коммерческой организации. В этих случаях взаимные страховые общества будут являться страховщиками.

На наш взгляд, для устранения неопределенностей, о которых говорилось выше, было бы целесообразно путем внесения изменений и дополнений в ГК РФ закрепить, что ОВС признаются страховщиками при получении ими лицензии на осуществление страховой деятельности вне зависимости от того, в форме какой организации они образованы (в коммерческой или некоммерческой) и безотносительно от оснований (договор страхования или членство в ОВС) осуществления взаимного страхования.

В целом статус некоммерческих ОВС законодательно определен недостаточно ясно, что требует внесения соответствующих дополнений в законодательные акты (прежде всего в ст. 968 ГК РФ). Необходимо также устранить имеющиеся коллизии норм Закона о страховании и ГК РФ относительно определения понятий страховщика и ОВС, так как положения указанных нормативно-правовых актов противоречат друг другу.

Поскольку в настоящее время законодательство недостаточно полно, а подчас и противоречиво регулирует отношения по взаимному страхованию, постольку требуется скорейшее принятие федерального закона о взаимном страховании.

ИСТОРИЯ

ПОЛИТИКА ФРАНЦИИ В ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ В КОНЦЕ XX ВЕКА

В.Н. Тимошенко

Тимошенко Валерий Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Хабаровского государственного педагогического университета.

В статье рассматриваются основные проблемы внешней политики Франции в контексте проблем национальной безопасности страны. Тихоокеанский регион занимал особое место в военно-политической стратегии Франции. Учитывая важность региона в будущей мировой политике и экономике, Франция прилагала все усилия для закрепления в южной части Тихого океана. Кроме этого, ее национальным интересам отвечали проводившиеся здесь ядерные испытания. Несмотря на возникавшие трудности в отношениях со странами региона, Франция сумела не только удержать свои позиции в южной части Тихого океана, но и приступить к новой политике, предполагавшей расширение независимой роли страны в области международных отношений и безопасности всего Тихоокеанского региона.

The basic problem in the article is external a policy of France in a context of problems of national safety of the country. The Pacific region took a special place in military-political strategy of France. Taking into account importance of region in the future world politics and economy, France made all efforts for fastening in the South Pacific. Except for it its national interests were answered with nuclear tests carried out here. Despite of arising difficulties in relations with the countries of region, France has managed not only to hold the positions in a southern part of Pacific Ocean, but to start a new policy for expansion its independent in the field of the international relations and security ion the hole Pacific region.

Главными причинами присутствия Франции в Тихоокеанском регионе являются ее политические и военно-стратегические интересы. Еще с конца XIX в. французские правящие круги приступили к осуществлению новой колониальной политики. Обострение франко-германских отношений в Европе побудило их к созданию мощной колониальной империи, на ресурсы которой они могли бы опереться в своем противостоянии с Германией. Даже после Первой мировой войны Франция считала себя достаточно уязвимой на континенте, несмотря на поражение своего главного соперника. В 20–30-е гг. был взят курс на создание «Великой Франции» (*la plus grande France*) – некоего подобия обновленной колониальной империи. Однако тяжелое бремя военных расходов на поддержание такой империи в условиях усиливавшейся национально-освободительной борьбы оказалось стране не по силам. В очередной войне с Германией Франция потерпела сокрушительное поражение.

После Второй мировой войны французское общество не оставляло чувство военной и моральной слабости. Проблемы поиска нового места в мире для французской нации стали определяющими во внешней политике Франции. Многим политическим деятелям послевоенного периода казалось, что национальное единение и национальная уверенность возможны с возрождением былого имперского величия страны¹. По-

ражения во Вьетнаме и Алжире, потеря колоний в Африке похоронили мечту о воссоздании «Великой Франции», но не устранили французского имперского мышления. Контроль за оставшимися «слабыми» территориями в Океании и Южной Америке (Французская Гвиана), с одной стороны, сохранял иллюзии «мировой державы», а с другой – оставлял за Францией определенные рычаги воздействия на новую глобальную систему мировой экономики и политики². В этой связи новозеландский историк Р. Такур отмечал, что «политика Франции после Второй мировой войны характеризовалась убеждением, что Франция является мировой державой, которая должна поддерживать свое военное присутствие в любой части мира»³.

Во французской политике конца XX в. особое место занимал Тихоокеанский регион. Общие тенденции развития международной жизни показывали, что в ближайшем будущем бассейну Тихого океана будет отводиться ключевая роль в мировой политике. Экономическая «ось» Соединенных Штатов Америки уже переместилась к тихоокеанскому побережью. Япония с ее 120-миллионным населением превратилась в могучую экономическую силу. Скрытые возможно-

¹ See: Prince, Roger. *A Concise History of France*. Cambridge, CUP, 1993. p. 277–311.

² See: R. James Ferguson. *The French Perspectives on European and Global Affairs// The New Europe. The Department of International Relations, SHSS, Bond University? Queensland, Australia, 2003. (<http://www.international-relations.com/wbeu/WBEU-Lec6-2003.html>)*

³ *The South Pacific: Problems, Issues, Prospects*. Ed. by Ramesh Thakur. Haundmills, Basinstok, Hamphthire and L.; Machmillan, Danedine; Univ. of Otago. 1991. P. 31.

сти таил в себе Китай. Набирали экономическую мощь так называемые азиатские тигры. Все эти обстоятельства учитывались французскими руководителями. Для них владения в регионе являлись своего рода внешнеполитическим форпостом на просторах Тихого океана. Располагая здесь базами и сосредоточенными на них значительными военно-морскими и сухопутными силами, Франция могла бы влиять на политику всего Азиатско-Тихоокеанского региона. Один из видных французских политиков, будущий президент страны Ж. Ширак утверждал, что без Франции, которая играет уравновешивающую роль, Тихий океан превратился бы в «американское озеро». «Мы не собираемся опаривать стратегическую и экономическую роль Соединенных Штатов, Японии и Австралии, – говорил он, – мы хотим лишь принести в регион богатство нашей культуры, нашу концепцию мира и международных отношений»⁴. В связи с этим Р. Такур писал, что политика Франции в регионе основывалась на «галльском представлении о величии мировой державы» и определялась «только уровнем европейской и мировой военной стратегии»⁵.

Внешняя политика Франции в последней трети XX в. и ее военно-стратегическая составляющая были сформулированы президентом Ш. де Голлем еще в конце 50-х гг. К 80-м гг., по мнению специалистов, она существенно не изменилась. Голлистская военно-политическая доктрина имела три главные цели: защиту населения и территории Франции, сохранение ее интересов в Европе и бассейне Средиземного моря; поддержание политического, культурного и военного присутствия во франкоговорящей Африке, Карибском море, Индийском океане и Южной части Тихого океана⁶. Доктрина должна была быть подкреплена наличием у Франции собственного ядерного оружия и современной армии.

После ухода Франции из Индокитая ее интересы в регионе были сосредоточены преимущественно в Южной части Тихого океана. Здесь она обладала тремя островными группами: Новой Каледонией, включающей в себя основной остров и шесть прилегающих островов (французская колония с 1853 г.); островами Уоллис и Футуна (оккупированы в 1886 г.), а также обширной территорией Французской Полинезии, состоящей из пяти островных групп со столицей

в г. Папее на о. Таити (Таити был колонизирован в 1842 г.). После Второй мировой войны, потеряв большую часть своих колоний, Франция приложила все усилия, чтобы удержать данные территории под своей властью. Новая Каледония с 1946 г., а остальные территории с 1957 г. были объявлены «заморскими территориями» Франции.

Вооруженные силы Франции на Тихом океане были сосредоточены во Французской Полинезии и на Новой Каледонии. Основной военно-морской базой в Океании являлась Нумеа, которая служила важным пунктом союзников еще в период Второй мировой войны. Кроме того, французские ВМС использовали в качестве базы порт Пуант-Шалё. На Новой Каледонии французские силы сосредоточивались на двух базах – Плют и Бурай. Здесь размещались части морской пехоты и парашютистов, численность которых в начале 80-х гг. составляла 2,5 тыс. человек. Всего в Южной части Тихого океана Франция имела свыше 10300 человек военного персонала⁷. Сухопутная армия располагала тремя полками пехоты, одним батальоном парашютистов и подразделениями поддержки, оснащенными вертолетами класса «Пума». Военно-морские силы состояли из патрульных катеров, транспортных судов, кораблей связи и авиации. Военно-воздушные силы имели в своем распоряжении транспортные самолеты и самолеты слежения. В 1984 г. в связи с введением нового режима морского права на авиационные базы на Таити и Новой Каледонии было переброшено пять самолетов «Гардиан», предназначенных для выполнения патрульных и разведывательных полетов. Кроме этого в регионе имелись две группировки жандармерии. В начале 80-х гг. в связи с обострением обстановки на Новой Каледонии на острове были дополнительно размещены силы жандармерии и спецназа, а также вертолеты и другая военная техника.

С приходом к власти социалистов во главе с Ф. Миттераном в начале 80-х гг. позиция Франции в отношении «заморских территорий» практически не изменилась. В январе 1985 г. Ф. Миттеран посетил Французскую Полинезию. Он заявил, что «Франция намерена играть прежнюю роль в этой части мира и сохранить здесь свое стратегическое присутствие»⁸. По его словам, Франция будет иметь в Новой Каледонии «современную военную базу, способную обеспечить крупное и постоянное военно-морское и военно-воздушное присутствие, а также дающую возможность пользоваться базой, в случае необхо-

⁴ Цит. по: Неоколониализм в Океании. М.: Наука, 1987. С. 51.

⁵ The South Pacific: Emerging Policy Issues and US Policy. Special Report. Wash etc.: Brasseg's, 1990, P. 36

⁶ France's Defence Policy// Profile of France, French Ministry of Foreign Affairs (<http://www.ambarfrance-au.org/aboutfrance/pages/defence.en.html>)

⁷ The South Pacific: Problems, Issues, Prospects... P. 107.

⁸ Цит. по: Неоколониализм в Океании... С. 96

димости, и союзникам Франции»⁹. На сооружение такой базы предполагалось израсходовать до 2 млрд франков. Кроме того, на архипелаг были переброшены новые воинские подразделения и дополнительная военная техника, в том числе 25 истребителей и ударная атомная подводная лодка «Рюби». Были намечены меры по модернизации военных баз в Нумеа. На эти цели предполагалось израсходовать 400 млн франков¹⁰.

Особое значение для Франции Тихоокеанский регион приобрел в связи с осуществлением французской ядерной программы. Еще в конце 50-х гг. правительство Ш. де Голля приняло решение о создании собственного ядерного оружия. Разработанная в связи с этим доктрина «независимого ядерного сдерживания» предполагала создание не только собственной атомной бомбы, но и средств ее доставки, включая стратегическую авиацию, наземные баллистические ракеты и стратегический океанский флот. В 1960 г. Франция провела три ядерных испытания в Сахаре, однако получение в июле 1962 г. независимости Алжиром делало неизбежным перенос ядерного полигона на новое место. В связи с этим были выбраны два незаселенных атолла – Муруроа (длина 28 км, ширина 10 км) и Фангатауфа, находящиеся в 1200 км от Таити в Южной части Тихого океана. В 1963 г. здесь было начато строительство Тихоокеанского экспериментального центра, предназначенного для подготовки и проведения ядерных испытаний. Первый атомный взрыв был проведен в июле 1963 г. на Муруроа, а в 1968 г. на Фангатауфа было впервые испытано французское термоядерное оружие. Вплоть до 1975 г. на тихоокеанских полигонах проводились только воздушные взрывы. Затем их пришлось перенести под землю в связи с присоединением Франции к Московскому договору 1963 г. С 1981 г. все испытания стали проводиться в центральной части атолла Муруроа под дном лагуны. Всего с 1966 по 1984 г. Франция произвела на своих полигонах в Океании 113 взрывов различной мощности, из них 41 в атмосфере¹¹.

Созданный Тихоокеанский экспериментальный центр включал в себя не только полигоны, но и командный пункт в Пирае, недалеко от Папее, обслуживанием которого занимались около 5 тыс. человек, и тыловую базу на атолле Хао в архипелаге Туамоту, где находились более

двух тысяч военных и гражданских специалистов, главной задачей которых было монтировать ядерные заряды перед взрывом. Для обеспечения работ и снабжения многотысячного персонала была создана широко разветвленная инфраструктура, включая аэродромы, пристани, склады и объекты жизнеобеспечения. Неудивительно, что стоимость полигонов только в первые полтора года строительства обошлась французской казне в 6 млрд франков¹². Позднее французские власти перестали публиковать данные о расходах.

Согласно военной программе на 1985–1989 гг. значительная часть военных расходов отводилась на создание нового поколения ядерных вооружений. В связи с этим активизировались работы в Тихоокеанском экспериментальном центре. Только в 1984 г. на Муруроа было произведено восемь подземных ядерных взрывов. В мае 1985 г. здесь было взорвано самое большое за все время существования полигона ядерное устройство мощностью в 150 килотонн.

Испытания Францией ядерного оружия в Полинезии служили постоянным источником напряжения с государствами Южно-Тихоокеанского региона. Они требовали прекращения испытаний как наносящих ущерб экологии региона и угрожающих здоровью его жителей.

Французское руководство категорически отвергало все претензии по поводу ядерных испытаний. Его аргументы сводились к тому, что Франция проводит испытания своего ядерного оружия на собственной территории, удаленной от центров цивилизации на тысячи километров, и никто не имеет права вмешиваться в ее внутренние дела. Более того, представитель французского президента заявил в сентябре 1985 г., что любые действия, направленные на подрыв французских интересов в Тихоокеанском регионе, будут рассматриваться как враждебные¹³.

В августе 1985 г. на о. Раротонга, где расположена столица Островов Кука г. Аваруа, представители подавляющего большинства государств, входящих в Южно-Тихоокеанский форум, подписали договор о создании в регионе безъядерной зоны. Его положения запрещают любые ядерные испытания, захоронения радиоактивных отходов и размещение ядерного оружия в пределах зоны действия договора. Франция в феврале 1985 г. официально уведомила Южно-Тихоокеанский форум о своем отказе подписать протоколы к Договору Раротонга.

⁹ Цит. по: О.К. Русакова, А. В. Торкунов. К югу от экватора. Южнотихоокеанский субрегион в 80-е годы. М.: Мысль, 1989. С. 72.

¹⁰ Данные по: Неоколониализм в Океании... С. 96.

¹¹ Mururoa/Global Security (<http://www.globalsecurity.org/wmd/france/mururoa.html>)

¹² Данные по: Мари-Терез Даниэльсон, Бенгт Даниэльсон. Отравленный рай. М., «Прогресс», 1989, С. 67.

¹³ Australian Foreign Affairs Record, Canberra, Government print. Vol. 56, September 1985. P. 872.

Французское руководство мотивировало свое решение тем, что «договор бесполезен, пока ядерная безопасность не будет гарантирована во всемирном масштабе ведущими ядерными державами»¹⁴. На самом деле оно просто не желало свертывать свою ядерную программу. Как заявил премьер-министр П. Моруа, «Франция не может согласиться с ограничениями в области модернизации своих ядерных сил. Предпринимая усилия по модернизации, мы исходим из необходимости сохранить перед лицом эволюционирующей угрозы убедительность нашего потенциала устрашения»¹⁵.

И без того натянутые отношения между Францией и государствами Южно-Тихоокеанского региона были усугублены происшествием в новозеландском порту Окленд. 10 июля 1985 г. здесь было взорвано судно «Рейнбоу уорриор», принадлежавшее организации «Гринпис», которая собиралась протестовать у атолла Муруора. В результате взрыва погиб один из участников предстоящей экспедиции, судно затонуло. Новозеландская полиция по горячим следам арестовала двух «швейцарских туристов», которые на деле оказались офицерами французских спецслужб Аленом Мафаром и Домиником Приу, непосредственно совершившими акт диверсии. Франция была вынуждена признать свою ответственность за инцидент. Французские диверсанты были осуждены и приговорены к 10 годам тюремного заключения. Кроме того, Международный суд в Гааге постановил возместить организации «Гринпис» убытки в размере 8,1 млн долларов. Международному престижу Франции был нанесен серьезный ущерб.

Ухудшение отношений со странами региона в связи с ядерными испытаниями не было единственной проблемой Франции, связанной с вопросами ее безопасности и внешней политики. Серьезную угрозу интересам страны и ее территориальной целостности представляли проблемы деколонизации Океании. На протяжении многих лет после Второй мировой войны многочисленные партии и движения в Новой Каледонии и Французской Полинезии вели непрекращающуюся борьбу за права коренных жителей Океании. Французские власти очень неохотно шли на уступки законным требованиям аборигенов. Имея опыт Джибути и Коморских островов, где статус автономии был использован для достижения последующей независимости, Франция, естественно, опасалась за будущее своих заморских территорий.

Особенно серьезная ситуация сложилась в Новой Каледонии. Накапливавшиеся многие десятилетия политические, экономические, соци-

альные и национальные проблемы этой территории особенно резко стали проявляться в начале 80-х гг., когда такие партии, как «Каледонский союз», «Фронт освобождения канаков», «Союз меланезийского населения» и др., объединились в Национальный социалистический фронт освобождения канаков (НСФОК). Фронт пользовался поддержкой практически всех независимых государств Океании (особенно меланезийских государств), а также Австралии и Новой Зеландии. На острове также действовали и экстремистские организации как со стороны канаков, так и со стороны правых сил, представлявших европейское население и выходцев из Азии.

В сентябре 1981 г. был убит генеральный секретарь партии «Каледонский союз» П. Деклерк. Убийство всколыхнуло все население Новой Каледонии. На острове начались беспорядки, сопровождавшиеся межэтническими столкновениями. Имелись человеческие жертвы. Франция вынуждена была направить сюда дополнительные силы армии и жандармерии. Стремясь нормализовать положение, правительство Ф. Миттерана пошло на предоставление коренным жителям более широких прав самоуправления и подготовило в 1983 г. проект нового статуса Новой Каледонии. Хотя национальное собрание Франции утвердило предложенный статус «заморской территории», первые же выборы в Территориальную ассамблею острова в ноябре 1984 г. были фактически сорваны в результате бойкота их со стороны Фронта освобождения. В ответ на это боевики правых сил устроили засаду против участников Фронта и убили десять его активистов, в том числе двух братьев Ж. Тжибау. В январе 1985 г. жандармы застрелили еще одного лидера НСФОК. Ситуация вновь резко обострилась, и на территории было введено чрезвычайное положение. Напуганное размахом насилия правительство Франции приняло решение в течение двух лет рассмотреть вопрос о независимости Новой Каледонии. Однако вскоре новый премьер-министр Ж. Ширак выдвинул план референдума по данному вопросу, назначенного на конец 1987 г. Однако референдум по инициативе НСФОК опять был бойкотирован. Бойкот сопровождался новыми вспышками насилия.

События в Новой Каледонии и вокруг ядерных испытаний заставили Францию во многом пересмотреть свою политику в Южно-Тихоокеанском регионе. В конце 80-х гг. французское руководство решило играть здесь новую, более «положительную» роль. В декабре 1988 г. был учрежден постоянный секретариат по Южно-Тихоокеанскому региону с целью лучшей координации дейст-

¹⁴ The South Pacific: Emerging Policy Issues and US Policy... P. 41.

¹⁵ Цит. по: Неоколониализм в Океании... С. 95

вий французских министерств и региональной администрации. Это должно было способствовать поднятию престижа Франции в регионе и установлению «новых отношений дружбы и сотрудничества со всеми нациями Южной части Тихого океана»¹⁶. С помощью нового органа была разработана программа приоритетных действий, которая включала в себя открытие французских территорий для соседних государств, их интеграцию в регион, а также развитие диалога и сотрудничества по всем направлениям со странами региона. Для реализации этих задач активно привлекалась французская дипломатия. За короткий срок регион посетило большое количество французских представительных делегаций. Они побывали в Австралии, Новой Зеландии, Восточном и Западном Самоа, Тонга и других странах. В августе 1989 г. в Австралии и Фиджи с официальным визитом находился премьер-министр Франции М. Рокар. Месяцем раньше с визитом в Париже побывал премьер-министр Австралии Б. Хоук.

Дипломатическая активность Франции имела положительные результаты. Франции удалось расширить свою дипломатическую сеть в регионе. Постоянные посольские представительства были учреждены в Папуа-Новой Гвинее, Фиджи и Вануату. Значительно улучшились политические, экономические и культурные связи с Тонга и Островами Кука. Не случайно представителям именно этих стран – королю Тапоу IV и премьер-министру П. Робати – впервые в августе 1987 г. разрешили посетить атолл Муруроа. Оба лидера «остались довольны» французскими мерами безопасности и призвали государства региона смягчить антиядерную политику. Многие обозреватели связывали подобные заявления с теми ссудами и другими формами помощи, которые Париж обещал Тонга и Островам Кука¹⁷.

Очень старательно Париж «обхаживал» Фиджи – крупное меланезийское государство, имеющее схожие с Новой Каледонией этнические проблемы. Когда в 1987 г. Австралия, Новая Зеландия и Великобритания приостановили помощь этому государству в знак протеста против военного переворота, совершенного полковником Т. Рабукой, Франция тут же изъявила готовность расширить сотрудничество с этой страной. Правительство М. Рокара объявило о планах предоставления Фиджи помощи на сумму 18 млн франков¹⁸. Причем значительная часть этой суммы планировалась для расширения военного сотрудниче-

ства. В январе 1988 г. Франция поставила Фиджи 53 грузовика и один вертолет, которые предназначались главным образом для фиджийской армии¹⁹. Несколько молодых фиджийских офицеров были посланы на обучение во Францию. Регулярно проводились учения военно-морских сил двух государств. Наконец в 1990 г. по просьбе фиджийской стороны Франция взяла на себя ответственность за охрану исключительной экономической зоны Фиджи. Ранее этим занимались вооруженные силы Новой Зеландии.

Аналогичную политику Франция проводила в отношении Островов Кука. В январе 1987 г., когда мощный ураган обрушился на острова, Госсекретарь Франции по Южно-Тихоокеанскому региону Г. Флосс послал на о. Раротонга команду спасателей, строительное оборудование и продовольствие. Щедрая французская помощь была с благосклонностью встречена руководством Островов Кука. После визита во Францию премьер-министра страны П. Робати Париж предоставил дополнительную ссуду в 50 млн франков, а всего к 1992 г. французская помощь властям Раротонга составила 8 млн американских долларов²⁰. После визита на Острова Кука премьер-министра Франции М. Рокара в августе 1989 г. французам было предоставлено право патрулирования исключительной экономической зоны островов. Для этой цели сюда были посланы самолет специального назначения «Гардиан» и французское патрульное военное судно²¹. В 1990 г. Франция и Острова Кука подписали договор о разграничении границ, а чуть позднее и договор о дружбе, предусматривавший дальнейшую французскую финансовую, техническую и культурную помощь.

Франции также удалось нормализовать отношения с республикой Вануату. В октябре 1987 г. правительство этого бывшего англо-французского condominiumа выслало из страны посла Франции за вмешательство во внутренние дела суверенного государства. Вануату также резко критиковала ядерные испытания и французскую политику в Новой Каледонии. В качестве ответных мер Франция резко сократила объем экономической помощи этой стране и в два раза уменьшила штат французского посольства в Порт-Виле. Это побудило руководство Вануату пересмотреть свою политику. После нормализации обстановки в Новой Каледонии отношения Франции с Вануату стали постепенно улучшаться. Увеличилось количество культурных и образовательных обменов, расширялось сотрудничество в об-

¹⁶ The South Pacific: Problems, Issues, Prospects... P. 114.

¹⁷ French Relations in the South Pacific // From Kiwi Street to the World (<http://users.iconz.co.nz/wsmccall/webdoc4/htm>)

¹⁸ Fiji Times. 1991. 13 July. P. 3.

¹⁹ Fiji Times. 1989. 23 August. P. 6.

²⁰ Cook Island News. 1992. 11 February. P. 1.

²¹ Cook Island News. 1990. 8 September. P. 1; 1991. 4 February. P. 1.

ласти сельского хозяйства, возросла торговля с французскими территориями. В августе 1992 г. дипломатические отношения между двумя странами были восстановлены в полном объеме. Как отмечали новозеландские политологи, Франция в своих отношениях с государствами Океании умело использовала «дипломатию чековой книжки»²².

Результатом новой французской политики стало укрепление позиций Франции в регионе. Удалось решить проблему Новой Каледонии. В августе 1988 г. М. Рокар и лидеры НСФОК подписали «матиньонское соглашение», по которому Новая Каледония была разделена на три провинции, которые должны были управляться выборными ассамблеями. Новый референдум по независимости был перенесен на 1998 г.

Важное значение для Франции имело улучшение отношений с Австралией и Новой Зеландией, которые были омрачены ядерными испытаниями и новокаледонской проблемой. Но в то же время, как отмечали специалисты, австралийское и новозеландское противодействие Парижу носило умеренный характер из-за опасения ухудшения торговых отношений со странами Западной Европы. Франция, используя свое влияние в ЕС, могла воспрепятствовать продвижению на европейский рынок мясомолочной продукции из Австралии и Новой Зеландии.²³

Именно экономические соображения повлияли на решение правительства Новой Зеландии в 1986 г. передать Франции агентов, совершивших диверсию в оклендском порту. По схожим причинам в этом же году Австралия возобновила поставку Франции урана, ранее запрещенную австралийским правительством. После визита премьер-министра Австралии Б. Хоука в Париж в июне 1989 г. обе стороны договорились о расширении экономического и политического сотрудничества между двумя странами по различным направлениям. Б. Хоук заявил, что австрало-французские отношения заметно улучшились после французских решений по Новой Каледонии, и даже призвал Южно-Тихоокеанский форум поддержать усилия премьер-министра Франции в этом вопросе²⁴.

Неоднократно предпринимались попытки восстановить нормальные отношения с Новой Зеландией. При этом французские дипломаты напоминали новозеландцам о сотрудничестве в годы Первой и Второй мировых войн. Секретарь французского посольства в этой стране Г. Мар-

тинс, опираясь на проведенные опросы общественного мнения, уверял, что новозеландцы «любят французов больше, чем русских и японцев»²⁵. В конце апреля 1991 г. Новую Зеландию посетил с визитом премьер-министр Франции М. Рокар. В своей первой же речи он извинился за «ошибки, допущенные в прошлом» и призвал думать о совместном «строительстве здания будущего»²⁶. Однако раскаяние М. Рокара не произвело на жителей Новой Зеландии должного впечатления. Они по-прежнему выражали крайне негативное отношение к ядерным испытаниями. Новозеландская сторона также выражала озабоченность протекционистскими мерами ЕС в отношении своей сельскохозяйственной продукции. Заявление французского премьера о том, что Европейское экономическое сообщество является «самой открытой коммерческой организацией в мире» было встречено с известной долей скептицизма²⁷. Как отмечали новозеландские и австралийские обозреватели, французские ядерные испытания остаются «непреодолимым барьером в развитии отношений Франции со странами Южно-Тихоокеанского региона»²⁸.

Новый премьер-министр Франции П. Береговуа, выступая 8 апреля 1992 г. перед парламентом страны, заявил, что президент поручил ему приостановить ядерные испытания в Южно-Тихоокеанском регионе. На первый взгляд казалось, что президент Ф. Миттеран уступал давлению антиядерных сил внутри Франции и за ее пределами. Отчасти это соответствовало действительности. В преддверии очередной избирательной кампании социалисты пытались привлечь голоса избирателей остановкой ядерных испытаний. Но наиболее существенной причиной явилось ослабление той внутренней политической силы, которая ранее поддерживала ядерную программу страны. После падения Берлинской стены и распада Советского Союза у значительной части французского общества возникли сомнения относительно будущего ядерного оружия. По ее мнению Франция нуждалась в пересмотре своей военной стратегии. Роль ядерного оружия начинает переоцениваться. Конец биполярной системы и исчезновение «восточного врага» делали ненужным французские силы ядерного устрашения. Попытка некоторых политиков переориентировать ядерные силы с «востока» на «юг» была отвергнута французской об-

²² French Relations in the South Pacific // From Kiwi Street to the World (<http://users.iconz.co.nz/wsmccall/webdoc4/htm>)

²³ French Relations in the South Pacific // From Kiwi Street to the World (<http://users.iconz.co.nz/wsmccall/webdoc4/htm>)

²⁴ Ibid.

²⁵ The South Pacific: Problems, Issues, Prospects... P. 116.

²⁶ New Zealand Herald. 1991. 29 April. P. 2.

²⁷ The Dominion. 29 April. 1994. P. 1, 2.

²⁸ French Relations in the South Pacific // From Kiwi Street to the World (<http://users.iconz.co.nz/wsmccall/webdoc4/htm>)

щественностью. Поэтому правительство Ф. Миттерана планировало передать ядерные силы страны в руки объединенной Европы. В январе 1992 г. французский президент поднял вопрос о выработке европейской ядерной доктрины, которая явилась бы краеугольным камнем в строительстве общеевропейской системы безопасности²⁹.

Мораторий на ядерные испытания был положительно встречен в государствах Южно-Тихоокеанского региона. Особенно радовались этому в Австралии и Новой Зеландии. В этих странах полагали, что тем самым устранялось последнее препятствие к установлению более тесных отношений с Францией, а через нее и со всем Европейским союзом. Три страны начали активное сотрудничество в регионе по всем направлениям. Так, Новая Зеландия и Франция приступили к совместному военному патрулированию Островов Кука. В мае 1993 г., впервые за долгие годы, французский военный корабль посетил новозеландский порт Окленд, возвестив о начале, по выражению «Нью Зиленд Геральд», эпохи «сердечного согласия» в отношениях между странами Южной части Тихого океана³⁰.

Однако период «антанты» оказался кратковременным. 13 июня 1995 г. новый президент Франции Ж. Ширак объявил о возобновлении ядерных испытаний в Полинезии. Столь неожиданное решение было обусловлено стремлением Парижа играть лидирующую роль в системе европейской безопасности. Возглавляемое Ж. Шираком голлистское Объединение в поддержку Республики (ОПР) активно продвигало выдвинутую Ф. Миттераном идею создания на базе французских и британских атомных арсеналов единых европейских «сил ядерного устрашения». Как заявил спикер Национального собрания Франции Ф. Сегьен, французские ядерные силы «работают на всю Европу, чрезмерно зависящую от американского оружия»³¹. В рамках Европейской программы по долгосрочному оборонному сотрудничеству, принятой в 1990 г., планировалось создание новейших видов высокоточного оружия. Французские военные круги хотели использовать эту программу для претворения в жизнь новой концепции «высокоточных ядерных ударов». Для этого нужно было продолжить цикл ядерных испытаний с целью завершения компьютерного моделирования ядерных взрывов.

Идея создания общеевропейских ядерных сил не нашла должной поддержки у большинства стран Старого Света. Даже Германия, которая ранее с интересом относилась к данной идее, вскоре вынуждена была откеститься от французских инициатив. На встрече правящих партий двух стран ХДС и ОПС 12 октября 1995 г. лидер христианских демократов В. Шобл ясно дал понять, что Германия «довольна ядерной защитой, которую предоставляет НАТО» и «не желает ослабления американских обязательств в Европе»³². В этой связи французские специалисты отмечали, что «европейцы не без давления со стороны США оказались пока не готовы к строительству независимой европейской обороны, вне НАТО» и вынудили Францию «вернуться к первоначальной голлистской ядерной доктрине сдерживания по всем направлениям без определения конкретного врага»³³. В этом случае Франция также нуждалась в продолжении ядерных взрывов. К этому ее побуждал процесс подготовки договора о всеобщем запрещении ядерных испытаний. Французы спешили закончить свою ядерную программу, чтобы не отстать от ведущих ядерных держав.

Возобновление Францией испытаний в Полинезии вызвало бурю протеста во всем мире. С осуждением французской политики выступили практически все страны Тихоокеанского региона. Австралийский премьер-министр П. Китинг назвал действия Франции «актом глупости и презрения к народам Тихоокеанского региона»³⁴. В Австралии начались массовые акции протеста. Здание французского посольства было блокировано демонстрантами. Австралийцы объявили бойкот французским товарам. Продажа французских вин за короткий срок упала на 30 %. Франция была вынуждена отозвать своего посла из Канберры.

Новая Зеландия грозила обратиться в Международный суд в Гааге, а премьер-министр страны Дж. Болджер обвинил Францию в том, что она «начала на мировое общественное мнение»³⁵. Неожиданной оказалась реакция жителей Французской Полинезии. В Папэте разгневаные демонстранты атаковали международный аэропорт, блокировав взлетно-посадочную полосу камнями и каноэ. Затем протестующие направились к центру города, поджигая офисы и магазины. Полиция вынуждена была применить силу.

²⁹ See: Bruno Barrillot «French finesse nuclear future» // The Bulletin of the Atomic Scientists (<http://www.bullatomsci.org/issues/1992/s92/s92.barrillot.html>)

³⁰ The New Zealand Herald. 1993. 11 May. P. 1.

³¹ Le Figaro. 1995. 3 August. P. 3.

³² Nuclear Proliferation News, № 35, 1995. 26 October. (<http://csf.cjlorado.edu/dfax/npn/npn35.html>)

³³ Bruno Barrillot. Op. cit.

³⁴ 150 Governments condemn France // One World News Team (http://www.oneworld.org/news_french_test.html)

³⁵ Worldwide condemnation greets second test // One World News Team (http://www.oneworld.org/news_french_test.html)

Более 230 человек было арестовано³⁶.

Несмотря на протесты мировой общественности и ухудшение отношений со странами Тихоокеанского региона, Франция довела до конца свою ядерную программу. На Муруроа 27 января 1996 г. был произведен последний ядерный взрыв. Ж. Ширак объявил об окончании французских исследований и готовности присоединиться к договору о всеобщем запрещении ядерных испытаний. В марте 1996 г. Франция подписала протоколы к Договору Раротонга о создании безъядерной зоны в Южной части Тихого океана.

В феврале 1998 г. во время визита в страны Юго-Восточной Азии министр обороны А. Ришар заявил, что Франция намерена играть более значительную и независимую роль в безопасности всего Азиатско-Тихоокеанского региона. Обладая достаточными военно-морскими силами в Тихом и Индийском океанах, по мнению французского министра, она могла бы внести свой вклад в обеспечение мира и стабильности через сотрудничество с региональными организациями типа АСЕАН, а также с Японией и Южной Кореей³⁷. Французские политики обосновывали это все возрастающей экономической взаимосвязью между Европой и Азией. Стабильность в Азиатско-Тихоокеанском регионе, по их мнению, становилась приоритетным направлением европейской политики безопасности. Другим важным направлением новой французской политики являлся военно-политический диалог с Китаем. Как заявил А. Ришар, с этой страной необходимо устанавливать «отношения взаимного доверия с оттенком бдительности»³⁸. Еще одним аспектом политики Франции в регионе стала торговля оружием. Продажа французского оружия, по мнению министра обороны, способствовала бы «более тесным связям и политическому доверию между Францией и азиатскими нациями», а также явилась бы «ответом Европы на конкурентное давление со стороны США на рынках вооружения»³⁹. Более того, Европа и Франция могли бы поспособствовать подъему военной промышленности в самих азиатских странах, а также доступу этих стран к европейским космическим программам.

Таким образом, в конце XX в. Франция своей последовательной и твердой позицией по отношению к своим владениям на Тихом океане смогла отстоять собственные интересы в этом регионе. Она подтвердила статус мировой державы с проч-

ными позициями в этой части земного шара.

С укреплением статуса «заморских территорий» в Океании была решена проблема территориальной целостности страны. Несмотря на большие экономические издержки, удалось сохранить здесь военный потенциал. Используя свое влияние в Европейском союзе, Франция смогла расположить к себе своих главных конкурентов в Южно-Тихоокеанском регионе – Австралию и Новую Зеландию.

Укрепляя военно-политическое присутствие в регионе, правящие круги Франции предвидели и будущие экономические дивиденды. Действительно, вокруг каждого, даже самого крохотного островка в Океании французское правительство имеет значительную экономическую зону, в которой никто не может вести хозяйственную деятельность без согласия французской администрации. Огромные рыбные запасы делают регион весьма привлекательным для иностранных промышленников. Но это еще далеко не все привилегии. Главное богатство Полинезии – полиметаллические конкреции. На дне океана имеются многочисленные минеральные образования, содержащие медь, никель, кобальт и другие ценные металлы. В условиях обостряющейся борьбы за скудеющие мировые ресурсы Франция в ближайшем будущем может оказаться в преимущественном положении перед другими странами.

Можно с уверенностью констатировать, что Франция, сохранив и укрепив свои позиции в Южной части Тихого океана, стала располагать возможностями активного политического и экономического участия в делах всего Тихоокеанского региона. Ее стремление сотрудничать с региональными организациями АТР по всем направлениям, включая области обороны и безопасности, говорит о начале нового этапа французской тихоокеанской политики. Учитывая тот факт, что Франция к настоящему времени осталась единственной европейской страной с реальным военным присутствием в АТР, именно она будет представлять здесь интересы объединенной Европы. В условиях обостряющейся конкурентной борьбы между Европейским союзом и США французское присутствие в регионе будет иметь важное значение. Это еще больше упрочит позиции Франции и в Европе, и на Тихом океане.

³⁶ Repression in Tahiti prevents demonstration// One World News Team (http://www.oneworld.org/news_french_test.html)

³⁷ The Straits Times. 1998. 24 February.

³⁸ Ibid.

³⁹ Ibid.

ПАРЛАМЕНТСКАЯ РЕФОРМА 1832 г. В АНГЛИИ И ЕЁ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ЭВОЛЮЦИЮ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ СТРАНЫ

М.И. Романова

Романова Марина Ибрагимовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Хабаровского государственного педагогического университета.

В статье рассматриваются политические последствия английской парламентской реформы 1832 г., которая стала первой реформой избирательного права, положившей начало процессу замены средневекового принципа равного представительства от корпоративных единиц новым демократическим принципом представительства от количества населения. Следствием реформы 1832 г. стало появление в парламенте представителей торгово-промышленной буржуазии, а также объединение парламентских группировок в политические партии.

This article is considering the political consequences of the English parliamentary reform of 1832 which became the first reform of the suffrage which has begun process of replacement of a medieval principle of equal representation from corporate units by a new democratic principle of representation from amount of the population are considered. The occurrence in parliament of representatives of commercial and industrial bourgeoisie, and also consolidation of parliamentary groupings in political parties were the consequences of reform of 1832.

Парламентская реформа 1832 г. стала итогом длительной борьбы за изменение системы парламентского представительства в Великобритании. Порядок избрания депутатов сложился ещё во времена «славной революции» и не изменялся с конца XVIII в. Он был выгоден в первую очередь для аристократии. При формировании избирательных округов численность населения в расчет не бралась. Например, крупный промышленный район Ланкашир с населением 1 млн 337 тыс. жителей и небольшой городок Рэтлэнд, где проживало 19 тыс., направляли в парламент по два депутата¹. Более 50 % депутатских мест приходилось на долю так называемых гнилых местечек – маленьких городков, которые насчитывали по несколько сотен человек, а то и вовсе не имелось жителей. Так, притчей во языцех стало местечко Олд-Сарум, где вообще никто не жил, а находились только развалины старого замка. Но оно посылало двух депутатов в парламент. Чаще всего «гнилые» местечки являлись родовыми поместьями аристократии. Поскольку не имелось никаких тайных избирательных бюллетеней, и выборы проводились открытым голосованием, то избиратели, безусловно, зависели от местного лендлорда. Очень часто он попросту покупал голоса избирателей². Избранный таким путем кандидат получал прозвище «господин Большинство»³.

Поэтому из года в год в парламент выбирались одни и те же лица, передававшие депутатские места по наследству своим сыновьям. Кро-

ме того, процветала коррупция, депутатскими местами торговали (ещё в 20-х гг. XIX в. депутатское место стоило 7 тыс. фунтов)⁴. Таким образом, главными критериями на выборах в парламент являлись родовитость и высокий имущественный ценз, что приводило к политическому господству земельной аристократии.

Вместе с тем другие слои населения, формально имевшие право быть избранными в парламент, фактически не могли его реализовать в рамках существовавшей избирательной системы. Кроме того, быстро развивавшиеся в начале XIX в. крупные промышленные центры, которые могли бы стать опорой политического влияния буржуазии, такие как Манчестер, Бирмингем, Лидс и Шеффилд (к 1831 г. в них проживало соответственно 182, 144, 123 и 92 тыс. жителей) не имели ни одного депутата в парламенте.

Идеологи либерализма и радикализма, выражавшие интересы средних и мелких собственников, на протяжении XVIII столетия выдвигали различные проекты парламентской реформы для того, чтобы ликвидировать политические привилегии земельной аристократии. Но их идеи не получали поддержки в аристократическом парламенте.

Однако в конце 20-х гг. XIX в. ситуация стала меняться. К этому времени завершился промышленный переворот в Англии. Рост экономического влияния торгово-промышленной буржуазии привел к возрастанию её политической активности. Буржуазия составила основу так называемого среднего класса (объединявшего ин-

¹ Evans E.J. The Great Reform Bill of 1832. L., 1983. P. 3.

² William Wilberforce, describing his election at Hull in 1807 /www.spartacus.schoolnet.co.uk/British/Rotten Boroughs

³ Brock M. The Great Reform Act. L., 1973. P. 17.

⁴ Wilding N., Laundry P. An Encyclopedia of Parliament. L., 1958. P. 490.

теллигенцию, средних и мелких собственников) и способствовала усилению роли общественного мнения, под которым в тот период понималось отношение представителей среднего класса к действиям правительства и событиям общественно-политической жизни. Выразителем общественного мнения была пресса. Через неё идеологи либерализма (ставшего в XIX в. идеологией среднего класса в английском обществе) активизировали борьбу за парламентскую реформу. Эту борьбу активно поддержали рабочие, которые в своих выступлениях также выдвигали требование парламентской реформы.

Успеху борьбы за парламентскую реформу способствовало также оформление «национальной идеи», ставшее следствием патриотического подъема в период наполеоновских войн. Эта «идея» закрепились в перечне буржуазных пуританских добродетелей (носителями которых также выступал средний класс, воспринимавшийся в этот период как олицетворение «совести нации»), послуживших основой викторианской морали. Исходя из новых моральных ценностей, буржуазная пресса активно пропагандировала образ честного неподкупного политика, выразителя интересов «нации» (т. е. в первую очередь буржуазии), который придет на смену продажному депутату-аристократу, озабоченному только клановыми интересами.

В определенной степени проведение парламентской реформы ускорили революционные события 1830 г. во Франции, вызвавшие живой отклик в английском обществе. Власти испугались, что сторонники реформы прибегнут к насильственным формам борьбы и поспешили провести реформу сверху.

Таким образом, к 1832 г. сложились объективные предпосылки для проведения парламентской реформы. Парламентская аристократия не могла не считаться с ростом экономического могущества буржуазии, влиянием общественного мнения, усилением социальной напряженности в обществе. Однако тори, стоявшие у руля государства, высказывались против реформы, считая, что она лишит их политической власти. Напротив, вигские парламентарии выступили в поддержку парламентской реформы, причем не только из-за того, что понимали необходимость перемен, но ещё и потому, что уже два десятилетия находились в оппозиции. Они рассчитывали использовать движение за парламентскую реформу, чтобы вернуться к власти. Кроме того, виги гораздо теснее были связаны финансовыми и семейными узами с представителями крупной буржуазии и магнатами Сити.

Расчет вигов оправдался. Накал политической борьбы, социальные выступления в обществе в конце 20-х гг. XIX в. вызвали кризис торийского кабинета герцога Веллингтона, и в ноябре 1830 г. к власти пришло вигское правительство лорда Грея. Оно начало подготовку парламентской реформы. Виги стремились сохранить свое лидирующее положение в парламенте (а значит, и положение аристократии, поскольку среди вигов было много лендлордов). Поэтому они приняли умеренный вариант реформы, который современники охарактеризовали как «смесь храбрости и робости»,⁵ имея в виду соединение смелой идеи замены средневекового принципа равного представительства от корпоративных единиц новым демократическим принципом представительства от количества населения с очень скромным ее практическим воплощением. Стоит, однако, отметить, что это была первая реформа избирательного права в Англии, и неоспоримая заслуга вигского кабинета Грея состояла в том, что он вообще решился на её проведение.

Суть реформы свелась к перераспределению мест в палате общин и увеличению электората⁶. До реформы палата общин насчитывала 658 членов, представлявших: 188 депутатских мест от 114 графств, 465 – от 262 местечек, 5 – от университетов⁷. Общее количество депутатов сохранилось, но было ликвидировано 56 «гнилых» местечек, которые посылали по 2 депутата. Вместо двух стали посылать по одному депутату 32 «карманных» городка с населением до 4 тыс. человек. Освободившиеся 144 места в парламенте перераспределили между графствами и городами. Право посылать депутатов получили 42 города (среди них крупные торгово-промышленные центры – Бирмингем, Лидс, Манчестер, Шеффилд). Было создано 22 новых избирательных округа, 14 из них – в индустриальных районах на севере Англии⁸. Таким образом, представительство от вновь созданных избирательных округов составило 23 % общего числа парламентских мест.

Хотя избирательный ценз не был снижен (как это предполагалось по первому варианту билля), но численность электората возросла за счет того, что активное избирательное право было предоставлено фермерам и тем арендаторам, которые уплачивали 10 фунтов стерлингов в год арендной платы. В итоге количество избирателей значительно увеличилось (в основном за счет

⁵ Evans E.J. The Great Reform Bill of 1832. P. 30.

⁶ Brock M. The Great Reform Act. Appendix. Table 3.

⁷ Gash N. Politics in the Age of Peel. P. 13.

⁸ Gash N. Politics in the Age of Peel. P. 81.

сельского населения). Например в Шотландии их число выросло от 4000 до 65000 человек⁹.

Однако наряду с плюсами в проведении реформы были и существенные минусы. Во-первых, сохранение высокого имущественного ценза для кандидатов в депутаты не давало возможности представителям средней и мелкой буржуазии, а также рабочим быть избранными в парламент.

Во-вторых, не все «гнилые» местечки были уничтожены по новой избирательной системе. Оставалось 5 местечек с электоратом менее 200 человек, а 115 депутатов представляли округа с населением менее 500 человек¹⁰. Это давало возможность лендлордам сохранить свои позиции в новом парламенте.

В-третьих, существовала диспропорция между городскими и сельскими округами. Парламент 1833 г. состоял из 399 депутатов от сельских избирателей, и 253 депутата были избраны от городских округов (в предыдущем парламенте эти показатели были еще хуже и соответственно составляли 465 и 188). Это несмотря на тот факт, что 56 % населения Англии, по данным переписи 1831 г., проживало в городах¹¹. Преобладание сельских округов над городскими также способствовало сохранению позиций аристократии в парламенте, так как депутатами от сельских округов чаще всего становились лендлорды.

Более серьезную проблему представляло то обстоятельство, что многие населенные пункты, имевшие статус городов, были на самом деле тесно привязаны к сельской местности и по существу являлись поселками. Например городок Хантингтон, где число избирателей в 1832 г. составляло всего 390 человек, был описан в «Избирательных фактах» как «совокупность населения, занятого производством зерна, шерсти, солода, мягких сыров...»¹². Хотя «города-собственности» (которые фактически являлись вотчинами лендлордов и могли быть проданы или куплены) к этому времени исчезли, в «сельскохозяйственных» городках земельная аристократия по-прежнему сохраняла преобладающее влияние (около 70 депутатов-лендлордов было избрано в парламент от этих территорий).

Реформа имела ограниченные практические результаты по двум причинам: во-первых, из-за

жесткого противодействия тори,¹³ во-вторых, вследствие того, что она проводилась правым умеренно настроенным крылом либерального движения – вигами, которые стремились, сохранив политическое господство земельной аристократии, допустить к власти тесно связанную с ней банковскую олигархию. Но виги, укрепив свое влияние в парламенте союзом с финансовыми магнатами, не хотели делиться властью с представителями среднего класса.

Однако, несмотря на это, политическое значение реформы было огромным. Она показала возможность политических перемен под влиянием общественного мнения и подтвердила правоту либералов, отстаивавших реальность поэтапного осуществления демократической избирательной реформы. Её следствием также стало изменение соотношения сил между палатами и короной в пользу палаты общин, Кабинет министров теперь стал формироваться из представителей парламентского большинства. Нужно отметить, что именно поляризация мнений в парламенте по вопросу о парламентской реформе 1832 г. положила начало новому партийному размежеванию: делению на либералов (реформистов) и консерваторов – и созданию викторианской двухпартийной системы.

Выборы в новый пореформенный парламент состоялись осенью 1832 г. Они принесли успех представителям либерального направления (под которыми понимались все сторонники парламентской реформы, в том числе и виги). В первой половине XIX в. говорить об английских либералах как о партии неправомерно. Либерализм в тот период являлся общественно-политическим движением, представленным в парламенте несколькими группировками. В первую очередь это так называемые новые виги (или «либеральные» виги), т. е. пробуржуазно настроенная часть вигов – сторонников избирательной реформы. К 30-м гг. XIX в. они составляли большинство среди вигских парламентариев.

Второй группировкой в новом парламенте стали «классические либералы». Представители этой группировки, такие как И. Бентам, Дж. Милль, Д.С. Милль, Д. Рикардо, Р. Кобден, наиболее полно и подробно сформулировали политические и экономические либеральные доктрины, ставшие основой классического либерализма. В состав «классических либералов» во-

⁹ Fergusson J.F. The Reform Act (Scotland) of 1832: Intention and Effect / Scottish Historical Review, XIV 1966. P. 105.

¹⁰ Briggs A. The Age of Improvement, 1783–1867. L., N.-Y., 1979. P. 261.

¹¹ Evans E.J. The Great Reform Bill of 1832. P. 51.

¹² Dod C.R. Electoral Facts from 1832 to 1853 Impartially Stated. L., 1853. P. 20.

¹³ Билль был утвержден в Палате общин после долгой борьбы с перевесом лишь в один голос. См.: Туполева Л.Ф. Движение за парламентскую реформу 1832 года в Англии, Из истории европейского парламентаризма. Великобритания. М., 1995. С. 111–123.

шли фритрейдеры, последовательно отстаивавшие экономические интересы торгово-промышленной буржуазии, и тесно связанная с фритрейдерами либеральная интеллигенция.

Третьей либеральной парламентской группировкой были так называемые радикалы. Они выражали интересы мелких собственников и социально ущемленных слоев английского общества (рабочие, католики, диссентеры-пуритане). Обращаясь к нуждам трудящихся и в первую очередь рабочего класса, они боролись за проведение социальных реформ. Вместе с тем взгляды и деятельность английских радикалов можно охарактеризовать как либеральные, поскольку они протестовали против насильственных методов борьбы и предлагали только реформистский путь решения политических и социальных проблем. В реформированном парламенте радикальная группировка была представлена в основном ирландскими католиками и диссентерами.

По итогам парламентских выборов 1832 г. либералы получили в общей сложности 66,7 % голосов (554719) против 29,4 % (241284) избирателей, проголосовавших за тори¹⁴. Из 658 мест в палате общин представителям либералов досталось 441 место, а тори – 175 мест¹⁵.

Самой большой либеральной группировкой, представленной в парламенте, были виги, занявшие 320 мест в палате общин. «Классические» либералы получили 50 мест. Радикальная группировка сложилась на основе 42 мест и 3,9 % (31773) голосов, полученных ирландскими депутатами, и 71 места, занятого диссентерами¹⁶.

Таким образом, избиратели отдали предпочтение тем либеральным группировкам, деятельность которых ассоциировалась с осуществлением парламентской реформы, прежде всего вигам. Электорат новых промышленных округов проголосовал за либералов. Так, от Бирмингема в парламент был избран промышленник Т. Аттвуд, от Лидса – либеральный историк и публицист Т.Б. Маколей, от Манчестера – фабриканты Ф. Марк и С. Томпсон, от Шеффилда – либеральный публицист Д.С. Бэкингам. Виги, «классические» либералы и радикалы избирались и от старых округов. Например один из вигских лидеров Г. Кавендиш прошел в палату общин от Дерби, виг Дж. Коупер – от Кентербери, виг сэр Р. Дандес – от Ричмонда, известный вигский

публицист сэр Дж. Эллиот – от Роксбурга, а виг Дж. Леннокс – от Восточного Суссекса¹⁷. «Классический» либерал, врач и публицист Дж. Юм – от Миддлсекса. Его сподвижники – писатель Ч. Буллер и либеральный издатель полковник У. Молесворт, а также знаменитый радикальный публицист У. Коббет – вообще были избраны от «гнилых» местечек¹⁸.

Социальный состав парламентариев также был еще далек от пропорционального демократического представительства от разных слоев общества. Три четверти депутатов происходили из аристократического сословия, остальные представляли финансовую и торгово-промышленную буржуазию¹⁹. Правительство по-прежнему являлось выразителем интересов земельной аристократии. Из 103 членов Кабинета министров (с 1830 по 1866 г.) только 14 были представителями буржуазии²⁰. При этом самые известные из «буржуазных» министров Р. Пиль и У. Гладстон, будучи выходцами из семей торговцев, получили традиционное аристократическое образование, окончив Оксфордский университет (каждый с отличным дипломом сразу по двум специальностям). Исключением из общей тенденции господства аристократии в правительстве можно считать состав кабинетов лорда Мельбурна 1834 и 1835 гг., где представители буржуазии численно преобладали, но и в них ключевые министерские посты оставались за министрами-аристократами.

Имелось две важные причины сохранения влияния земельной аристократии в парламенте после реформы 1832 г. Во-первых, наличие парламентской традиции, согласно которой неподготовленный к политической деятельности и не имевший политического опыта человек практически лишался шансов стать не только членом правительственного кабинета, но и парламентарием.

Во-вторых, сохранение высокого избирательного ценза ограничивало приток новых лиц в политику, поскольку профессионально заниматься политикой могли себе позволить только очень обеспеченные люди. По данным журнала «Экономист», даже в 1864 г. карьера политического деятеля была доступна в английском об-

¹⁴ Teaching History Online. 1832 Reform Act. (www.spartacus.schoolnet.co.uk).

¹⁵ Ibid.

¹⁶ Peel R. Robert Peel From his Private Papers. L., 1899. Vol. 2, P. 209–210.

¹⁷ Southgate D. The Passing of Whigs (1832–1886). L., 1962. Appendix II.

¹⁸ Айзенштат М.П. Британский парламент и общество в 30–40-х гг. XIX в. М., 1997. С. 20.

¹⁹ Guttsman W.L. The British Political Elite. L., 1965. P. 41.

²⁰ Hawkins A. «Parliamentary government» and Victorian Political Parties 1830–1880 / English Historical Review. Essex, 1989. Vol. 104. № 412. P. 641.

шестве узкому кругу лиц, насчитывавшему не более 5000 человек²¹.

Именно этими причинами во многом можно объяснить наличие большого числа избирательных округов, где кандидатов выбирали на безальтернативной основе. Так, за период с 1832 по 1852 г. из 501 кандидата, зарегистрированного в 67 избирательных округах Англии и Уэльса, 62 % не имели соперников на выборах²². Однако существование безальтернативных выборов было связано также и с другими факторами, такими как политическая апатия со стороны части избирателей, заранее уверенных в невозможности политических перемен или не интересующихся политикой, и предварительная договоренность между кандидатами от вигов и тори. Часто за день до выборов соперники договаривались, и одна из сторон, согласившись на поражение, снимала свою кандидатуру. Это делалось для того, чтобы избежать лишних затрат на проведение процедуры выборов. В отчетах подобный политический сговор именовался «неоспоримым выбором» избирателей.

В ряде округов по-прежнему значительным оставалось влияние местных лендлордов, что отражалось на ходе выборов. Например, на юге Линкольншира на выборах 1841 г. в 32 из 44 избирательных округов, принадлежавших одному землевладельцу, последний получил голоса всех избирателей.²³ Если земельная собственность в избирательных округах распределялась примерно поровну между землевладельцами-кандидатами от вигов и тори, то претенденты от противоборствующих партий заключали между собой так называемый мир округа, сводившийся к дележу представительных мест от данных округов.

В силу всех этих причин избирательная реформа 1832 г. не привела к существенным изменениям как в процедуре избрания, так и в составе избранных. В принципе такая ситуация устраивала обе противоборствующие стороны, поскольку виги, как и тори, совсем не стремились к усложнению системы выборов и увеличению затрат на избирательную кампанию (которые, несомненно, возникли бы при наличии сильных и многочисленных конкурентов). Привлечение большого числа новых лиц в политику грозило не только подрывом влияния действующих в то время политиков, но было невыгодно и по мате-

риальным соображениям. Виги решились на проведение парламентской реформы не потому, что они стремились к демократизации избирательной системы. Заслужив славу реформаторов, виги хотели заручиться поддержкой общественного мнения, чтобы прийти к власти. Ликвидировав наиболее анахроничные элементы избирательной системы (часть «карманных» городков), виги тем не менее сохранили представительство от «гнилых» местечек, которое обеспечило преобладание в палате общин сыновей пэров и баронов²⁴.

Поэтому всплеск активности в период избирательных кампаний 1831 и 1832 гг., быстро сменился рутинной политикой «необходимого выбора» и партийного сговора. Примером того, как осуществлялся этот переход (противоречивший самой идее избирательной реформы) может служить ход выборов в Нортгемптоншире (Northamptonshire). Перед выборами 1831 г. в округе имелось два места, которые были поделены между кандидатами от вигов и тори. После реформы 1832 г. количество выборных мест увеличилось до четырех. За два новых места начала разворачиваться предвыборная борьба, причем виги имели реальные шансы опередить своих соперников, но лидер вигской партии виконт Олторп выступил против соперничества с кандидатами от тори в этих избирательных округах, предложив поделить новые места на паритетных началах. Он не желал «идти на траты из-за того, что некоторые заблуждающиеся люди будут настаивать на одном из кандидатов, что вопреки всем причинам и здравому смыслу»²⁵.

Виконт Олторп выражал позицию «правых» вигов – консервативно настроенной части вигской партии, тесно связанной родственными и экономическими интересами с лендлордами. «Правые» виги считали, что принятие Парламентской реформы 1832 г. завершило борьбу за либерализацию избирательной системы. Причем закончилась эта борьба самым выгодным для них образом. Наличие в парламенте представителей крупной буржуазии обеспечивало вигам преимущество в противоборстве с консерваторами, поскольку депутаты-буржуа поддерживали более либеральные законопроекты вигов. Вместе с тем малочисленность представителей буржуазии в парламенте давала вигам возможность контролировать их действия и не допускать проведения самостоятельной политики со стороны буржуаз-

²¹ Цит. по: Gwyn W.B. *Democracy and the Cost of Politics in Britain*. L., 1862. P. 95.

²² Thompson F.M.L. *The Rise of Respectable Society: a Social History of Victorian Britain 1830–1900*. Cambridge, 1988. P. 82.

²³ Onley R.J. *Lincolnshire Politics, 1832–1885*. Oxford, 1973. P. 32.

²⁴ Gash N. *Politics in the Age of Peel*. P. 81–82.

²⁵ Le Marchant D. *Memoir of John Charles, Viscount Althorp, Third Earl Spencer*. L., 1876. P. 442.

ных группировок. Поэтому главной своей задачей «правые» виги считали сохранение выгодной им ситуации, ради чего они были готовы пойти на существенные политические компромиссы с тори.

Готовность Олторпа разделить или даже отдать политическую власть торийской оппозиции показывала, что виги и тори были больше связаны экономическими и родственными интересами, чем разделены политической конкуренцией. Их соперничество носило во многом чисто внешний характер. Недаром известный публицист Вильям Хезлитт сравнивал эти две партии с «двумя грочучущими каретами, которые двигаются по одному и тому же пути, к одному и тому же месту назначения, обрызгивая друг друга грязью»²⁶.

Влияние, которым пользовались лендлорды во многих (чаще всего сельских) избирательных округах, было вызвано не только их финансовыми доходами. Очень важным для осознания английских политических реалий первой половины XIX в. является то обстоятельство, что земельная аристократия по традиции пользовалась уважением в английском обществе. В глазах английского обывателя, особенно сельского жителя (а количество сельских избирателей значительно увеличилось в результате парламентской реформы), лорд или сквайр, владевший обширным поместьем, как политик вызывал больше доверия, чем банкир или фабрикант. Это обстоятельство часто лишало парламентские выборы их политического содержания. Для типичного сельского арендатора первой половины XIX в. голосование было функцией, связанной с принадлежностью его к земельному объединению, но не с персональной ответственностью. Ответственность арендатор нес перед землевладельцем, а не перед своей совестью. Поэтому «его политическая лояльность была лояльностью по отношению к землевладельцу, а не к политической партии»²⁷.

Несомненно, что основу того, что можно назвать «политическим уважением» в отношении лендлордов со стороны арендаторов, составляли традиция, имущественная зависимость и совпадение мнений по многим политическим вопросам. Так, по вопросам сохранения привилегий англиканской церкви или защиты прав земельной собственности интересы лендлордов и арендаторов совпадали. Именно существование «политического уважения» позволяло земельной аристократии в течение длительного времени

воздействовать на избирателей.

Однако приоритет происхождения и клановость на выборах в сельских округах, а также отсутствие у арендаторов возможности реально участвовать в политической жизни приводили к тому, что последние, как правило, не имели политических мнений вообще. Это часто способствовало возникновению политической апатии у сельских избирателей. Именно она обусловила поражение тори на выборах 1831 и 1832 гг.

В целом, говоря о жителях сельских округов, довольно трудно выявить систему в их политическом поведении и непосредственные причины, по которым «уважение», проявляемое к аристократическому кандидату на выборах, сменялось полным равнодушием к нему и неучастием в выборах. Это обстоятельство объяснялось существованием некоторой политической зависимости сельских избирателей от землевладельцев. Вместе с тем имелась возможность преодоления этой зависимости. Либеральные кандидаты не всегда могли уговорить селян, связанных с лендлордами и джентри имущественными и традиционными отношениями, голосовать против них, но подтолкнуть сельских избирателей к игнорированию выборов им иногда удавалось. Можно предположить, что определенную (но, видимо, не определяющую) роль в этом процессе играла публицистическая кампания по пропаганде либеральных идей и кандидатов, представляемая фритрейдерской прессой как позиция «общественного мнения» (т. е. мнения большинства, что всегда было значимо для консервативных селян). Но вместе с тем надо отметить, что экономические идеи фритрейдеров противоречили интересам сельских жителей, поскольку без поддержки последних стали бы невозможны выступления лендлордов против отмены хлебных законов.

Таким образом, «классические» либералы, представлявшие интересы фритрейдеров, в отличие от вигов-лендлордов вряд ли могли рассчитывать на поддержку сельского населения. В лучшем случае сельские избиратели сохраняли по отношению к буржуазным кандидатам нейтральную позицию. Поэтому «классическим» либералам было необходимо продолжать борьбу за избирательную реформу с целью введения всеобщего избирательного права для мужчин и пропорциональной системы представительства по числу жителей от городских и сельских округов. Только через увеличение реального числа городских избирателей можно было при данной системе обеспечить политическое господство либеральной буржуазии.

Если в сельских округах после реформы

²⁶ White R.J. *Radicalism and its Results, 1760–1837*. L., 1965. P. 8.

²⁷ Nossiter T.J. *Elections and Political Behavior in County Durham and Newcastle, 1834–1874*/D.Phil. Thesis. Oxford, 1968. P. 442.

1832 г. активность избирателей и результаты выборов мало отличались от дореформенного периода, то в городах реформа вызвала серьезные перемены. Прежде всего увеличилось число избирателей. Впервые в английской избирательной практике были введены обязательные списки избирателей и партийные списки. В результате у юристов появилось много работы, поскольку необходимо было определить социальный статус и имущественный ценз того, кто избирал, и того, кто имел право быть избранным. К тому же каждая партия стремилась наводнить избирательные списки по округам своими сторонниками и исключить под разными предлогами лиц, зарегистрированных противоположной стороной.

В 30-е гг. XIX в. экономически развитые, но не имевшие доступа к политической власти слои общества (в первую очередь торгово-промышленная буржуазия) стали активно использовать для критики политики правительства такие достижения английского парламентаризма, как свободная пресса, свобода собраний, митингов, слова, право обращения к королю и парламенту с петициями. Переход к новым буржуазным отношениям разрушал традиционный уклад английского общества, сменяя вертикальную иерархию горизонтальными связями. Политическая жизнь сосредоточилась в крупных промышленных городах. Представители различных слоев городского населения вовлекались в политические дискуссии, у них появлялись свои лидеры, свои общества, своя пресса. Это позволяло им не только высказывать собственное мнение, но и оказывать давление на правительство²⁸. С этого времени общественное мнение становится реальностью политической жизни.

И виги, и тори быстро осознали важность общественного мнения и попытались использовать его для укрепления своего политического влияния и привлечения голосов избирателей. К середине 30-х гг. XIX в. они стали создавать по всей стране свои политические организации (ассоциации, клубы, общества). Дж. Паркес, руководивший в 1835 г. избирательной кампанией вигов, писал: «Мы должны организовать ассоциации в Лондоне для предварительной подготовки, сбора подписей, регистрации избирателей и финансирования нашей предвыборной кампании»²⁹. «Партийная» деятельность особенно активно развернулась в городах, поскольку после муниципальной реформы 1835 г., упразднившей

олигархические городские корпорации и обеспечившей демократическую процедуру регистрации избирателей, регистрационные списки обновлялись каждый год. В отличие от городов в сельских округах избиратель регистрировался только один раз, и перерегистрации не требовалось.

Различие в формах организации избирательной кампании между городскими и сельскими округами было вполне объяснимо. В сельской местности при существовавшей там стабильности и консервативности населения независимые политические организации были не нужны. Политические отношения в сельских округах включались в систему социально-экономических связей. Агент по продаже недвижимости или арендатор просто прибавлял политические обязанности к другим своим обязательствам перед обществом, а организационную избирательную функцию выполняла сельская администрация, которая регистрировала избирателей, проводила опросы общественного мнения и организовывала процедуру выборов.

Социальная структура города, напротив, была аморфна и состояла из разобщенных, часто полярных по интересам группы (от банкиров до люмпенов). Разница в занятиях и доходе, отсутствие социальных связей между различными слоями городского электората вызвали к жизни необходимость независимой политической организации. Анализ городских избирательных списков (с 1832 по 1867 г.) показывает, что основную часть избирателей составляли «владельцы магазинов, квалифицированные ремесленники, интеллигенция, промышленная буржуазия и банкиры». Как верно указывал английский историк Т. Носсайтер, на подобный электорат «...нельзя оказывать серьезного внешнего давления и заставлять голосовать против собственных интересов. Такие люди достаточно образованны (в силу специфики производства) и способны выработать собственные политические представления»³⁰.

В городском обществе ярко проявлялись социальные противоречия. Кроме антагонизма между капиталистами и рабочими, ставших социальным следствием промышленного переворота, существовали противоречия между торгово-промышленной буржуазией и земельной аристократией,³¹ между сторонниками англиканской церкви и пуританами-диссидентами. Ситуация осложнялась также большим количеством социальных проблем,

²⁸ Adelman P. *Victorian Radicalism: the Middle-Class Experience 1830–1914*. L., N.-Y.: Longman, 1984. P. 32–33.

²⁹ Jennings W.I. *Party Politics*. Cambridge, 1962. P. 93.

³⁰ Nossiter T. *Elections and Political Behavior in County Durham and Newcastle, 1834–1874*/ D. Phil. Thesis. Oxford, 1968. P. 25.

³¹ Некоторые зарубежные историки считают это противоречие господствующим в английском обществе первой половины XIX в. См.: Stewart R. *Party and Politics, 1830–1852*. N.-Y., 1989, P. 39.

обострившихся вследствие быстрого процесса урбанизации (за период с 1800 по 1850 г. численность городского населения в Англии выросла в два раза)³². Такими проблемами были: бедность, безработица, неграмотность, пьянство люмпенизированной части населения.

Все это могло привести к «случайному эффекту» парламентских выборов, когда их результат был бы практически непредсказуем. За городского избирателя необходимо было бороться, создавая политические организации, не вовлеченные в сложный узел социально-экономических противоречий и хотя бы внешне независимые от прямых пристрастий любой из социальных групп. Это давало возможность политическим организациям проводить политику консенсуса, объединяя под общими лозунгами представителей различных социальных слоев и добиваясь голосов для своих кандидатов.

В 30–40-е гг. XIX в. основными событиями внутренней политики после избирательной реформы 1832 г. стали: принятие нового Закона о бедных в 1834 г., борьба за отмену Навигационных актов и Хлебных законов, отношение к чартизму, решение вопроса о привилегиях англиканской церкви. Отношение к этим проблемам консервативных и либеральных политиков во многом определило расстановку сил в парламенте. Важно отметить, что в этот период возросла роль местных органов власти, и часто результаты выборов в муниципалитеты оказывали влияние на парламентские успехи партии. Например, результаты выборов в муниципалитеты Ливерпуля и Лидса хорошо отражают соотношение сил консерваторов и либералов в парламенте в 30–40-х гг. XIX в.³³ (табл. 1).

Таблица 1

Результаты выборов

Либералы	Консерваторы	Города
1835 г. – время господства Либерального кабинета Мельбуерна		
43	5	Ливерпуль
39	9	Лидс
1841 г. – приход к власти консервативного кабинета Пиля		
15	33	Ливерпуль
23	25	Лидс

Вследствие этого корона уже не могла влиять на расстановку сил в парламенте, где кабинет теперь формировался по принципу избранного партийного большинства. Так, в 1834 г. Вильгельм IV попытался вопреки результатам муниципальных и парламентских выборов, на кото-

рых победили либералы, назначить консервативное правительство Р. Пиля. Но через несколько месяцев король был вынужден под давлением парламента заменить его на либеральный кабинет Мельбуерна.

И консерваторы, и либералы быстро оценили значимость общественно-политических организаций, дававших реальную возможность влиять на выборы в парламент и межпарламентскую фракционную борьбу. Уже в 1832 г. появилась первая организация такого рода – консервативный Карлтон-клуб. Позднее, в 1836 г., был основан Клуб реформ, ставший своеобразным общественно-политическим центром, объединившим оппозиционные консерваторам силы (вигов, либералов и радикалов)³⁴. Главными задачами данных политических клубов стали финансирование избирательных кампаний своих кандидатов, а также сбор информации о кандидатах противников. Эти организации были в первую очередь своеобразными предвыборным штабами, формировавшими общественное мнение в пользу своих претендентов на депутатские места.

Однако предвыборная борьба способствовала консолидации политических группировок, существовавших как у тори (в меньшей степени), так и у вигов. «Хотя мы могли иметь очень серьезные расхождения по некоторым вопросам в рамках либеральной партии, – писал лидер ирландских депутатов Д. О’Коннелл, – ни одно из них не было более важным, чем расхождения, которые отделяли либералов от консерваторов»³⁵.

Безусловно, противоречия между собственно консерваторами и консервативными либералами, существовавшие в торийской партии, сохранились. Также не прекратились конфликты между разнообразными фракциями вигов (особенно острыми были противоречия между консервативными «правыми» вигами и «классическими» либералами). Но они были поглощены конкуренцией между вигами и тори. Эта конкуренция ярче всего выражалась в дебатах по церковному вопросу. Дебаты сводились к спорам о том, получит ли парламент право распоряжаться доходами церкви на том основании, что она была государственным учреждением? Виги предлагали реформировать устройство англиканской церкви с тем, чтобы доходы церкви находились в ведении парламента. Тори настаивали на сохранении существовавшего положения, когда цер-

³² Fraser D. *Urban Politics in Victorian England*. L., 1976. P. 14–16.

³³ Parry J.Ph. *The Rise and Fall of Liberal Government in Victorian Britain*. L., 1993. P. 142.

³⁴ Parry J.Ph. *The Rise and Fall of Liberal Government in Victorian Britain*. P. 144.

³⁵ Whyte J.H. *Daniel O’Connell and the Repeal Party / Irish Historical Studies*, 1959, September. P. 306.

ковь сама являлась хозяйкой своих доходов. В конечном счете победила точка зрения тори³⁶.

Показателем фракционных конфликтов в либеральном лагере стала особая позиция по вопросу об Ирландской церкви четырех министров кабинета Грея, которые в мае 1834 г. заявили, что они скорее выйдут из состава правительства, чем согласятся на передачу доходов Ирландской церкви парламенту. Лидер оппозиционной четверки лорд Стенли попытался сформировать собственную «партию центра», тут же ехидно прозванную главой ирландских радикалов Д. О'Коннелом «вагонеткой Дерби»³⁷. Однако третья сила в парламенте просуществовала недолго. К 1837 г. «вагонетка» развалилась на две части: большинство сторонников лорда Стенли возвратилось к вигам, а сам Стенли вместе с сэром Дж. Грэхэмом перешел на сторону тори³⁸.

Не удалась и попытка короны создать парламентский «центр». В ноябре 1834 г. Вильгельм IV выдвинул проект формирования коалиционного Кабинета министров из так называемых людей центра: либеральных консерваторов и консервативных либералов (исключив крайних тори, фракции либералов и радикалов). Это коалиционное правительство, по мнению короля, призвано было не допустить радикального решения церковного вопроса, поскольку английская корона была не против перераспределения доходов Ирландской церкви, но стремилась провести реформу таким образом, чтобы церковные доходы контролировались не парламентом, а королем. Предложения либералов по церковному вопросу он считал «призывом англичан к подрывной деятельности и атакой парламентских партий на установленные правила»³⁹.

Лидеры торийской и вигской партий Р. Пиль и Дж. Мельбурн предупреждали Вильгельма IV, что его проект нереален. Пиль, например, резонно заметил, что «после раздела министерств между противоборствующими сторонами было бы невозможно представить, чтобы правительство, составленное из членов противоборствующих сторон, мирно функционировало»⁴⁰.

Год с весны 1834 (когда из либерального правительства Грея вышли сторонники Стэнли) до весны 1835 г. (когда последователи Пилия вы-

нуждены были отступить от консервативных идей) в политическом отношении был насыщенным и напряженным. Известный прусский историк и государственный деятель профессор Ф. Роумер, посетивший Англию в начале 1835 г., в своих письмах домой так характеризовал общую атмосферу английской жизни: «Здесь, кажется, сам воздух пропитан политикой»⁴¹.

Усиление противостояния вигов и тори привело к внутреннему сплочению как либеральной, так и консервативной «партий» парламента. Оно проявилось в первую очередь в том, что депутаты в своей деятельности стали руководствоваться прежде всего партийными интересами. Уже в 30-е гг. XIX в. реальная независимость депутатов от партийных установок встречалась крайне редко. В 40-х гг. она исчезла практически совсем. Несмотря на то, что лидеры партий не решались напрямую через циркулярные письма указывать своим сторонникам линию поведения, они точно знали, на чью поддержку могут рассчитывать, поскольку межфракционная борьба ослабела, а время независимых депутатов-одиночек уже прошло. Так, в 1839 г. Ф. Бонхэм, координатор выборов консервативной партии, описывая в письме к Р. Пилю политические пристрастия членов парламента, уверенно делил их на два лагеря, выявив только пять «сомнительных» депутатов (таких, кто еще не определился, к какой партии примкнуть), да и тех он называл «довольно консервативными»⁴².

Палата лордов тоже разделилась на две оппозиционные друг другу группы вигов и тори. Существовавшая в ней «третья сила» – «партия короны» (т. е. сторонников короля) – исчезла к 30-м гг. XIX в. Большая часть «приверженцев короны» перешла в ряды тори, что было неудивительно, так как за 50 лет торийского правления (от Питта до Веллингтона) «партия короны» всегда тайно или явно поддерживала деятельность правящего кабинета. Когда виги выдвинули свой Билль о реформе в 1831 г., из 30 пэров только двое проголосовали за законопроект. Характеризуя расстановку сил в палате лордов после реформы 1832 г., Чарльз Гревилл отметил в своем дневнике: «Все теперь являются либо тори, либо вигами; составляют партийные списки и борются за власть»⁴³.

³⁶ Alexander E. Church and Society. New York, 1953, P. 55–56.

³⁷ Лорд Дерби был лидером правого крыла консерваторов – «крайних тори».

³⁸ Parry J.Ph. The Rise and Fall of Liberal Government in Victorian Britain. P. 157.

³⁹ The Holland House Diaries, 1831–1840 / Ed. By A.D. Kriegel. L., 1858. P. 273.

⁴⁰ Memoirs of the Right Honorable Sir Robert Peel. L., 1858. P. 7.

⁴¹ Raumer F. England in 1835. L., 1836. P. 316.

⁴² Bonham to Peel, 25 November 1839. Цит. по: Stewart R. Party and Politics...P. 45.

⁴³ Цит. по: Larde D. The Decline of «the Party of the Crown» and the Rise of Parties in the House of Lords, 1783–1837» /

Большинство в палате лордов было за консерваторами, и потому она активно противодействовала деятельности либерального парламентского большинства в палате общин. Необходимо отметить, что палата лордов в первой половине XIX в. не была той своеобразной почетной синекурой для политических пенсионеров, которой она является сейчас. В руках лордов сосредотачивалась реальная власть (в частности право вето и право референдума), с помощью которой они могли достаточно эффективно влиять на палату общин. Так, в 1846 г. пэры сумели добиться аннулирования Хлебных законов на основании вполне конституционных аргументов, выдвинутых герцогом Веллингтоном. Он заявил: «Мы знаем, что должны отвергнуть этот закон, поскольку он был согласован только с двумя ветвями власти: с Короной и с Палатой общин. Позиция же Палаты лордов заключается в том, что мы выступаем против этих законов, и мы имеем право отменить эти законы, так как для их принятия необходимо согласие всех трех ветвей власти. Милорды, мы должны помнить: Палата лордов ничего не может сделать без Палаты общин и Короны, но и они не должны действовать без согласия Палаты лордов»⁴⁴.

В целом, в 30–40-е гг. XIX в. палата лордов была серьезной оппозицией либеральным кабинетам Грея, Мельбурна и Рассела. Именно ее поддержкой во многом можно объяснить приход к власти консервативных правительств Пиля и Дерби (в 1841 и 1852 гг.).

Противостояние либералов и консерваторов в Вестминстере отражало общее положение в стране. Если по данным опроса, проведенного консерваторами в 1826 г., большая часть электората была политически нейтральна, то десять лет спустя ситуация изменилась и «целая нация раскололась на две большие оппозиционные партии»⁴⁵.

После 1836 г. даже в сельских округах стала реже встречаться практика «неоспоримого выбора», при которой кандидаты от противоборствующих сторон договаривались о разделе голосов.

В новых условиях, когда расширилось число избирателей и обострилась борьба за голоса, требовалась выработка определенной тактики проведения предвыборной кампании. Довольно трудно увидеть существенную разницу между тактическими методами либералов и консерваторов. И та, и другая сторона создавали общественно-политические организации и апеллирова-

ли к общественному мнению через проведение предвыборных митингов, публикацию политических писем и памфлетов с положениями собственной предвыборной программы и критикой в адрес соперников. Но следует отметить, что предвыборные кампании консерваторов были лучше финансово обеспечены и лучше организованы с точки зрения чисто процедурных вопросов (листов регистрации и т. п.).

Именно умелую организацию предвыборной борьбы в сочетании с крупными финансовыми вливаниями следует считать основной причиной победы консерваторов на выборах 1841 г. Как справедливо указывал английский исследователь Н. Гэш: «Консерваторы между 1832 и 1841 гг. стали первым в парламентской истории Британии примером партии, которая сумела организовать себе победу на выборах вопреки желаниям королевской власти и большинства палаты общин, только путем привлечения голосов избирателей на выборах»⁴⁶. Предлагаемая таблица процентного числа голосов, поданных за либералов по трем избирательным округам, показывает, как менялись симпатии избирателей, и росло число сторонников консерваторов за десять лет (табл. 2).

Таблица 2

Количество голосов, поданных за либералов, %

Округ	Год		
	1830	1837	1841
Льюис	52,9	5	2,9
Мейдстоун	33,2	9,6	1
Нортгемптон	43	7,6	9,8

Подводя итоги, можно утверждать, что, несмотря на умеренный характер избирательной реформы 1832 г., она имела значительные последствия для политической жизни Англии.

Во-первых, в парламенте появились пока ещё немногочисленные представители торгово-промышленной буржуазии, объединившиеся в группировки «классических» либералов и радикалов, которые примыкали к вигам, поскольку последние уже ранее были связаны с торгово-промышленными кругами.

Во-вторых, увеличение числа выборщиков привело к подъему политической активности населения и в первую очередь «среднего класса». Его представители ощутили себя причастными к политическому процессу. Процедура формирования правящего кабинета зависела теперь не только от желания короны и интересов «парламентской элиты», но и от позиции общественного мнения – новой реальной силы на по-

English Historical Review. 1963. October. P. 669.

⁴⁴ Hansard's Parliamentary Debates. 3rd ser., 1846. LXXXVI. P. 1404.

⁴⁵ Close D.B. The Formation of a Two-Party Alignment.... P. 266.

⁴⁶ Gash N. Organization of the Conservative Party.... P. 123.

литической сцене Великобритании. Особенно ярко политизация общественной жизни проявилась в городах, где избиратели были более разобщены и менее зависимы от кандидатов, чем жители сельских округов, поскольку избирательная функция селянина вплеталась в систему его социально-экономических связей.

Независимо от того, кто побеждал на выборах: консерваторы или либералы, сама тенденция политизации общественной жизни и усиление значимости общественного мнения для Вестминстера являлись показателями либерализации английского общества в 30-х гг. XIX в. Это способствовало распространению либеральных идей и формированию либерального мышления, предполагающего свободу экономического и политического выбора. В этом главное значение реформы 1832 г.

В-третьих, следствием парламентской реформы 1832 г. стало изменение форм и методов ведения кандидатами предвыборной кампании. У представителей парламентских группировок возникла необходимость бороться за голоса избирателей. Это привело к созданию политических клубов, игравших роль «партийных» организаций, которые осуществляли руководство избирательной кампанией. Появились «партийные» списки. Получили распространение предвыборные поездки депутатов и предвыборные митинги. Большую роль в проведении предвыборной кампании играла печать. Именно с этого времени начинается настоящая предвыборная «война памфлетов». Причем либеральная публицистика была гораздо активнее и острее консервативной. Однако консерваторы гораздо лучше финансиро-

вали свои избирательные кампании, что способствовало более эффективной организации выборов.

Четвертое следствие реформы заключалось в консолидации фракций и группировок вигов и тори, которых с этого времени все чаще именуют либералами и консерваторами, так как деятельность правящих вигских кабинетов Грея и Мельбурна выходила за рамки вигизма и часто носила откровенно пробуржуазный либеральный характер. Пришедший им на смену торийский кабинет Р. Пиля также отмежевался от «крайних тори» и проводил центристскую политику «либерального торизма». Таким образом, приоритетными в группировках вигов и тори становятся либеральное и консервативное направления. В 30-е гг. XIX в. вокруг представителей этих течений началось объединение различных фракций. Первыми стали объединяться тори, противодействуя парламентской реформе, что привело уже в 1846 г. к формированию консервативной партии.

Имевшие более широкую социальную базу, но в силу этого менее организованные и разобщенные на мелкие группировки либералы в этот период только начали процесс объединения. Однако сам процесс консолидации либерального направления также стал важным результатом парламентской реформы 1832 г.

Следствием консолидации партийных группировок и нарастания между ними политического противостояния стала невозможность существования в парламенте третьей силы в лице «партии короны». Это явление указывало на то, что парламентские группировки начинали перерастать в политические партии, которые стали бороться за голоса избирателей.

ВОПРОС О НАЗНАЧЕНИИ ПОМОЩНИКА ВОЕННОГО АГЕНТА В ЯПОНИИ КАК ОТРАЖЕНИЕ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ В КОРЕЙСКОМ ВОПРОСЕ ПОСЛЕ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ

Я.А. Шулатов

Шулатов Ярослав Александрович – аспирант Дальневосточной академии государственной службы (г. Хабаровск) и Университета Кэйо (г. Токио).

Накануне Русско-японской войны, в 1903 г., в правящих кругах Российской империи происходила острая дискуссия относительно дальнейшего направления дальневосточной политики государства. В результате придворных интриг преобладающее влияние на царя получили представители агрессивно настроенных кругов, которые фактически узурпировали проведение внешнеполитического курса на Дальнем Востоке. Позиции умеренной части петербургской элиты, выступавшей за мирное урегулирование разногласий с Японией, оказались существенно ослаблены, и их роль была сведена к минимуму. Это обстоятельство, наряду с другими важнейшими международными факторами, оказало значительное влияние на эскалацию напряженности в регионе, что в конечном итоге привело к вооруженному столкновению, закончившемуся поражением царской России. Таким образом, Русско-японская война 1904–1905 гг., явившись важнейшим историческим рубежом в истории Дальнего Востока, наглядно продемонстрировала недостатки олигархического характера принятия решений в самодержавной России.

In 1903, before the Russo-japanese war, there was an intensive discussion amongst the ruling elite of the Russian empire about the questions of Far-Eastern policy. As a result of courtly intrigues, the supporters of hawkish foreign policy had a dominating influence on the tsar. In fact, they monopolised the execution of the foreign policy in the region. The positions of the moderate faction of St. Petersburg's elite, who had been coming out in favour of peaceful settlement with Japan, became essentially weakened. These circumstances in addition to other significant international factors, which played a very important role in the escalation of tensions in the Far East; finally led to the military conflict with Japan, which ended with the defeat of tsarist Russia. Therefore, the Russo-japanese war has visually demonstrated the weak points of political decision's oligarchic character in autocratic Russia.

После окончания Русско-японской войны на Дальнем Востоке сложилась новая геополитическая обстановка, связанная со значительным усилением роли Японии в регионе и ослаблением царской России. Токийский кабинет, ставивший в качестве одной из главнейших целей войны распространение своего доминирующего влияния на Корейском полуострове, добился признания Петербургом в Портсмутском мирном договоре особых прав Японии в Корее.

Сразу после окончания войны отношения между Россией и Японией носили нестабильный и достаточно напряженный характер. Взаимное недоверие недавних противников порождало неуверенность в дальнейших перспективах развития двусторонних отношений. Правящие круги Японии были всерьез обеспокоены возможным реваншем со стороны России. В свою очередь, в Петербурге знали о серьезном недовольстве японской общественности мирным договором, поэтому опасались, что так называемая военная партия в японских правящих кругах вынашивает планы новой войны, чтобы получить «недовоеванное». В связи с этим любые вопросы, касавшиеся военного присутствия обеих держав в непосредственной близости к границам друг друга, обращали на себя пристальное внимание правящих элит России и Японии, прежде всего военных.

Главнокомандующие русскими и японскими войсками в Маньчжурии 17 октября 1905 г. под-

писали соглашение о порядке эвакуации войск и передачи железнодорожных линий, в котором был подробно оговорен порядок вывода войск двух держав из северо-восточной части Китая. Согласно этой договоренности, ко 2 (15) апреля 1907 г. эвакуация войск из Маньчжурии должна была быть полностью завершена¹. Однако данное соглашение совершенно не касалось вопросов, относительно вывода японских войск из Кореи. На переговорах в Портсмуте японская делегация также отказалась включить в договор обязательство относительно численности своего контингента на Корейском полуострове. Между тем вопрос о присутствии японских войск в Северной Корее, в непосредственной близости от территории Приморья, напрямую затрагивал проблему обеспечения безопасности дальневосточной окраины России и обращал на себя серьезное внимание российских военных².

Из-за Русско-японской войны присутствие России на Корейском полуострове было сведено к минимуму. С началом боевых действий подавляющее большинство российских граждан покинули Корею. Последний российский посланник в Сеуле А.И. Павлов был также вынужден эвакуироваться в Шанхай вместе со всем составом русской миссии. Тем не менее бывший представи-

¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 6625. Л. 15–16.

² РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 6618. Л. 162–165.

тель России в Корее продолжал играть важную роль в сборе информации, в том числе для российских войск³, поддерживая тесные контакты с высшими чинами корейского государства во время войны и после ее окончания⁴. Благодаря пророссийской позиции значительной части корейской элиты, в частности корейского посланника в Петербурге, императора Коджона и других лиц, российские дипломаты, в первую очередь Павлов, сохраняли возможность получать важнейшую информацию о положении дел в Корее⁵. Однако отсутствие на полуострове собственных представителей определенным образом ограничивало возможности Петербурга в получении необходимых сведений, касающихся численности и передвижения японских войск на севере Корейского полуострова.

Положение усложнилось в ноябре 1905 г., когда Япония организовала «подписание» нового японско-корейского договора о протекторате, фактически уничтожившего независимость корейского государства. Согласно этому договору все международные контакты Сеула должны были вестись через Токио, а в Корею назначался японский генеральный резидент, призванный осуществлять контроль над внутренней политикой страны. Естественно, усиление зависимости корейского государства от Японии развязывало руки японским военным служащим в планировании военных мероприятий на полуострове.

Все это не могло не вызывать серьезное беспокойство военно-политической элиты России. 13 марта 1906 г. главе российского МИД В.Н. Ламсдорфу была подана служебная записка,

в которой излагался подробный комментарий к японскому указу об организации Генерального резидентства в Корее. По нашему предположению, ее автором являлся бывший посланник в Сеуле А.И. Павлов, который на основе обширных данных приходил к весьма тревожным для правящих кругов России выводам.

По данным автора записки, к моменту заключения договора о протекторате в Корее были дислоцированы 2 дивизии японских войск, что по приблизительным оценкам составляло более 80 тыс. чел.⁶. В документе подчеркивалось, что все военные силы Японии в Корее до Русско-японской войны «даже в наиболее смутные времена восстания тонхаков, убийства королевы» и пр. «ограничивались 250–400 человеками японского гарнизона», что наряду с еще менее значимым военным контингентом других держав, совершенно обеспечивало «порядок и безопасность». Вместе с тем особое внимание обращалось на факт расквартирования японских войск не в местах, «где обыкновенно зарождались все корейские смуты и восстания» (Чолла-до и граничащий с ней район по линии Сеуло-Фузанской ж.д.), а на севере страны – в Пхеньяне и Хамгон-до. Отдельно упоминалось назначение командующим японскими войсками в Корее «генерала, известного своей решительностью», имевшего «боевой опыт и военно-ученый авторитет»⁷. На основании этих и других сведений автор записки делал однозначный вывод: «В Корее предвидятся события, которые потребуют большой военной силы», причем не на юге, где близость к японским базам обеспечивала «быстрое подавление каких-либо беспорядков» еще до получения известий о них, а в северной части полуострова. Развивая свою мысль, автор документа высказывал предположение о том, что эти формирования японской армии должны будут «маскировать... многочисленный и активный контингент... агентов, который будет неустанно работать» над «изучением русской территории», подготавливая две северные Маньчжурские провинции «для предстоящей новой компании»⁸. Несмотря на такие тревожные выводы автора записки, все же можно предположить, что в самом Петербурге вполне понимали: усиление японской экспансии в Корее, сопровождавшееся расширением анти-

³ Генерал-лейтенант Харкевич из Годзядяна в шифрованной телеграмме от 24 октября 1905 г. указывал начальнику Генштаба, что во время войны «самые ценные [и] достоверные сведения [о] Японии давал посланник Павлов из Шанхая и статский советник Давыдов из Пекина». РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 6549. Л. 145.

⁴ Например, 4 (17) сентября 1905 г., уже после опубликования условий Портсмутского мира, А.И. Павлов писал в секретной телеграмме из Шанхая в МИД о том, что влиятельный корейский сановник И Йон Ин, один из пророссийски настроенных высших чинов Кореи, передал ему письмо Николаю II от имени корейского императора, в котором тот обращался к царю за поддержкой в деле сохранения независимости корейского государства. АВПРИ. Ф. Японский стол. Оп. 493. Д. 171. Л. 20.

⁵ В частности, детали последовавшего 2 (15) ноября 1907 г. «подписания» нового японско-корейского договора, грубо навязанного корейскому руководству японскими военными и спецпредставителем микадо Ито Хиробуми, стали известны в Петербурге по двум каналам – от корейского посланника в России и через контакты бывшего российского представителя в Сеуле А.И.Павлова. АВПРИ. Ф. Японский стол. Оп. 493. Д. 171. Л. 37, 46.

⁶ Такая цифра получается из приблизительных оценок численности всей японской армии, состоявшей из 17 дивизий в 700 тыс. чел., что давало в итоге более 41000 чел. на 1 дивизию. АВПРИ. Ф. Японский стол. Оп. 493. Д. 171. Л. 140.

⁷ Скорей всего, речь идет о генерале Хасэгава.

⁸ АВПРИ. Ф. Японский стол. Оп. 493. Д. 171. Л. 139–140.

японских вооруженных выступлений на полуострове, неизбежно требовало от Японии наращивания своего военного потенциала в регионе для подавления корейского сопротивления. Однако дислокация японских войск в северной части полуострова в условиях нестабильности отношений с Токио не могла не тревожить представителей правящих кругов России. В связи с этим высшие военные чины страны считали необходимым наличие на Корейском полуострове собственного представителя, способного адекватно оценить военные меры Японии с точки зрения их угрозы безопасности дальневосточной окраине Российской империи.

Наряду с этим неурегулированность послевоенного положения России в Корее и установление японского протектората не позволяли Петербургу настаивать на назначении в Сеул своего официального военного представителя. Это хорошо понимали российские военные. Так, в январе 1906 г. начальник Главного управления Генерального штаба (ГУГШ) генерал Ф.Ф. Палицын в письме к главе российского МИД В.Н. Ламсдорфу отмечал, что в связи с установлением японского протектората в Корее «было бы неудобно иметь в последнем государстве» официального военного представителя. Но с точки зрения обеспечения безопасности российского Дальнего Востока начальник Генштаба считал «безусловно необходимым... иметь постоянное наблюдение над японскими войсками» на корейском полуострове. Ввиду этого планировалось направить в Корею «одного негласного военного агента», занимающегося этим вопросом в подчинении военного агента (атташе) в Японии⁹.

В качестве кандидатуры для выполнения данной задачи Ф.Ф. Палицын предлагал штабс-капитана 2-й Восточно-Сибирской стрелковой артиллерийской бригады Бирюкова, который хорошо владел корейским и тремя европейскими языками, провел в Корее в общей сложности около 10 лет и имел там обширные связи. Будучи на действительной военной службе, Бирюков долгое время находился в Корее частным образом под видом учителя, однако, как свидетельствуют российские архивные документы, во время Русско-японской войны именно он заведовал «негласной разведкой»¹⁰ на полуострове. Поэтому поручение наблюдения за японскими войсками в Корее человеку, столь хорошо знакомому с местными условиями, представлялось руководству российского Генштаба чрезвычайно продуктивным.

Для того, чтобы придать Бирюкову «официальное положение», Палицын предложил назначить штабс-капитана на какую-либо должность при российской миссии в Токио, а затем командировать его в распоряжение консула в Корее. В ответном письме В.Н. Ламсдорфа Ф.Ф. Палицыну от 6 февраля 1906 г. министр иностранных дел выразил согласие с этим предложением, а также высказался о необходимости перехода Бирюкова в гражданский чин, чтобы не возбуждать подозрительность японцев¹¹. Вместе с тем предполагалось, что в действительности Бирюков должен был сохранить за собой звание штабс-капитана и принадлежность к военному ведомству.

Дав предварительное согласие на предложение начальника ГУГШ, глава российского МИД сделал запрос российским представителям в Токио на предмет целесообразности назначения Бирюкова на должность помощника военного агента в Японии с последующим командированием штабс-капитана в Корею. Однако российская миссия в Токио в полном составе выступила против развития событий.

Военный агент России в Токио полковник Самойлов и поверенный в делах Г.А. Козаков осознавали необходимость присутствия на Корейском полуострове человека, способного адекватно оценить военные мероприятия японской армии в регионе с точки зрения обеспечения безопасности российского Дальнего Востока. Вместе с тем сотрудники российской миссии также понимали, насколько болезненной для Японии являлась корейская проблема. Как раз на конец января – февраль 1906 г. пришелся пик словесной перепалки между дипломатическими ведомствами России и Японии по вопросу о назначении российского представителя в Сеуле¹². В этих условиях было очевидно, что любые резкие шаги в этом направлении могли нарушить нормализацию двусторонних отношений, поэтому российские представители в японской столице заняли крайне осторожную позицию.

В письме Палицыну от 12 марта 1906 г. Ламсдорф извещал начальника Генштаба о мнении поверенного в делах в Токио Г.А. Козакова, который предлагал в связи с «...проявляемыми японцами крайней нервности и подозрительности во всех делах, касающихся отношений России к Корее... отложить разрешение этого вопро-

⁹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 6749. Л. 3.

¹⁰ Там же. Л. 22.

¹¹ Там же. Л. 4.

¹² Подробнее см.; АВПРИ. Ф. Японский стол. Оп. 493. Д. 171. Л. 98, 114, 121, 130–131.

са на некоторое время и дать японцам успокоиться». Под влиянием отрицательной реакции со стороны российских дипломатов в Токио глава МИД скорректировал свою позицию: в этом же письме Ламсдорф сообщал, что разделяет взгляд Козакова, и предлагал подождать с назначением Бирюкова, пока утвержденный на должность консула в Сеуле Г.А. Плансон «прибудет в Сеул и ознакомится с положением дел на месте»¹³.

Между тем глава российской миссии в Токио продолжал наводить справки у японских официальных лиц на предмет возможной отправки в Сеул Бирюкова. В секретной телеграмме от 23 марта 1906 г. Козаков сообщал Ламсдорфу, что в частном разговоре товарищ военного министра Японии в ответ на запрос Козакова отметил, что «японскому правительству было бы... *очень неприятно* (выделено мной. – Я.Ш.) постоянное командирование в Сеул» одного из помощников русского военного агента в Токио. Из этого Козаков делал вывод, что японское правительство ответило бы отказом на возможный запрос из Петербурга о командировании в Сеул Бирюкова¹⁴.

Позиции военного и дипломатического представителей России в Токио в отношении отправки указанного офицера на Корейский полуостров были солидарны. Военный агент в Японии со своей стороны пытался убедить военное командование Российской империи в необходимости «повременить» с командированием штабс-капитана Бирюкова. Об этом, в частности, говорилось в шифрованном донесении Самойлова в ГУГШ из Токио от 5 мая 1906 г., в котором полковник подчеркивал, что глава российской миссии был «того же мнения»¹⁵. К тому моменту поверенного в делах Козакова сменил новый российский представитель Ю.П. Бахметьев, прибывший в ранге посланника в Токио 26 марта 1906 г. Таким образом, осторожная позиция российской миссии в Японии объяснялась не столько личной точкой зрения дипломатов, сколько осознанием невозможности для России выступления в этом вопросе с активной позицией.

В связи с этим военное ведомство согласилось с необходимостью сделать паузу в вопросе о командировании своего представителя в Корею, выступив за скорейшую отправку Бирюкова в Токио на должность помощника военного агента в Японии. Однако новое руководство россий-

ского МИД в лице А.П. Извольского, известного сторонника сближения с Японией, не поддержало энтузиазма военных, сделав, впрочем, соответствующий запрос российским представителям в Токио. В письме Извольского Палицыну от 6 мая 1906 г. глава дипломатического ведомства сообщал позицию российских представителей в Токио, отмечая свою солидарность с их взглядами. Так, согласно сообщению от Бахметьева, российский посланник не встречал принципиальных возражений по поводу предложения начальника ГУГШ. Вместе с тем он указывал на мнение военного агента в Японии, считавшего, что «спешной надобности» в командировании Бирюкова на Дальний Восток не было. Кроме того, с точки зрения Самойлова, «ввиду невыясненности общего вопроса о положении в Корее, временное пребывание» штабс-капитана в Токио могло только «возбудить подозрительность японцев»¹⁶. Под влиянием русского военного агента сам посланник, а затем и глава МИД также заняли достаточно осторожную позицию.

Любопытно, что больше всех против немедленной отправки Бирюкова в качестве официального сотрудника русской миссии выступал не дипломатический, а военный представитель Петербурга. Очевидно, подобная позиция полковника Самойлова вызывала недовольство в высших кругах военного ведомства. В шифрованном донесении в ГУГШ от 10 мая 1906 г. он был даже вынужден оправдываться, объясняя, что считал командирование Бирюкова не лишним, а «преждевременным», так как положение в Корее было «не выяснено», а пребывание штабс-капитана в Токио могло «казаться подозрительным»¹⁷.

Впрочем, как свидетельствует письмо Самойлова к своему коллеге, военному агенту в Лондоне генералу Н.С. Ермолову, вся российская миссия в Токио была против отъезда Бирюкова в Сеульское консульство в качестве официального сотрудника. Вместо этого предлагалось отослать штабс-капитана «совершенно частным образом» в качестве корреспондента газеты или учителя, как это было во время Русско-японской войны. Но сам Самойлов полагал, что отправка Бирюкова в такой должности будет нецелесообразной, поскольку японцы будут очень внимательно и подозрительно относиться к его деятельности и вышлют российского агента при малейшей возможности. В связи с этим военный атташе еще раз высказал мнение о необходимости повремен-

¹³ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 6749. Л. 7.

¹⁴ Там же. Л. 11.

¹⁵ Там же. Л. 14.

¹⁶ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 6749. Л. 16.

¹⁷ Там же. Л. 19.

нить с отправлением Бирюкова, при этом считая, что в ближайшее время в Корею «вряд ли может произойти ... что-либо серьезное»¹⁸.

Однако военное руководство страны заняло иную позицию. 23 апреля 1906 г. Николай II утвердил по представлению ГУГШ новое штатное расписание военных агентов России за рубежом, согласно которому военному представителю в Токио полагалось иметь помощника. В Генштабе сразу же предложили назначить на эту должность штабс-капитана Бирюкова, определив ему в качестве главной задачи наблюдение под руководством военного агента в Токио за японскими «мероприятиями» в Корею, а также за деятельностью Японии по реорганизации корейских вооруженных сил. Свое согласие на это назначение и выделение для этих целей необходимых финансовых средств Николай II дал 13 июня¹⁹.

Палицын поставил Извольского в известность о согласии царя на назначение Бирюкова 19 июня, и глава МИД затребовал мнение российских представителей в Токио. Но в российской миссии продолжали настаивать на нежелательности отправки уже назначенного помощника военного агента в Японии на место службы. Так, Самойлов указывал в этой связи на «возбужденное настроение» в Японии, поэтому приезд Бирюкова в тот период времени обязательно вызвал бы «крайнюю подозрительность» японцев, что парализовало бы его деятельность. По этой причине военный агент в Токио предлагал временно командировать штабс-капитана в Шанхай, где тот смог бы «добывать необходимые сведения, не находясь под строгим присмотром японцев». Под влиянием позиции Самойлова Извольский в своем письме от 4 июля 1906 г. к полковнику Генерального штаба, талантливому русскому разведчику Н.Д. Артамонову также высказывался «о желательности повременить» с отправкой Бирюкова в Токио²⁰.

Позиция военного агента в Японии вызвала явное недовольство начальника генштаба. В письме к Самойлову от 13 июля 1906 г. Палицын в довольно резкой форме потребовал от своего подчиненного объяснений по вопросу о Бирюкове, отметив, что ему «непонятны затруднения», связанные с его назначением²¹. Раздражение начальника ГУГШ объяснялась еще одним фактором.

К июлю 1906 г. в Россию, помимо военного агента Японии в Петербурге генерал-майора

Утида, официально прибыли еще несколько японских офицеров, часть из которых была оставлена в японской миссии, а часть – отправлена в консульство Японии в Одессе. Сообщая об этом Извольскому, Палицын подчеркивал, что японское правительство командировало в Россию «то число ... офицеров, которое оно признает желательным и необходимым». Так, кроме указанных сотрудников японского военного ведомства ожидался приезд еще трех офицеров, а сколько их «в скрытом виде» уже находилось в пределах Российской империи, начальник российского генштаба даже не имел представления. В связи с такой интенсивной отправкой японских военных специалистов в Россию Палицын не видел основания откладывать отъезд Бирюкова в Токио, даже если его миссию в Сеуле было решено немного задержать. При этом начальник ГУГШ подчеркивал, что Бирюков не будет откомандирован в Сеул, «пока это не будет признано возможным», добавляя от себя, что именно на тот момент пребывание штабс-капитана в Корею было необходимым из-за недостатка информации о происходящем на полуострове²².

Под давлением начальства полковник Самойлов все же сделал запрос относительно отправки своего помощника в Сеул, однако реакция японского правительства была, как и ожидалось, отрицательной. В зашифрованном донесении в ГУГШ от 16 июля 1906 г. Самойлов сообщал: «Прикомандирование Бирюкова к консульству в Корею отклонено... Японцы объявили, что посылка в Корею помощника военного агента в Японии будет им *очень неприятна*»²³ (выделено мной. – Я.Ш.).

Обращает на себя внимание формулировка отказа японской стороны. В условиях, когда японский генеральный штаб направлял в Россию, как показано выше, значительное количество своих военных специалистов, жесткий ответ Токио на просьбу об отправке одного российского офицера мог быть воспринят неадекватно. Однако в Японии крайне болезненно относились ко всему, что было связано с Кореей. Напряженная ситуация, возникшая в русско-японских отношениях в связи с вопросом об экзекватуре, получила свое разрешение только в самом конце апреля, когда новый глава МИД России А.П. Извольский выразил свое согласие на ее выдачу русскому консулу в Сеуле Г.А. Плансону японским правительством²⁴. Очевидно, что отголоски этой напряженности продолжали оказывать определен-

¹⁸ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 6749. Л. 28–29.

¹⁹ Там же. Л. 17, 22.

²⁰ Там же. Л. 26–27.

²¹ Там же. Л. 32.

²² РГВИА, Ф.2000. Оп.1. Д. 6749. Л. 25–26.

²³ Там же. Л. 33.

²⁴ АВПРИ. Ф. Японский стол. Оп. 493. Д. 171. Л. 168.

ное влияние на позицию Японии.

Одновременно с этим необходимо заметить, что заявление японской стороны о своем «неприятном отношении» к возможной посылке русского офицера в Корею нельзя однозначно расценивать как отказ. Когда в ноябре 1905 г. Россия сообщила Японии о своем намерении назначить в Сеул своего генерального консула, министр иностранных дел Японии Комура Дзютаро заявил, что «японское правительство крайне затруднилось бы согласиться» (выделено мной. – Я.Ш.) на допущение в Сеул нового представителя дипломатического характера²⁵. Но это не помешало Петербургу настоять на своем праве иметь в Корее генерального консула. В этой связи нам представляется, что позиция японской стороны в отношении отправки российского военного специалиста в Сеул давала России определенный сигнал – в случае неуступчивости Петербурга по корейскому вопросу об установлении дружеских отношений с Токио можно было забыть. Судя по позиции официального военного агента России в Токио полковника Самойлова, можно сделать вывод, что он воспринял ответ японской стороны именно таким образом. А генеральный внешнеполитический курс министра иностранных дел Извольского – урегулирование отношений с Англией и Японией путем заключения соответствующих соглашений – предопределил поддержку Самойлова со стороны МИД²⁶.

Если рассматривать позицию российского военного агента в Токио с точки зрения укрепления обороноспособности российского Южно-Уссурийского края, ее недостаточная твердость не может не броситься в глаза. Однако комплексный анализ доводов Самойлова в контексте внешнеполитической ситуации на Дальнем Востоке указывает на логичность его позиции. Несмотря на то, что Россия еще в конце апреля 1906 г. согласилась с японской позицией по ключевому вопросу двустороннего урегулирования корейской проблемы – правом японского правительства на выдачу экзекватуры русскому консулу в Сеуле, в Токио максимально откладывали ее передачу Плансону. Последний смог прибыть в Корею не раньше конца июля 1906 г.

²⁵ Там же. Л. 66.

²⁶ Извольский высоко ценил Самойлова, отмечая, что в отличие от других военных агентов, которые «всегда склонны преувеличивать воинственность» страны пребывания, донесения полковника отличались «спокойной рассудительностью», будучи лишены «болезненной тревожности», а военным приготовлениям Японии Самойлов давал «весьма правильную оценку» // АВПРИ. Ф. Японский стол. Оп. 493. Д. 206. Л. 103.

Поэтому в очередном рапорте в ГУГШ приблизительно в середине июля полковник Самойлов справедливо отмечал, что в ситуации, когда даже «назначение нашего генерального консула в Сеул до сих пор вызывает затруднения, еще не улаженные» до конца, отправка помощника военного агента могла только усложнить ситуацию. В связи с пристальным вниманием японцев ко всему, что происходило вокруг Кореи, было очевидно, что «скрытая посылка» штабс-капитана на полуостров была «невозможна» и даже рискованна. Одновременно с этим Самойлов считал, что пребывание Бирюкова в Токио было «нежелательно и бесполезно», поскольку оно никак не могло помочь офицеру достичь поставленных целей. Как опытный военный специалист, Самойлов указывал, что штабс-капитан «...не будет в состоянии не только иметь какие-либо сношения с корейцами, но и вообще получать сведения из Кореи, ибо японцы будут наблюдать за ним особенно тщательным образом, имея в виду...» его предыдущую деятельность в Корее – «сперва как учителя, а затем разведчика». В связи с этим единственным местом, по мнению Самойлова, где Бирюков бы мог принести пользу, занимаясь сбором данных, был Шанхай, куда военный агент в Японии и просил откомандировать штабс-капитана. Полковник считал отставку своего помощника в Сеул со временем возможной, но только после того, как корейский вопрос будет решен «принципиально»²⁷.

Примечательно, что сам Бирюков выражал согласие с временной отпавкой в Шанхай «для пользы дела». В письме к полковнику Генштаба М.А. Абадашу²⁸ от 1 августа 1906 г. Штабс-капитан отмечал, что из Шанхая до Кореи можно добраться за 2 часа, поэтому офицер планировал ездить время от времени в Сеул в частном порядке, тем более, что все его личное имущество было оставлено во время войны в корейской столице. Бирюков специально подчеркивал, что «недостатков в предложениях» для поездок на корейский полуостров не было²⁹.

Однако осторожная позиция военного агента в Японии и ее поддержка Извольским привели к тому, что в российском генштабе поменяли свое

²⁷ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 6749. Л. 33–35.

²⁸ М.А. Абадаш служил начальником 5-го делопроизводства части 1 обер-квартирмейстера ГУГШ, которое осуществляло практическое руководство стратегической разведкой империи. Греков Н.В. Русская контрразведка в 1905–1917 гг.: шпиономания и реальные проблемы. М.: МОНФ, 2000. <http://militera.lib.ru/research/grekov/app1.html>

²⁹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 6749. Л. 38.

мнение в отношении командирования Бирюкова за рубеж. 29 июля 1906 г. из ГУГШ начальнику штаба Приамурского военного округа в Хабаровск была послана телеграмма, в которой сообщалось, что «назначенный помощником военного агента в Японии штабс-капитан Бирюков не может отправиться к месту службы» из-за «препятствий со стороны министра иностранных дел и полковника Самойлова»³⁰. В связи с этим Палицын предлагал направить Бирюкова в распоряжение штаба округа, так как офицер владел корейским и другими языками, имел связи в Корее и мог пригодиться на оперативном направлении.

Между тем генерал-майор Н.А. Орановский из Харбина послал 27 июля 1906 г. шифрованное донесение обер-квартирмейстеру ГУГШ М.В.Алексееву, в котором приводилась довольно нелестная характеристика Бирюкова: штабс-капитан описывался «совершенно ненадежным, невоздержанным» человеком, а также «способным в возбужденном виде на скандалы»³¹. Очевидно, это сообщение сыграло роковую роль в едва начавшейся карьере помощника военного агента в Токио. Из письма штабс-капитана Бирюкова полковнику Генштаба М.А. Абадасу в начале сентября 1906 г. становится ясно, что его отправка в Шанхай, как советовал МИД, встречала «основательные препятствия» со стороны теперь уже военного ведомства. В сентябрьском докладе по ГУГШ предлагалось освободить помощника военного агента в Японии штабс-капитана Бирюкова от занимаемой должности и зачислить его в запас, хотя в качестве причины отставки была названа невозможность отправки Бирюкова на место службы для наблюдений за деятельностью Японии в Корее. Царь дал свое согласие на это решение³² 26 сентября 1906 г., закрыв дискуссию об отправке российского военного представителя в Корею.

Вопрос о назначении специального помощника военного агента в Токио, призванного отслеживать военные мероприятия Японии на Корейском полуострове, хотя и не являлся ключевым в деле послевоенного урегулирования корейского вопроса, как проблема выдачи экзекватуры, но тем не менее представлял собой яркое отражение кардинальных геополитических перемен, произошедших на Дальнем Востоке в результате Русско-японской войны. Потерявшая почти весь флот царская Россия, вынужденная

передать Японии права на Ляодунский полуостров и ЮМЖД, находилась в сложнейшей внутривнутриполитической ситуации, связанной с развитием революции. Это исключало возможность выступления Петербурга с активных позиций в Европе и Азии одновременно. В результате правящей элитой империи был сделан выбор в пользу переноса центра тяжести внешней политики России из Азии в Европу, что нашло свое отражение в назначении на пост главы министерства иностранных дел А.П. Извольского, сторонника сближения с Японией.

Корейский вопрос занимал особое место в деле урегулирования послевоенных отношений Петербурга и Токио. Хотя по Портсмутскому мирному договору российское правительство признало за Японией преимущественные политические, военные и экономические интересы в Корее, нестабильность Русско-японских отношений сразу после окончания войны заставляла высших военных чинов России обращать особое внимание на японскую политику в Корее. Это было объективно связано прежде всего с вопросами обеспечения безопасности дальневосточной окраины империи. Главной задачей российского военного представителя в Корее, согласно плану начальника ГУГШ Ф.Ф. Палицына, являлось наблюдение за японскими военными мероприятиями в стране, поскольку располагая лишь приблизительными сведениями о численности и дислокации японских войск на Корейском полуострове, в военном ведомстве не могли адекватно оценить потенциальную угрозу российскому Дальнему Востоку и соответственно строить оборонную политику в регионе. Таким образом, необходимо отметить, что за настойчивостью ГУГШ в деле об отправке своего представителя в Сеул стояли в первую очередь оборонные интересы. Строить агрессивные замыслы в отношении Кореи в российском Генштабе не хотели и не могли.

При назначении на должность помощника военного агента в Японии штабс-капитана Бирюкова, который должен был, по замыслу Палицына, курировать корейское направление, руководство ГУГШ столкнулось с довольно серьезным сопротивлением русской миссии в Токио, главным образом со стороны военного агента полковника Самойлова, позиция которого полностью укладывалась во внешнеполитический курс, проводимый Извольским в отношении Японии. Считая, что установление доверительных отношений с Японией являлось приоритетом дальневосточной политики России, военный и дипломатический представители Петербурга

³⁰ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 6749. Л. 37.

³¹ Там же. Л. 39.

³² Там же. Л. 42, 45.

вместе с руководством МИД выступили против быстрого отъезда в Сеул Бирюкова, принимая во внимание излишнюю чувствительность Токио ко всему, что касалось корейских дел. Исходя из складывавшихся отношений полковника Самойлова с японскими военными структурами, а также на основе имевшейся у него информации, военный агент в Японии пришел к выводу, что в ближайшей перспективе японские мероприятия в Корее не могли напрямую угрожать российскому Дальнему Востоку. Поэтому атташе предлагал повременить с отправкой Бирюкова до принципиального определения места корейской проблемы в двусторонних отношениях, предполагая командировать в Сеул штабс-капитана после прохождения пика напряженности русско-японской дискуссии вокруг Корейского полуострова.

Признавая нетвердость позиции российских дипломатов по вопросу о помощнике военного агента в Японии, необходимо подчеркнуть, что она была обусловлена объективной невозможностью вести на Дальнем Востоке активную внешнеполитическую линию. Безусловно, это не могло не являться объектом острой критики внутри страны, в первую очередь со стороны дальневосточного истеблишмента, но как показало дальнейшее развитие событий, России все же удалось преодолеть негативный опыт Русско-японской войны и выйти на новый уровень отношений с Японией. В 1907 г. была подписана серия двусторонних соглашений, стабилизировавших ситуацию на Дальнем Востоке и предотвративших повторное военное столкновение Петербурга и Токио, казавшееся многим неизбежным. В секретных статьях общеполитической конвенции, подписанной 17 июля 1907 г., Петербург признавал особое положение Японии в Корее, а Токио – «специальные интересы» России во Внешней Монголии. Правительства обеих стран также разделили Маньчжурию на японскую и российскую сферы влияния³³. Таким образом, в соглашениях 1907 года, по существу, были заложены предпосылки для дальнейшего развития двусторонних отношений между Россией и Японией.

³³ Гримм Э.Д. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842–1925). М., 1927. С. 169.

ФИЛОЛОГИЯ

ЛИЧНЫЕ ИМЕНА КАК МАРКЕРЫ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ

С.М. Пак

Пак Светлана Михайловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин юридического факультета Хабаровской государственной академии экономики и права.

В статье предпринята попытка раскрыть семиотическое содержание (культурную информацию), закодированное в американских личных именах. В процессе социализации человек усваивает всю совокупность архетипических культурно обусловленных именных стереотипов. Имя рассматривается с позиций имя-наращения и имя-восприятия как социальная мифологема, маркер социопсихологических категорий. Наиболее релевантными факторами автор считает гендер и социальный статус, последовательно анализируемые в статье. Изучение американского антропонимикона показало, что глубинным мотивом именных предпочтений является отчужденность полов, определяющая и характер именной дистрибуции между социальными классами.

The research is aimed at disclosing semiotic content (cultural information) implied in American proper-names. In the process of socialization people inter alia internalize the set of names' culture-laden archetypical stereotypes. The name is viewed in terms of name-giving and name-perceiving practices as a sign of social myth, a marker of socio-psychological categories. As the author sees it the most relevant factors are gender and social status, the basic motive of names' choice being sexual alienation which in its turn determines names' distribution among social groups.

Для понимания того, как работает язык, что он репрезентирует, необходим системный подход. Тезис о взаимосвязи языка, культуры и познания сформулирован и разработан в целом ряде отечественных и зарубежных работ. Так, А. Маккай, например, утверждает связь между языком и социумом через ряд страт: «Culture belongs in cognition, cognition feeds semantics, and semantics determines the speaker's use of syntax, morphology and pronunciation» [культура принадлежит познанию, познание питает семантику, семантика определяет использование говорящим синтаксиса, морфологии и произношения]¹.

Язык интегрируется в материальную, духовную культуру, причем знания людей о том, как происходит «картирование» языка в культуре, по большей части неосознанные. Итальянский лингвист А. Грамчи писал, что язык – «одновременно и живой организм, и музей ископаемых жизни и цивилизации» ['language is at the same time a living thing and a museum of fossils of life and civilization']².

На сегодняшний день можно считать доказанным, что в языке глубоко спрятано исторически древнейшее сакральное мышление как проявление мировоззренческого и языкового синкретизма (Э. Кассирер, О. Шпенглер, П. Флоренский, В.Н. Топоров, М.М. Маковский, А.Р. Лурия и

др.). Под последним понимается неотделимость субъекта и объекта, природы и человека, предмета и имени, означающего и означаемого. Слово (имя) – апофеоз человеческой культуры, следовательно, важно понять сущность, «явленную» в слове. Именно в этом плане нужно понимать знаменитую мысль Л.В. Щербы о том, что «слово – культура в миниатюре».

Предмет настоящего исследования – раскрытие семиотического содержания (культурной информации), выраженного в американских личных именах. «Приметы вещей», по словам М.М. Маковского³, проявляются в «невидимой» структуре слова: элементы-блокаторы, не допускающие других значений, тотемные элементы, необходимые для существования слова как отдельного знака, табуирующие элементы, меняющие значение слова на противоположное (показательный пример приводит М.М. Маковский: первичное корневое значение –ublubbi в индоевропейских языках было «любовь», вторичное в древнеисландском – «ненависть»).

В плане лично-собственных имен эти тенденции проявляются в наличии у первобытных народов имен-оберегов (имен с «негативным содержанием», отпугивающих злых духов), табу в именах. На последний феномен указывает Д.Д. Фрэйзер: «Первобытный человек считает свое имя существенной частью самого себя и проявляет о нем существенную заботу. Североамериканский

¹ Makkai A. *Idiom Structure in English*. The Hague: Mouton, 1972. С. 44.

² Hoare Q., Nowell Smith, G.(eds.) *Selections from the Prison Notebooks of Antonio Gramsci*. London: Lawrence & Wishart, 1971. С. 450.

³ Маковский М.М. *Язык. Миф. Культура. Символы жизни и жизнь символов*. М., 1996. С. 13.

индеец, к примеру, относится к своему имени не как к обычному ярлыку, но как к самостоятельной части своего тела (подобно глазам и зубам) и пребывает в уверенности, что от дурного обращения с именем проистекает не меньший вред, чем от раны, нанесенной какому-нибудь телесному органу. Такого же мнения придерживаются многочисленные племена, занимающие пространство от Атлантического океана до Тихого. С этим обычаем связано большое число любопытных правил, относящихся к сокрытию или изменению собственных имен»⁴.

Лингвоментальные практики людей – именование как процесс познания и обращение как фактор межличностной социальной интеракции – во многом имели сакральный смысл, сохранившийся в виде ритуальных форм этикета, стереотипов, представлений о магической (мифологической) силе имени. «Имя магическое» как вербализованная *мифема* есть проявление связи языка и мифа, составляющих прародителей современного социального поведения. В центре внимания оказывается вся совокупность архетипических культурно-обусловленных стереотипов имен, усвоенных в процессе социализации. Релевантными представляются вопросы, связанные с социо- и психолингвистическими аспектами именной семиотики, а именно: изучение экстралингвистических факторов, определяющих психологическую основу восприятия имен; звуковая и семантическая адаптация; имена как маркеры социально-психологических категорий.

Отражение и языковое оформление ономастических мифов есть важный аспект когнитивного анализа имен. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что в такого рода исследованиях нужно осторожно и последовательно проводить грань между философией языка, этнографией, социологией, культурологией, с одной стороны, и лингвистикой имени, с другой. Изучение имени собственного как филологическая задача с неизбежностью требует привлечения обширных экстралингвистических сведений, имеющих объяснительную силу в раскрытии того, что имя «сообщает». Последнее включает историко-этимологическое и прагматическое содержание, всю совокупность представлений (мифов), воплощенных в имени, а также – механизм дискурсивного поведения онимов.

Раскрывая «мифологизм» собственных имен, необходимо остановиться на именах-культурных символах (прецедентных именах), опре-

деляемых как индивидуальные имена, связанные в массовом обыденном сознании с хорошо известными текстами и ситуациями, и переходящими в дискурсе в разряд токенов⁵ – ‘Mother Teresa’, ‘Caruso’, ‘Casanova’ и др. Исходные концепты этих имен – начальные референты (конкретные исторические личности и географические объекты), при этом значение имен редуцируется до отдельной физической, психологической, моральной характеристики (Caruso – оперный певец с сильным голосом, Casanova – повеса, Sappho – лесбиянка). Подобные имена функционируют как знаки вторичной номинации и укореняются в языке в роли социальных мифологем. Говоря в частности об «исторической памяти», обуславливающей сменяемость концептуальных метафор, К. Строс и Н. Куин вводят термин «cultural exemplar», аналогичный «культурному предмету», «прецедентному феномену», «слову-символу», «слову-токену». «... Mother Teresa has supplanted Albert Schweitzer as an exemplar of the saintly helper of the poor, in remarks on the order of He’s a regular Mother Teresa»⁶. Как правило, это имена-аллюзии на Библию, древнюю мифологию, литературу, историю. Для имен-токенов свойственно редуцирование исходных концептов при «тиражировании референтов»⁷. В основе этого механизма лежит концептуальное стяжение; лингвистический механизм – апеллятивизация онимов.

Анализ показывает, что ономастические единицы национальной языковой системы функционируют как культурные символы, обобщая национально-исторический опыт и выступая как «метатексты». Другими словами, имена есть средства глобальной концептуализации определенных участков картины мира (события, оценки, характеристики) в силу «высокой плотности памяти»⁸. В собственных именах особенно ярко проявляется «организующая и упрочивающая роль языка в самом членении и восприятии мира, в активизации сознания на те или иные аспекты и детали действительности»⁹. Концептуальное стяжение имен происходит в силу самой приро-

⁵ См.: Колосова О.Н. Когнитивные основания языковых категорий: Автореф. дис. ...д-ра филол. наук. М., 1996; Гудков Д.Б. Прецедентное имя и проблема прецедентности. М.: МГУ, 1999. С. 102–105; Strauss C., Quinn N.A. Cognitive Theory of Cultural Meaning – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1998. С. 145–150.

⁶ Strauss C., Quinn N.A. Cognitive Theory of Cultural Meaning – Cambridge: Cambridge Univ. Press. С. 150.

⁷ Колосова О.Н. Указ. соч. С.83.

⁸ Барт Р. Мифологии. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2000. С. 132.

⁹ Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. М.: ИЯ РАН, 1981. С. 170.

⁴ Фрэзер Дж. Золотая ветвь. Исследование магии и религии. М.: Изд-во политической лит., 1980. С. 277.

ды любого мифа, который, по словам Р. Барта, «... фатально тяготеет к куцеу антропоморфизму, ...это тот крохотный участок человеческого сознания, который освещается (или же выражается) массовой иллюстрированной прессой»¹⁰.

Относительно онимов методологически важным обстоятельством представляется сложный характер взаимосвязи языкового и когнитивного сознания. Онтология имен собственных как языковых знаков особого рода проявляется в специфике вторичной референции, для которой характерны каузальные связи. Другими словами, акт «приложения» к референту имени есть, в сущности, акт уподобления имени и предмета.

Тот факт, что имена связаны с объектами ономастической номинации причинными связями, выводит анализ на уровень изучения категории мотивированности. Вопрос о мотивированности языковых знаков ставится в современной функциональной лингвистике на разнообразном языковом материале, что развивает на новых основаниях ставшую хрестоматийной соссюровскую семиотическую теорию. Реализацию неконвенциональных отношений между языковой формой и означаемым, будь то объект материального мира или мыслительная структура, принято обозначать понятием иконичности (*iconicity*). В основе этого явления лежат отношения внутреннего сходства/соответствия формы и содержания, способность языковых знаков к эманации значений из когнитивных содержаний и ассоциаций форм, а также из лингвистического соположения этих форм. Ч. Пирс выделяет образ (*image*), диаграмму (*diagram*), метафору (*metaphor*) как виды «икон». Дж. Хейман¹¹ различает два вида структурной иконичности: изоморфизм (однозначное соответствие означаемого и означающего) и иконичность мотивации («диаграммы» в терминах Ч. Пирса). Последнее представляет относительные свойства сходства, или соответствия по типу картирования, например использование порядка слов в соответствии с последовательностью событий (*sequential ordering*) (*veni, vidi, vici*). Отношения могут быть не только временные, но и пространственные, касающиеся понятий «центр/периферия», «дистанция/близость», при этом в основе оппозиции лежит понятие маркированности. Имеет место следующая тенденция: «категории, маркированные структурно-морфологически, являются также и семантически маркированными»¹². Простейший

пример – образование множественного числа существительных в большинстве языков: добавочная морфема «сообщает» о множественности. Интересной иллюстрацией этого положения может служить использование в английском языке форм обращения. Вежливые (семантически маркированные) формы выражают власть и дистанцию; невежливые, немаркированные формы подчеркивают близость, равенство, отсутствие власти.

Важно подчеркнуть, что использование определенных форм или слов мотивировано характером *восприятия* семантических отношений между языковыми знаками и внеязыковыми концептами. Вывод очевиден: языковая система в конечном итоге отражает свойства человеческой культуры и познания. Большой интерес для настоящего исследования представляет концепция «сублимации», или «ритуализации», Дж. Хеймана. На обширном языковом материале он показал, как некоторые конвенциональные формы языкового поведения развились из хронологически ранних видов физической деятельности, которые формируют основу этого поведения. Другими словами, имеет место процесс ритуализации, стилизации и, наконец, «грамматикализации» в языке. Ритуализацию как «освобождение языка от мотивированности» мы наблюдаем в развитии культурных стереотипов, мифов. Таким образом, поиски ответа на вопрос 'What's in a name?...' необходимо вести комплексно, учитывая социо- и психолингвистические характеристики имен. По словам С. Либерсона, «... выбор имени следует рассматривать как вовлекающий взаимодействие между представлениями об именах в языковом сознании родителей и ожиданиями, надеждами относительно будущего своих детей»¹³. В основе этих разнообразных факторов лежат социальные силы. С точки же зрения социолингвистической, имеют место системные процессы (например, изменения в социальных оценках относительно стереотипов имен), которые в конечном итоге дают ключ к пониманию онимов как социальных знаков, являющихся индикаторами стабильности/изменчивости в обществе.

Методологически важным в силу изложенного представляется рассмотрение имен собственных с позиций исторического развития процессов «эмансипации» онимов от первоначального, онтологически присущего им синкретизма.

¹⁰ Барт Р. Мифологии. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2000. С. 88.

¹¹ Haiman J. The Iconicity of Grammar: Isomorphism and Motivation // *Language*. Vol. 56. 1980. P. 515–540.

¹² Haiman J. The Iconicity of Grammar: Isomorphism and Moti-

vation. P. 528.

¹³ Lieberson S. 'What's in a Name?' ... Some Sociolinguistic Possibilities // *International Journal of the Sociology of Language*. № 45. 1984. P. 77.

За рубежом эта проблематика преимущественно рассматривается в рамках социальной психологии и демографии в терминах влияния факторов моды, социального вкуса на выбор личных имен, а также географии их распространения (для США речь идет о культурно-региональном аспекте). Сам факт выбора того или иного личного имени трактуется как *маркер социальных категорий*¹⁴. Личные имена, по мнению этих авторов, – наиболее показательный фактор в изучении социальных предпочтений, так как в данном случае вкус «свободен» от воздействия тех социальных институтов, которые активно участвуют в формировании моды в таких областях, как одежда, товары, услуги и других сферах, подверженных рынку, массовой культуре, рекламе. Признается, однако, что эти «организационные» усилия воздействуют на практику имя-наречения как «побочный продукт»¹⁵. Выбор имени – социальный процесс, отражающий комбинированное влияние психологических представлений, ассоциируемых с именами предположений родителей о будущем характере и образе жизни детей, социальные оценки имени, знания об имени через СМИ, точку зрения родителей о том, какое имя соответствует статусу ребенка и институализированным нормам – всего того, что можно обозначить термином «*антропонимические мифы*». Социальная роль имен заключается в их способности служить индикаторами определенных групп социума, пола, расы, класса, этничности. Как маркер социальных категорий имя может также указывать на целый спектр факторов, среди которых ведущими являются образование, культурные ценности, положение в социальной структуре, профессия, география. Эти факторы определяют механизмы формирования моды на имена.

Приведу пример. История жизни героини романа Дж. Чивера «*Bullet Park*» Gretchen Shurz Oxencroft – это история смен форм ее личного имени: «*Gretchen detested her name and claimed at one time or another to be named Grace, Gladys, Gwendolyn, Gertrude, Gabriella, Giselle and Gloria*» (Cheever, *Bullet Park*, p.148).

Каждое имя «сообщает» читателю определенные сведения о жизненной ситуации героини, ее увлечениях, убеждениях, привязанностях, яв-

ляясь, по сути, знаковой ситуацией. Зачитываясь в подростковом возрасте романами Д. Голсуорси, она называлась 'Gwendolyn', уехав в Нью-Йорк – превратилась в 'Gloria', вернувшись в Европу, стала 'Gretchen': «... she took off for Europe. This ended her imposture as Gloria. Her checks, endoresements and travel papers insisted that she be Gretchen and so she was» (Cheever, *Bullet Park*, p.151).

Имя, таким образом, становится вербализованной мифологемой, вокруг которой интегрируется в знаковую целостность все элементы повествования (дискурса).

Представляется, что изучение личных имен следует осуществлять с позиций трех основных характеристик:

- концентрации имени по ареалам распространения (индекс количества);
- степени узуальности имени (индекс качества);
- стабильности имени (фактор времени).

В настоящей статье представлена попытка анализа индекса качества американских личных имен. На качественный показатель, обуславливающий характер имя-наречения и имя-восприятия, оказывают влияние следующие факторы: гендерный; расовый (этнический); классовый.

Изучение *гендерных* различий в имя-наречении были инициированы Элис Росси, которая анализировала имена детей в семьях белых родителей среднего класса, проживающих в районе Чикаго. Э. Росси рассматривает имена как эмпирический показатель, позволяющий исследовать ядро родственных отношений. Она обнаружила гендерные различия в источниках имен, даваемых новорожденным. В частности, мужские имена оказались более традиционными, менее подверженными моде. В основе этой тенденции лежит представление о том, что мужчина – носитель временной непрерывности семьи¹⁶. Безусловно, со времени издания работы Э. Росси прошло почти полвека, и многие данные устарели. Однако остается вопрос: *если гендерные различия так или иначе определяют именную практику, возможно ли выявить культурные стереотипы, лежащие в основе этих различий, путем изучения выбора имен?*

В дальнейшем исследователи расширили поле анализа, включив не только гендерный параметр, но и социальный статус и *этническую принадлежность*. Сведения 70–80-х гг. XX в. подтвердили достоверность и «живучесть» выводов Э. Росси: в штате Нью-Йорк 20 наиболее популярных, традиционных мужских имен были даны 45 % всех белых

¹⁴ Lieberman S., Bell E.O. Children's First Names: An Empirical Study of Social Taste // *American Journal of Sociology*. Vol. 98, № 3. 1992. P. 513.

¹⁵ См.: Alford R. Naming and Identity: A Cross-Cultural Study of Personal Naming Practices. New Haven, Conn.: HRAF Press, 1987; Lieberman S. 'What's in a Name?' ... Some Sociolinguistic Possibilities. P. 77–87.

¹⁶ Rossi A. Naming Children in Middle-Class Families // *American Sociological Review*. № 30. 1965. P. 499–513.

мальчиков (для девочек этот показатель – 31 %¹⁷. Гендерные различия были выявлены и в отношении *уникальных* имен. Под последними понимаются те имена, которые не были зафиксированы ни в одном официальном реестре личных имен и встречаются в материале лишь однажды в течение более десяти лет. Уникальность может быть разного рода: намеренное нарушение традиций написания (*Elayne, Janiss*), стандартное имя для семьи эмигрантов либо непопулярное имя (*Seymour*). В отдельном случае диминутив имени может быть выбран родителями как полное имя (*Stevie*). Именные инновации, как показывает анализ, чаще встречаются в женских именах (6 % женских, 4 % мужских имен). Когнитивным основанием этой тенденции, как представляется, является глубоко укоренившийся в американском обществе сексизм: мужчины – продолжатели рода, кормильцы, следовательно, здесь не место шуткам, нежностям, игре.

Имена, выбираемые для мальчиков и девочек, имеют выраженное различие этимологического происхождения, что также подтверждает положение, сформулированные Э. Росси. Наиболее заметное гендерное отличие выражается в использовании французских имен (11 имен из 50 наиболее популярных женских и одно – *Dennis* – из 50 популярных мужских)¹⁸. В целом наблюдается отказ от этнических имен («*a wish to flow into the main stream*»); одновременно этническими именами (*'Ali', 'Tanya', 'Carmen'*) часто нарекают детей другой национальной принадлежности, что объясняется социальными процессами интеграции населения: «*...In the melting pot or salad bowl that is the United States, names also become assimilated*»¹⁹. Ведущие женские имена также не имеют исторических корней. Шесть из 20 популярных имен представляют собой диминутивы и сокращенные, домашние варианты, используемые как официальные имена (*Lisa < Elizabeth, Carrie < Caroline*). Имеют место инновации (*Vanessa*), производные от растения (*Heather*) или города (*Kimberly*). Среди мужских имен, напротив, только одно имя – диминутив (*Frank < Francis*).

Другие источники как мужских, так и женских имен – латинские (9 из 20 женских, 6 из 20 мужских имен), греческие (12 мужских, 14 женских имен), иврит, или библейские имена (11 мужских, 6 женских). Материал Дж. Хук (анализ имен 857 детей одной из школ штата Аризона), показал,

что в 90-х гг. XX в. ведущим фактором моды на имена был фактор библейских влияний (*Michael 6,13 %*, *Christopher 4,02 %*, *Joshua 3,81 %*, *John 2,96 %*, *Andrew 2,11 %*, *Jonathan 1,9 %*, *Matthew 2,33 %*, *Christina 2,86 %*, *Sarah 2,08 %*). Следует заметить в этой связи, что количество библейских имен несопоставимо с подобными именами в Англии в средние века, что объясняется усилением светских социальных тенденций. Антропониимикон потерял в современную эпоху созданные пуританами имена *'Aluena', 'Godid' (God did it), 'Godifu' (God's gift), 'God-Reward', 'Be-thankful' etc.* Напротив, ориентированные на идею личной свободы, индивидуальности американцы пополнили именник такими образованиями, как *'Girlie', 'Royal', 'Honey', 'Melody', 'Charming', 'Diamond', 'Lovie', 'Pleasant', 'Early'* («*Names*», March, 1959). Как видно, новообразования касаются исключительно женских имен.

Данные статистического управления департамента социального страхования США (*the Office of the Chief Actuary of the Social Security Administration, Actuarial Note, № 139, October, 2000*) об индексе популярности личных имен, анализ и обработка этого материала позволяют установить ряд тенденций в выборе мужских и женских имен в США с 1900 по 2000 г. (критерий отбора основан на последних четырех цифрах номера социального страхования, методом случайного отбора, не связанного с определенным географическим районом).

К ведущим относятся следующие тенденции:

- женские имена характеризуются большей вариативностью и меньшей степенью стабильности, чем мужские имена;
- женские имена менее конвенциональны, чем мужские;
- фонетически предпочтительней оказываются мужские имена, заканчивающиеся на согласный звук (87 %); популярно лишь одно имя на *'schwa-sound'* – *Joshua*. Среди женских имен на *'schwa-sound'* заканчивается 34 % имен.

Выявленные тенденции, очевидно, объясняются исторически укоренившимися представлениями о роли мужчин и женщин в обществе. Мужчины символизируют роль хранителя семейной династии и престижа²⁰. Меньшая роль отводится женщине, следовательно, их имена более декоративны, больше подвержены моде (*именные инновации, использование диминутивов как полных имен, «игры» с именами, иностранные имена, главным образом французские, так как все французское ассоциируется в США с модой, кухней, стилем, куртуазностью*).

¹⁷ Lieberson S., Bell E.O. Children's First Names: An Empirical Study of Social Taste. P. 511–554.

¹⁸ Lieberson S., Bell E.O. Children's First Names: An Empirical Study of Social Taste. P. 511–554.

¹⁹ Hook J.N. All Those Wonderful Names: A Potpourri of People, Places and Things. N.Y.: John Wiley, Inc., 1991. P. 46.

²⁰ Alford R. Naming and Identity: A Cross-Cultural Study of Personal Naming Practices. New Haven, Conn.: HRAF Press, 1987. P. 132.

Таким образом, имя можно рассматривать как маркер социопсихических стереотипов, воплощение антропонимических мифов. Показательными являются гендерные стереотипы. Безусловно, исторический процесс ведет как к смене общественных приоритетов, так и к изменениям *когнитивных оснований* целого ряда языковых категорий²¹. Автор глубоко и всесторонне анализирует категорию рода и ее манифестации в современном английском языке в рамках широко развивающихся гендерных исследований и приходит к выводу, что категориальными основаниями рода в английском языке является «*дистанция отчуждения*» мужчин и женщин в обществе. Рассмотрение антропонимического материала подтверждает данные О.Н. Колосовой. Глубинным мотивом выбора имени нередко оказывается отчужденность полов.

Релевантный показатель когнитивных оснований имен, предопределяющих моду, – социальная принадлежность. Одним из самых важных факторов в формировании вкуса многие социологи считают образование²². Совершенно очевидно, что в прямой увязке с этим показателем находятся такие переменные, как степень дохода, принадлежность к социальному классу, уровень и качество жизни. **Классовый фактор** также способен пролить свет на выяснение мотивов выбора имен.

Вопрос заключается в установлении степени обусловленности выбора имени образованием родителей и формулируется следующим образом: является ли дистрибуция имен между социальными группами населения отражением некоторых существенных характеристик (когнитивных оснований)?

Постановка вопроса о выяснении существования структуры, лежащей в основе классовой вариативности в имя-названии, заставляет обратиться к статистическим данным, а также к исследованиям социологов.

Обобщенные данные, полученные из анализа большого корпуса имен (штат Нью-Йорк, 1973–1985), позволяют сформулировать следующие положения:

1) высокий уровень образования родителей определяет предпочтение в выборе женских имен на -n (**Christine, Allison, Catherine, Megan etc.**).

2) низкий уровень образования определяет следующие предпочтения:

- неконвенциональные имена;
- имена на '-schwa' (**Agatha, Melissa, Jessica**);
- французские имена.

Интерпретация результатов основана на том, что этимолого-исторические характеристики оказываются ведущими в формировании вкуса относительно женских имен. Женщины менее образованные склонны предпочитать имена без значительных исторических корней, неконвенциональные и не зафиксированные в официальном антропонимиконе США. Так, 'Crystal' занимает седьмое по популярности место среди дочерей женщин с незаконченным средним образованием, тридцать девятое – со средним образованием, пятидесятое – с образованием на уровне колледжа и выше²³. Для менее образованных, следовательно, главными критериями оказываются яркость, необычность формы имени.

Образованные женщины оказывают видное сопротивление именам слишком новым, лишенным исторических корней, более склонны к установившимся традиционным именам. Популярность имен на -n в этой группе следует, очевидно, объяснять тем, что эти имена воспринимаются как нефеминизированные, психологически преуменьшают разрыв между полами. И напротив, необразованные выбирают имена на -schwa, -ee. Таким образом, системные фонемные факторы влияют на классовые предпочтения. Мы имеем дело в данном случае с фонетическим символизмом. Интерес образованных женщин к именам на гласный звук (**Rebecca, Sarah, etc.**) сохраняется в силу их библейского происхождения.

Изучение лингвокультурологического и психолого-когнитивного аспектов имен собственных показывает богатство ономастического подтекста. Проникновение в этот подтекст, выявление когнитивных оснований имен – по существу, социологическая проблема. Социологическое рассмотрение имен позволяет, в частности, значительно поднять «порог» понимания художественных произведений, других типов дискурса, что имеет важное дидактическое значение.

Источник примеров:

Cheever J. Bullet Park. – N.-Y.: Alfred A. Knopf, 1969.

²¹ Колосова О.Н. Указ. соч.

²² Gans H.J. *Popular Culture and High Culture: An Analysis and Evaluation of Taste*. N.Y.: Basic Books, 197. P. 70–71.

²³ Lieberman S., Bell E.O. *Children's First Names: An Empirical Study of Social Taste*. P. 511–554.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ В. НАБОКОВА: ЛЕКЦИИ ПО ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Г.Р. Романова

Романова Галина Романовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы XX в. и теории литературы Института русского языка и литературы Дальневосточного государственного университета.

В статье рассматривается ряд теоретических вопросов, нашедших практическое воплощение в художественном творчестве писателя. В центре внимания Набокова–лектора, анализирующего шедевры XIX – начала XX вв., те же проблемы, что волнуют Набокова-художника: единство формы и содержания художественного произведения, композиция, стиль, образ автора, взаимодействие писателя и читателя.

The article of G.Romanova "The Literary Conceptions of V.Nabokov: Lectures on Foreign Literature" considers a number of theoretical questions embodied in the writer's artistic creativity. In the center of attention of the lecturing Nabokov analyzing the masterpieces of the 19th and the 20th centuries, are the same problems that attract Nabokov, the artist: the unity of the form and the content of a piece of fiction, composition, the image of the author, the interaction of the writer and the reader.

Лекции В.В. Набокова по зарубежной литературе нацелены на диалог преподавателя и студента, а так как лектор прежде всего писатель, то подразумевается в конечном счете диалог автора и читателя. Главный вопрос, который решает В. Набоков, – как стать *хорошим читателем* и кого считать *хорошим писателем*¹. Набоков поднимает проблему, которая не могла не волновать настоящего писателя: *какой читатель будет читать его книги, готов ли он к пониманию авторского замысла, восприятию сложности его художественного мира. Направленность на своего читателя чувствуется во всех лекциях писателя.*

Хороший читатель, по мнению Набокова, должен иметь воображение, хорошую память, словарный запас, некоторый художественный вкус, который можно развивать в ходе чтения. Думается, что это не только суждение автора, но и его пожелание, так как отсутствие этих качеств лишает возможности прочесть сложные набокковские творения. Хороший читатель – всегда *перечитыватель*. Это главное требование Набокова-писателя и лектора, потому что при первом чтении сам пространственно-временной процесс мешаает эстетической рецепции книги; повторное же чтение позволяет отдалиться «духу игры»², соучаствовать в ней и созидать вместе с автором. Только тогда между воображением читателя и воображением автора установится необходимое «художественно-гармоническое равновесие». Набоков убежден: *хороший читатель читает* не умом, даже не сердцем, а *позвоночником*; именно тут «возникает контрольный холодок»³. Такое ощущение, по мнению автора, может быть рож-

дено только истинным произведением искусства. Например в лекции о Ч. Диккенсе автор отмечает, что «точка художественного наслаждения расположена между лопатками»⁴ и что подлинная литература вызывает дрожь, пробегающую по спине. «Дрожь в позвоночнике» читателя как критерий истинности художественного творения неоднократно будет описана Набоковым в лекциях, а позднее – в романе «Прозрачные вещи»⁵.

Особо Набоков останавливается на таком качестве читателя, как воображение. Писатель отвергает эмоциональное воображение, основанное на первичной художественной условности – жизнеподобии; он признает «безличное воображение и эстетическое удовольствие» «единственно правильным инструментом, которым читателю следует пользоваться»⁶. Хороший читатель знает, что искать в книге реальную жизнь – «занятие бессмысленное»⁷. Самый плохой способ читать книги – это «по-детски влезать в действие и на равных общаться с персонажами, словно они живые люди»⁸. Набоков определяет важное для него понятие *реальности* в литературном произведении; он выявляет взаимоотношения категории реальности с эстетической категорией

⁴ Там же. С. 102.

⁵ Взаимоотношения с подобным читателем удачно описал – совсем в духе Набокова – итальянский семиотик и писатель *Умберто Эко* в «Заметках на полях "Имени Розы"» (1980). «На какого идеального читателя ориентировался я в моей работе? На того, кто готов *играть в мою игру...*». [На того, кто] «начнет думать, что ему не нужно ничего, кроме того, что предлагается этим текстом. Текст должен стать устройством для преобразования собственного читателя... «Будь умницей и постарайся понять, каким способом я заманил тебя *в ловушку*». Эко У. Имя Розы. Иностранная литература. 1998. № 10.

⁶ Набокова В.В. Указ. соч. С. 27.

⁷ Там же. С. 34.

⁸ Набоков В.В. Указ. соч. С. 79.

¹ Эссе, открывающее курс лекций в русском издании, так и называется: «О хороших читателях и хороших писателях».

² Набоков В.В. Лекции по зарубежной литературе. М., 1998. С. 26.

³ Набокова В.В. Указ. соч. С. 29.

художественной правды. В понимании Набокова, правдивость изображения соотносится исключительно с миром, который создан на страницах книги. Писатель в эстетической системе Набокова подобен Творцу, Создателю. Настоящий писатель «готовыми ценностями не располагает: он должен сам их создать». Творит он их из Хаоса – «кладовой вымысла». По мнению Набокова, в художественном произведении реальность изменяется в «своем атомном составе»⁹, т. е. на глубинных структурах текста, а не на видимой поверхности. «Самобытный автор всегда создает самобытный мир, и, если персонаж или событие вписываются в структуру этого мира, мы радуемся встрече с художественной правдой, сколь бы ни противоречили персонаж или явление тому, что ... именуют реальной жизнью. Для талантливого автора такая вещь, как реальная жизнь, не существует – он творит ее сам и обживает ее»¹⁰. Заметим, что Набоков близок здесь Гете, который утверждал: правда вымысла (*Dichtung*, поэзия) всегда сильнее правды факта (*Wahrheit*, действительность).

Определив основные свойства хорошего читателя, Набоков раскрывает для своих слушателей сущность хорошего писателя, исходя из того, что «вся литература – вымысел, всякое искусство – обман»¹¹, а «великие романы – это великие сказки»¹². В таком контексте «всякий большой писатель – большой обманщик», и обман этот происходит потому, что писатель только подражает Природе, использующей «изумительную систему фокусов и соблазнов»¹³. Можно предположить, что для собственных эстетических целей Набоков пародирует (в набоковском понимании пародии как творческой перекомпоновки) одно из важных положений реалистической эстетики – отношение искусства к действительности, по которому искусство только подражает действительности. Любимый реалистами мимесис переносится Набоковым из сферы искусства в сферу мимикрирующей природы. Таким образом, в своей системе ценностей писатель весьма логичен. Набоков выделяет три критерия оценки писателя – «как рассказчика, как учителя, как волшебника». «Все трое ... сходятся в крупном писателе, но крупным он станет, если первую скрипку играет *волшебник*»¹⁴, «великий писатель – всегда великий

волшебник»¹⁵. Образцом такого писателя для Набокова является Диккенс – повествователь, проповедник, чародей¹⁶.

Набоков – лектор, за которым стоит писатель. Он учит студента пониманию того, что во всяком произведении искусства воссоздан новый для него художественный мир. Мир любого крупного писателя – мир фантазии с собственной логикой, собственными условностями и совпадениями. И задача читателя – подробно изучить *этот* мир и только после думать о связях с *другими* мирами. Таким образом, Набоковым акцентируется ценность отдельного, замкнутого от других, творения. А это не что иное, как принцип имманентного анализа художественного произведения. А.М. Зверев справедливо указывал в своей рецензии на отечественное издание лекций: «Набоков оставался, в лучшем случае, глубоко равнодушен к таким понятиям, как литературный процесс, историческая почва, идейный и философский контекст, в котором возникает произведение. Его несколько не интересовали обстоятельства, сопутствующие рождению шедевра. А интересовал только сам текст – его отличительные черты и особенности, имманентные законы, которым подчинена его композиция, новизна стилистического решения, нюансы интонации»¹⁷. Поэтому не случайно лекционный курс Набокова-преподавателя был посвящен анализу одной-единственной книги выбранного им писателя, а не всего его творчества. Набоков заявляет слушателям, что его курс – «это своего рода детективное расследование тайны литературной архитектоники»¹⁸. В таком контексте книга сопоставляется с сокровищами, а хороший читатель – с искателем этих сокровищ, который в своем поиске «перебирает все до ниточки»¹⁹. Например «вся книга Пруста сводится к поискам клада, где кладом служит время, а тайником – прошлое»²⁰.

Лекции Набокова по зарубежной литературе терминологически насыщены. Он ясно формулирует свое отношение к важным

¹⁵ Там же. С. 29.

¹⁶ Там же. С. 104.

¹⁷ Зверев А.М. Набоков на кафедре // Иностранная литература. 1999. № 9. С. 242.

¹⁸ Набоков В.В. Указ. соч. С. 134.

¹⁹ Там же. С. 135. Набоков – лектор показывает себя прекрасным знатоком *архитектоники* детективного сюжета, что позволяет с сомнением отнести к признанию писателя в позднем интервью: «Я не читаю детективов». В лекции о Стивенсоне он говорит: «Разумеется, нельзя отрицать, что написанная Стивенсоном в 1885 году повесть является предтечей современного детектива. Однако в наши дни жанр детектива не совместим с понятием стиля и, в лучшем случае, не поднимается над уровнем заурядного чтения» Там же. С. 242.

²⁰ Там же. С. 275.

⁹ Набоков В.В. Указ. соч. С. 24.

¹⁰ Там же. С. 34.

¹¹ Там же. С. 202.

¹² Там же. С. 24.

¹³ Там же. С. 28.

¹⁴ Там же.

рует свое отношение к важным эстетическим категориям: «Я против того, чтобы разделять форму и содержание»²¹. Писатель, всегда стремясь к точности, выводит свою четкую формулу единства формы и содержания: «*Форма (структура и стиль) = содержание*; почему и как = что»²². Вопрос о форме художественного произведения выходит для Набокова на первый план. Прежде всего, по мнению писателя, это его структура, т. е. «...развитие некоей истории, ее перипетии; выбор героев и того, как автор их использует; их взаимосвязь, различные темы, тематические линии и их пересечения; разные сюжетные пертурбации с целью произвести то или иное прямое или косвенное действие; подготовка результатов и следствий». Писатель разъясняет, что он имеет в виду «рассчитанную схему произведения искусства», которая, в его понимании, и есть «структура». Другая сторона формы – это стиль, то, «как действует эта структура». Под стилем он понимает авторскую манеру, художественную образность. «Действенность стиля – это ключ к литературе, магический ключ к Диккенсу, Гоголю, Флоберу, Толстому, ко всем великим мастерам»²³.

Основное место в лекциях занимает анализ такой литературоведческой категории, как *композиция*. Писатель полагает, что именно «тут находится точка, где смыкаются искусство и наука»²⁴. Мастерство композиции для Набокова состоит прежде всего в реализации *принципа точки зрения*. В лекции о Джеймсе Набоков утверждает, что «постоянная смена точки зрения разнообразит знание и позволяет посмотреть на предмет свежим взглядом с разных сторон»²⁵. В лекции о Флобере Набоков заостряет внимание на том, что различные детали прелестной внешности Эммы показаны *через восприятие* Шарля. Глаз лекаря при первой встрече с девушкой на ферме фиксирует радужность: павлины на дворе, пронизанный солнцем синий шелковый зонт отбрасывал на белое лицо Эммы пляшущие цветные блики. Позднее описание Эммы будет дано через восприятие Леона Дюпои: он видит молодую женщину в красных отсветах трактирного камина, которые будто просвечивают ее насквозь. Эмма будет описана и с точки зрения Родольфа Буланже, в восприятии которого преобладает материальная сторона облика жены лекаря в отличие от почти бесплотного образа, пред-

ставшего Леону²⁶. С точки зрения самой Эммы будет дана знаменитая сцена бала в Вобьесаре. Набоков отмечает и ту сцену с Бине, в которой Флобер меняет оптическую позицию: вместе с двумя женщинами читатель наблюдает за Эммой Бовари через чердачное окно, не слыша ни слова. Набоков рассматривает композицию и более широко – как *структуру всего текста*. Писатель разъясняет, что понимает «сюжет» как «то, что будет рассказано»; «мотивы» – как «образы или мысли, которые повторяются» в произведении, «подобно темам в фуге»; «структуру» – как «композицию книги, развитие событий, причинно связанных между собой, переход от одного мотива к другому, хитрые приемы введения новых персонажей или нового поворота событий, или проявление связи между мотивами, или использование нового обстоятельства для продвижения действия в книге»²⁷. Писатель считает, что «красота произведения искусства по-настоящему воспринимается, только когда понятно его устройство, когда можешь разобрать его механизм»²⁸. Например в романе Джейн Остен на первый план выходит *мотивная структура*: «Мотив раскрывается за мотивом подобно лепесткам садовой розы»²⁹; в этом аспекте композиция романа Джейн Остен напоминает паутину, – добавит к сказанному Набоков.

В ходе анализа романа начала XIX в. Набоков выделяет такие мотивы, которые интересны ему самому и стали (или станут) составной частью его собственной поэтики. Структурообразующим он считает мотив театра (спектакля). Интересно то, что обращение к этому мотиву высвечивает и *основной конфликт* набоковских произведений – *размывание границ между реальностью и искусством*. Причем для Набокова важно то, что именно *жизнь подражает литературе*. Приведем пример, который никто из отечественных литературоведов не анализировал. Герои Джейн Остен хотят играть пьесу популярного драматурга XVIII в. Августа Коцебу и выбирают себе такие роли, которые «удачно накладываются на действующих лиц романа». Набоков обращает внимание своих слушателей (читателей) на то, что «действительные отношения между персонажами романа нашли отражение во взаимоотношениях действующих лиц пьесы»³⁰. Иными словами, лектор Набоков в *своем анализе чужого текста* отражает не что

²¹ Набоков В.В. Указ. соч. С. 34.

²² Там же. С. 166.

²³ Там же.

²⁴ Там же. С. 228.

²⁵ Там же. С. 372.

²⁶ Там же. С. 203.

²⁷ Там же. С. 43.

²⁸ Там же. С. 39.

²⁹ Там же. С. 49.

³⁰ Там же. С. 63–64.

чужого текста *отражает* не что иное, как структурную особенность произведений писателя Набокова – реминисцентную *организацию текста*. Не случайно несколько ранее в лекции он дает свое определение реминисценции: «Литературная реминисценция – это слова, образы или положения, в которых угадывается неосознанное подражание какому-нибудь предшественнику»³¹. По сравнению с прямым цитированием реминисценция представляет более тонкий прием, играющий в литературной технике особую роль. Набоков приводит пример и другой реминисценции у Джейн Остен – скрытую цитату из «Сентиментального путешествия» Лоренса Стерна («Я не могу вырваться, как говорил тот скворец»³²).

Каждое произведение необходимо *разглядывать под верным углом*, полагает Набоков. Например, читая Пруста, нужно отдельный роман соотносить со всей книгой «В поисках утраченного времени», как это и было задумано французским писателем. Для романов Диккенса и Флобера необходим, по мнению Набокова, прежде всего *тематический анализ*. Писатель понимает слово «тема» в музыкальном смысле: «Как в музыкальной фуге одна тема может пародировать другую, так и здесь [в романе «Холодный дом»] мы видим пародию темы»³³. В романе «Госпожа Бовари» исходная тематическая линия – *тема слоев, или слоеного пирога* (курсив Набокова). Набоков сопоставляет «слои» в каскетке Шарля и слои свадебного торта. Такой же многослойной является квартира, куда Шарль привез Эмму; таким же многослойным будет и гроб Эммы, который закажет Шарль.

В лекциях, посвященных Остен, Флоберу и Прусту, Набоков вводит важное для него понятие стиля: «*Стиль* – это не инструмент, и не метод, и не выбор слов. ... Он является органическим, неотъемлемым свойством личности автора. Поэтому, говоря о стиле, мы подразумеваем *своеобразие личности художника* и как оно сказывается в его произведении»³⁴. *Стиль* – это манера писателя, та особенная манера, которая отличает его от остальных писателей. Таким образом, стиль, в понимании Набокова, становится эстетической категорией, где наиболее отчетливо проявляется единство формы и содержания. «Сам предмет может быть грубым и отталкивающим. Его изображение художественно выведе-

рено и уравновешенно. Это и есть стиль. Это и есть искусство. Только это в книгах и важно»³⁵.

Однако думается, что, раскрывая конкретные особенности стиля писателей, Набоков больше касается формальных стилистических приемов, причем называет их собственными авторскими «терминами». Например «ход конем» в «Мэнсфилд-парке» – это «рывок в ту или другую сторону на черно-белой доске переживаний»³⁶, а «ямочка на щечке» появляется тогда, когда «между прямыми информативными членами предложения незаметно вводится элемент тонкой иронии»³⁷. Делает Набоков и еще одно интересное замечание: в романе «Мэнсфилд-парк» Джейн Остен использовала «поток сознания или внутренний монолог, которым так замечательно воспользовался Джеймс Джойс сто пятьдесят лет спустя»³⁸.

Много внимания в лекциях по зарубежной литературе уделено *концепции образа автора* в художественном произведении. Набокову близка в этом плане эстетическая позиция Флобера, его знаменитая триада: «объективное, безличное, бесстрастное». Набоков приводит высказывание Флобера, которое он, судя по всему, разделяет: «подобно Всевышнему, писатель в своей книге должен быть нигде и повсюду, невидим и вездесущ»³⁹. Для Набокова существует несколько важнейших произведений, в которых присутствие автора ненавязчиво в той мере, в какой это хотелось Флоберу. Однако Набоков замечает, что даже в произведениях, где автор идеально ненавязчив, «он тем не менее развеян по всей книге и ... блистает своим отсутствием»⁴⁰. В лекции о Диккенсе писатель полагает, что автор – это не образ непроницаемого верховного божества, а образ дружелюбного, наполненного сочувствием полубога; он наведывается в свои книги под различными *масками* или посылает туда множество своих «посредников, представителей, приспешников, соглядатаев и подставных лиц»⁴¹.

Набоков классифицирует типы таких *представителей автора* в художественном произведении. Во-первых, это сам *рассказчик*, если он ведет повествование от первого лица, это «*я*»-герой, «опора и движитель рассказа». Главное здесь в том, что существует некое «я», от чьего имени ведется рассказ. Рассказчик может являться чи-

³¹ Набоков В.В. Указ. соч. С. 54.

³² Там же. С. 55.

³³ Там же. С. 134.

³⁴ Там же. С. 97.

³⁵ Там же. С. 195.

³⁶ Там же. С. 94.

³⁷ Там же. С. 95.

³⁸ Там же. С. 85.

³⁹ Там же. С. 144.

⁴⁰ Там же. С. 145.

⁴¹ Там же.

тателю в разных видах: это может быть сам автор или персонаж, от чьего имени ведется рассказ; это может быть писатель, которого выдумывает автор и которого охотно цитирует. Набоков приводит пример Сервантеса, создавшего арабского историка, но мы бы добавили к этому, что и сам Набоков пользуется подобным приемом, вводя в свои романы «мирады авторских лиц» (Вивиан Дамор Блок, Мак-Наб, Владимир Владимирович). Во-вторых, это некий *представитель автора – фильтрующий посредник*, «через чье восприятие процеживаются события»⁴², который может совпадать и не совпадать с рассказчиком. Об этом персонаже повествование ведется в третьем лице. Отличительное свойство его в том, что все происходящее в книге, любое событие, любой образ, любой пейзаж и любой герой увидены и прочувствованы посредником, который «процеживает повествование через собственные эмоции и представления»⁴³, как Фанни Прайс в «Мэнсфилд-парке» и Эстер Саммерсон в «Холодном доме». И, в-третьих, это персонаж, единственная цель которого состоит в том, что он посещает места, которые автор хочет показать читателю, или встречается с теми, с кем автор хочет познакомить читателя; без него иногда трудно приводить в движение повествование. Набоков, таким образом, говорит нам о концепции повествовательных инстанций, нашедших отклик в его собственной прозе.

Часто внимание Набокова-лектора обращено на *детали*, прежде всего «функциональные», т. е. оказывающие «влияние на ход действия романа: они используются в конструктивных целях, играют композиционную роль»⁴⁴. Набоков воспитывает *своего* читателя, который «должен замечать подробности и любоваться ими»⁴⁵. Он пишет о «превосходстве детали над обобщением» и приходит к выводу, демонстрирующему взаимосвязь эстетики и философии в его собственном творчестве: «Эта способность удивляться мелочам ... эти закоулки души, эти примечания в фолианте жизни – высшие формы сознания»⁴⁶.

Набоков определяет свой творческий метод

как «*объективный метод*»⁴⁷; объективация связана с тем, что писатель всматривался в роман Дж. Остен «*через призму культуры*»⁴⁸. Ключом к воссозданию прошлого в книге Пруста также оказывается *ключ искусства*. Принятые в науке о литературе названия творческих методов (реализм, натурализм), по мнению Набокова, – «понятия относительные. *Измы* проходят, *исты* умирают, искусство остается» (курсив Набокова)⁴⁹. Набоков выразит более важное для него, чем метод, деление литературы: *противопоставление литературы ощущений, подлинного искусства, рожденного «восторгом», «вдохновением», и литературы идей, подлинного искусства не порождающей*. Писатель-лектор – «внимательный читатель» – предпочитает анализировать шедевры.

⁴² Набоков В.В. Указ. соч. С. 34.

⁴³ Там же. С. 145.

⁴⁴ Там же. С. 47.

⁴⁵ Там же. С. 23. «Ласкайте детали», «божественные детали», – это пожелание Набокова-лектора запомнили его ученики. Об этом пишет Дж. Апдайк в Предисловии к русскому изданию лекций. Там же С. 17.

⁴⁶ Там же. С. 468.

⁴⁷ Там же. С. 99.

⁴⁸ Отметим, что по ходу лекций Набоков неоднократно обстоятельно комментирует те исторические и культурно-исторические реалии, значение которых не может знать студент или знает неточно, неполно. Прием комментированного чтения позднее перейдет у Набокова в *комментарий* как структурный компонент новой прозы («Бледное пламя», 1962) или в жанр (Комментарий к «Евгению Онегину», 1964).

⁴⁹ Набоков В.В. Указ. соч. С. 203.

К ВОПРОСУ О РИТМИЧЕСКИХ ПРЕДПОЧТЕНИЯХ В «СТИХОТВОРЕНИЯХ В ПРОЗЕ» И.С. ТУРГЕНЕВА

О.А. Горелова

Горелова Оксана Александровна – ассистент кафедры романских языков Института иностранных языков Дальневосточного государственного университета.

Статья посвящена анализу функционирования форм на «-oi/-oju», «-ei/-eju» в первой части «Стихотворений в прозе» И.С. Тургенева. Исследуемые формы, хотя и являются просторечными по происхождению, функционируют как стилистически немаркированные (в отличие от многих других вариативных в слоговом отношении форм), таким образом, выбор формы должен определяться не стилистически, а иными факторами. Установлено, что в большинстве случаев выбор формы обусловливается ритмической установкой, действующей в тексте, таким образом, поведение указанных форм свидетельствует об эстетической значимости ударно-слоговой структуры анализируемого текста, его просодического уровня вообще.

The article deals with the analysis of «-oi/-oju» and «-ei/-eju» forms functioning in the first part of «Poems in Prose» by I.S. Turgenev. The forms under consideration, though colloquial, function as stylistically neutral ones (unlike many other syllabically variable forms). It means that the choice of the particular form should be determined not stylistically but by some other factors. It has been proved that in most cases the choice of the form is determined by the rhythmic pattern of the text. Consequently, the functioning of these forms demonstrates the aesthetic value of the stress-syllable structure in the text under study as well as the value of its prosodic layer on the whole.

Просодический уровень «Стихотворений в прозе», как нам представляется, не должен быть с художественной точки зрения равнодушен, в частности и к слоговой структуре, следовательно, можно предположить наличие определенного эстетически значимого «усилия», особой установки на создание именно художественного ритма, выражающей себя на слоговом уровне через функционально-значимое использование языковых средств.

Вариативные в слоговом отношении формы (А.М. Пешковский называл их «дублетами»¹) в основном стилистически маркированы, хотя и исторически изменчивы. Так, например, в «Грамматике», изданной в 1790 г., формы склонения на *-ие*, *-ия*, *-ием* и т. п., в которых сохранялись *и* (а не *ь*: *ье*, *ья*, *ью* и т. д.), характеризуют «важную материю»², но уже в грамматике Н.И. Греча (1834) строгое предписание относительно стилистически закрепленного употребления подобных форм отсутствует: выбор той или иной формы предоставляется «воле пишущего»³, что В.В. Виноградов связывает с процессом «сближения литературной речи с разговорным языком»⁴, т. е. эти формы остаются стилистически маркированными, хотя и иначе (на смену оппозиции «высокое-низкое» приходит оппозиция «книжное-разговорное»). Поэтому В.И. Чернышев специально отмечает, что «в числе фак-

торов, определяющих сильное влияние живой речи на литературный язык И.С. Тургенева, особого внимания заслуживают многочисленные формы существительных на *-ье* при немногих книжных на *-ие*⁵: И.С. Тургенев отдавал предпочтение разговорным формам.

Еще более яркими в стилистическом отношении являются формы прилагательных в сравнительной степени на *-ей* (*скорей*, *ясней*), поскольку лишь в первой трети XIX в. оформилась тенденция избегания форм на *-яе* (в современном языке, как известно, отсутствующих) и предпочтения им форм на *-ее*. И хотя В.В. Виноградов довольно категорично заявляет, что «...сравнительная форма на *-яе* устраняется. Утверждается окончание *-ее* независимо от ударения...»⁶, еще у Ф.И. Буслаева в «Материалах для русской грамматики» (1844) мы встречаем оба окончания (*-яе*, *-ее*) как равноправные⁷. Поэтому, строго говоря, о формах на *-ей* как о вариативных в слоговом отношении можно говорить с большой осторожностью. И в современном языке «форма сравнительной степени на *-ей* употребляется в разговорном языке и в стихотворной речи»⁸. К тому же в тексте обеих частей «Стихотворений в прозе» зафиксировано только 7 употреблений данной формы (при 21 форме на *-ее*) из этих семи три случая (в первой части «Стихотворений в прозе»)

¹ Томашевский Б.В. Ритм прозы (по «Пиковой даме») // О стихе. Л., 1929. С. 297.

² Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. М., 1982. С. 122.

³ Там же. С. 202.

⁴ Там же. С. 203.

⁵ Чернышев В.И. Заметки о текстах и языке И.С. Тургенева. // Избранные тр.: В 2 т. Т. 2. М., 1970. С. 262.

⁶ Виноградов В.В. Указ. соч. С. 202.

⁷ Буслаев Ф.И. Преподавание отечественного языка. М., 1992. С. 256.

⁸ Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию / Д.Э. Розенталь и др. М., 1994. С. 224.

относятся к сфере несобственно-авторского повествования, и один раз находим форму во второй части – под рифмой в стихотворной строке.

Мы рассмотрим функционирование форм творительного падежа на «-ой/-ою», «-ей/-ею» в первой части «Стихотворений в прозе». С одной стороны, это формы существительных и прилагательных/причастий единственного числа женского рода, а с другой стороны, формы местоимений (личных Я, ТЫ, ОНА в творительном падеже и возвратного СОБОЙ-СОБОЮ).

Мы предполагаем, что во времена И.С. Тургенева существующие в языке «сокращенные» формы женского рода на «-ой/-ей», хотя и являются просторечными по происхождению, функционируют уже как стилистически немаркированные, следовательно, выбор формы должен определяться не стилевой принадлежностью текста, а иными факторами. В этом вопросе мы опираемся на Л.А. Булаховского, который, в частности, утверждает: «По поводу творительного падежа ед.ч. ж.р. Н. Греч («Русская грамматика», 1827, § 114, примечание 27) замечает: «а *ой* или *ей* в творительном падеже ед.ч. женского рода есть сокращение, употребляемое в просторечии; например: «схватил сильной рукой». Стихотворный язык, однако, такие формы разрешает, и они в нем очень часты даже в высоких жанрах в течение всего XVIII века <...> Практика не меняется и в XIX веке <...> Язык «важной» прозы отражает в этом отношении требования нормативной грамматики довольно долго, но беллетристика, по крайней мере, второй четверти века, уже определено с ними считается мало»⁹ (ср. свидетельство (1889), приведенное Б.В. Томашевским: «*ою*, *ею* редко уже встречаются, но *ой* и *ей* – беспрестанно»¹⁰). Вместе с тем «разговорный» характер «Стихотворений в прозе» должен привести к тому, что сокращенные формы окажутся преобладающими. Однако при использовании местоимений наблюдается совсем другая картина: автор явно предпочитает местоименные формы на «-ою/-ею». Конечно, свою роль здесь сыграли и специфика местоименных форм, и наличие у них своей истории развития в языке.

Разница между местоименными и неместоименными формами заключается не только в их морфологической характеристике, но и в ударности: местоименная форма, если только она не функционирует в тексте в качестве проклитики, не может в принципе иметь безударное оконча-

ние, тогда как у неместоименных форм могут быть с ударением на окончании только формы на «-ой/-ою»: среди форм на «-ей/-ею» есть лишь одно исключение: формы так называемых «притяжательных прилагательных» *моей/твоей/своей*. Остальные формы на «-ей/-ею» всегда безударны.

Части речи	Окончание «-ой/-ою»	Окончание «-ей/-ею»
Местоимения	Всегда ударно	Всегда ударно
Не местоимения	Может быть ударным	Всегда безударно (искл.: <i>моей/твоей/своей</i>)

Таким образом, от характера формы (полная или сокращенная) зависит не само ударение, но слоговой объем и место ударного слога относительно конца слова.

Также значимой является лексико-синтаксическая особенность местоименных форм: в силу своей семантики местоимениям свойственна «одинокая позиция», в отличие, например, от прилагательных, которые в норме выступают сопроводителями существительных; что касается самих существительных, то они могут выступать как самостоятельно, так и в сопровождении прилагательных. Естественно, говоря о «прилагательных», мы значительно упрощаем реальную картину. Вообще мы имеем в виду согласованные определения различной морфологической природы.

Рассмотрим подробнее каждую категорию слов.

Имена существительные. В тексте первой части «Стихотворений в прозе» зафиксировано 68 случаев употребления существительных женского рода ед.ч. с интересующими нас окончаниями. Поскольку важным оказывается контекстуальное окружение и взаимное расположение форм, мы сгруппировали существительные следующим образом:

Одиночное использование	Всего в сопровождении 41	
	С согласованным определением	С другим аналогичным существительным (ряд)
27	34 (+3)	2 ряда, 4 формы

Как видим, преобладающим является использование существительных с согласованным определением, причем встречаются и случаи, когда рядом находится другое существительное и одновременно имеет место «ряд» из существительных с одинаковыми окончаниями (при подсчетах мы выделили такие случаи – впрочем, немногочисленные – цифрой в скобках): «*полупрозрачной, беловатой перепонкой, или плевой*»¹¹,

⁹ Булаховский Л.А. Русский литературный язык первой половины XIX в. / Л.А. Булаховский. М., 1954. С. 108.

¹⁰ Томашевский Б.В. Указ. соч. С. 298.

¹¹ Тургенев И.С. *Senilia*. Стихотворения в прозе // Полное собр. соч. и писем в 30 т. Сочинения в 12 т. Т. 10. М., 1982. С. 128.

(«Старуха»), «с окрашенными *вохрой* санишками и *плохой* *клячкой*»¹² («Маша»), «с *лысиной* во всю голову, с узкой *седой* *бородой*»¹³ («Последнее свидание»). Также возможно в редких случаях наличие тех или иных вставок между прилагательным и существительным, например сравнительного оборота: «*сухою, как палка, рукою*»¹⁴ («Necessitas, Vis, Libertas»).

При существительном может быть одно (чаще) или несколько (в текстах встречается до четырех определений при одном существительном, всего семь полиадъективных конструкций) согласованных определений (СО). Как СО, так и существительное, в принципе могут выступать как в полной (*ою-ею*), так и в сокращенной форме (*ой-ей*), таким образом, теоретически вероятными оказываются 16 основных комбинаций (полиадъективные конструкции не берутся в расчет) форм СО с формами существительных. Схематично: оба члена – полные формы: 1) *ою+ою*; 2) *ою+ею*; 3) *ею+ою*; 4) *ею+ею*. Сокращенная форма СО при полной форме существительного: 5) *ой+ою*; 6) *ей+ою*; 7) *ой+ею*; 8) *ей+ею*. Оба члена – сокращенные формы: 9) *ой+ой*; 10) *ой+ей*; 11) *ей+ой*; 12) *ей+ей*. И, наконец, полная форма СО при сокращенной форме существительного: 13) *ою+ой*; 14) *ею+ой*; 15) *ою+ей*; 16) *ею+ей*.

И из этих 16 схем реализованными оказались только 7! Причем две из них представлены единственным случаем. Занесем в таблицу полученные результаты.

С существительным в полной форме (схемы 1–8)							
1)	2)	3)	4)	5)	6)	7)	8)
<i>ою+ою</i>	<i>ою+ею</i>	<i>ею+ою</i>	<i>ею+ею</i>	<i>ой+ою</i>	<i>ей+ою</i>	<i>ой+ею</i>	<i>ей+ею</i>
1	–	–	–	3	3	–	–
с существительным в сокращенной форме (схемы 9–16)							
9)	10)	11)	12)	13)	14)	15)	16)
<i>ой+ой</i>	<i>ой+ей</i>	<i>ей+ой</i>	<i>ей+ей</i>	<i>ою+ой</i>	<i>ею+ой</i>	<i>ою+ей</i>	<i>ею+ей</i>
19	3	4	–	–	–	1	–

Из таблицы хорошо видно, что преобладает использование существительных в сокращенной форме (27 случаев), что касается выбора комбинации, то предпочтение явно отдается схемам, где оба члена – сокращенные формы. Но тем большее внимание привлекают к себе случаи отступления. С одинаковой частотой (по 3 случая) при сокращенной форме СО используется полная форма существительного на «*-ою*» (схемы 5 и 6), один раз – при существительном в сокращенной форме используется полная форма СО (схема 15), и также единожды представлена комбинация

¹² Тургенев И.С. Указ. соч. С. 135–136.

¹³ Там же. С. 147.

¹⁴ Там же. С. 149.

полных форм (схема 1). Фактически это выглядит следующим образом:

- **схема 1** (*ою+ою*): <Высокая костлявая старуха> «идет большими шагами и *сухою, как палка, рукою, толкает перед собой другую женщину*»¹⁵ («Necessitas, Vis, Libertas»);

- **схема 5** (*ой+ою*): 1) «Пестрая шкурка леопарда, перехваченная *золотой стрелой, легко повисла с округлого плеча на выгнутое бедро*»¹⁶ («Два брата»); 2) «На самом краю неба, за *низкой чертою* полей, горел огненной точкой *золотой крест на белой колокольне христианской церкви...*»¹⁷ («Нимфы»); 3) <густой туман> «*слепил и утомлял взор своей мягкой мглою*»¹⁸ («Морское плавание»);

- **схема 6** (*ей+ою*): 1) «И вдруг мне почудились *легкие, осторожные шаги за моей спиной*»¹⁹ («Старуха»); 2) «окаменел ли он перед *налетающей бедою*»²⁰ («Повесить его!»); 3) «Ты прекрасна – и никто не скажет: *дорожишь ли ты своей красотой или нет?*»²¹ («Н.Н.»);

- **схема 15** (*ою+ей*): «Будем стараться только о том, чтобы приносимое нами было *точно полезною пиццей*»²² («Услышишь суд глупца...»).

Во всех случаях, когда используется полная форма существительного, мы имеем дело с ударным окончанием (*рукбю, стрелбю, чертбю, мглбю, спинбю, бедбю, красотбю*), а позиция, которую занимает слово – конец ритмической группы. Иначе говоря, возможно, имеет место своего рода избегание ударных йотовых финалов. Но многое зависит также и от структуры предшествующего прилагательного, и от фонетического контекста. Например, в случае «идет большими шагами и *сухою, как палка, рукою, толкает перед собой другую женщину*»²³ («Necessitas, Vis, Libertas») прилагательное также имеет ударное окончание, и, таким образом, неминуемо возникает рифменный эффект, которого можно отчасти избежать лишь путем расподобления вариантов окончаний. Но рядом находится еще одна форма с ударным окончанием «*-ой*» (*перед собой*), которую, с одной стороны, предвзряет глагол 1 класса (йотовая основа) с ударением на «*-aje*», а с другой стороны, после, в свою

¹⁵ Тургенев И.С. Указ. соч. С. 149.

¹⁶ Там же. С. 155.

¹⁷ Там же. С. 160.

¹⁸ Там же. С. 169.

¹⁹ Там же. С. 128.

²⁰ Там же. С. 166.

²¹ Там же. С. 170.

²² Там же. С. 133.

²³ Там же. С. 149.

очередь, находится еще одна ударно-йотовая форма (*дружую*). Как нам кажется, в целях сохранения ритмического равновесия из трех ударных форм на «-ой/-ою» первые две формы автор уподобил друг другу, чтобы последующая (*собой*) нарушила возникшее было рифменное (как мы сейчас убедимся, и метрическое) ожидание. Также ритмическим целям служит и наличие сравнительного оборота «как палка». Во-первых, происходит дистанцирование рифмующихся форм (*сухою-рукою*), во-вторых, – как бы «рифменное переключение», поскольку срабатывает эффект повторения гласного А с согласным К, в третьих, последующий глагол («толкает») способствует усилению этой тенденции (как палка – толкает). Таким образом, на фоне звукового повтора гласного с йотом имеет место еще и паронимический ряд. Все это, безусловно, помогает усилению суггестивного воздействия²⁴. В то же время возникает риск метризации, поскольку рядом расположились сплошь трехсложные фонетические слова с ударением на втором слоге, в этом контексте использование формы «*собою*» вместо «*собой*» фактически превратило бы предшествующий текст в два рифмующихся стиха, написанных трехстопным амфибрахией с пропуском одного ударения. Ср.:

сухою, как палка, рукою (- / - - / - - / -)
толкает перед [собою] (- / - - - - / -).

Использование сокращенной формы именно на фоне двух предшествующих полных форм способствует нарушению одновременно и рифменного и метрического эффектов.

Также целям избегания возникновения рифменного эффекта, возможно, служат полные формы существительных: *золотой стрелюю* (прилагательное «золотой» с ударным окончанием), *за низкой чертою* (на фоне 6 разнообразных форм на «-ой», впрочем, всех безударных, кроме формы *золотой*), *бедюю – мой Егор* (этот случай не столь очевиден, поскольку в господствующей системе стихосложения пара **бедой – мой Егор* не воспринималась очевидно рифменной). Возможно, целям метрического расподобления служат полные формы в примерах «за *моей спиною*», «*своей красотою*», впрочем, вероятным представляется, что на выбор формы влиял сразу комплекс факторов: действовал «антистихотворный» критерий, (избегание рифмы и метра), учитывалась позиция в ритмической группе, ударность-безударность, стилистическая окраска

²⁴ Гончаренко С.Ф. Символическая звукопись: квазиморфема как «внутреннее слово» в процессе поэтической коммуникации // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность. М., 1995. С. 169.

(употребление формы «*красотою*» в стихотворении в прозе «Н.Н.» может быть объяснено через ее принадлежность «высокому стилю»), и даже может иметь место индивидуально-авторское предпочтение одних форм другим (например, после предлога «с» никогда не используется существительное в полной форме), поэтому не всегда легко обосновать авторский выбор. Так, например, мы затрудняемся ответить на вопрос, чем руководствовался И.С. Тургенев в случае употребления полной формы прилагательного с безударным окончанием «-ою» и существительного на «-ей» (единственный случай реализации схемы 15): «*полезною пищей*»? По крайней мере, ни одним из имевших место ранее случаев расподобления данный факт не объясняется. Возможно, перед нами скрытая цитата.

Что касается комбинаций, состоящих из сокращенных форм СО и существительных, то наибольшее количество примеров приходится на схему 9 (СО на «-ой» + существительное на «-ой»). Интересно, что абсолютное большинство из них составлены по закону расподобления: из 19 примеров 10 раз имеет место комбинация из безударных окончаний («*белой краской*» и под.); 6 раз используется комбинация из СО с безударным окончанием и существительного с ударным окончанием («*ровной синевой*» и под.); одним примером (впрочем, там же имеет место и ряд) представлена обратная реализация: прилагательное с ударным окончанием при существительном с безударным окончанием: «с *окрашенными вохрой санишками и плохой клячонкой*»²⁵ («Маша»). И только дважды сопологаются ударные «-ой». Один раз это имеет место в полиадъективной конструкции с двумя существительными, т. е. на маленьком пространстве текста оказываются рядом несколько (вообще – 6) форм на «-ой»: «*Желтый, высохший, с лысиной во всю голову, с узкой седой бородой, он сидел в одной, нарочно изрезанной рубахе...*»²⁶ («Последнее свидание»). Но поскольку эти 6 форм довольно разнообразны по природе, общий эффект не производит впечатления чего-то нарочито-стихоподобного: 4 раза «-ой» выступает как окончание творительного падежа (у двух существительных и у двух прилагательных, причем у одного существительного и одного прилагательного окончание ударно; и, видимо, для асимметрии к одному существительному относится два прилагательных сразу), что касается остальных двух форм на «-ой», то это формы предложного падежа разной

²⁵ Тургенев И.С. Указ. соч. С. 135–136.

²⁶ Там же. С. 147.

морфологической природы, слоговой структуры и ударности. Таким образом, все вместе не кажется монотонным. Другой случай использования двух ударных форм прямо противоположен по установке: *<Что хотят сказать> «эти глаза, эти длинные, полусонные, полувнимательные глаза под двойной дугой высоких бровей?»*²⁷ («Сфинкс»). Представляется, что в данном примере автор специально соположил две формы с ударными окончаниями в целях создания особого экспрессивного напряжения: «глаза» – центральный образ, семантический центр всего стихотворения в прозе. Обратим внимание, что описание «египетского сфинкса» и «всероссийского сфинкса», несмотря на то, что выдержано в стиле параллелизма, включает только один общий элемент, а именно «глаза»: при описании «египетского сфинкса» упоминаются губы, ноздри, глаза, брови, а при описании «всероссийского сфинкса» – лоб, скулы, нос, рот, ус и борода, глаза и «шапка волос, рассеченная пробором» (контекстуальный антоним выражения «под двойной дугой высоких бровей»). Таким образом, использование двух ударных форм подчеркивает контраст.

Остальные семь случаев (схемы 10 и 11) ничем не выделяются: либо обе формы имеют безударное окончание, либо хотя бы одна. Так же ведут себя существительные, соположенные в ряды и не сопровождаемые согласованными определениями.

Можно сделать вывод, что при использовании существительных женского рода единственного числа в творительном падеже в сопровождении согласованных определений действовал ритмический критерий, который можно определить термином «расподобление». При общей тенденции использовать сокращенные формы автор явно избегает употребления одинаково-ударных форм и достигает этого за счет соположения форм с неударными окончаниями, либо с разноударными, либо использует полную форму. Впрочем, выбор также зависит от контекстуального окружения или действия того или иного художественного приема, а иногда даже от индивидуального предпочтения.

Рассмотрим случаи, когда существительное выступает без какого бы то ни было сопроводителя. Как мы уже отметили, в тексте первой части зафиксировано 27 случаев такого функционирования. Теоретически здесь возможны формы на «-ой/-ою» и на «-ей/-ею», всего 4 разновидности. Однако существительных на «-ею» в тексте нет (напомним, что они не встречались и в ком-

бинации с прилагательными). Если справедливо наше предположение о том, что полные формы возникают в силу определенных ритмических факторов именно в ударной разновидности окончаний, то оно получает еще одно подтверждение: формы существительных на «-ей/-ею» всегда имеют безударное окончание, таким образом, удлинять окончание на один слог нет необходимости. Использование формы на «-ей» зафиксировано дважды (всего имеет место употребление шести существительных с окончанием «-ей», что составляет чуть менее 9 % от общего количества). Таким образом, 25 существительных распределились между формами на «-ой» и на «-ою». Причем преобладают полные формы (соотношение 14:11). И интересно, что ни разу не используется полная форма с безударным окончанием, все 14 раз это ударные «-ою», большей частью расположенные в конце ритмической группы (в 12 случаях после формы следует знак препинания). Что касается местоположения форм на «-ой», то надо также отметить, что они расположены преимущественно в конце (9 раз перед знаком препинания), но разница в том, что тут вообще преобладают формы с безударным окончанием (всего два ударных «-ой», и только один раз встречается форма с ударным «-ой» в позиции перед паузой, что, надо полагать, обосновывается особенностями ритмической структуры фразы). «И дымком-то пахнет, и травой – и дегтем маленько – и маленько кожей»²⁸ («Деревня»). С одной стороны, как это хорошо заметно, предложение содержит четырехкратный повтор союза «И», форма «травой» приходится как раз на середину. С другой стороны, ударно-слоговая структура первой и последней частей одинакова, зато третья выстраивается как своеобразный хиазм, в обратном порядке: схему ритмической структуры предложения можно представить следующим образом:

И (-/-)+(/-) (И дымком-то пахнет)

И (-/) (И травой)

И (/-)+(-/-) (И дегтем маленько)

И (-/-)+(/-) (И маленько кожей)

Из схемы видно, что обратный порядок реализуется не только третьей частью, но и второй, которая по своей структуре выстраивается как хиазм по отношению к последнему слову первой части, что позволяет третьей части начать опять-таки с хиазма по отношению ко второй части. То есть, форма может быть обусловлена законом ритмического разнообразия, а также тенденцией сохранения определенной симметрии: из 7 фоне-

²⁷ Тургенев И.С. Указ. соч. С. 157.

²⁸ Там же. С. 125.

тических слов (не считая «И»), 6 равномерно распределены по двум ритмосхемам: три раза используется трехсложное слово с ударением на втором слоге и три раза – двусложное с ударением на первом слоге. Форма «*травой*» реализует третью схему, чего бы не произошло в случае употребления полной формы «*травойю*». И наконец, последнее соображение. Состав гласных этого предложения просто не содержит звука [у].

По поводу применения сокращенных форм одиночных существительных можно еще отметить, что большей частью (7 из 11) это сочетания с предлогом «с», а, как мы уже замечали, в первой части «Стихотворений в прозе» среди неместоименных слов ни разу не зафиксировано использование полной формы после этого предлога. Может, из-за того, что он сам воспринимался как «сокращенный» вариант предлога «со»?

Итак, представим итоги наших наблюдений над существительными в виде таблицы.

Всего существительных: 68			
Полных: 21		Сокращенных: 47	
На «-ою»: 21	На «-ею»: 0	На «-ой»: 41	На «-ей»: 6
Из них ударн.: 21	–	Из них ударн.: 14	–

Таким образом, на выбор формы существительного оказывает влияние целый ряд факторов. Но вместе с тем полные формы всегда возникают только в ударной разновидности окончания. Можно сделать вывод, что для автора ударно-слоговая структура слова являлась значимым элементом, активно участвующим в формировании художественного ритма произведения.

Согласованные определения. Основные тенденции в поведении интересующих нас форм согласованных определений мы уже рассмотрели выше, тем не менее представляется важным указать на несколько моментов, остановиться на которых ранее не было возможности. Итак, в тексте зафиксировано 65 случаев использования согласованных определений женского рода единственного числа в творительном падеже. Столь высокая цифра связана с тем, что определения встречаются не только при существительных первого склонения, но также и третьего. Кроме того сюда мы включили несколько случаев использования форм на «-ой/-ою» в контекстах, где творительный падеж обусловлен спецификой управления глагола-сказуемого (так называемый *doplnik*). Таким образом, данные формы, строго говоря, не являются согласованными определе-

ниями, но для нашего анализа это не играет решающей роли. Речь идет, например, о парах форм на безударное «-ой», и на ударное «-ою»: «*Ее величают божественной, бессмертной...*»²⁹ («Череп»), «*Стой! Какую я теперь тебя вижу – останься навсегда такую в моей памяти!*»³⁰ («Стой!»). Итак, все формы распределяются следующим образом.

Всего согласованных определений: 65			
Полных: 6		Сокращенных: 59	
На «-ою»: 5	На «-ею»: 1	На «-ой»: 47	На «-ей»: 12
Из них ударн.: 4	Ударн.: 1	Из них ударн.: 6	Из них ударн.: 4

Большинство форм – на безударное «-ой», ударные формы на «-ой» практически были объяснены при анализе существительных. Что касается форм на «-ою», то здесь есть один случай употребления безударной формы: речь идет об уже упомянутом словосочетании «*полезною пицей*». Обращает на себя внимание использование ударного «-ей»: это притяжательные прилагательные «*своей*» (3 раза) и «*моей*» (1 раз). Обратим внимание, что каждый раз следующее за ними слово начинается с безударного слога, «и пошел *своей* дорогой»³¹ («Старуха»); «*своей* пахучей, все еще свежей зеленью»³² («Старик»); «*дорожишь ли ты своей красотой или нет?*»³³ («Н.Н.»); «*осторожные шаги за моей спиной...*»³⁴ («Старуха»). Мы специально упоминаем об этом, потому что два случая еще не описанных нами полных форм обязаны своим происхождением именно ударности следующего за ними слога: «*Она сломится под твою тяжестью*»³⁵ («Враг и друг»); «*Он жил одною сладостью молитвы*»³⁶ («Монах»).

Таким образом, в поведении согласованных определений мы находим отражение той же ритмической тенденции, какая была нами обнаружена при наблюдениях за формами существительных. Б.В. Томашевский, проанализировав поведение указанных форм (кроме форм местоимений) в тексте «Пиковой дамы», предположил, что основное правило, которым руководствовал-

²⁹ Тургенев И.С. Указ. соч. С. 143.

³⁰ Там же. С. 170.

³¹ Там же. С. 128.

³² Там же. С. 154.

³³ Там же. С. 170.

³⁴ Там же. С. 128.

³⁵ Там же. С. 161.

³⁶ Там же. С. 171.

ся А.С. Пушкин, заключается в том, что «в то время как стихи тяготеют к мужскому окончанию», «в прозе во всех положениях встречаются чаще женские окончания»³⁷, поэтому абсолютное преобладание полных форм в ударных окончаниях и сокращенных там, где ударение предшествует окончанию, в тексте «Пиковой дамы» обусловлено тенденцией к наилучшему соответствию «прозаическому словарю». Если это действительно так, то мы можем констатировать, что И.С. Тургенев вовсе не стремился избежать мужских окончаний: например имена с ударными окончаниями в 24 случаях имеют «мужское» окончание и в 26 – «женское».

Местоименные формы. Анализировать местоименные формы, пожалуй, труднее всего. И прежде всего из-за тех «ограничений» в их функционировании, о которых мы упоминали выше. Единственный вывод, который можно сделать без колебаний: для местоимений автор предпочитал полные формы. Но ответить на вопрос «почему?» строго однозначно невозможно, и в том числе из-за того, что, имея под рукой десять фактов использования сокращенных форм, весьма трудно говорить о какой-то одной закономерности. И, однако, мы решились все-таки поделить хотя бы предположениями.

Итак, особенностью местоименных форм является, с одной стороны, то, что их окончание всегда ударно, а с другой стороны, они в силу своих синтаксических свойств принципиально «неспособны» выступать в сопровождении другой формы аналогичной структуры. И именно этими двумя факторами обусловлено, на наш взгляд, преобладание полных форм. В этом смысле поведение местоименных форм можно сравнить с поведением форм существительных в синтаксически «одиноким» позиции, с той, правда, разницей, что полные формы местоимений превосходят сокращенные в четыре с половиной раза. Но, таким образом, на этом фоне особым значением начинают обладать местоимения, употребленные в сокращенной форме. Н.В. Черемисина считает, что «...местоимения, как слова указательные, лишённые собственно лексического, материального значения, в препозиции становятся проклитиками, в постпозиции – энклитиками и только в редких случаях оказываются под смысловым акцентом»³⁸. Правда, характеризуя их «ударную» способность, автор чуть выше называет их «полуэнклитиками» и

«полупроклитиками», что действительно более точно отражает их специфику: способность местоимения быть фонетическим словом не есть присущее им абсолютное свойство, но реализуется контекстуально, и благодаря этому высока их роль «в варьировании ритма и интонации»³⁹. А.М. Пешковский, выделяя фонетические слова в тексте «Стихотворений в прозе», в некоторых случаях не мог однозначно указать количество фонетических слов и тогда в скобках приводил обе цифры в качестве вариантов, например: «уже от нимф не осталось следа (3 или 4)»⁴⁰, и интересно, что примерно в половине случаев колебания возникали там, где встречались местоимения⁴¹. Возможно, в некоторых случаях выбор полной формы как раз призван подчеркнуть статус фонетического слова. Но также высока зависимость от ударной структуры последующего слова, как и вообще от места в ритмической группе. Вероятно, свое влияние оказывает и слоговая длина предлога (почти все формы предложные). То есть, как нам думается, решающую роль играет ритмическая тенденция, которую мы обнаружили, проследив за поведением неместоименных форм. Итак, представим материал в виде таблицы. В сферу наблюдения попали все формы местоимений на «-ой/-ою», «-ей/-ею» в творительном падеже.

Всего форм местоимений: 55									
Полных форм: 45					Сокращенных форм: 10				
мною	тобою	собою	ею	нею	мною	тобой	собою	ей	ней
21	1	15	5	3	3	3	2	-	2

Как видим из таблицы, среди местоимений третьего лица обращает на себя внимание отсутствие в тексте сокращенной беспредложной формы (*ей*). А.А. Зализняк считает, что «ей избегается из-за совпадения с дат. п.»⁴². Возможно, количество слогов играет немаловажную роль в поведении «полупроклитиков», и когда они из односложных «превращаются» в двусложные, то «наращивая» слог, они «отгораживаются» от последующего слова и сохраняют таким образом свой «суверенитет» фонетического слова. Из всех местоимений в один слог могут быть только беспредложные формы «мною» (но в нашем тек-

³⁷ Томашевский Б.В. Указ. соч. С. 296, 297.

³⁸ Черемисина Н.В. Русская интонация: поэзия, проза, разговорная речь. М., 1989. С. 101.

³⁹ Там же. С. 73.

⁴⁰ Пешковский А.М. Ритмика «Стихотворений в прозе» И.С. Тургенева // Русская речь. Л., 1928. Вып. 2. С. 74.

⁴¹ См.: Там же.

⁴² Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка. / М., 1997. С. 65.

сте без предлога не встречено), «ей» и предложный вариант «ней», когда предлог не содержит гласного. Тогда понятно отсутствие форм «ей» в тексте: все пять раз используется полная форма «ею»: «они защищают **ею** свои глаза от слишком яркого света»⁴³ («Старуха»); «Только **ею**, только любовью держится и движется жизнь»⁴⁴ («Воробей»); «**ею** правили наши собственные играющие сердца»⁴⁵ («Лазурное царство»); «И, гордый сознанием своей честности, давил **ею** всех: родных, друзей, знакомых»⁴⁶ («Эгоист»); «Он жил одною сладостью молитвы – и, упиваясь **ею**, так долго простаивал на холодном полу церкви, что ноги его, ниже колен, отекали и уподобились столбам»⁴⁷ («Монах»). К тому же в приведенных примерах в четырех случаях (кроме первого) местоимение занимает специфическую позицию: за ним следует слог с ударным гласным (или односложное, но несущее ударение слово) (в примерах подчеркнуто). В целом, независимо от количества слогов появление полного варианта в этой позиции было характерно для определений, и сейчас мы наблюдаем похожую картину: кроме четырех «ею», мы насчитали еще 9 случаев использования полной формы у других местоимений. Сокращенная форма встречается в этой позиции только дважды: один раз в реплике «Посмотрите, что с ней случилось»⁴⁸ («Роза»), а другой раз как повтор: «мне опять почудилось, что это именно Христос стоит **со мной** рядом»⁴⁹ («Христос»). И оба случая очень интересны. В первом примере мы имеем дело с имитацией живой речи, а сокращенные формы, как мы помним, с живой речью связаны генетически и, возможно, у местоимений сохраняют стилистическую связь. Из 10 случаев использования сокращенных форм местоимений 5 не принадлежат сфере собственно-авторского повествования, а встречаются или в репликах диалогов («Разговор», «Маша», «Чернорабочий и Белоручка», «Роза») или в прямой речи («Два брата»). Правда, и здесь мы можем только указать на тенденцию, не более, поскольку в тексте также есть один случай, когда закон «ударности» следующего слога оказывается сильнее «стилистического» фактора: «упрекайте его в том самом недостатке или пороке, который вы **за собою** чувствуете»⁵⁰ (реплика

принадлежит «одному старому пройдохе» из «Житейского правила»). Как нам представляется, в последнем примере важно было подчеркнуть фонетический суверенитет логически выделенной местоименной формы, а в реплике «Посмотрите, что с ней случилось» местоимение никак не выделено, к реме не относится и отдельного фонетического слова не образует, хотя и выполняет стилистическую функцию. Пример из стихотворения в прозе «Христос» интересен, с одной стороны, обилием местоименных форм в творительном падеже (6, из всех стихотворений в прозе больше на одну только в «Старухе»), а с другой стороны, тем, что четыре из них расположены в двух горизонтальных рядах, объединенных словом «опять»: два предложения, входящие в одну пару, различаются только одним словом «опять»: ср. «Я сделал над собою усилие...» – «Я **опять** сделал над собою усилие...»⁵¹. Но зато другая пара имеет внутри себя существенные отличия, в частности, сначала используется полная форма, а затем – единственный раз во всем стихотворении – сокращенная: «Вдруг какой-то человек подошел сзади и **стал со мною** рядом. Я не обернулся к нему – но тотчас почувствовал, что этот человек – Христос» – «Я отвернулся прочь. Но не успел я отвести взор от того простого человека, как мне **опять** почудилось, что это именно Христос **стоит со мной** рядом»⁵². Главное отличие, как нам видится, состоит в том, что в первой части полная форма входит в состав ремы, а во второй части – в состав темы, что позволяет всей части быть более «редуцированной» в отношении к количеству фонетических слов. И одновременно через «несовпадение» полной и сокращенной форм происходит реализация повтора как ритмического художественного принципа: в художественной структуре абсолютно «одно и то же» никогда не случается, собственно «повтор» там невозможен, потому что художественному ритму всегда присуща эволюция.

Еще одна тенденция, с которой может быть связано употребление полных форм, тоже имеет ритмическую природу: мы отмечали в поведении одиночных существительных, что полные формы там возникали в ударной позиции (всегда) и почти всегда – в конце ритмической группы. Если мы с этой точки зрения посмотрим на местоимения, то увидим то же самое: 9 раз полные формы встречаются на конце синтагмы перед паузой, например: «Но вдруг богиня остановилась... и тотчас, **вслед за нею**, остановились все ним-

⁴³ Тургенев И.С. Указ. соч. С. 128.

⁴⁴ Там же. С. 142.

⁴⁵ Там же. С. 153.

⁴⁶ Там же. С. 156.

⁴⁷ Там же. С. 171.

⁴⁸ Там же. С. 145.

⁴⁹ Там же. С. 162.

⁵⁰ Там же. С. 134.

⁵¹ Там же. С. 162.

⁵² Там же.

фы»⁵³ («Нимфы»); «**передо мною** – то золотым, то посеребренным морем раскинулась и пестрела спелая рожь»⁵⁴ («Голуби»); «но все казались довольными и вежливо разговаривали **между собою**, как приличествует близким родственникам и знакомым»⁵⁵ («Пир у Верховного Существа») и др., и еще 12 раз в конце фонетического предложения, например: «*Девушка перешагнула порог – и тяжелая завеса упала за нею.*»⁵⁶ («Порог»); «*Я ничего не взял с собою.*»⁵⁷ («Нищий»); «*я узнал, что он безнадежно болен и желает видиться со мною.*»⁵⁸ («Последнее свидание») и др. Сокращенная форма в этой позиции зафиксирована только один раз, в реплике, при восклицательной интонации, и, надо думать, в этих условиях сокращенная форма обладает большей выразительностью: «*И как же дружно мы жили с ней!*»⁵⁹ («Маша»). Объяснимо, впрочем, и предпочтение, отдаваемое полной форме в конце другого восклицательного предложения: «*но все его маленькое тело трепетало от ужаса, голосок одичал и охрип, он замирал, он жертвовал собою!*»⁶⁰ («Воробей»), где полная форма при глаголе «жертвовать» стилистически уместна. Но еще раз подчеркнем, что предпочтение полной формы в позиции перед ударным слогом и перед паузой – не более чем тенденция, поскольку полные формы, хотя и реже, но встречаются там, где их появление не обусловлено ни паузой, ни ударением. Правда, только 26 % полных форм употреблено в этой позиции, тогда как доля употребления сокращенных форм составляет 70 %. Например: «**Передо мной** стоит старуха-хозяйка»⁶¹ («Деревня»), но «**Передо мною** появилось два ангела»⁶² («Два брата») или «**Не ведая за собой** ни малейшей слабости»⁶³ («Эгоист»), но «**Я услышал за собою** неровный, длинный вздох»⁶⁴ («Нимфы»); «**И пускай надо мной** кружит мой ястреб»⁶⁵ («Мы еще повоюем!»), но «**серое, одноцветное небо висит над нею** как полог»⁶⁶ («Конец света»).

Итак, мы предполагаем, что на выбор формы местоимения могут влиять следующие факторы:

⁵³ Тургенев И.С. Указ. соч. С. 160.

⁵⁴ Там же. С. 163.

⁵⁵ Там же. С. 157.

⁵⁶ Там же. С. 148.

⁵⁷ Там же. С. 132.

⁵⁸ Там же. С. 146.

⁵⁹ Там же. С. 136.

⁶⁰ Там же. С. 142.

⁶¹ Там же. С. 126.

⁶² Там же. С. 155.

⁶³ Там же. С. 156.

⁶⁴ Там же. С. 160.

⁶⁵ Там же. С. 172.

⁶⁶ Там же. С. 134.

1) тип повествования и его «тон» (в несобственно-авторском повествовании предпочтение отдается сокращенным формам, полные формы могут быть контекстуально маркированы как принадлежащие «высокому стилю»);

2) позиция конца фонетического предложения или синтагмы (предпочтение отдается полным формам, но при необходимости может быть использована сокращенная форма как более экспрессивная);

3) позиция перед следующим ударным элементом – слогом или выделенным односложным словом (преимущественно используются полные формы, но при отсутствии рематической нагрузки могут использоваться краткие);

4) стремление к сохранению статуса «фонетического слова» у местоимений в творительном падеже вообще (отсутствие односложных беспредложных форм как отражение этой тенденции);

5) специфика ритмического контекста (см. выше пример «*сухою, как палка, рукою, толкает перед собой другую женщину*»).

Иными словами, как и вообще со всеми формами на «-ой/-ою», «-ей/-ею», в большинстве случаев выбор формы определяется ритмической установкой, действующей в тексте. Следовательно, поведение указанных форм может свидетельствовать об эстетической значимости ударно-слоговой структуры текста и его просодического уровня вообще. Представим данные о всех формах на «-ой/-ою», «-ей/-ею» в виде таблицы, куда включим показатель ударности как один из существенных факторов, определяющих выбор формы.

Формы	Существительные	СО	Местоимения	Всего
Полные: из них ударн.	21 21	6 5	45 45	72 71
Сокращенные: из них ударн.	47 14	59 10	10 10	116 34
Всего: из них ударн.:	68 35	65 15	55 55	188 105

Таким образом, хорошо видно, что, с одной стороны, существует определенная зависимость между местом ударения и выбором формы, причем свое влияние оказывает и местоположение ударения последующего слова. А с другой стороны, свою роль играют и особенности, вытекающие из специфики морфологического и синтаксического функционирования исследуемых форм, и в результате действия всех факторов складывается разнообразная картина.

РУССКАЯ ПУНКТУАЦИОННАЯ СИСТЕМА И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕЕ РАЗВИТИЯ

А.Ф. Прияткина

Прияткина Алла Федоровна – доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка Дальневосточного государственного университета.

В статье обсуждается проблема усовершенствования современной русской пунктуации, а именно – возможность ее либерализации. Автор предлагает установить и ввести в практику коммуникативный принцип, который мог бы составить основу ряда правил.

The article considers the problem of the modern Russian punctuation improvement and its liberalization in particular. The author propounds forming and putting into practice a new communicative principle which could become a base for a number of rules.

Рисуем сразу заявить, что русская пунктуация может быть существенно иной, чем она есть, – гораздо более свободной, либеральной.

Заявлять это рискованно по разным причинам. Одна из них – отношение общества ко всякого рода предложениям по изменению правописания. Только что (год назад) пресечена весьма скромная попытка усовершенствования орфографических правил, которая была воспринята народом как угроза реформы, причем не правописания, а самого языка (при обсуждении проекта нового свода правил в печати господствовало выражение «реформа языка»). Эта реакция общества показательна с точки зрения его лингвистического образования и представляет сама по себе предмет серьезного разговора.

Другая причина опасности подобных заявлений кроется в самой сути предложения – дать большую свободу пишущему, что ассоциируется с нетребовательностью, попустительством, расшатыванием норм, т. е. снижением уровня грамотности, а следовательно, общей культуры говорящих. К этим аргументам добавляется и еще один – патриотический: наша пунктуация хорошая, значит, менять – только портить.

Прежде чем излагать основу нашего проекта, необходимо обратиться к самому явлению пунктуации, ее общественной функции.

Так же, как и орфография, пунктуация представляет собой общественное установление, а следовательно, подвержена общественному контролю, регламентации и корректировке, чего нельзя сказать о синтаксической системе языка, с которой она коррелирует и которую в определенном смысле отражает. (Заметим, что в сознании широкого круга пишущих понятия «пунктуация» и «синтаксис» часто отождествляются).

Однако есть глубокое различие между орфографией и пунктуацией с точки зрения «пользователя».

В утверждении правомерности изменения правил орфографии мы исходим из того положе-

ния, что буквенный образ слова, его «написание» – есть условность, плод договоренности, нечто, не затрагивающее сам язык – смысл слова, его звучание, его судьбу в употреблении, в силу чего замена «парашют» на «парашут» языка не касается.

Пунктуация относится к языку не так, как орфография. Здесь вполне очевидна связь с потребностями говорящего – влияние пунктуации на смысл речи, удовлетворение коммуникативных потребностей говорящих.

Пунктуация – не чистая условность (хотя, бесспорно, этот момент в ней очень силен). Пишущие испытывают потребность в использовании знака препинания как способа передачи оттенков смыслов высказываний, их эмоционально-экспрессивного содержания, отражения иллюкутивных сил: они ждут помощи от пунктуации именно потому, что это речь письменная, т. е. лишенная одного из своих синтаксических компонентов, а именно – интонации. Пишущие стихийно ищут эквивалента смыслоразличительной интонации. Отсюда явление так называемого *авторского знака* и соответствующее признание его в системе правил путем введения понятия факультативной пунктуации. Ее принцип – разрешительный. Таким способом удовлетворяется потребность говорящего в некоторой свободе.

Но дело в том, что «свобода» в любом правописании противоречит его задаче – обеспечить единообразие. Поэтому либерализация пунктуации не может не сочетаться с регламентацией. Разговор о возможной либерализации пунктуации нельзя понимать как призыв к отмене правил и даже к их сокращению, упрощению, меньшей значимости и т. д.

Речь идет не об этом, а о смене правил (некоторых правил), о замене одних другими, об изменении приоритетов, т. е. о возможности переоценки принципов русской пунктуации.

Обратимся к ныне действующим принципам и поговорим об их значении.

Признано, что русская пунктуация (составляющие ее правила) основана на трех принци-

пах: грамматическом, смысловом и интонационном, причем ведущим является грамматический (синтаксический). Это очень сложная система. Преимущественно, как известно, наша пунктуация отражает грамматическую структуру предложения и лишь отчасти собственно смысловые отношения при их взаимодействии с интонацией (в чистом виде интонационный принцип вообще не действует). На интонационно-смысловом принципе построены, например, правила пунктуационного знака между предложениями при бессоюзной связи, знака между словами при отношениях пояснения и уточнения, при однородных и неоднородных определениях и некоторые другие.

Современные правила русской пунктуации представляют собой очень сложную и жесткую директиву. Рядовому пишущему гражданину очень нелегко ее освоить и ею пользоваться, и прежде всего именно из-за главного ее принципа: чтобы усвоить (и освоить) правила, нужно иметь ясное представление о синтаксических структурах. Считается, что грамматический принцип – «это тот фундамент, на котором строится русская пунктуация»¹. Так и есть. Но не бесспорно то, что составляет продолжение данного тезиса: это – «необходимый минимум, без которого немислимо беспрепятственное общение»².

Так ли это? В основной своей роли – отметить границы той или иной конструкции – запятые часто избыточны: перед постпозитивным придаточным; обозначающие границы деепричастного оборота – все это условия построения предложений, когда границы конструкции недвусмысленно обозначены тем или иным формальным способом, например союзом (когда, если, потому что) или союзным словом (который, кто и т. д.). Между тем говорящие испытывают потребность в использовании знака препинания в совершенно иных целях – не для обозначения границ конструкции, а как способа передачи смыслов высказывания. Если в высказывании, включающем в свой состав деепричастный оборот, запятые поставлены согласно грамматическому принципу – это далеко не всегда служит наилучшему взаимопониманию коммуникантов. К примеру: «Попросил извинения, что заказал ужин, не дожидаясь меня» (Н. Ильина).

«Беспрепятственное общение», на которое указывает Н.С. Валгина, в данных речевых условиях скорее будет достигнуто, если запятую НЕ

поставить, т. е. нарушить грамматическое правило. Ведь согласно мысли пишущего, некий субъект извинился не за то, что он сделал (заказал ужин), а за то, чего он при этом не сделал.

Если учесть в полной мере потребности говорящих (и их адресатов) – в том плане, чтобы дать наибольшую возможность передавать с помощью пунктуации необходимые смыслы и их оттенки, нужно не просто допустить «авторский знак», а принять некоторый новый принцип пунктуационной регламентации, а именно – **коммуникативный принцип**, по крайней мере, наряду с грамматическим или несколько его потеснив.

Выглядеть это может примерно так (в каких формулировках – это другой, особый вопрос).

1. Нельзя разделять запятой тему и рему. Нельзя отделять часть предложения (высказывания), являющуюся частью **ремы** (при ее многословном выражении). Речь идет именно о запятой (но не о тире, например).

Согласно этому правилу, нельзя отделять запятой части предложения, имеющие функцию ремы и в тех случаях, когда они представляют собой синтаксическую конструкцию. Таковы **ремы** в форме:

- деепричастного оборота (*стоя на лошадях*);
- оборота со сравнительным союзом (*как маленький ребенок, словно по льду*);
- адекватного (в том числе и причастного) оборота (*полный новых сил*);
- оборота с производным предлогом (*благодаря помощи друзей*).

Следовательно, правильно было бы: *Пушки сплавляли на саликах (...), конные переплывали стоя на лошадях* (Шукшин). *Взрослая девушка, а разговаривает как маленький ребенок* и т. д.

Если исходить из конструктивно-грамматического принципа и признать его приоритет, то, напротив, такие обороты нужно выделять запятыми во всех позициях. Пишущие так и поступают.

2. Согласно коммуникативному принципу, допустимо любое отчленение, если оставшаяся часть обеспечивает функцию высказывания (потенциального или реального), т. е. имеет свою **рему**. Примеры: *Марья Ивановна, первого апреля прошлого года, была именинница. И вдруг Вельчанинов, в бешенстве, ударил этого человека.* – примеры Е.А. Иванчиковой из Ф. Достоевского³.

Это правило позволяет пишущему представлять фразу или как однородную, или как двуремную – но, разумеется, лишь тогда, когда для

¹ Валгина Н.С. Синтаксис современного русского языка. М., 1978. С. 416.

² Там же.

³ Иванчикова Е.А. Синтаксис художественной прозы Достоевского. М., 1979.

этого есть основания. Если фраза благодаря запятой выглядит как двуремная без оснований, такая пунктуация является ошибочной. Сравним, например:

Я вернусь непременно / Я вернусь, непременно;

Я сделаю это после обеда / Я сделаю это, после обеда.

Написания и с запятой, и без в равной мере правильны, но выбор варианта полностью зависит от коммуникативного намерения, которое определяется условиями контекста, ситуации.

Нельзя написать **Вскоре вернется, отец. / *Вскоре отец, вернется / *Вскоре, отец вернется* – поскольку это бессмысленно: первая часть не содержит ремы и не составляет коммуникативного минимума. Но может быть оправдано написание: *Отец вернется, вскоре / Отец, вскоре, вернется.*

Суть в том, что говорящий вправе сам определить темо-рематическую структуру своего высказывания, руководствуясь коммуникативной целесообразностью. Если согласиться с определением этого принципа пунктуации как «разрешительного», то это разрешение не знака препинания, а п о н и м а н и я текста, его трактовки.

Коммуникативный фактор можно интерпретировать как широко понятый смысловой. Практически это единый принцип, противопоставленный формально-синтаксическому (который, конечно, не лишен смысловой основы на высшем, абстрактном уровне).

Запрет на отделение запятой некоторой конструкции или ее части может иметь основу в характере семантико-синтаксического отношения. Противоречит смыслу речи постановка запятой между словами, находящимися в комплетивных отношениях.

Такая ситуация имеет место в следующих синтаксических условиях.

1. Позиция рематического компонента при незначительном или полужнаменательном глаголе:

а) конструкция с союзом *как* – «в качестве». Например: *Нью-Йорк я не любил, а здесь /в Вашингтоне/ мне действительно хорошо работается. Я отношусь к этой стране как к дому, не как к родине, вы это поймите, а как к дому* (В. Аксенов);

б) конструкция с *как* – *сравнительным*. Например: *Все складывалось как в счастливом сне.* («Огонек», 1989);

в) адъективный прилагательный член. Например: *Аня весь день ходит небрежно одетая.*

При той же лексике запятая оправдана, если предикативная часть предложения автосеман-

тична: *Радостный и возбужденный (,) шел я на следующее утро на работу* («Огонек», 1988).

2. Позиция рематического компонента при имени существительном широкой семантики (синсемантическом имени):

Они попирают эту идею и топчут людей (,) ей преданных (А. Рыбаков «Дети Арбата»).

Названные условия в значительной степени учтены в ныне действующих правилах, но предстают как второстепенные, лишь допускающие ограничения основного, конструктивного правила, причем их коммуникативная природа никак не обозначена. Это положение имеет своим следствием тот факт, что в практике письма (речь идет не только о рукописях, но и о печатных, прошедших редактирование текстах) указание на ненужность запятой почти полностью игнорируется. Так, например, очень редко не ставят запятую перед союзом *как* в значении «в качестве», постоянно отделяют запятой деепричастный оборот, не учитывая его смысловую роль в высказывании. Подобные решения рядовому редактору кажутся надежнее, и его можно понять: конструктивная основа правила объективнее, смысловая – субъективнее.

Приведем типичные примеры пунктуационных решений, противоречащих коммуникативно-смысловому принципу:

А. Оборот с союзом *как* – «в качестве», реализующий обязательную валентность предиката:

Алексеев сказал депутатам, что до сих пор мы используем тоталитарные представления о государстве, рассматриваем государство, как машину подавления, орган диктатуры, и поэтому всякие действия власти воспринимаются в этом контексте. («Известия», 1990). *Процесс демократизации, охвативший страну, все еще воспринимался кое-кем в высоких республиканских инстанциях, как нечто случайное, временное* («Комсомольская правда», 1989).

Б. Оборот с *как* *сравнительным*:

Дело в том, что первые шесть лет обучение будет проходить, как в обычной школе («Правда», 1989). *Дальше действие развивалось, как в сказке с плохим концом* (В. Токарева). *Все остальное в комнате, как и было раньше* (А. Рыбаков).

В. Деепричастный оборот в контекстах, выявляющих его рематическую позицию:

а) с отрицанием: *Многие юные граждане поступают в школу, не зная русского языка* («Комсомольская правда», 1988). *В баре Марселя хозяева говорят, что Роже Трамони был из тех, кто увлекался игрой, не участвуя в ней* («Огонек», 1989)

б) с частицей-ремагизатором: *Они поняли друг друга, лишь сев рядышком на скамейку* (ж. «Огонек», 1989). (Заметим, что последнее условие в правилах трактуется как располагающее к запятой, а не наоборот⁴). *Большинство студентов попадают на военную кафедру, уже отслужив в армии* («Комсомольская правда», 1988);

в) с модальным предикатом в основной части: *На тротуарах было скользко, И ветер воду рвал, как вретнице, И можно было до Подольска Добраться, никого не встретивши* (Б. Пастернак). *Всем известно, на что следует смотреть, попав в капеллу* (Н. Ильина), *Доказать обществу свое право на существование академия могла бы, продемонстрировав результаты эффективной и полезной деятельности* («Правда», 1989).

Запятая, по общей идее, должна указывать на обособленность деепричастного оборота, что предполагает автосемантическую основную часть предложения. Но во всех приведенных высказываниях смысл деепричастного оборота является прямым и обязательным продолжением смысла главной части и поэтому не обособлен от него. Так, в первом примере у говорящего не было намерения сообщить о том, что дети («юные граждане») поступают в школу, а была задача сообщить об определенном отрицательном условии этого процесса.

Неоправданная запятая, т. е. запятая при отсутствии обособления, фактически искажает смысл высказывания – просто эта помеха в силу привычки не замечается коммуникантами. Вдумаемся в следующий текст: *«Вы приводите цитаты из моей книги тридцатилетней давности. И хотя приводите их, вырывая из контекста, согласен с тем, что некоторые из них неуклюжи, грубы»* («Литературная газета», 1989). Уступительное отношение существует между содержанием деепричастного оборота (вырываете из контекста) и главного предложения (согласен...). Субъект (автор текста) согласен со своим критиком, несмотря на некоторые упущения последнего. Но запятая как будто требует видеть уступительные отношения в других частях высказывания: хотя приводите их – согласен. Только спасительное свойство языка – избыточность – помогает правильно воспринять текст.

Приведенные факты свидетельствуют о том, что коммуникативно-смысловый принцип позволяет говорить об условиях, когда отсутствие запятой выступает как *нулевой пунктуационный знак*.

Если быть последовательными, то коммуникативный принцип должен быть распространен на все случаи, когда конструкция, составляющая часть высказывания, несет на себе функцию обязательного рематического компонента, а таковым может быть и придаточное предложение. Примеры: *Не случайно мы пришли сюда (,) лишь когда стали открывать грозную правду о нашей вчерашней истории* («Огонек», 1989). *Тимофеевы заметили свою бедность (,) лишь когда стали собираться в Германию* (Даниил Гранин). *Кто-то в шутку сказал, что русский писатель любит (,) когда ему мешают работать* (Н. Ильина).. *Я ценю (,) когда меня ругают люди, которым я верю.* (Н. Ильина). Обратим внимание на следующий пример с придаточным условным: *Почему, спрашивается, группа продленного дня имеет право на жизнь в сельской школе (,) если в ней не менее тридцати ребятишек?* Последующий контекст указывает на правильный пунктуационный вариант: *А если там только пятеро?* («Правда», 1989).

Согласно ныне существующему в практике письма приоритету правил, в приведенных примерах записи сложноподчиненных предложений ошибкой будет считаться скорее отсутствие запятой, чем ее наличие.

Исторически сложившаяся русская пунктуация в явном виде не руководствуется коммуникативным принципом. В теории пунктуации он не заявлен. В то же время стихийно, в речевой практике коммуникативный принцип давно пробивает себе дорогу, и он не может не получить отражения в кодифицированных правилах. Мы не говорим о таких правилах, которые регламентируют постановку точки, вопросительного и восклицательного знака, кавычек, скобок – правил, непосредственно отражающих коммуникативный аспект речи. Речь идет об условиях противодействия тому, что диктует синтаксическая структура. Много сделано в этом направлении трудами Д.Э. Розенталя и его школы. См., например, правила, касающиеся присоединительных отношений⁵. Однако учет коммуникативно-смыслового фактора при установлении и формулировании правила носит характер примечаний, отступлений, исключений.

В целом же современная пунктуация недостаточно отражает коммуникативную направленность речи. Это проявляется прежде всего в том, что она в своих правилах не реагирует на актуальное членение предложения. О давлении

⁴ Розенталь Д.Э. Справочник по орфографии и пунктуации. Челябинск, 1996. С. 161.

⁵ Там же. С. 187–192.

грамматического принципа свидетельствует и вся структура любого свода правил. Достаточно посмотреть на оглавление: правила расписаны по грамматическим рубрикам.

Между тем введение коммуникативного принципа наряду с грамматическим не упрощает дела и не сводит на нет отражение в пунктуации синтаксической системы языка, а делает его более полным и точным.

Интересы пишущего выступают здесь на первый план еще в том смысле, что, если бы изначально был установлен коммуникативно-смысловой принцип как приоритетный, то, участь такой пунктуации, человек чувствовал бы себя гораздо комфортнее. Это была бы не просто зубрежка (типа: «причастный оборот, стоящий после определяемого слова, выделяется с двух сторон запятыми»), а осознанное и целенаправленное оформление письменной речи – с как можно более глубоким проникновением в ее содержание и чувством ответственности при стремлении донести нужную информацию до адресата без потерь.

Грамматический принцип пунктуации имеет свою несомненную ценность.

Мы не призываем к отказу от него: это была бы существенная потеря в культуре. Осмысление синтаксических структур в процессе овладения пунктуационными правилами служит развитию абстрактного мышления, является одним из методов развития письменной речи, ее культуры. К примеру, практика исключения запятой при деепричастном обороте имеет смысл на фоне ее наличия, т. е. при узнавании деепричастного оборота как такового. В защиту его можно было бы использовать и аргумент педагогического характера: не будь таких правил, как у нас, кто бы стал скрупулезно изучать русский синтаксис?

Все это так, но игнорировать живые тенденции и потребности говорящих невозможно. Жажда свободы в пользовании знаками препинания, имеющимися в нашем распоряжении, сильна и оправдана. Она прокладывает себе дорогу. Так пробилась и добилась признания пунктуационная парцелляция – способ организации текста: простой и демократичный.

Пунктуация в русской культуре больше, чем «орфография», больше, чем свидетельство грамотности. Давно уже и все глубже исследуется пунктуация мастеров слова: Тургенева, Достоевского, Тютчева, Цветаевой, Блока, Маяковского. Из многих работ сошлемся лишь на представленные в разделах специальных сборников: Пунктуация художественного текста в...⁶, Пунктуация поэтического текста в...⁷. Объект изучения – «авторская пунктуация». Хорошо известна стилистическая, прежде всего поэтическая значимость тире. Большие выразительные возможности таит в себе двоеточие (интересны новые пунктуационные модели с двоеточием в публицистике). Но почему бы право на «авторство» не предоставить каждому пишущему по-русски, если он достиг определенного уровня владения родным языком?

Богатый, высокого уровня текст имеет, как правило, и собственное, индивидуально-авторское пунктуационное оформление. Знаки препинания включены в его структуру. Они компенсируют отсутствие звучания, они призваны передать не только основные типовые значения отношений между составляющими текста, соответствующие наиболее общим типам интонации, но и оттенки значений, тонкости интонационного звучания текста, а это непростая задача.

⁶ Современная русская пунктуация. М.: Наука, 1979. С. 173–222.

⁷ Язык как творчество. К 70-летию В.П. Григорьева. М., 1996. С. 331–353.

АНЕКДОТ В ТВОРЧЕСТВЕ А. ПЛАТОНОВА

С.И. Красовская

Красовская Светлана Игоревна – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы Благовещенского государственного педагогического университета, докторант Тамбовского государственного университета.

Статья посвящена исследованию жанра анекдота в творчестве Андрея Платонова. Автор поднимает вопрос о фольклорных источниках платоновского анекдота, изучает процесс жанровой конвергенции между профанным анекдотом и сакральными жанрами притчи и жития. Акцент делается на миросозерцательной доминанте, присущей жанру и определяющей образ мира в ранних рассказах Платонова. Анализ их приводит автора статьи к выводу об активности жанра анекдота именно на первом этапе творческой эволюции писателя.

The article is dedicated to the study of the genre of anecdote in Andrey Platonov's works. The author of the article raises the question of folk roots of Platonov's anecdote, analyzes the process of genre convergences between the profane anecdote and sacramental genre of the parable and that of lifestory. The researcher lays the stress on the dominant of world perception characteristic of the genre and determining the image of the world in early A. Platonov's stories. The analysis of them brings the author to the conclusion about the activity of the genre of anecdote in the first period of creative evolution of the writer.

Принципиальная роль анекдота в творческом мышлении А. Платонова общеизвестна. При этом, разводя понятия «анекдот» как жанр, как долитературную по своему происхождению форму малого эпоса и «анекдотизм» как «весьма специфичный склад остроумия художника»¹, порождающий анекдотическую «стихию», включающую «не только анекдоты как таковые, но и отдельные анекдотические элементы, и формы, близкие к анекдоту, и микроистории, не доведенные еще до анекдотической изящной лапидарности, но, безусловно, к ней устремленные»², исследователи склонны усматривать в творчестве А. Платонова и подвергать анализу именно анекдотизм. Выделяются формы анекдотизма: ситуативный и грамматический. Изучаются художественные функции анекдотизма, в числе которых называются рассмотрение абсурдной действительности, осознание бессознательного (или детского сознания), психологический анализ, анекдотическое осмеяние (часто в рамках сатирического). Со всем этим трудно не согласиться. Однако в этих рассуждениях о функциональной значимости анекдотизма (по сути, ему отводится служебная роль) из поля зрения ученого ускользает нечто принципиально важное – миросозерцательная доминанта, которая определяет жанровую идеологию анекдота. Возможно, в отношении к такому «несерьезному» жанру, каким принято считать анекдот, рассуждения о таких «серьезных» вещах могут показаться надуманными, однако это так.

Наверное, впервые о картине мира, воспроизводимой жанровой моделью анекдота, заговорил В.И. Тюпа³, определив ее как «фрагментарную и сиюминутную, преходящую, окказиональную в своей авантюрной разомкнутости <...>, где всеислен случай, а не судьба»⁴. Но, упомянув о картине мира в анекдоте (речь шла о творчестве А.П. Чехова), дав ей определение, ученый лишь коснулся миросозерцания, ее порождающего. Много и дельно рассуждая о характере анекдотического персонажа, особенностях сюжета, форме повествования, уважаемый исследователь почти не говорит о глубинных мировоззренческих причинах, побуждающих писателя обращаться к жанру анекдота.

Попытаемся избежать подобного упущения в разговоре о творчестве А. Платонова, картина которого не может быть полной без анализа жанра анекдота в жанровой системе писателя.

Есть в платоновском творчестве страница, на которую довольно редко заглядывают платоноведы. Это его ранние рассказы начала 20-х гг., не вошедшие в широко распространенные издания 80–90-х гг.: «Ерик» (1921), «Тютень, Витютень и Протегален» (1922), «Бучило» (1923), «История иерея Прокопия Жабрина» (1923), «Рассказ не состоящего больше во жлобах» (?), «Иван Митрич» (?), «Цыганский мерин» (?) и некоторые другие. В совокупности они составляют своеобразный авантюрно-плутовской эпос Платонова и являются непосредственными предшественниками таких знаковых для писате-

¹ Голубков С. А. Анекдотическое в прозе А. Платонова // Андрей Платонов: Исследования и материалы. Межвузовский сб. науч. тр. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та. 1993. С. 126.

² Там же.

³ Тюпа В.И. Художественность чеховского рассказа. М., 1989. С.13–32; Тюпа В.И. Новелла и аполог // Русская новелла: Проблемы теории и истории. СПб., 1993. С.13–25.

⁴ Тюпа В.И. Новелла и аполог. С.16.

ля произведений, как повесть «Сокровенный человек», рассказ «Усомнившийся Макар», несущих в себе «плутовскую» стихию авантюрного романа; отзвуки их можно обнаружить и в «Чевенгуре», и в «Котловане».

Все вышеперечисленные ранние рассказы объединяются рядом конститутивных признаков жанровой структуры фольклорного анекдота. Они очень невелики по объему, просты по композиции, при этом ключевую композиционную роль играет микродиалог, обладают редуцированными до шаржа характерами и неразвернутым фрагментарным сюжетом, основывающемся на абсурдном парадоксе. Логическим следствием этого является их комическая направленность и заостренность.

Рассмотрим некоторые из них.

Рассказ «**Ерик**», написанный Андреем Платоновым в 1921 г., является одним из самых первых. Художественная картина мира, представленная в нем, носит яркий авантюрный, казусный характер. В центре ее – главный герой – человек по прозвищу Ерик. Его характер изображен несколькими крупными штрихами: молодой, сильный, большой, веселый, отзывчивый, душевный, но не верующий «ни в Бога, ни во врага». Он обладает архетипическими чертами трикстера – плута-маргинала: чихает на всех, приплясывает, когда звонят к обедне, щупает девок. Выступает Ерик в роли творца, страшного в своей непредсказуемости: «Что захочу, беспременно сделаю. Захочу скорбь произведу, захочу радость»⁵. Таким образом, герой задает авантюрную картину мира, в которой нет места телеологической предопределенности, но царит произвол.

Пружиной, разворачивающей сюжет, как в традиционном фольклорном анекдоте об обманном договоре, является необычная сделка Ерика с врагом рода человеческого (напомним, что в фольклоре так именуется Дьявол или Сатана). Диалог с ним играет ключевую композиционную роль в рассказе:

«Раз приходит к нему враг рода человеческого и говорит:

– Хошь, я тебя научу людей из глины лепить?

– Давай, – сказал Ерик.

– А что дашь?

– Лапоть.

– А еще чего?

– Чего ж еще: бери вон корчажку, чуни, юбку... Не обижу, не бойсь.

– Да ладно уж, вижу, – сказал враг и научил

Ерика людей лепить из глины, из земли и всякой пакости, если ее наслонявить»⁶.

Результатом этого курьезного договора явилось рождение целого полка людей, которые разошлись «по всему пузу земли искать у нее четырех концов» и впоследствии отреклись и от своего родителя – врага рода человеческого и от Бога. Бог и Дьявол в рассказе – друзья: «Бог с врагом – давно други и сватья, ад с раем всегда перекликаются»⁷.

В этом суть обмана: в древних легендах Дьявол для того стремится создать своего собственного человека, чтобы заполучить в его лице свое подобие, через него приобрести власть над миром. Но его надежды не оправдываются, хотя, может быть, только так и могли поступить дети Дьявола, и в этом своем поступке они достойны своего родителя.

Вражки и Ериковы дети – шаржированный собирательный образ новых людей, пришедших для того, чтобы разрушить старый мир и построить новый. Они сами и их поступки могут быть адекватно восприняты и прочитаны только в карнавальной парадигме: вражки дети «...выворачивают будто пузо земли наружу кишками и печенками. Всю пакость нутрянную будто даром показывают всем на потеху и утешение. Отреклись они от Бога и врага рода человеческого, опередили их и задумали переверотить мир и показать всем, что он есть пакость и потеха»⁸. Платонов обыгрывает здесь в пародийном ключе еретическую богомильскую дуалистическую легенду-притчу о совместном – Бога с Дьяволом – творении людей из глины. Исследуя дуалистические поверья о мироздании, А.Н. Веселовский приводил несколько вариантов этой легенды, содержание которой сводится к следующему: «Создавши землю, Бог принялся за создание человека, и, создав прекрасное тело, оставил его полежать некоторое время, чтобы оно сделалось способным принять в себя душу, а сам отошел. Приходит сатана, смотрит, что создал Бог, видит, что лежит человек прекрасный, чистый – да и пригорюнился. “Постоявши, сумный, подумавши, взяв та й облював человека”. Видит Бог, что сатана напакостил, но делать нечего: что однажды Бог делает, того уже не переделывает. Но и оставить человека облеванным Господь не хотел, а потому “взяв та й вывернув его” облеванным внутрь. И теперь наше тело навыворот: что было

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 132.

⁸ Там же.

⁵ Платонов А. П. Собрание соч.: В 5 т.: Т. 1. М., 1995. С. 131.

снаружи, то теперь внутри, со всем тем, что сатана наблевал; и все болезни изнутри начинаются»⁹.

В платоновском рассказе не трудно усмотреть выворачивание наизнанку известной легенды. В определенной степени, отождествляя мир с человеком, Платонов показывает процесс, как бы обратный процессу творения – мир и человек вновь выворачиваются: «...обломилось небо и выворотилась земля. Полилась отовсюду пакость и нечистота. Все увидели, что такое был белый свет, и насмеялись над ним.

Мир кончился потешением и радостью. Земля и небо оказались пакостью, курником и никому не были больше надобны»¹⁰.

Однако жанровая модель анекдота не исчерпывает всего богатства содержания этого небольшого, на две страницы рассказа. Складывающаяся из курьезных частностей окказиональная картина мира к концу рассказа перерастает во внутренне единую и вневременную, универсальную, характерную для притчи модель мира, в которой действует закон не случая, но судьбы. Рассказ, начинающийся в духе фольклорного анекдота, неожиданно завершается притчеобразным микроэпизодом: «Ночью все пропало, и очутились люди близко друг к другу и остались навсегда одни.

Воротились с пустыми руками пастухи и вдарили в жалейки. Одно дело кончилось, а другое началось»¹¹. Здесь и назидательное предупреждение: «остались навсегда одни», и какое-то невнятное оплакивание мира (ощущение, идущее от пустых рук и от слова «жалейка», по этимологии близкого к «жалобе», «сожалению»), и утверждение всеобъемлющего универсального закона жизни, сопрягающего конец и начало в одно неразрывное целое.

Эта жанровая контаминация, отчетливо проявляющаяся в конце произведения, дает о себе знать на протяжении всего повествования и в значительной степени обуславливает и своеобразие главного героя, и всей пространственно-временной организации художественного текста. Так, Ерик не только плут, обманывающий и Бога, и Дьявола, «объект эстетического (смехового по преимуществу) наблюдения» (В.И. Тюпа), он еще и субъект раздумий над тайной мироздания: «Ходил он по полю под облаками и думал обо

всем – отчего так хорошо на свете, когда ничего тут хорошего и все дела известны»¹². Высказанное В.И. Тюпой суждение о взаимодополнении и взаимопреломлении анекдотического и притчевого начал в изображении одних и тех же персонажей в творчестве Чехова, на наш взгляд, совершенно справедливо и для Платонова. Исследователь называет этот феномен особым путем реалистической типизации, пролагаемым в обход классической традиции русского романа и уводящим в XX в.¹³ Как нам представляется, роман Платонова «Чевенгур» – яркое тому подтверждение.

Но вернемся к «Ерику». В его хронотопе также налицо признаки жанровой контаминации. Универсальный, притчевый смысл рассказа разворачивается в разомкнутом пространстве всего света и мира: «Жил на этом свете...»; «Не было веселее Ерика на свете...»; «По этому миру Ерик был как раз впору»; «Занимался он многими делами – пахал, думал, ходил по полю и считал облака»; «Наделал Ерик людей целый полк и распустил их по всему пузу земли искать у нее четырех концов»; «Из каждой хаты видно небо, а с неба виден весь свет. И в тихую ночь можно слышать все голоса, как перекликаются люди друг с другом по земле». Анекдотический курьезный смысл формируется в рамках замкнутого пространства одной деревни: «шли по улице мужики, и шел им навстречу Ерик и чхал»; «К вечеру он ворочался на деревню и шупал девок»; «Вечером девки пошли хороводом и пели до полночи над прудом. Ждали других женихов, не своих ребят с оголтелыми рожами».

Наблюдаемая жанровая контаминация анекдота и притчи является отражением глубинного мировоззренческого конфликта писателя со временем и с самим собой. С одной стороны, воспитанный в культурной традиции сакрально-дидактического слова Священного Писания, житий святых, апокрифических притч и легенд, Платонов в начале своего творческого пути со свойственным юности максимализмом отрекается от нее и направляется по пути анекдота и пародии. Однако до конца оборвать связующую его с народной верой и культурой нить он не сможет никогда. И чем дальше, тем чаще он будет отходить от анекдота, пока не произойдет его полное, выстраданное возвращение в лоно сакрально-дидактического слова. Но такое объяснение было бы неполным без обращения к духу времени. Иначе как объяснить факт «экспансии» фольклор-

⁹ Веселовский А.Н. Дуалистические поверья о мироздании. Разыскания в области русского духовного стиха // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т. 46. № 6. Вып. 5. СПб., 1889. С. 62.

¹⁰ Платонов А. П. Указ. соч. С. 131.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 132.

¹³ Тюпа В.И. Художественность чеховского рассказа. С. 20–21.

ного жанра анекдота в большую литературу. «Последствия» ее легко обнаруживаются у очень разных писателей: и у Ф. Сологуба, и у И. Бунина, и у Е. Замятина, и у Н. Тэффи, и А. Аверченко, М. Зощенко, И. Эренбурга, М. Булгакова и др. Причина этого во времени, пришедшем под знаком обезбоженности. Весь мир стал подобен оговорке, речевой ошибке, недоразумению, а жизнь человека, потеряв свою основательность, стала легковесной, превратилась в сплошной курьез. Наиболее адекватной формой ее осмысления оказался анекдот с его окказиональной, фрагментарной и сиюминутной (преходящей) картиной мира. Однако даже разрушенный «до основания» мир обладает счастливой способностью к регенерации, восстановлению утраченной целостности, телеологичности. Поэтому наряду с анекдотом актуализируется и жанр притчи, и часто эти процессы совпадают во времени и пространстве, порождая жанровых кентавров, подобных платоновскому «Ерику».

Жанровая структура другого платоновского произведения – рассказа «**Бучило**» (1923) также не является однородной. В нем, как и в более раннем «Ерике», мы наблюдаем конвергенцию сакрального и профанного жанров, на сей раз – жития и анекдота. С той лишь разницей, правда, много говорящей, что жанровой основой является житие (в «Ерике» основанием служил анекдот, что определило комический пафос произведения и картину мира в целом). Именно на каноническую жанровую структуру жития накладывается анекдот. Формально это проявляется, в первую очередь, в травестировании главных агиографических мотивов, что неминуемо ведет к искажению жанровой идеологии.

Так травестируется традиционный агиографический мотив – мотив обучения. Сама ситуация взаимоотношений «учитель–ученик» снижается за счет комической перефразировки, анекдотической курьезности, беспрецедентности: «– Как называется Пресвятая Дева Мария?/– Огородница./– Богородица, чучел». Анекдотический диалог становится организатором эпизода, его эпицентром. В анекдотическую ситуацию оказывается вовлеченным не только бестолковый ученик, но и учитель – поп. В этом образе и в этой ситуации сталкиваются сакральное и профанное, житие и анекдот. Сам же мотив обучения, столь важный в каноническом житии, и здесь, в произведении писателя, хоть и в травестированном виде, но играет ключевую роль. Композиционно он соответствует завязке сюжета. Платонов, выстраивая судьбу своего героя,

отталкивается именно от него. Герой не осваивает Закон Божий не в силу неспособности или свободного отказа от него, предпочтения другой вере – разнообразие жизни во всех своих проявлениях влечет его сильнее. Учителя же не понимают его. Поп и учительница выносят Евдоку приговор: «Нету в тебе уму и духу. Выростешь, будешь музозвером, Абдул-гамидом <...> садись, дурь...»¹⁴.

Примечательно, что анекдот в определенной степени активен и в кульминации, и в развязке сюжета. Ситуация выбора, в которой оказывается платоновский герой, – характерный узловый момент и для классического жития, где праведник проходит испытание искушением. Евдоким Абабуренко тоже проходит через искушение – искушение покоем и оседлой жизнью, но выбирает странничество: «Стал странником и нищим Евдок и многое понял и полюбил грустным чувством <...> Дни опять начались сначала»¹⁵. Однако принципиально важно другое: наличие или отсутствие мотивированности и логической закономерности выбора. В том-то и дело, что столь важный судьбоносный выбор платоновского героя оказывается совершенно немотивированным. Решение Евдокима вызвано случаем, оно сиюминутно и авантюрно. Картина мира, в которой движущим началом является не Судьба, а Случай, неприемлема для сакрального жития, но очень характерна для профанного анекдота, в котором читательский интерес поддерживается случайной, непредсказуемой последовательностью событий. Уход Абабуренко в странствие для читателя так же неожиданен, как встреча с ним – бывшим комиссаром и портным, в то время как в житии читателю все заранее известно, остается только узнать, каким путем автор сможет доказать то, что заранее должно быть несомненным.

Канонический мотив святого подвига, жертвы, странствия тоже травестируется. Казалось бы, есть все: служение великому делу, отказ от материальных благ, уход в странствие, – но все это обесмысливается, во всем этом нет главного – Божьего указания, призвания к служению и послушанию. Герой случайно становится на этот путь, он лишен внутреннего целеполагания, он зыбок и амбивалентен. Финал героя и рассказа в целом – многозначен. С одной стороны, Евдок изображается как мудрец, «измышляющий благо роду человеческому», как «внушительная» лич-

¹⁴ Здесь обыгрывается в комическом ключе имя турецкого султана Абдул-Гамида / Абдул-Хамида II (1842–1918), низложенного после Младотурецкой революции 1908 г. Платонов А.П. Указ. соч. С. 381.

¹⁵ Там же. С. 385.

ность и «великий человек», вокруг которого «одна благовидность». Но с другой стороны, его мудрость и благовидность оборачиваются полной профанацией – «посиживает (Евдок. – С. К.) на огороде караульщиком – скукота душевная»¹⁶. В наступившем покое, позволив себе душевную успокоенность, герой проводит дни «в неутомной еде и рассуждении», а ночи – в волчьем вое: «Уйдут волки – скука, и Евдоким Соломонович повоет опять. Так ночь, – и в страхе и вое, человечьем и волчьем, – проходила короче»¹⁷. Герой превращается в полуволка-получеловека. Следовательно, мотив обращения присутствует, но только формально. Катарсиса нет. Абабуренко умирает. Умирает он одиноко и вдруг: «Вскочил Евдоким, хотел заплакать и что-нибудь сказать, но, – не чуя грунта, – ударился оземь так, что в животе ни к чему забурчало.

Месяц потух, на его удивленье, на его глазах. Звезды пронесли шумной рекой, и земля продавилась под ним вниз, как дно в бучиле татарской, засохшей реки»¹⁸.

«Бучило» – это не просто рассказ о жизни и смерти чудака, революционного комиссара, портного и странника, разбойника и мудреца Евдокима Абабуренко, это житие оставленного Богом человека, оставленного, а не избранного, как в каноническом житии. Картина мира в платоновском рассказе представляет собой результат жанровой конвергенции. С одной стороны, писатель воссоздает мир, в котором Бога нет, отсюда как следствие – случайное, зыбкое, наполненное анекдотическими курьезами существование человека в нем. С другой – картина мира выстраивается по образцу телеологической модели жития. Диссонанс обезбоженного бытия становится особенно явным и пронзительным на фоне формально присутствующих агиографических мотивов, традиционно воплощающих жизнь человека в Боге. Таким образом, возникает эффект минус-приема: Платонов делает болезненно ощутимым отсутствие Бога. Существование человека в таком мире неизменно трагическое, несмотря на внешнюю курьезность и анекдотизм. Бог присутствует вопреки видимому отсутствию – таков парадоксальный смысл, порождаемый переплетением сакральной и профанной жанровых стратегий, в котором сакральная все же является доминантной.

В начале 20-х гг. из-под пера начинающего писателя выходят несколько небольших «расска-

зиков» в жанре литературного анекдота, в которых так или иначе обозначена тема неумного попа. Это «История иерея Прокопия Жабрина», «Иван Митрич», «Цыганский мерин». Вообще, поп – фигура, достаточно часто встречающаяся на страницах платоновских произведений, причем нередко именно в таком, анекдотическом, курьезном контексте. Обычно образ священника становится своеобразным контрапунктом, в котором переплетаются сакральные и профанные жанровые стратегии автора. Это наблюдение справедливо как для ранних рассказов («Бучило», «Рассказ о многих интересных вещах»), так и для зрелых произведений – «Чевенгура» и «Котлована». Почему именно поп, священнослужитель? Этому можно найти, по меньшей мере, несколько объяснений. Во-первых, очевидно влияние детских впечатлений от церковно-приходской школы, учеником которой был Платонов (неслучайно комические сценки-диалоги с участием попа, происходят в ранних рассказах именно на уроках закона Божьего). Во-вторых, очень сильной оказалась традиция комического изображения служителей культа в фольклоре: поп – это третья по популярности (после глупцов и неверных, строптивых жен) фигура в анекдотических сказках¹⁹. И, наконец, он – человек-проводник воли Божьей на земле; поп – это один из главных символов патриархальной нормы жизни. Комическое изображение священника подрывает ее основы. С одной стороны, для раннего Платонова-максималиста, отправившегося по пути наступления на старый быт, фигура священнослужителя была идеальной мишенью для пародии. С другой – представление в комическом свете представителя Бога на земле означало и карнавализацию иерархично сориентированной на Бога модели мира.

В традиционном фольклорном анекдоте служители церкви часто выступают в роли неудачливых любовников, или священник получает комическую характеристику жадного и завистливого человека, нарушающего те самые заповеди, которые он проповедует и в качестве хозяина батрака, и в роли неумного проповедника. У Платонова же источником комического парадокса служит не столько нарушение патриархальной нормы жизни, сколько отсутствие самой нормы. В этом случае существование служителя культа обесмысливается (так как исчезает сам культ, исчезает понятие нормы), становится ошибоч-

¹⁶ Платонов А.П. Указ. соч. С. 387.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. С. 388.

¹⁹ См. об этом: Мелетинский Е.М. Историческая поэтика новеллы. М., 1990. С. 19.

ным и курьезным. Особенно красноречива в этом смысле «История иерея Прокопия Жабрина» (1923), жанр которой можно определить как анекдот. В основе рассказа – пародия на житийную историю. На пародию работает постоянно провоцируемый стилевой конфликт – столкновение в контексте одного предложения, абзаца высказываний, исполненных в высоком – церковнославянском и низком – разговорном стилях: «И вот единожды, как говорится в суе, рак крикнул: свою могущественную длань иерей Прокопий опустил на главу благоверной»²⁰. Пародируется и весь мотивный комплекс жития. Платонов, заимствуя его мотивно-композиционную формулу (искушение, наказание, раскаяние, затворничество, подвиг мученичества, таинственная смерть), наполняет ее пародийным содержанием. Каждый из мотивов перекодируется, переходя из сферы сакрального в сферу профанного. Так, злодейство Прокопия в том, что руку на жену поднял; наказание – в аресте и последовавшем за ним затворничестве; подвиг – трудовой в канцелярии чрезуфинтровки; мученичество – от безделья и бессмыслицы бытия; смерть, «страшная и таинственная», – от загоревшегося в «нелуженом» горле самогона. Характеризуя одного из своих героев – Ползунова из одноименного рассказа, Ф.М. Достоевский писал: «...он был мучеником в полном смысле слова, но самый бесполезнейший и, следовательно, самый комический мученик»²¹. Достоевский гениально схватил самую суть комического мученичества, она – в его бесполезности, бесцельности. Это справедливо можно отнести и к платоновскому герою, мучающемуся сначала от своей неприкаянности (кому нужен служитель культа, если самого культа нет), а потом от бессмыслицы и абсурдности своего «трудового подвига». Мученичество, неостребованное, неоправданное служением великой цели, смешно.

Делая иерея анекдотическим персонажем, Платонов как будто бы полностью идет по классической схеме фольклорного анекдота о попе, нарушающем проповедуемые им же заповеди. Однако не все так просто. Нетрудно заметить, что подлинным источником комического парадокса здесь является не сама фигура иерея, но абсурдная ситуация, в которой он оказывается (страдая от бессмыслицы государственной службы, Прокопий «приручает» вшей, наблюдение за которыми помогает ему «радостно одолеть время бытия»). Само же «злодейство» герой объясняет

тем, что – «духота, мухи поедом ели, бога, говорят, нету – так бы и расшиб горшок какой-нибудь». Курьезность образа иерея вторична по отношению к курьезности обезбоженной действительности. Формируясь вокруг образа главного персонажа, комизм обретает двустороннюю направленность. Поэтому можно сказать, что анекдот для Платонова становится своеобразным языком, на котором он говорит о разрушении прежней, сориентированной на Бога модели мира.

Отношение раннего Платонова к этому факту было сложным. В его статьях 1920–1921-х гг.: «Христос и мы», «Размозжим», «О нашей религии», «Культура пролетариата», «Гапон и рабочие», «Революция “духа”» высказываются вполне однозначные суждения по поводу гибели Бога и строительства нового мира без Него. Вот некоторые из них:

«Мертвые молитвы бормочут в храмах служители мертвого Бога» («Христос и мы»)²².

«Все, что русский пролетарский человек давно закопал и успел поперезабыть, Врангель раскопал и думает оживить. Тут и церковь, и Господь Бог, и православный русский царь, и неприкосновенность собственности, – право на грабеж...» («Размозжим»)²³.

«Человек – отец Бога. Человек и бьющаяся в нем жизнь – единая власть вселенной от начала и до конца веков.

Бог – образ, начерченный рукой человека в свободном желании наполнить жизнь радостью творчества. <...>

Человек долго шел к этому своему дальнему образу – и теперь дошел.

Он сам теперь Бог, но не тайна, так как тайна самой для себя быть не может <...>

Мы живем в то время, когда стирается весь образ, сотворенный человечеством давно.

Бог, буржуазия, власть, тайна, невозможное, бессилие – образы уходящего <...>

Их первыми подверг человек гневу и уничтожению. За ними подвергнется истреблению от человеческой руки природа. Потому что, если не уничтожить ее, она уничтожит нас.

Все, что бы мы ни делали, мы делаем во имя себя. Мы уверенно знаем, что мы самое важное на земле» («О нашей религии»)²⁴.

«И еще говорят эти белые духом, что религиозное чувство, та темная страсть души, в наро-

²⁰ Платонов А.П. Указ. соч. С. 121.

²¹ Достоевский Ф.М. Собрание соч.: В 15 т. Т. 5. Л., 1989. С. 36.

²² Платонов А.П. Чутье правды. М., 1990. С. 50.

²³ Там же. С. 56.

²⁴ Там же. С. 84–85.

де не умерло; умер только обманчивый идол, к которому стремилась народная душа – умерло православие, а неутомимая изголодавшаяся страсть еще сильнее вспыхнула и ищет и делает себе новых богов.

Это не так, тут нет правды, господа ученые. Вы полагаете душу народа и душу человека не там, где она есть *теперь*. Там, куда вы указываете, – нет ничего; центр человека, его сущность (душа, как вы называете, перенесена революцией в другое место в человеке). И та, темная, увлекающая, томительная и сладкая страсть человеческой души, откуда вытекала потребность молиться и любить неизвестное, – умерла навсегда.

Теперь нет русского народа, есть русский рабочий класс, ядро, образующее единственное человечество всей земли» («О нашей религии») ²⁵.

Однако и здесь, в этих полемистично заостренных, демонстративно атеистических, проникнутых духом нигилизма, помноженного на юношеский максимализм, статьях ошутимо присутствие Бога. Ситуация почти булгаковская из «Мастера и Маргариты»: «Трудно сказать, что именно подвело Ивана Николаевича – изобразительная ли сила его таланта или полное незнакомство с вопросом, по которому он собирался писать, – но Иисус в его изображении получился, ну совершенно как живой, некогда существовавший Иисус, только, правда, снабженный всеми отрицательными чертами Иисус». Платонова, разумеется, невозможно уличить в недостатке таланта или незнакомстве с вопросом, но усомниться в подлинности его атеизма можно. Иначе как объяснить, что в статье «Христос и мы» именем Христа осеняется «священная» Гражданская война: «Бичом выгнал Христос торгующих из храма, рассыпал по полу их наторгованные гроши.

Свинцом, пулеметами, пушками выметаем из храма жизни насильников и торгашей мы» ²⁶. И, наконец, Христос признается другом коммунистов: «Люди видели в Христе бога, мы знаем его как своего друга.

Не ваш он, храмы и жрецы, а наш. Он давно мертв, но мы делаем его дело – и он жив в нас» ²⁷.

Желая возвысить человека, писатель называет его Богом. Глобальная идея постановки че-

ловека на место Бога, идея человекобожия, неизменно влекущая за собой пересмотр и переделку всего миропорядка, не была новой – Маяковским еще до революции была предпринята отчаянная попытка богоборчества, попытка замещения Бога человеком, и им же был почувствован трагический характер такой подстановки. Но у каждого свой путь к истине. Платонову предстоит пройти его в 20-е гг. А пока в творческом сознании писателя Бог остается и присутствует в качестве незыблемого мерила святости, верности, праведности. Начиная автор ниспровергает Бога, но при этом сохраняет «память» о Нем, она заключена в масштабе и характере самой мысли, в привычке искать непременный центр бытия, добиваться последнего, исчерпывающего ответа. Художественное сознание Платонова по самой структуре своей остается религиозным. Бог по-прежнему для него – начало всех начал. Даже первотолчок для революции писатель видит в далеких доисторических временах первотворения, когда Господь изгнал Адама и Еву из рая, оставил их: «... человек осознал, что один брошен на землю, созданный игрою темных мощных сил, один, счастливый, но ничтожный, со своею маленькой мечтою о совершенстве и могуществе; когда это сознал человек, он не испугался, а вступил в бой со всем, что не он, что не с ним и что против него или далеко от него» («О нашей религии») ²⁸. Революция для молодого Платонова – следствие жажды жизни человека и его своеобразная месть. Поэтому, окончательно убедившись в своей покинутости и богооставленности, рабочие повесили Гапона: они «узнали тогда, что они на земле чужие, что они окружены врагами и нет и не может быть у них друзей, нет помощников и благодетелей, кроме них самих» («Гапон и рабочие») ²⁹. Любовь к Богу обратилась в ненависть: «Мы нашли того Бога, ради которого будет жить коммунистическое человечество. Только этого «бога» будут не любить, а ненавидеть, и такой страшной ненавистью, что из нее родится смысл жизни всех» («О нашей религии») ³⁰. Так дитя и любит, и ненавидит бросившую его мать. В богоборчестве Платонова – проблема теодицеи, необходимость и одновременно невозможность богооправдания.

²⁵ Платонов А.П. Чутье правды. С. 86

²⁶ Там же. С. 26.

²⁷ Там же. С. 51.

²⁸ Там же. С. 85.

²⁹ Там же. С. 145.

³⁰ Там же. С. 87.

Такое длинное отступление в сторону от магистральной линии жанрового анализа тем не менее было необходимо. Без прохождения по лабиринту творческого сознания писателя с освещением мировоззренческих «гордиевых узлов» невозможно сколько-нибудь полно представить себе логику жанровых поисков, мотивы выбора и предпочтения тех или иных жанровых моделей, объяснить законы, управляющие жанровой конвергенцией в творчестве писателя. Обозначенный нами контекст из публицистических высказываний Платонова начала 20-х гг. во многом проясняет и логику обращения писателя к жанру фольклорного анекдота, героем которого часто является поп – фигура контрапунктная для многих его произведений, и закономерность возникновения конвергенции анекдота с сакральными жанрами притчи и жития.

Предпринятый анализ ранних произведений А. Платонова со всей очевидностью показывает, что анекдот в творчестве писателя активен, в первую очередь, именно в качестве жанровой модели с присущей ей миросозерцательной доминантой. Истоки платоновского анекдота – в фольклоре. Примечательно и то, что анекдот у Платонова практически всегда вступает в отношения конвергенции с сакральными жанрами притчи и жития, что объясняется особенностями мировоззрения писателя. Ими же обусловлена разная степень активности этого жанра на этапах творческой эволюции Платонова. Так, анекдот как жанр чрезвычайно активен в 20-е гг.; относительно произведений, написанных в следующем десятилетии, можно говорить уже не об анекдоте, но об анекдотизме; и, наконец, из рассказов трагических 40-х гг. анекдотическое начало исчезает полностью, писатель возвращается в лоно сакрально-дидактического слова.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ЗАЩИЩЕННЫЕ ДИССЕРТАЦИИ

РЕГИОНАЛЬНЫЙ ДИССЕРТАЦИОННЫЙ СОВЕТ ДМ 218.003.02 ПО ФИЛОСОФСКИМ НАУКАМ ПРИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ

1. Прохоренко Ю.И. Субъектность в структурах социальной реальности на соискание ученой степени доктора философских наук по специальности 09.00.11 – социальная философия (защита состоялась 24 мая 2004 г.).

Объект исследования – социальная реальность как коммуникативная форма со-бытия.

Предмет исследования – феномен субъектности, конституирующий онтологические структуры социальной реальности.

Методологическая основа исследования – идеи современной социальной философии в области онтологии социальности (концепция радикальной социальности, идеи полисубъектной социальности и социальной гетерологии, социальной топологии и социальных оснований политики, языковой репрезентации социальной реальности), которые были использованы для моделирования онтологических параметров социальности на основе метадисциплинарного синтеза.

Это позволило осуществить концептуализацию феномена субъектности и его экспликацию как онтологического качества антропологической социальной реальности; предложить модели хронологической, топологической и потребностной структур антропологической социальной реальности; представить процессы социальной коммуникации как становление социальных и институциональных феноменов; выделить онтологические модальности социальной субъектности и обосновать различие феноменов *субъектности* и *субъективности* как качеств, формирующихся в процессе субъектогенеза.

С научно-практической точки зрения разработанная онтологическая модель социальной реальности и экспликация понятия «субъектность» позволяют осуществить междисциплинарный синтез социально-гуманитарного знания. Результаты исследования могут быть применены в научной, педагогической и методической работе при подготовке общефилософских и факультативных курсов и учебных пособий, а также для

разработки методик социально-эмпирических исследований.

2. Туркулец А.В. Рациональное и внерациональное в социальном познании на соискание ученой степени доктора философских наук по специальности 09.00.01 – онтология и теория познания (защита состоялась 25 мая 2004 г.).

Объект исследования – процесс социального познания.

Предмет исследования – рациональные и внерациональные формы постижения социальной реальности.

Методологическая основа исследования – культурно-исторический подход, принципы конкретно-исторического описания, методы компаративистского анализа, экзистенциально-модельный способ исследования познавательных ситуаций, приемы герменевтики.

В континууме социального познания показан приоритет его ценностно-смысловых ориентиров. Описаны историко-культурные формы рациональности и внерациональности. Выработано общее определение внерациональности, предложена типология внерациональных форм постижения мира. Разработана модель экзистенциально-познавательной ситуации как средства исследования рациональных и внерациональных форм познания. Рассмотрена взаимосвязь форм познавательной деятельности в структурном и динамическом аспектах.

Научно-практические результаты исследования проясняют методологию сравнительного изучения форм познавательной активности, открывают перспективы последующих конструктивных разработок в области социальной методологии. Они могут быть использованы для подготовки проектов социального реформирования в социокультурной и образовательной сферах общественной жизни, а также в учебном процессе в высших учебных заведениях при разработке общих и специальных курсов.

3. Емельянов А.М. Критический анализ феноменологического метода исследования психических явлений на соискание ученой степени кандидата философских наук по специальности **09.00.01** – онтология и теория познания (защита состоялась **25 мая 2004 г.**).

Объект исследования – философские проблемы сознания.

Предмет исследования – феноменологический метод как стратегия исследования психического.

Методологическая основа исследования – феноменологический метод, понимаемый в широком смысле, герменевтическая методология, метод концептуального анализа.

Проанализирована специфика постановки проблемы сознания в феноменологии; дан критический анализ фундаментальных понятий фе-

номенологической философии и психологии («редукция», «рефлексия», «интенциональность», «установка»); рассмотрены методологические и логико-лингвистические аспекты дескрипции первичного психического опыта; намечены перспективы философского исследования проблемы настроения.

Научно-практическое значение результатов исследования состоит в том, что они открывают перспективы дальнейшей разработки методологии изучения психики и сознания, могут быть использованы в учебном процессе в высших учебных заведениях при разработке общих и специальных курсов, учебных пособий. Отдельные материалы диссертации имеют практическое значение для решения проблем консультативной психологии и психотерапии.

РЕГИОНАЛЬНЫЙ ДИССЕРТАЦИОННЫЙ СОВЕТ КМ 218.003.04 ПО ПСИХОЛОГИЧЕСКИМ НАУКАМ ПРИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ

1. Кабановская Е.Ю. Психолингвистические механизмы выражения эмоций в картине мира личности на соискание ученой степени кандидата психологических наук по специальности **19.00.01** – общая психология, психология личности, история психологии (защита состоялась **26 мая 2004 г.**).

Объект исследования – картина мира личности.

Цель работы – изучение психолингвистических механизмов выражения эмоций личности во взаимосвязи с особенностями ее картины мира.

Методы исследования и аппаратура – теоретический анализ психологических, психолингвистических и лингвистических исследований по эмотивности, языковому сознанию, языковой личности, образу мира, языковой и этнической картины мира личности, сравнительно-аналитический метод, методы беседы и наблюдения, контентанализ, психодиагностические методики, статистико-математические методы, метод корреляционного анализа.

Теоретические и практические результаты и их новизна. Выявлена сущность языкового сознания, эмотивности, эмотивного значения и смыслов как психолингвистических механизмов выражения эмоций; проведено сопоставительное исследование языкового сознания носителей русской и бурятской культур; составлены русский и бурятский ассоциативные словари на материале эмотивной лексики; изучено ядро языкового сознания русских и

бурят на материале русского, бурятского ассоциативных словарей; предложена классификация ассоциативного материала, базирующаяся на семантической связи предмета классификации; выявлены особенности эмоциональной сферы русских и бурят, определяющие специфику их картины мира, что может способствовать оптимизации процесса межкультурной коммуникации.

Практическая ценность состоит в том, что полученные результаты могут быть использованы в кросскультурных исследованиях в качестве материала для контрастивного сопоставления, в спецкурсах по психологии и психолингвистике, сопоставительному языкознанию и межкультурной коммуникации.

Степень и эффективность внедрения. Результаты исследования использовались в учебных дисциплинах специализации «Общая психология», «Культурология».

Область применения – подготовка студентов психологических и других специальностей, повышение квалификации специалистов.

2. Куприна М.В. Мотив достижения в структуре креативной личности на соискание ученой степени кандидата психологических наук по специальности **19.00.01** – общая психология, психология личности, история психологии (защита состоялась **27 мая 2004 г.**).

Объект исследования – психологические особенности креативной личности.

Цель работы – изучение психологических факторов, определяющих креативность личности.

Методы исследования и аппаратура – теоретический анализ психологических исследований по проблеме креативной личности, сравнительный анализ, психодиагностические методики, констатирующий психолого-педагогический эксперимент, метод корреляционного анализа.

Теоретические и практические результаты и их новизна. Показана роль мотива достижения в структуре креативной личности. Установлено, что для креативной личности характерна внутренняя мотивация самостоятельности. Описаны логические и функциональные связи между мотивацией достижения и другими компонентами в структуре личности; рассмотрена связь креативности как интегрального свойства личности с некоторыми психофизиологическими коррелятами; исследованы особенности восприятия времени креативной личностью; выявлена возможность воздействия на структуру личности путем специальной организации и моделирования деятельности, направленной на формирование мотива достижения.

Практическая ценность состоит в том, что результаты диссертации могут применяться в работе практических психологов при проведении психологического исследования личности а также при разработке системы обучения и воспитания в отношении разных возрастных и социальных категорий; материалы использованы при подготовке практических психологов в рамках спецкурса.

3. Марьясова Н.В. Духовность в контексте психологического анализа: личностный аспект на соискание ученой степени кандидата психологических наук по специальности 19.00.01 – общая психология, психология личности, история психологии (защита состоялась 27 мая 2004 г.).

Объект исследования – духовность личности.

Цель работы – психологический анализ духовности личности, определение взаимосвязи характеристик духовности с рядом психологических параметров личности.

Методы исследования и аппаратура – теоретический анализ и обобщение психологических исследований по проблеме духовности, тестовые методики: 16-факторный тест Кеттелла, опросник личностных ориентаций Э. Шостром, методика «Ценностные ориентации» М. Рокича, опросник СНГ (Самооценка нравственности и

гражданственности), методика предельных смыслов (МПС) Д.А. Леонтьева, опросник «Заповеди блаженства», тест «Духовный дифференциал» Г.А. Аминова, Э.Г. Аминова; беседа; статистико-математические методы.

Теоретические и практические результаты и их новизна. Выявлена взаимосвязь духовности как интегрального качества личности с индивидуальными различиями, с ценностной сферой личности и уровнем самоактуализации. Получены данные, раскрывающие системообразующую роль духовности в структуре образа мира личности, мировоззрения и мироотношения.

Практическая ценность состоит в том, что результаты исследования могут применяться в разработке развивающих программ, апробированный пакет методик может быть использован в диагностике личности.

Степень и эффективность внедрения. Результаты исследования использовались в курсах «Психология личности», спецкурсе «Психология духовности», консультационной работе.

Область применения – обучение, диагностическая и консультационная психологическая работа, подготовка студентов психологических специальностей и система повышения квалификации специалистов.

4. Петров И.П. Рефлексивный механизм психологической готовности личности к самоопределению (на примере старшеклассников) на соискание ученой степени кандидата психологических наук по специальности 19.00.01 – общая психология, психология личности, история психологии (защита состоялась 26 мая 2004 г.).

Объект исследования – психологическая готовность личности к самоопределению.

Цель работы – выявление особенностей влияния рефлексивного анализа в целом и отдельных его параметров (объективность, системность, глубина, полнота, значимость) на психологическую готовность личности к самоопределению в юношеском возрасте.

Методы исследования и аппаратура – теоретический анализ монографий, статей и диссертационных исследований; методики из батареи психоаналитических тестов проф. Г.А. Аминова: тест структуры личности по К. Ясперсу, тест метапотребностей по А. Маслоу, тест Э. Шостром – А. Маслоу «Самоактуализация личности», тест А. Адлера, диагностирующий комплекс неполноценности, стандартизированное интервью Э. Эриксона – Дж. Марсиа «Статусы эго-иден-

тичности»; опросник «Дифференцированная самооценка рефлексивного анализа»; восьмицветовая методика М. Люшера; естественный эксперимент; методы математической статистики (коэффициент корреляции Ч.Спирмена, t-критерий Стьюдента, контент-анализ).

Теоретические и практические результаты и их новизна. С позиций системного подхода проанализирована структура психологической готовности личности к самоопределению, которая включает в себя три компонента: ценностно-ориентационный, потребностно-мотивационный и самоактуализационный; расширено понятие «механизм» в психологии; рефлексивный анализ рассмотрен как механизм психологической готовности личности к самоопределению; экспериментально установлены особенности воздействия рефлексивного анализа как в целом, так и каждого из пяти его параметров на компоненты психологической готовности личности к самоопределению; выявлено влияние рефлексии на комплекс неполноценности старшеклассника и его личностный баланс.

Практическая ценность состоит в том, что разработана программа, направленная на помощь молодым людям в процессе их личностного самоопределения.

Степень и эффективность внедрения. Разработанная программа научно обоснована и реализуется в практике работы школьной психологической службы школы-интерната № 6 станции Улан-Удэ ВСЖД.

Область применения – психологическая подготовка старшеклассников к личностному самоопределению, которая может осуществляться как в школах различных типов, так и в средних специальных учебных заведениях.

5. Рубанова Е.Ю. Взаимосвязь психического здоровья личности и субъективной оценки качества жизни на соискание ученой степени кандидата психологических наук по специальности 19.00.01 – общая психология, психология личности, история психологии (защита состоялась 27 мая 2004 г.).

Объект исследования – психически здоровая личность.

Цель работы – определение взаимосвязи психического здоровья личности и субъективной оценки качества жизни.

Методы исследования и аппаратура – теоретический анализ психологической литературы по проблеме исследования психического здоровья и качества жизни, методы сбора данных, констатирующие психологический экспе-

римент, методы факторного, корреляционного, контент-анализа.

Теоретические и практические результаты и их новизна. Выявлены особенности представлений субъектов на разных уровнях профессиональной социализации о «психически нормальном человеке»; в группе работающих (экономически независимых) респондентов психически здоровая личность характеризуется как просоциально направленная, демонстрирующая нормотипичность поведения, стремящаяся к оптимальной интеграции в социуме; для студентов важным критерием в оценке психического здоровья личности выступила способность к саморазвитию и индивидуализации. Представления о «психически нормальном человеке» проецируют собственные личностные свойства респондентов; определено отличие содержания и структуры представлений совокупных субъектов разных уровней профессиональной социализации о реальном и желаемом качестве жизни; в представлениях работающих респондентов обнаружена тенденция к экстернализации отношения к своему здоровью, людям, жизни, а также десубъективации личности; образ желаемого качества жизни экономически независимых респондентов не выступает саногенной детерминантой психического здоровья; в представлениях студентов качество реальной жизни проецируется в групповую идентичность; образ желаемого качества жизни отражает стремление респондентов обрести эго-идентичность, пассивно-адаптивные тенденции поведения, «пролонгированный инфантилизм»; обнаружена взаимосвязь между свойствами психически здоровой личности (уровни интернальности, адаптивности, тип транслируемых партнерских отношений и др.) и субъективной оценкой качества жизни.

Практическая ценность состоит в том, что полученные материалы и результаты могут быть использованы в практике психологического консультирования и психокоррекции, возможно применение теоретических и практических аспектов работы в качестве конкретных рекомендаций научно-практического характера для психологов, психотерапевтов, медиков, специалистов социальной сферы.

Степень и эффективность внедрения. Результаты настоящего исследования были использованы в разработке и внедрении серии семинаров и тренинговых занятий по проблемам психического здоровья для социальных работников г. Хабаровска, в курсе «Психология и педагогика» для студентов технических специальностей ХГТУ, в курсе «Психология» для студентов

юридического факультета ХГТУ. Материалы диссертации обсуждались в статьях и докладах на научно-практических конференциях различного уровня.

Область применения – психологическая диагностика, консультирование, психокоррекция и профилактическая работа с различными группами людей, подготовка специалистов, включенных в оздоровительную практику, содержанием работы которых является укрепление ресурсов психического здоровья.

6. Трутнева И.В. Влияние билингвизма на формирование образа мира коренных народов Сахалина (на материале нивхов) на соискание ученой степени кандидата психологических наук по специальности 19.00.01 – общая психология, психология личности, история психологии (защита состоялась 28 мая 2004 г.).

Объект исследования – образ мира и факторы, его определяющие и закрепляющие.

Цель работы – выявить особенности образа мира нивхов в условиях моно- и билингвизма.

Методы исследования – диагностика типов репрезентации по невербальному поведению и употребляемым предикатам (НЛП); тест И.П. Павлова; методика выявления соотношения сигнальных систем Е.А. Климова; методика «Определение стиля обучения и мышления»; методика предельных смыслов (МПС), разработанная Д.А. Леонтьевым; модифицированный нами вариант теста тематической апперцепции (ТАТ), созданный Х. Морган и Г. Мюрреем в 1935 г.; котерапевтическая компьютерная система «Келли-98» В.М. Воробьева, Н.Л. Коноваловой. Исследованием было охвачено более 150 человек, проживающих на территории сахалинской области в гг. Южно-Сахалинск, Оха, пос. Ноглики и Чир-Унвд, с. Некрасовка.

Теоретические и практические результаты и их новизна. Установлено влияние билингвизма на формирование образа мира нивхов Сахалина. Показано, что анализ содержания образа мира позволяет выявить внутренние конфликты, обусловленные утратой родного языка нивхами-монолингвами. Обнаружено, что сохраняющийся русско-нивхский билингвизм способствует устойчивой этнической самоидентификации нивхов Сахалина.

Полученные результаты легли в основу концепции налаживания межкультурного диалога с ныне существующими представителями нивхского этноса Сахалина. Основные положения, выводы и конкретные материалы исследования использовались путем непосредственного вклю-

чения в учебный процесс при чтении курсов этнопсихологии и психолингвистики. Их апробация осуществлялась в учебной работе со студентами отделения психологии Института педагогики СахГУ; в докладе на IV Межвузовской научно-методической конференции в Южно-Сахалинске (2003); Межвузовской научно-практической конференции «Проблемы психического здоровья молодежи в XXI веке» в Пензе (2003); региональной научно-практической конференции «Стратегия развития Дальнего Востока: возможности и перспективы. Наука и образование. Культура и социальные проблемы» в Хабаровске (2003); научно-практической конференции «Психологические проблемы бытия человека в современном обществе. Психологическое обеспечение различных сфер деятельности человека» в Магнитогорске (2003); в 7 публикациях. Теоретические и практические выводы рассматриваемой проблемы освещались в специальном лекционном курсе, лабораторно-практических занятиях, апробировались при выполнении студентами курсовых и дипломных работ.

7. Чуева Е.Н. Психологические условия конструктивного развития личности (на примере поздней зрелости) на соискание ученой степени кандидата психологических наук по специальности 19.00.01 – общая психология, психология личности, история психологии (защита состоялась 28 мая 2004 г.).

Объект исследования – конструктивное развитие личности.

Предмет исследования – психологические условия конструктивного развития личности.

Цель работы – определить психологические условия конструктивного развития личности.

Методы исследования и аппаратура – теоретический анализ психологических исследований по проблеме конструктивного развития личности в зрелом возрасте, сравнительный анализ, психодиагностические методики, методы корреляционного и факторного анализов, качественный анализ данных.

Теоретические и практические результаты и их новизна. Описаны существенные характеристики понятия «конструктивное развитие личности», выделены, систематизированы критерии конструктивного развития личности в период зрелости, доказано, что конструктивность развития личности на разных этапах зрелости предполагает последовательное формирование ее целостности и наличие соответствующих показателей, интегрированных в единые структурно-

функциональные образования. Определены психологические условия конструктивного развития личности: рефлексивность, позитивное самоотношение, креативная направленность и интернальный локус контроля.

Практическая ценность работы заключается в возможности использования полученных результатов при разработке социальных программ, ориентированных на поддержку людей пожилого возраста, в консультационной и коррекционной работе, в том числе с пожилыми людьми, в практике социальной работы и социальной защиты, а также в системе высшего профессионального образования при подготовке студентов психологических

специальностей вузов, повышении квалификации психологов-практиков и сотрудников социальных служб, работающих со взрослыми людьми.

Степень и эффективность внедрения. Результаты исследования использовались при разработке спецкурса «Психологические особенности развития личности в период зрелости», при организации волонтерской практики студентов КГПУ.

Область применения – консультативная и коррекционная работа со взрослыми людьми, подготовка студентов психологических специальностей и повышение квалификации психологов-практиков и сотрудников социальных служб.

ДИССЕРТАЦИОННЫЙ СОВЕТ Д 212.056.03 ПО ПОЛИТИЧЕСКИМ НАУКАМ ПРИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

1. Самойленко П.Ю. Российско-американские отношения и проблемы безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе на рубеже веков (90-е годы XX – начало XXI в.) на соискание ученой степени кандидата политических наук по специальности 23.00.02 – политические институты, этнополитическая конфликтология, национальные и политические процессы и технологии (защита состоялась 3 марта 2004 г.).

Наиболее существенными научными результатами диссертационного исследования являются: комплексный анализ российско-американских отношений на рубеже веков в АТР с учетом региональной специфики на фоне существующих в регионе тенденций формирования и становления механизмов безопасности в одном из ключевых регионов мира. Проанализированы процессы развития региональной и субрегиональной конфликтности, а также вопросы формирования многосторонних структур безопасности в регионе, показано особое значение, которое имеет развитие российско-американского сотрудничества для решения проблем безопасности в АТР. Впервые в отечественной политической науке дано комплексное и всестороннее рассмотрение проблем безопасности в АТР в контексте российско-американских отношений.

Материалы научного исследования могут быть использованы при проработке аспектов региональной политики в российско-американских отношениях (прежде всего это касается субъектов федерации Дальневосточного федерального округа). Полученные в ходе подготовки диссертационного исследования результаты могут применяться также в процессе преподавательской работы, при чтении курсов по темам, затраги-

вающим проблемы безопасности в АТР и российско-американские отношения.

2. Золотухин И.Н. Политический процесс на Филиппинах (1992–2003) на соискание ученой степени кандидата политических наук по специальности 23.00.02 – политические институты, этнополитическая конфликтология, национальные и политические процессы и технологии (защита состоялась 3 марта 2004 г.).

Наиболее существенными научными результатами диссертационного исследования являются: выделение основных характеристик политического процесса на Филиппинах. Кроме того, проанализирован малоизученный этап в истории Филиппин, начиная с января 2001 г. (приход к власти Г.М. Арройо). Предложен комплексный подход к проблеме политического процесса на Филиппинах, позволяющий глубже рассмотреть взаимное влияние составляющих его элементов в их причинно-следственной связи. Поднят вопрос о дальнейших путях политической модернизации на Филиппинах с учетом анализа мнений российских и зарубежных исследователей.

Полученные результаты исследования могут быть использованы учёными и практиками для анализа современной политической ситуации и прогнозирования перспектив её развития на Филиппинах. Они представляют интерес для специалистов в области новейшей истории, политологии, международных отношений, ориенталистов, могут быть применены при разработке спецкурсов по проблемам политической модернизации и демократизации стран Юго-Восточной Азии, создания обобщающих трудов по политологии.

3. Паначёва А.С. Политическая культура современного российского региона (на материалах Приморского края) на соискание ученой степени кандидата политических наук по специальности **23.00.01** – теория политики, история и методология политической науки (защита состоялась **3 марта 2004 г.**)

Цель работы – выявить сущность, содержание и отличительные характеристики современной региональной политической культуры жителей Приморского края.

Предмет – политическая культура, особенности ее формирования и функционирования в одном из регионов России – Приморском крае.

Объект – политические ценности, установки, стереотипы мышления, особенности политического мировоззрения населения Приморского края.

Актуальность. Интерес к данной проблеме обусловлен необходимостью осмысления результатов социально-политических и экономических изменений, произошедших в последнее время. Становится очевидным, что исследования в области политической культуры помогают глубже понять закономерности политического процесса в стране, особенности политического сознания и поведения наций и социальных групп, пути и пределы эволюции политики государства и партий. Поэтому для становления нового политического строя Российской Федерации крайне необходимо знать характеристики уже сложившихся региональных политических культур. От характера ценностей и уровня развития политической культуры зависят темпы и содержание политических преобразований, особенности политического процесса, развитие других сфер общественно-политической жизни. Политическая культура оказывает большое влияние на формирование политических институтов, темпы развития экономики страны, определяет характер взаимосвязи государства и общества.

Существенное политическое разнообразие субъектов федерации, усилившееся в постсоветский период, делает анализ региональных политических культур весьма перспективным, так как политическая культура отражает процесс перехода от политической психологии населения к его действиям.

Практическая значимость исследования. Результаты исследования представляют собой теоретическую основу для разработки программ развития политической активности жителей Приморского края. Материалы диссертации могут быть полезны в практической работе мест-

ных органов власти (администрации Приморского края, администрации г. Владивостока и др.), занимающихся проблемами политической культуры региона; в преподавании курсов политологии, социологии, политической культуры, политической регионалистики, регионоведения, а также в научно-методической работе по соответствующим проблемам.

Основные положения диссертации могут быть использованы в качестве фактологической и методологической базы для продолжения изучения политико-культурных проблем России и Приморского края.

Научная новизна диссертации. Представленная диссертация является одной из первых работ в отечественной политологической науке, в которой проблемы политической культуры российского региона (Приморского края) рассматриваются комплексно, в историко-политико-социологическом аспекте.

Отличительная черта диссертации – рассмотрение региональной политической культуры жителей Приморского края, которая в отечественной политологии изучена слабо.

Уточнено определение термина «политическая культура», описан структурный характер понятия, исследована субъектно-объектная сторона политико-культурных процессов, происходящих на уровне государства и его регионов.

На основе анализа широкого круга литературы, средств массовой информации, собственных наблюдений, дается самостоятельное видение реального положения, проблем, ценностных ориентаций, политической активности и компетентности жителей Приморского края современной России.

В процессе работы выявлены особенности общероссийской и региональной политических культур, проведен их сравнительный анализ.

Сделаны выводы о факторах формирования и трансформации политической культуры, которые могут быть полезны для дальнейшего анализа политических ориентаций жителей Приморья. Намечены основные средства и способы развития политической культуры региона.

Показаны роль и значение исторических событий страны, существующего политического, экономического, социального положения региона в процессе трансформации политической культуры последнего десятилетия.

Разработана методика, предполагающая комплексное использование социологических и политологических методов сбора информации

(опросы, анализ электоральных и статистических данных, наблюдение), которая позволяет наиболее полно раскрыть и проанализировать специфику и основные компоненты региональной политической культуры.

4. Дроздов А.С. Выборы в Дальневосточном регионе в условиях политической трансформации общества: опыт и проблемы на соискание ученой степени кандидата политических наук по специальности **23.00.02** – политические институты, этнополитическая конфликтология, национальные и политические процессы и технологии (защита состоялась 21 апреля 2004 г.).

Объект исследования – избирательная кампания в российском регионе, в частности на Дальнем Востоке.

Цель – исследовать сущность, технологию выборов, модели электорального поведения граждан во взаимосвязи с особенностями развития региона и на этой основе определить главные направления совершенствования избирательных кампаний в регионе.

Методы исследования. В работе нашли применение такие методы научного анализа, как проблемно-хронологический и статистический, историко-политический, сравнительно-исторический, синхронический, с помощью которых проводилось сопоставление электоральных показателей, сопоставлялись события на Дальнем Востоке и в других регионах.

Региональный аспект придает предмету исследования особую значимость: на взгляд диссертанта, в Дальневосточном федеральном округе наряду с универсальными, характерными для большинства других российских регионов избирательными кампаниями, обозначились и некоторые региональные особенности их проведения.

Научная новизна работы. В диссертационном исследовании впервые в отечественной политической регионалистике предпринята попытка обобщить отдельные аспекты современной теории и региональной практики свободных выборов, складывающихся из анализа событий в рамках избирательных кампаний в различных районах Дальневосточного федерального округа. Научная новизна исследования проявляется и в определении направлений совершенствования политических технологий избирательных кампаний на основе учета региональных особенностей электорального поведения, и в том, что в нем не только отражены события и дан анализ основных избирательных кампаний на Дальнем Востоке, но и предложены прогнозы, касающиеся дальнейшего развития избирательного процесса в регионе.

На защиту были вынесены следующие сформулированные в ходе исследования выводы и положения:

- демократические нормы и принципы организации выборов в Российской Федерации отражены в законодательстве о выборах, прошедшем два этапа становления и показавшем на практике, что существующая нормативно-правовая база избирательного процесса несовершенна и требует дальнейшей доработки;
- избирательная кампания – подвижный, быстро изменяющийся и развивающийся процесс с множественной элементной базой;
- обоснование критериальной модели электорального поведения населения российских регионов как основы анализа электоральной ситуации в Российской Федерации;
- определение главных направлений совершенствования политических технологий в региональных избирательных кампаниях;
- уровень политической культуры дальневосточных избирателей сформирован неокончательно, он недостаточно высок. Их массовое сознание изменчиво, многовариантно и поляризовано, что позволяет отнести Дальний Восток к числу не определившихся в своих политических симпатиях регионов.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Представленный в работе материал позволяет с теоретических позиций более полно уяснить архитектуру избирательной кампании и ее региональные особенности, а также может служить дополнительным стимулом для постановки новых проблем.

Результаты проведенного исследования, полученные накануне масштабной избирательной кампании в декабре 2003 г. и марте 2004 г., могут служить для прогнозирования итогов последующих выборов, а также в качестве исходных данных для тех, кто занимается проблемами региональных политических процессов.

Работа может быть полезна участникам выборов в лице политических партий, общественно-политических объединений, отдельных кандидатов и их команд, а также тем, кто интересуется проблемами политического развития общества.

5. Гринцевич М.В. Российская Федерация в Республике Корея: опыт сотрудничества и проблемы взаимоотношений на современном этапе на соискание ученой степени кандидата политических наук по специальности **23.00.04** – политические проблемы международных отношений и глобального развития (защита состоялась 21 апреля 2004 г.).

В своем исследовании диссертант опирался на личные наблюдения и оценки, сделанные во время встреч с представителями политической и деловой элиты РК, учеными и деятелями культуры из этой страны. Работая на протяжении ряда лет руководителем Международного департамента Дальневосточного государственного университета – одного из крупнейших учебных и научных центров России и АТР, – автор участвовала вместе с ними в различных научно-теоретических и научно-практических конференциях, семинарах и симпозиумах, проходивших как в России, так и в Республике Корея.

Научная новизна исследования. Степень изученности темы, новизны ее разработки определяют следующие моменты диссертации:

- на основе изученных источников и литературы проанализирован опыт двустороннего сотрудничества между РФ и РК;

- на новых документальных источниках раскрыт механизм взаимосвязи и взаимовлияния политических, экономических и военно-стратегических факторов международного сотрудничества России и Кореи, имеющих значение для укрепления региональной безопасности и СВА;

- выявлены главные принципы, концептуальные основы российской политики по отношению к РК;

- проанализированы основные этапы и позиции РФ в вопросе объединения Кореи в конце XX – начале XXI вв.

- предпринята попытка обосновать целесообразность исследования Корейского полуострова в качестве зоны особых, жизненно важных геополитических интересов РФ, связанных с безопасностью ее дальневосточных рубежей, с экономической необходимостью.

Методология работы включает совокупность общенаучных и политологических методов. Основным методом исследования послужил системный подход к анализу сложных и разнообразных отношений между РФ и РК в конце XX – начале XXI вв. Автор опирался на осмысление концептуальных подходов к анализу современных международных отношений, заложенных в документах, определяющих роль и место России в формирующемся многополярном мире и отношения РФ со странами СВА, в том числе с РК. В методологическом плане дис-

сертант пытался отойти от идеологизированных оценок, сочетать анализ конкретных ситуаций с историко-ретроспективным подходом, полагая, что это позволяет приблизиться к объективному рассмотрению происходящих в российско-южнокорейских отношениях процессов. Методологическую базу диссертации составляют исследования российских, корейских и других зарубежных ученых, в которых отражены общетеоретические положения о международных отношениях. При работе над диссертацией автор обращался к специальным методам политического анализа: логическому и сравнительному.

При изучении фактического материала использован ряд традиционных подходов и методов: проблемно-хронологический, аналитический, историко-генетический, сравнительно-исторический. Их применение дает возможность выявления основных этапов, ключевых моментов и ориентиров российской политики в Корею, демонстрации причинно-следственных связей, последовательности и, наоборот, непоследовательности в политике РФ по Корейскому вопросу в 90-е гг. XX в.

Предметом исследования диссертационной работы является современное состояние российско-южнокорейских отношений, процесс их развития в условиях нового международного порядка.

Объектом исследования стало российско-корейское сотрудничество в различных областях в конце XX – начале XXI вв.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его конкретных фактических материалов и выводов в дальнейшей научной разработке проблем международных отношений, их развития в различных условиях и регионах мира. Они могут также найти применение в практике внешнеполитических и внешнеэкономических связей России и Республики Кореи, как на центральном уровне, так и на уровне отдельных субъектов РФ. Возможно использование положений диссертации при разработке учебно-методических материалов по теории и практике международных отношений, геополитике, политологии и регионалистике, а также при написании спецкурсов по проблемам российско-корейских отношений на современном этапе.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

ПОРЯДОК ПРЕДСТАВЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ В НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ «СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ» И ТРЕБОВАНИЯ К НИМ

1. К публикации принимаются рукописи статей и других материалов, рекомендованные кафедрами вузов, лабораториями и иными структурными подразделениями НИИ, научно-методическими или научными конференциями и семинарами, а также представленные частными лицами.

2. Объем статьи не должен превышать 1 п. л. (40 000 знаков). Материалы, превышающие этот объем, могут быть приняты к публикации в отдельных случаях по решению редакционной коллегии и размещены в двух или более номерах журнала. В статье может быть, как правило, не более трех иллюстраций, графиков или схем. Объем рецензий и других материалов не должен превышать 0,5 п. л. Объем помещенных в редакционной почте сообщений и писем не должен превышать 0,25 п. л.

3. Требования к рукописи, представляемой в редакционную коллегию.

3.1. Направляемые в редакционную коллегию материалы должны быть представлены в электронном и распечатанном видах. Принимаются дискеты размером 3,5" и два экземпляра распечатки текстового оригинала (файлов), имеющегося на дискете. Если дискет две и более, необходимо указать их номера и размещение файла на дискетах (папки). На распечатке должны быть указаны имена файлов. Текстовый редактор – Word. Материалы должны быть подписаны автором на титульном листе около фамилии.

3.2. Титульный лист статьи содержит комплекс элементов, расположенных на странице в таком порядке. В верхней части страницы располагается заглавие статьи, которое печатается прописными буквами жирным шрифтом. Фамилии авторов следуют после заголовка и печатаются строчными буквами, иные сведения при

этом не указываются. Ссылки на используемую или цитируемую литературу, а также примечания должны быть оформлены в виде сносок, размещенных в конце страницы. Нумерация сносок сплошная. Шрифт и межстрочный интервал тот же, что и в статье.

Оформление равнозначных фрагментов документа (заголовки, подписи под рисунками, формулы и др.), обозначений идентификаторов переменных и констант должно быть одинаковым по всей работе. Одна и та же величина (физическая, химическая, экономическая и т. д.) должна иметь одинаковое начертание.

Поля страницы: верхнее – 2 см; нижнее – 2 см; левое – 3 см; правое 1 см; размер бумаги – А4 (210 x 297 мм); шрифт – «Times New Roman» № 14; межстрочный интервал – 1,5.

4. К рукописи должны прилагаться следующие сведения об авторе: Ф.И.О., ученая степень, ученое звание, место работы, должность, рабочий адрес, домашний адрес, рабочий телефон, домашний телефон, факс, e-mail.

5. К статье прилагается короткая аннотация в 6–10 строк на русском и английском языках, а также название статьи на английском языке.

6. По желанию автора знак охраны авторского права помещают на титульном листе статьи после его фамилии.

7. Материалы следует направлять по юридическому адресу журнала: 680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, 47, Дальневосточный государственный университет путей сообщения (ДВГУПС), к. 3415. Редакция журнала «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке». Электронная почта: journal@festu.khv.ru.

К СВЕДЕНИЮ ПОДПИСЧИКОВ

Наш журнал распространяется по подписке и поступает в розничную продажу.

Стоимость одного номера – 99 руб. (с учетом НДС). Подписка оформляется банковским или почтовым переводом (образец купона прилагается). Журнал будет выслан по адресу подписчика почтой. Почтовые расходы включены в стоимость подписки. Со второго полугодия 2004 г. подписку на журнал также можно оформить по каталогу «Газеты. Журналы» ОАО Агентства «Роспечать». Подписной индекс – 84277.

Просим высылать копии платежного документа и адрес для рассылки по адресу: 680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, 47, Дальневосточный государственный университет путей сообщения (ДВГУПС). Редакция журнала «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке».

Извещение	<p style="text-align: center;">Дальневосточный государственный университет путей сообщения <small>(наименование получателя платежа)</small></p> <p style="text-align: center;"><u>2724018158</u> <u>№ 40503810500001000191</u> <small>(ИНН получателя платежа)(номер счета получателя платежа)</small></p> <p style="text-align: center;"><u>ГРКЦ ГУ ЦБ РФ по Хабаровскому краю</u> <small>(наименование банка получателя платежа)</small></p> <p style="text-align: center;">БИК 040813001 № 06022339920 <small>(номер Л/кс)</small></p> <p style="text-align: center;"><u>№ 272401001</u> <small>(номер КПП)</small></p> <p style="text-align: center;">подписка на журнал «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке» на 2004 год <small>(наименование платежа)</small></p> <p>Сумма платежа _____ руб. _____ коп.</p> <p>Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп.</p> <p>Итого: _____ руб. _____ коп.</p>
Кассир	<p style="text-align: center;">Дальневосточный государственный университет путей сообщения <small>(наименование получателя платежа)</small></p> <p style="text-align: center;"><u>2724018158</u> <u>№ 40503810500001000191</u> <small>(ИНН получателя платежа)(номер счета получателя платежа)</small></p> <p style="text-align: center;"><u>ГРКЦ ГУ ЦБ РФ по Хабаровскому краю</u> <small>(наименование банка получателя платежа)</small></p> <p style="text-align: center;">БИК 040813001 № 06022339920 <small>(номер Л/кс)</small></p> <p style="text-align: center;"><u>№ 272401001</u> <small>(номер КПП)</small></p> <p style="text-align: center;">подписка на журнал «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке» на 2004год <small>(наименование платежа)</small></p> <p>Сумма платежа _____ руб. _____ коп.</p> <p>Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп.</p> <p>Итого: _____ руб. _____ коп.</p>
Квитанция Кассир	<p style="text-align: center;">Дальневосточный государственный университет путей сообщения <small>(наименование получателя платежа)</small></p> <p style="text-align: center;"><u>2724018158</u> <u>№ 40503810500001000191</u> <small>(ИНН получателя платежа)(номер счета получателя платежа)</small></p> <p style="text-align: center;"><u>ГРКЦ ГУ ЦБ РФ по Хабаровскому краю</u> <small>(наименование банка получателя платежа)</small></p> <p style="text-align: center;">БИК 040813001 № 06022339920 <small>(номер Л/кс)</small></p> <p style="text-align: center;"><u>№ 272401001</u> <small>(номер КПП)</small></p> <p style="text-align: center;">подписка на журнал «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке» на 2004год <small>(наименование платежа)</small></p> <p>Сумма платежа _____ руб. _____ коп.</p> <p>Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп.</p> <p>Итого: _____ руб. _____ коп.</p>

Научное издание

Под общей научной редакцией Ю.М. Сердюкова

СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Научно-теоретический журнал

Редактор *Т.М. Яковенко*

Технический редактор *О.В. Сенчихина*

План 2004 г. Поз. 10.16.

ИД № 05247 от 2.07.2001 г. ПЛД № 79-19 от 19.01.2000 г.

Лицензия ПИ № 77-16283 от 29 августа 2003 г.

Сдано в набор 11.12.2004 г. Подписано в печать 26.12.2004 г.

Формат 60×84¹/₈. Бумага тип. № 2. Гарнитура «Times New Roman». Печать RISO.

Усл. печ. л. 22,5. Зак. 271. Тираж 300 экз.

Издательство ДВГУПС

680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, 47.

